

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 8

Минск
Академия МВД
2023

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов, студентов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, в том числе научные статьи победителей и призеров конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД в 2023 г.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Редакционная коллегия:

*П.В. Гридюшко (отв. ред.), А.В. Войтюль, С.Ю. Дегонский,
С.В. Добрян, И.В. Козелецкий, А.И. Мурашко, Г.А. Павловец,
Р.А. Середа, А.Н. Тукало, В.С. Ялович, А.В. Яскевич*

УДК 336.74

А.С. Аббасова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНЕГ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются вопросы происхождения и становления денег и их характерных признаков. Выделяются основные этапы становления и развития мирового денежного обращения с точки зрения как экономического, так и правового аспектов, а также денег как объекта гражданских правоотношений, влияния их на общественные отношения.

Деньги представляют собой эквивалент стоимости товаров и услуг, которые являются составной частью финансовой системы каждой страны. До того как деньги приняли настоящий вид, они прошли многовековую эволюцию.

Понятие «деньги» всегда имело значительное влияние на человеческое восприятие и выступало важнейшим элементом в ценностной системе людей. Слово «деньга», употребляясь в единственном числе, обозначало старинную русскую серебряную монету достоинством в полкопейки, которая была в обороте с XIV по XVIII в. Слово «деньги» является одним из ранних тюркских заимствований. «Деньга» также «тенка» (монета) происходит от татарского *tänkä* (деньги, серебряная монета). Впоследствии «деньга» приобрела общий терминологический смысл, вытесняя древнее слово «куна» [1].

Существует два предположения того, как возникли деньги: рационалистический и эволюционно исторический. По мнению приверженцев рационалистического подхода, деньги являются результатом соглашения между людьми, а сторонники эволюционно-исторической концепции считают появление денег длительным стихийным процессом.

История возникновения денежной массы корнями уходит в далекое прошлое. Деньги, как особый эквивалент, возникли очень давно, тысячи лет назад. До появления первых денег возник товарный обмен. Люди еще не нуждались в денежной массе и в экономике. С развитием реме-

сел, сельского хозяйства люди были вынуждены ввести способ обмена. Например, обычному крестьянину для обработки поля нужны были инструменты, которые производил кузнец. Тому, безусловно, нужно было что-то есть, а это что-то как раз и выращивал крестьянин. Оба нуждались в посуде, которая производилась гончаром, и, конечно, одежда, которую можно было приобрести только у ткачей [2]. Таким образом древняя экономика начала свое развитие.

Однако бартерный обмен не был удобен ни продавцам, ни покупателям. Продавцу нужно было искать людей, которые согласились бы обменять товар на свой. Со временем люди понимали, что самые популярные и ценные товары – это зерно и мех. Так как они позволяют удовлетворять самые основные потребности каждого человека; потребность в тепле и продовольствии. Таким образом люди пришли к выводу, что эти товары и должны служить «помощниками» обмена. Обмен стал немного проще: кузнец за свои услуги брал плату зерном, даже если бы нужды в этом товаре у него не было. Он знал, что сможет обменять зерно на нужный товар без каких-либо проблем. Культура в разных частях света была разной. Что касалось денег, то в Древней Греции некоторое время использовали для обмена ракушки и жемчужины, в Мексике в качестве «денег» использовались какао-бобы, на Аляске и в Канаде – шкурки ценных зверей.

Тем не менее даже этот упрощенный способ обмена был неудобным. Возникла серьезная потребность в создании универсального обменного эквивалента. Так появились первые деньги. Люди стали обращать внимание на металлы, слитками которых было достаточно удобно пользоваться, чем мешками зерна, мехом или скотом. Однако все понимали, что слиток металла может быть разной массы и разных размеров. До появления привычных монет остался всего один этап – обеспечить единый формат находящихся в обращении денежных единиц. Наиболее практичной из самых разнообразных форм монеты, что чеканили люди с дальнейшим развитием рыночных отношений, оказалась круглая. Первым, кто создал на ней свое изображение, был Александр Македонский. Серебряные и золотые деньги начали делать в VII в. до н. э. в государстве Лидия, которое было расположено в Западной Азии. Монеты стали хорошим средством обмена, благодаря соответствию многим сформировавшимся требованиям: компактность; прочность; долговечность; водо- и огнеустойчивость; отсутствие возможности создать подделку; легкость в создании образцов денежных номиналов; редкость. Через какое-то количество десятилетий в греческом городе Эгине начали делать серебряные монеты, которые от лидийских отличались только лишь формой. Так новые монеты распространились по всему миру. Появление первых денег – значимое событие. Монеты были значительно удобнее товарного обмена и слитков золота.

При небольшом весе они имели большую стоимость, более того они были удобны в транспортировке, хранении и обмене. В Ветхом Завете имеется упоминание о том, что еще в VII в. до н. э. по воле властителя Лидии на слитках электрума (сплава серебра и золота), используемых в качестве денег, в обязательном порядке проставлялся оттиск его печати. Таким образом демонстрировалось официальное утверждение их в качестве легального платежного средства. Придание этим слиткам округлой формы, которая позволяла покрывать клеймом всю их поверхность и тем самым ограничивать возможность их порчи, собственно, и привело к возникновению чекана монет.

Спустя время стало очевидно, что монеты не слишком удобны. Их небезопасно перевозить и проверять на подлинность каждый раз при совершении покупки. Монета не была защищена. Наряду с появлением монет появилось и фальшивомонетничество. Мошенники делили монеты, срезали кусочки, делали в монетах отверстия и заливали их дешевым металлом. Государства к этому не были готовы, и фальшивомонетчики в основном оставались безнаказанными. Люди побаивались хранить деньги, тогда возникла необходимость отдавать свое богатство на временное хранение золотых дел мастерам. Они имели специальные кладовые, где хранились богатства. В обмен на монеты мастера отдавали людям необходимую квитанцию.

До законодательного принятия денег государством они выступают в роли средства обмена. Такую роль деньги выполняют благодаря их признанию и доверию к ним со стороны участников оборота. Сначала металлические деньги секлись, рубились и чеканились частными лицами (купцы, торговцы, гильдии проставляли вес, пробу и свою печать). С течением времени государство, являясь главенствующим субъектом, стало осуществлять выпуск металлических денег и организацию денежного обращения через свои уполномоченные органы при помощи принятия законодательных актов, закрепляющих монополию на ведение денежного оборота. Об этом Л.А. Лунц писал: «Государство чеканит монеты из золота, которое в обороте до этого служило средством обмена, и объявляет эти монеты законным платежным средством. Здесь – орудие обращения получило законную платежную силу» [3, с. 28].

Из-за того что в обороте использовались монеты, изготовленные из различных видов металла, возникала необходимость их ценностного соотношения. Указанная проблема была решена через привязку монеты к определенной идеальной единице, в которой и происходит дальнейшая оценка благ. Эта идеальная единица в результате получила наименование денежной единицы, а монета, в которой она выражена, – денежного знака. С этого времени деньги выделяются из всей совокупности товаров

в качестве специфического товара, постепенно теряющего свойство меновой стоимости и приобретающего свойство средства платежа. Исходя из этого, после обозначения номинала монет, их перестают взвешивать как обычный металл, а учитывают по указанной на них номинальной стоимости как средство платежа.

Указанное свидетельствует о том, что, с точки зрения гражданско-го права, период появления металлических денег и перехода монетной регалии в компетенцию государства связан с появлением денег как объекта гражданских прав в их сегодняшнем понимании [4, с. 2]. Таким образом, с этого времени ведется речь об образовании расчетных отношений в наличной форме. Необходимо отметить, что возникновение и использование металлических монет в качестве средства платежа стало последовательным, но не последним этапом в эволюции денег. В процессе использования металлических денег естественным образом происходило их стирание с одновременным уменьшением веса, при этом их продолжали принимать по законодательно установленному номиналу, выраженному в денежном знаке. Это позволило принять решение: замена металлических монет на бумажные денежные знаки с законодательно установленным номиналом не будет иметь значительных отрицательных последствий для оборота, при условии их обеспечения золотом.

В Китае во времена династии Тан в обращении использовались монеты под названием «Юаньбао». Сама история бумажных денег началась в VII в., когда торговцы стали записывать долги горожан на листы бумаги. Эти записи и принято считать первыми банкнотами. В 650 г. н. э. по приказу императора в империи были выпущены высококачественные бумажные деньги – «пао-цзао». Один пао-цзао был равен одной тысяче юаней-пао. Таким образом, в Китае в VII в. бумага впервые использовалась в качестве денег.

Несмотря на столь раннее появление первых банкнот, широкое распространение в мире они получили гораздо позднее. В Европе первые банкноты появились лишь в XVII в. в Швеции при короле Карле XI – отце знаменитого короля-воина Карла XII, при котором велась Северная война. Стоит отметить, что выпуску бумажных денег в Швеции предшествовал локальный выпуск бумажных денег в осажденном испанской армией голландском городе Лейден, однако такие деньги в иных местах не принимались и действовали недолго.

С течением времени уменьшает свою значимость и обеспечение бумажных денег золотом. Как писал К.С. Бельский: «... в бумажных деньгах бытие золота как самостоятельной субстанции со временем отделяется от стоимостного обозначения, а поэтому их платежная сила в известной степени получает символический характер» [5, с. 26]. С другой стороны,

появление государственных бумажных денег связано с эмиссией в 1690 г. правительством Массачусетса неразменных бумажных денег с целью выплаты содержания военным колонистам. Правительство Массачусетса пыталось одолжить несколько тысяч фунтов стерлингов у купцов Бостона, но получив отрицательный ответ, приняло решение отпечатать банкнот на 7 000 фунтов стерлингов для расчета с солдатами. При этом правительство приняло на себя два обязательства: первое – в ближайшие несколько лет выданные деньги будут обменяны на серебро и золото, и второе – больше бумажные деньги выпускаться не будут [6, с. 47–52].

Особого внимания заслуживает состояние правового регулирования того времени в интересующей нас сфере. В этой связи обращает на себя внимание Устав монетный (в редакции 1899 г.) [7], в котором определялось, что «право чеканить монету, выпускать ее в обращение и перерабатывать принадлежит к числу прав государственных» (ст. 1). При этом Министерству финансов вменялось в обязанность «принятие мер, необходимых для содержания монетной системы в непоколебимой твердости и сохранения к ней общего доверия» (ст. 2). Имелось также положение, в соответствии с которым российская монетная система основывалась на золоте. «Государственная российская монетная единица есть рубль, содержащий семнадцать целых и четыреста двадцать четыре тысячных долей чистого золота. Рубль разделяется на сто копеек» (ст. 3). Наряду с золотыми допускалось также изготовление серебряных и медных монет (ст. 4). Примечательно, что золотые монеты могли чеканить как из золота, принадлежащего казне, так и из золота, предоставляемого частными лицами. При этом последним нельзя было отказать в приеме золота для изготовления монет, если «количество предоставленного ими чистого металла не менее одной четверти фунта» (ст. 5). Серебряные и медные монеты чеканились исключительно из казенного металла (ст. 12). С точки зрения становления денежной системы важной является норма о том, что «все исчисления сборов, поступлений, выдач, платежей и всяких сумм в денежных счетах, актах и всех вообще сделках производятся на рубли» (ст. 20).

С развитием института ценных бумаг, банков и географическим расширением торговых отношений появляется необходимость, а как следствие – и возможность расчета в безналичной форме. В свою очередь, безналичные деньги возникают вместе с безналичными расчетами. Период развития системы безналичных расчетов обычно связан с образованием отдельных элементов безналичных расчетов, например: векселя, чеки и ассигнации. Первые банкиры, изначально выдававшие в качестве документа, подтверждающего передачу им на хранение золота, расписок, впоследствии посчитали возможным не выпускать долговые расписки, а ограничиваться одной лишь записью в книге. Применяя та-

кую «расписку» в качестве расчетного средства, клиент средневекового банкира мог просто попросить его переписать в учетном регистре права требования с него на контрагента.

Свое современное оформление безналичные деньги и расчеты получили в середине XX в. С течением времени деньги в очередной раз претерпели трансформацию, но при этом не изменилась их экономическая сущность как эквивалента всех благ и правовая характеристика как законного средства платежа.

На сегодня мир находится на третьем этапе монетарной истории – эра электронных денег. Со слов Джека Везерфорда, «электронные деньги способны произвести в обществе такие же радикальные и далеко идущие изменения, какие имели место при возникновении металлических и бумажных денег» [8, с. 7].

С начала 1990 г. происходит обострение конкурентной борьбы за денежные ресурсы между различными финансовыми институтами, возникает потребность в уменьшении транзакционных издержек розничных платежей, а также поиск новых электронных платежных средств, обладающих анонимностью и не требующих посредничества финансовых институтов при непосредственном осуществлении платежей. Данные обстоятельства привели к тому, что необходима разработка новых платежных средств, которые были бы пригодны для традиционной и электронной коммерции.

Термин «электронные деньги» в различные времена использовался для обозначения разнообразных технологических процессов в банковском деле и системе платежей. В первую очередь он использовался для обозначения систем электронных переводов денежных средств, затем для обозначения систем платежей с использованием кредитных банковских карточек. Со второй половины девяностых термин «электронные деньги» (E-money) имеет специфическую экономическую формулировку и был ограничен новыми электронными средствами платежа, использующими эмиссию электронного скрипа (scrip), который передается при платеже от плательщика к получателю.

Сегодня же распространение безналичных платежей дошло до того, что кредитная банковская карточка во многих странах почти полностью вытеснила из кошельков граждан привычные всем купюры и монеты.

С развитием современных технологий электронные платежные системы стали неотъемлемой частью нашей жизни. Они являются удобным инструментом платежа, который значительно упрощает денежно-наличный оборот в денежной системе государства, сокращает сроки покупки товаров и услуг. Использование электронных денег позволяет экономить на расходах по обслуживанию наличных денег, сокращает

время транзакций и, самое главное, не меняется сущность функций, свойственных традиционным деньгам, что подталкивает денежную систему к замещению наличных денег на электронные. В свою очередь, если деньги лишены главных функций – измерителя стоимости, инструмента товарного обмена и ценообразования, то и остальные функции либо не реализуются, либо существуют в ослабленном виде [9, с. 144]. Действительно, контролировать безналичную денежную массу намного проще, чем наличные деньги. В связи с этим правительства разных стран делают все возможное для разработки безналичных платежей, чтобы в дальнейшем с помощью электронных платежных систем мгновенно переводить денежные средства на счет, не используя наличные.

Еще один вид «неосязаемых» денег – электронные деньги – это довольно условный, но тем не менее уже привычный всем термин. Хорошо известные большинству людей платежные системы Qiwi, YandexMoney, Webmoney и др.

Электронная валюта – одни из совершенно новых и сложных для понимания их реальной ценности денег – Bitcoin, Ethereum, Sand, Tron и др. Таким образом, деньги получили новое оформление, соответствующее в большей степени требованиям современного имущественного оборота. При этом правовая природа таких денег стала предметом международного научного диспута.

В настоящее время в Республике Беларусь правовое регулирование денежного обращения осуществляется на основе Конституции Республики Беларусь, Гражданского и Банковского кодексов Республики Беларусь, законов, декретов и указов Президента Республики Беларусь, постановлений Правительства, правовых нормативных актов Национального банка.

Решающая роль в обеспечении функционирования денежного обращения принадлежит Национальному банку, который обладает исключительным правом на эмиссию денег в их наличной и безналичной формах.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: деньги в процессе своего развития прошли путь от товара до универсального средства обмена. При этом происходил переход от денег – вещи к деньгам как особому имущественному благу. Вслед за развитием денежного обращения развивалось и законодательное регулирование этой сферы. Следует отметить, что в какой бы форме не были деньги, в цифровой или традиционной, потребность в них сохранится, главным образом из-за выполняемых ими функций: измерение стоимости товаров и услуг, универсальное средство платежа при приобретении товаров и услуг, накопление и сбережение. Эти условия способствуют принятию денег как основного объекта гражданских правоотношений.

Список использованных источников

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer>. – Дата доступа: 12.05.2023.
2. Акентьев, Р.Ю. Краткая история денег [Электронный ресурс] / Р.Ю. Акентьев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-deneg-1>. – Дата доступа: 02.05.2023.
3. Лунц, Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве [Электронный ресурс] / Л.А. Лунц. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/elib/books/13/>. – Дата доступа: 01.05.2023.
4. Исаев, А.Н. Генезис денег в гражданско-правовом аспекте [Электронный ресурс] / А.Н. Исаев. – Режим доступа: [file:///C:/Users/komko/Downloads/genezis-deneg-v-grazhdansko-pravovom-aspekte%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/komko/Downloads/genezis-deneg-v-grazhdansko-pravovom-aspekte%20(2).pdf). – Дата доступа: 12.05.2023.
5. Бельский, К.С. О юридической природе денег / К.С. Бельский // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 23–29.
6. Ротбард, М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны : пер. с англ. Б.С. Пинскера / М. Ротбард ; под ред. А.В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2005. – 548 с.
7. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_gossijskoj_imperii_tom_vii/. – Дата доступа: 01.05.2023.
8. Фридрих Август фон Хайек Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма [Электронный ресурс] : пер. с англ. – Режим доступа: https://crystalbook.ru/wpcontent/uploads/2021/05/Khayek_F_Pagubnaya_samonadeyannost_doc.pdf. – Дата доступа: 02.05.2023.
9. Остальский, А.В. Краткая история денег / А.В. Остальский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblioteka.bafe.edu.kg/download/istoria%20finansov/Ostalskiy%20Istoriya%20deneg.pdf>. – Дата доступа: 02.05.2023.

УДК 336.74

А.С. Аббасова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат сельскохозяйственных наук *А.В. Гоев*

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рассматриваются вопросы понятия цифровой валюты и ее характерных признаков. Выделяются основные тенденции становления и развития законо-

дательства о цифровых валютах как объектах гражданских правоотношений, а также влияния их на общественные отношения.

Цифровые валюты, в том числе и криптовалюта, появились с масштабным развитием сети Интернет, что приводит к ее повсеместному распространению среди многих государств. Данный процесс затронул финансовую систему и Республики Беларусь.

Центральными банками некоторых государств было заявлено о создании своей цифровой валюты, которая привязана непосредственно к национальной валюте, эмиссия которой будет производиться напрямую самим государством на базе технологии блокчейна. В свою очередь, данные манипуляции призваны обеспечить полное замещение фиатных средств цифровыми к концу 2030 г. Такое намерение было заявлено Европейским центральным банком на Всемирном экономическом форуме.

С 2014 г. активная работа по изучению и внедрению цифровой валюты (DigitalCurrency / ElectronicPayment (DCEP)) ведется Народным банком Китайской Народной Республики (КНР). В 2017 г. центральным банком КНР образован Исследовательский институт цифровых валют. Управляющим Народного банка КНР Юи Хангом было отмечено, что план заключается не в создании новой валюты, а цифровизации имеющейся фиатной основы.

31 октября 2022 г. основатель Binance сообщил в Twitter, что Национальный банк Республики Казахстан интегрирует свою цифровую валюту центрального банка (CBDC), в BNB Chain-блокчейн, лежащий в основе сети Binance [1].

Банки и финтех-компании продолжают управлять депозитами клиентов, при этом новая цифровая валюта поможет банкам более эффективно осуществлять расчеты друг с другом [2]. В конце 2019 г. распространилась информация о том, что Народный банк КНР завершил работу по разработке, функциональному исследованию и тестированию DCEP [3], а позднее о том, что Народный банк КНР подал заявку на получение 84 патентов, связанных с его планами по введению в обращение «цифрового ренминби», в том числе касающихся функционирования системы межбанковских расчетов с использованием данной валюты и интеграции кошельков цифровой валюты в существующие розничные банковские счета [4].

Между тем следует понимать, что распространение CBDC приведет к серьезным изменениям в финансовой системе [5]. Председателем Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) Э.С. Набиулиной было отмечено, что для ЦБ РФ заметен риск, если будут выпущены цифровые валюты центральных банков, так как это может серьезно повлиять на основы функционирования банковской системы, двухуровневую

банковскую систему, если люди будут иметь право держать депозиты в ЦБ, который не может выпускать деньги [6].

Следует понимать, что модель CBDC может быть разной. Это, в частности, предполагает решение вопросов о возможности доступа к использованию CBDC населения и организаций, наличия обеспечения, способов обмена на другие расчетные инструменты, начисления процентов на остатки и т. д. [7].

Цифровые валюты центральных банков имеют потенциальные преимущества:

удобство. Их использование возможно без открытия банковского счета, денежные переводы могут быть осуществлены почти мгновенно в любую точку мира;

минимизация транзакционных издержек. CBDC позволят снизить расходы на конвертацию валют, ведение банковских счетов, обслуживание систем «банкклиент» и т. д.;

безопасность. В отличие от обычных криптовалют, создаваемых частными лицами, обращение CBDC осуществляется на основании государственного властного веления. Таким образом обеспечивается доверие пользователей к рассматриваемой валюте. Кроме того, государство объективно может вложить в защиту своей валюты больше ресурсов, нежели частные лица;

обеспечение стабильности национальной платежной системы. Как было отмечено директором Департамента денежно-кредитных систем и рынков капитала МВФ Т. Адрианом и заместителем директора указанного Департамента Т. Манчини-Гриффоли, «некоторые центральные банки обеспокоены возрастающей концентрацией платежных систем в руках нескольких очень крупных компаний (некоторые из них иностранные). В связи с этим некоторые центральные банки рассматривают CBDC в качестве средства повышения устойчивости их платежных систем» [8];

средство противодействия частным криптовалютам. Ускоренный рост числа частных криптовалют несет существенные риски для стабильности национальных и мировой денежных систем. Создание надежного высоколиквидного инструмента, который сможет конкурировать с существующими криптовалютами, позволит противодействовать процессу «приватизации денежного обращения»;

развитие цифровых технологий. CBDC будут влиять на развитие технологий в целом. Так, мы становимся свидетелями диалектического процесса, связанного с тем, что, с одной стороны, технологии обуславливают появление новых денежных форм, а с другой – более широкое внедрение и использование цифровых денег стимулирует дальнейшее развитие технологий;

инструмент проведения денежно-кредитной политики. Как было отмечено в аналитической записке ЦБ РФ: «Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?», «в целом степень влияния CBDC на денежно-кредитную политику будет зависеть от ее популярности. Это, в свою очередь, будет связано с конкретной имплементацией и характеристиками нового вида денег... CBDC будет «конкурировать» с наличными деньгами и деньгами коммерческих банков, а также может быть использована как средство платежа» [7].

Вместе с тем цифровые валюты центральных банков имеют и определенные минусы:

отсутствие анонимности. Представляется, что именно анонимность является главным свойством, обусловившим популярность частных криптовалют, ее отсутствие несет риск того, что CBDC будут не столь популярными у населения, к тому же даже у криптовалют, создаваемых изначально для анонимности и децентрализации в ее использовании, сейчас наблюдается тенденция централизации через процесс верификации личности на криптовалютных платформах. В связи с этим, возможно, более целесообразно развивать инфраструктуру и правила обращения «традиционных» расчетных инструментов;

отток капитала из банковского сектора. «Являясь высоколиквидным и безрисковым активом, новая валюта может начать конкурировать с вкладами в крупных, системно значимых банках. Эти банки позиционируют себя как наиболее стабильные, а потому могут предлагать относительно низкие ставки по депозитам. В условиях околонулевых номинальных процентных ставок, даже если на цифровую валюту центрального банка не выплачиваются проценты, гипотетическая CBDC может стать альтернативой многим вложениям с фиксированной доходностью, а значит, сделает ЦБ конкурентом коммерческих банков в плане привлечения обязательств. Впрочем, примерно такая ситуация имеет место и в отношении наличных денег» [7].

С приходом CBDC появятся государственные цифровые кошельки с привязкой к личности, так как цифровые жетоны деньги хранить в банках не представится обязательным.

Люди смогут моментально переводить свою криптовалюту за минимальные комиссии, отсканировав QR-код или написав персональный DNS-идентификатор в поиске получателей. За каждым человеком, сразу же после рождения, будет закрепляться цифровой кошелек, который будет содержать:

1. Цифровой идентификатор личности (паспорт) в виде NFT-токена (неизменяемый и непередаваемый), включающий в себя свидетельство о рождении, медицинскую страховку, СНИЛС и другие необходимые документы.

2. DAO-токен гражданина, наделяющий человека правом принимать участие в голосованиях на уровне страны (изменяемый, но непередаваемый).

3. Документы, подтверждающие права собственности в виде списка NFT-токенов (изменяемые и передаваемые).

4. Адрес кошелька в сети (для получения и отправки средств) с полной историей когда-либо совершенных транзакций.

5. DNS-идентификатор для быстрого и удобного поиска получателя.

6. Список локальных DAO-токенов.

7. Социальный рейтинг кошелька.

В свою очередь, DAO-токены – это децентрализованная автономная организация, имеющая организационную форму управления с заранее установленным сводом правил, контроль за исполнением которых происходит автоматически, с помощью смарт-контрактов.

DAO-токены, как и NFT-токены, будут разделяться на четыре категории:

1. Изменяемые токены.

2. Неизменяемые токены.

3. Передаваемые токены.

4. Непередаваемые токены.

Изменяемые DAO-токены имеют встроенный функционал ограничения действий владельца, в то время как изменяемые NFT-токены могут быть модифицированы.

DAO-токены будут использоваться как государствами, так и частными компаниями, сообществами людей. Для получения DAO-токена Вам потребуется подтвердить свою причастность к тому или иному сообществу, например, NFT-документом о праве собственности.

Заселяясь в новый жилищный комплекс, Вы получите на свой цифровой кошелек DAO-токен своей ЖК, который позволит Вам проголосовать со своего телефона за выбор новой управляющей компании, или проголосовать за строительство новой спортивной площадки во дворе.

В Республике Беларусь основным нормативным правовым актом в данной сфере является Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Указанным декретом определяется порядок использования криптовалюты как физическими, так и юридическими лицами. В нем также закреплено признание криптовалюты как объекта вещных прав. В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь объектами гражданских прав являются вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интел-

лектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского права, товаров, работ или услуг; нематериальные блага.

Такие авторы, как М.В. Васюченко, А.К. Савостикова, в своих исследованиях указывают на то, что законодательное закрепление цифровых активов не позволяет их отнести ни к какому из видов вышеперечисленных объектов гражданских прав. Считаем, что такое понятие, как «цифровые активы», в частности «криптовалюты», следует относить к категории денег, так как нормативное закрепление понятия денег отсутствует, а под общепринятый признак денег в качестве средства обмена полностью подходит. Полагаем, что как средство платежа цифровые активы будут использоваться уже в ближайшее время, и это неизбежно. Череда событий, связанных с национализацией криптовалюты в виде платежного средства, а также эмиссией национальных валют ряда государств в качестве цифровых активов, неизбежно приведет к совершению аналогичных действий и в нашей стране.

Думаем, необходимо внести изменения в национальное законодательство, связанные с закреплением цифровых активов в качестве средства совершения платежных операций, для того чтобы появилась возможность полностью относить их к категории денег. У нас появится также возможность полной централизации цифровых потоков с последующим их отслеживанием, что значительно упростит задачу установления принадлежности цифровых активов как объекта гражданских прав тому или иному субъекту гражданских правоотношений.

Таким образом, несмотря на имеющийся потенциал, широкое внедрение CBDC должно основываться на взвешенной денежно-кредитной политике, обеспечивающей устойчивость денежной системы страны и стабильность национальной валюты. Создание цифровых валют ЦБ ряда государств, нормативное закрепление цифровых активов в качестве платежных средств позволит уменьшить время транзакций, перемещения крупных и небольших капиталов, а также полной централизации валютных средств, что в первую очередь нам, сотрудникам органов внутренних дел, даст возможность полного отслеживания всех электронных средств, добытых преступным путем, и как следствие – снижение киберпреступности.

Список использованных источников

1. COINTELEGRAPH The future of money [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cointelegraph.com/news/kazakhstan-to-build-central-bank-digital-currency-on-bnb-chain>. – Date of access: 17.11.2022.

2. What is China's digital currency plan? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/e3f9c3c2-0aaf-11ea-bb52-34c8d9dc6d84>. – Date of access: 17.11.2022.

3. China's new digital currency 'isn't bitcoin and is not for speculation' [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3043134/chinas-new-digital-currency-isnt-bitcoin-and-not-for-speculation>. – Date of access: 17.11.2022.

4. Patents reveal extent of China's digital currency plans [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/f10e94cc-4d74-11ea-95a0-43d18ec715f5>. – Date of access: 17.11.2022.

5. IMFBLOG [Electronic resource]. – Mode of access: <https://blogs.imf.org/2019/12/12/central-bank-digital-currencies-4-questions-and-answers>. – Date of access: 17.11.2022.

6. ПРАЙМ Агентство экономической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1prime.ru/finance/20191011/830399664.html>. – Дата доступа: 17.11.2022.

7. Киселев, А.А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? : аналит. записка / А.А. Киселев. – М. : Центр. банк Рос. Федерации, 2019. – 23 с.

8. Central Bank Digital Currencies: 4 Questions and Answers [Electronic resource]. – Mode of access: <https://blogs.imf.org/2019/12/12/central-bank-digital-currencies-4-questions-and-answers>. – Date of access: 17.11.2022.

УДК 347.77

И.Ю. Бернацкий, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.Ю. Березнёв*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Войтюль*

ОПТИМИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматривается проблема необходимости оптимизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности в связи с развитием цифровых технологий. Сформулирован вывод о целесообразности кодификации законодательства в данной сфере, в том числе путем использования механизма «регуляторной гильотины».

Рост численности актов законодательства является проблемой, с которой сталкивается каждое государство. С недавних пор этому стали способствовать и современные технологии. Как известно, они не только упрощают взаимодействие между гражданами, но и постепенно внедряются в отношения, урегулированные нормами права.

Так, например, еще в конце XX в. люди и представить не могли, что наступит тот день, когда произведения искусства будут создаваться не людьми, а искусственным интеллектом (ИИ). При этом отдельные

картины, созданные ИИ, занимают первые места на престижных конкурсах, а также продаются за миллионы долларов [1]. Однако нельзя сказать, что ИИ является чем-то новым, поскольку первые упоминания о нем были зафиксированы в статье Алана Тьюринга «On Computable Numbers» («Об исчислимых числах») в далеком 1936 г. [2].

В свою очередь, невзаимозаменяемые токены (от англ. non-fungible token, сокр. NFT), появившись несколько лет назад, стали постепенно затмевать собой объекты сферы интеллектуальной собственности в материальном их проявлении. Посредством NFT возможно оцифровать все то, что имеет для лица какую-либо ценность, начиная от художественных произведений и заканчивая музыкальными композициями. Так, например, компания Injective Protocol выпустила невзаимозаменяемый токен с «привязанной» к нему цифровой копией картины художника Бэнкси под названием Morons (White), а затем провела публичную акцию сожжения подлинника. Это стало одним из первых примеров, когда произведение искусства было не просто оцифровано, а «переведено» во невзаимозаменяемый токен, который через несколько дней был продан на аукционе за 380 000 долл. США [3, с. 383].

Однако, несмотря на значительное количество положительных аспектов, связанных с появлением технологий, с точки зрения права мы наблюдаем ряд проблем, не отреагировав оперативно на которые, возможен риск наступления неблагоприятных последствий. Вынуждены отметить, что при всем многообразии актов законодательства в сфере интеллектуальной собственности на сегодня большинство из них не отвечают современным реалиям и регулируют те правоотношения, которые утратили актуальность.

Так, под действие существующих актов законодательства не подпадают правоотношения, возникшие в результате внедрения информационных технологий. В данном случае мы ведем речь об определении правового положения ИИ в сфере интеллектуальной собственности; особенностях правового регулирования NFT с точки зрения законодательства об интеллектуальной собственности и т. д. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в современном мире наблюдается ситуация, при которой имеется значительное количество актов, регулирующих отношения, уходящие на сегодня на «второй план», а отдельные нормы, косвенно затрагивающие современные правоотношения, расположены в хаотичном порядке в массиве всего законодательства, или же вовсе отсутствуют. В связи с изложенной проблематикой считаем необходимым оптимизировать действующее отечественное законодательство в сфере интеллектуальной собственности с учетом современных тенденций.

Принимая указанное обстоятельство во внимание, интересным видится подход ученых о разработке Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности, который будет включать в себя необходимые положения актов законодательства, с преломлением на современные реалии, исключив при этом положения, утратившие свою актуальность. Вопросам кодификации в сфере интеллектуальной собственности посвящены работы таких авторов, как С.С. Лосев [4], И.А. Близнец [5], Е.А. Павлова [6]. Так, С.С. Лосев, проанализировав зарубежное законодательство, отмечает важность в современном мире систематизации норм в сфере интеллектуальной собственности в рамках единого акта законодательства, несмотря на отсутствие в большинстве стран кодифицированных актов в указанной сфере [4, с. 150].

Сама кодификация, как отмечает Д.В. Чухвичев, «...представляет собой метод борьбы с излишним объемом законодательства, его распуханием, запутанностью, дублированием друг друга различными его элементами» [7, с. 26].

Следует указать, что в ходе оптимизации законодательства возникнет необходимость в его анализе с целью дальнейшего определения целесообразности включения правовых положений в кодифицированный акт, либо же их отмены. В результате изучения международного опыта оптимизации законодательства удалось обнаружить интересный подход, получивший название «регуляторная гильотина».

Отдельные вопросы применения данного механизма нашли свое отражение в научных трудах Р.Ю. Березнёва [8], А.В. Войтюля [8], С.В. Задирана [9], Е.П. Гуйды [10] и др. Так, С.В. Задиран отмечает, что сущность механизма «регуляторной гильотины» заключается в масштабном анализе и пересмотре действующих нормативных правовых актов, которые будут одобрены, изменены или утратят силу. Основными принципами «регуляторной гильотины» являются отмена любой регулирующей нормы, необоснованной с точки зрения законности и необходимости для государственной стратегии развития экономики, а также максимальное упрощение любого регулирования, которое законно и необходимо, но не является благоприятным для общества и бизнеса [9, с. 10].

В целях более детального анализа данного метода обратимся к зарубежному опыту. Так, в 2003 г. в Австралии этот метод был реализован путем принятия Закона «О законодательных инструментах» (Legislative Instruments Act 2003, LIA), согласно которому любые нормативные предписания в отношении бизнеса или некоммерческих организаций должны были быть автоматически аннулированы через 10 лет, если не будут приняты меры по их сохранению. В соответствии с указанным законом с 1 апреля 2015 г. тысячи федеральных норм начали утрачи-

вать силу. Для продления действия норм предусматривалась особая процедура, связанная с оценкой их воздействия. По итогам консультаций норма права сохранялась в силе (при этом созданным для этих целей агентством публиковалось соответствующее письмо), либо после применения процедуры оценки воздействия подвергалась изменению [11, с. 107–119].

Еще один интересный пример использования метода «регуляторной гильотины» был обнаружен в Хорватии, именуемый как HITROREZ, или «Быстрое сокращение». В частности, была образована Специальная рабочая группа при правительстве Хорватии. В состав группы входили руководитель и 12 сотрудников (юристы-аналитики, экономисты-аналитики, бизнес-администраторы). Спустя девять месяцев группа была интегрирована во вновь созданное Управление по координации системы оценки регулирующего воздействия для продолжения регуляторной реформы уже после расчистки правового поля. В ходе проекта HITROREZ удалось пересмотреть 2 683 регуляторные нормы, из которых 55 % было рекомендовано к упрощению, что снизило затраты для бизнеса и потребителей на 65 млн долл. ежегодно [11, с. 107–119].

Обратим внимание, что Республика Беларусь в рамках правового эксперимента задействовала механизм «регуляторной гильотины» при подготовке пакета системных документов по вопросам исключения устаревших, не соответствующих времени требований к бизнесу и оптимизации контрольно-надзорной деятельности. В результате разработан Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» и в достаточно короткие сроки (6–7 месяцев) пакетным принципом было подготовлено 10 документов. Так, например, в контексте указанного декрета установлены общие (единые) требования пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические требования и требования в области охраны окружающей среды, которые максимально систематизированы и сокращены. В частности, из 586 пунктов правил пожарной безопасности, 7 приложений и 13 таблиц было сохранено лишь 62 пункта [8, с. 50].

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным отметить, что на сегодня проблема, связанная с сокращением количества и оптимизацией актов законодательства в сфере интеллектуальной собственности, является актуальной, и нуждается в современных решениях. Думается, что одним из вариантов ее решения может выступить применение механизма «регуляторной гильотины», с помощью которого представляется возможным «отсечь» акты и нормы, существование которых в настоящее время является нецелесообразным. Более того, применение указанного механизма позволит упростить процесс систематизации

норм, регулирующих сферу интеллектуальной собственности в рамках Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности, что благоприятно скажется на дальнейшем развитии указанной сферы.

Список использованных источников

1. Нейросеть заработала первый \$1 млн на продаже картин [Электронный ресурс] // РБК. ТRENДЫ. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61e7f97c9a7947140a9338da>. – Дата доступа: 11.10.2022.

2. Отец» современной информатики и искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // GRANITE OF SCIENCE scientific and popular journal. – Режим доступа: <https://un-sci.com/ru/2019/06/04/otecz-sovremennoj-informatiki-i-iskusstvennogo-intellekta/>. – Дата доступа: 11.10.2022.

3. Березнёв, Р.Ю. Правовые аспекты невазменяемых токенов / Р.Ю. Березнёв // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2021. – Вып. 16. – С. 383–390.

4. Лосев, С.С. К вопросу о кодификации законодательства об интеллектуальной собственности / С.С. Лосев // Правовая политика, наука, практика – 2021 : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 окт. 2021 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Е.В. Семашко [и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – С. 148–155.

5. Блинец, И.А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-прикладные исследования : дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Блинец. – М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2003. – 381 с.

6. Павлова, Е.А. Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Е.А. Павлова // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

7. Чухвичев, Д.В. Особенности законодательной техники при проведении кодификации / Д.В. Чухвичев // Право и политика. – 2005. – № 10. – С. 23–35.

8. Войтюль, А.В. «Регуляторная гильотина» как один из перспективных механизмов оптимизации законодательства / А.В. Войтюль, Р.Ю. Березнёв // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междун. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 окт. 2021 г. / редкол.: Н.Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 49–52.

9. Задиран, С.В. «Регуляторная гильотина» как перспективный нормотворческий институт / С.В. Задиран // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 7. – С. 9–11.

10. Гуйда, Е.П. О некоторых механизмах повышения эффективности подготовки нормативных правовых актов / Е.П. Гуйда // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред. Е.В. Семашко, Е.П. Гуйда, О.В. Гришкевич. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – 391 с.

11. Александров, О.В. «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования / О.В. Александров // Торговая политика : сб. ст. / Рос. Акад. народ. хозяйства и гос. службы при Президенте РФ ; сост.: Г.В. Баландина [и др.]. – М., 2019. – С. 107–119.

УДК 343.985

И.Ю. Бернацкий, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *С.С. Сенькевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.В. Паушта*

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматриваются особенности производства допроса с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). С учетом современных тенденций выдвигаются предложения по совершенствованию тактических приемов допроса лиц, не достигших совершеннолетия.

В современном мире, характеризующимся интенсивным развитием IT-технологий, которые кардинально влияют на привычный уклад жизни граждан, а также под их воздействием происходит изменение общественного сознания. Обратим внимание, что данный процесс сопровождается рядом факторов, определяющих эту трансформацию: внедрением технологий во все сферы жизнедеятельности общества; значительным массивом информации, доступ к которой предоставляется указанными технологиями; многообразием представленных на рынке технических средств, позволяющих решить одну и ту же задачу, и т. д.

Вместе с тем следует констатировать, что современные технологии накладывают свой отпечаток не только на повседневные процессы, протекающие в обществе, но и оказывают непосредственное влияние на формирование и дальнейшее развитие науки в целом и криминалистики в частности. Внедрение современных технологий в криминалистическую науку обуславливает необходимость разработки тактических приемов по их применению. Само же их применение в практической деятельности оказывает значительное влияние на тактику проведения того либо иного следственного действия.

В контексте исследуемой тематики видится целесообразным отметить, что в настоящее время комплекс следственных действий, проводимых с лицами, не достигшими восемнадцати лет, не ограничен и опре-

деляется следователем, у которого находится в производстве уголовное дело, исходя из закрепленного в законе перечня следственных действий и складывающейся следственной ситуации.

Следственные действия, проводимые с участием лиц, не достигших совершеннолетия, имеют свои особенности, которые обусловлены как правовым регулированием, так и набором тактических приемов, выработанных не только криминалистикой, но и психологией и педагогикой. При этом тактические особенности проведения указанных следственных действий постоянно дополняются новыми приемами и трансформацией, имеющихся в силу изучения передового опыта их проведения и внедрением новых криминалистических средств.

В настоящее время в рамках Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь закреплены особенности производства только допроса с участием несовершеннолетних. При этом законодатель не пошел по пути дополнительной регламентации особенностей проведения иных следственных действий с участием несовершеннолетних, поэтому на практике применяется принцип аналогии, т. е. правила проведения, установленные при допросе, распространяются и на иные следственные действия, а соответственно и тактические особенности их проведения.

Во-первых, обратим внимание на то, что тактические особенности допроса совершеннолетнего лица и лица, не достигшего восемнадцати лет, разные. Отличия обусловлены правовой регламентацией, а также необычной нервной системой указанной категории лиц. В частности, нервная система подростков характеризуется обширной варианностью, которая обусловлена отличительными чертами общества, окружающего несовершеннолетнего, а также условиями его воспитания, обучения [1, с. 96].

Как известно, наука криминалистика носит интеграционный характер, что, в свою очередь, предполагает заимствование достижений из других наук, способных оказывать самое непосредственное влияние на формирование и развитие соответствующих разделов криминалистики. В частности, такой раздел криминалистики, как тактика проведения следственных действий, приспособливает к нуждам практики достижения психиатрии и психологии в части выстраивания доверительных отношений с допрашиваемым, склонении его к даче правдивых показаний, преодоления фактора недоверия.

И.М. Цыганков в своем исследовании обращает внимание, что у подростков симпатии и антипатии возникают с первой встречи, а с ними – доверие или настороженность, расположение или активное противодействие. Встретив искреннее внимание и интерес к себе, подросток охотнее расскажет о своей жизни, своих положительных качествах, условиях, способствовавших совершению преступления, о совершенном преступлении и, в частности, своей роли в ней [2, с. 77].

По нашему мнению, стоит обратить внимание на идеи психолога и специалиста в области психоанализа Э.Х. Эриксона, который выделил восемь основных периодов развития человека. При этом каждый период развития, по его мнению, имеет две основные характеристики. В контексте рассматриваемой темы нас интересуют психологические особенности развития личности человека в возрасте до восемнадцати лет, Э.Х. Эриксон выделял две характеристики – *идентификация личности* и *спутанность ролей* [3]. Под отмеченными характеристиками он в первую очередь понимал, что в указанный период времени несовершеннолетние пытаются найти свое место в жизни, в результате чего часто меняют род деятельности, жизненную позицию, а также свой внешний вид. Видится необходимым обратить внимание на тот факт, что у подростков в период взросления заметно повышается интерес к своему внешнему виду, телу, которое начинает восприниматься как «конструктор». Кроме этого, несовершеннолетние, пытаясь самоутвердиться, часто примыкают к той или иной молодежной субкультуре, копируя поведение и внешний вид своих кумиров. Например, если в конце прошлого века несовершеннолетние копировали поведенческие особенности, стиль одежды и т. д. у таких эпатажных музыкальных групп, как «Король и Шут», «Сектор Газа», то сегодня в лице кумиров подростков выступают Элджей, группа LittleBig и т. д.

Учитывая вышеизложенное, следователю на подготовительном этапе допроса, в целях установки психологического контакта с несовершеннолетним, стоит обратить внимание на стиль его одежды, наличие или отсутствие татуировок, пирсинга, так как они опосредованно предоставляют первичную информацию об увлечениях допрашиваемого лица, круге общения, ценностях, которые он разделяет. Например, если перед следователем (лицом, производящим дознание) возникает необходимость допросить подростка, прибывающего в статусе подозреваемого (обвиняемого), внешностные особенности которого носят эксцентричный характер – это должно выступать своего рода «сигналом» к тому, чтобы отметить чувство стиля допрашиваемого, проявлять осторожность при беседе. Кроме этого, до проведения самого следственного действия (в рамках установления психологического контакта) постараться не высказывать свои суждения по поводу знаменитых лиц, образ которых может импонировать подростку, но при этом не нравиться должностному лицу. Более того, уместно будет применять народную мудрость, выражающуюся в пословице: «На вкус и цвет товарищей нет». Использование такого простого правила позволяет в тактической части избежать возможных негативных последствий, которые могут выражаться в потере взаимного контакта и в конечном итоге в снижении результативности проводимого следственного действия.

Если вести речь о влиянии IT-сферы на внутренний мир подростков, то при подготовке к допросу несовершеннолетнего следует тщательно изучить социальные сети, в которых он может быть зарегистрирован, так как в них может содержаться интересующая личная информация, круг интересов и даже обстоятельства совершенного преступления. Особое место в молодежной среде занимает такое приложение, как TikTok¹, в котором размещаются короткометражные видеофрагменты на различную тематику. Согласно статистическим данным, практически половина действующей аудитории данного сервиса – это лица, возраст которых варьируется от 16 до 24 лет [4]. Поэтому следователям, занимающимся расследованием преступлений несовершеннолетних, следует обращать внимание на наличие у допрашиваемого канала TikTok. Если же такой имеется, то необходимо осуществить мониторинг видео, которые выкладывает подросток, а также изучить подписчиков данного лица на предмет выявления круга общения: друзей, знакомых, которые в дальнейшем могут предоставить информацию, имеющую значение для уголовного дела.

Более того, TikTok будет полезен и при установлении психологического контакта. Так, с подростком можно завести беседу об известных блогерах, новых идеях для съемок.

Далее, убедившись в установке доверительных отношений с допрашиваемым, целесообразным видится начать свободную беседу на предмет выяснения интересующего нас события и незаметно для несовершеннолетнего перейти к допросу. При этом не стоит разделять беседу на два этапа, чтобы у допрашиваемого не сложилось впечатление, что установленный психологический контакт и доверительные отношения нужны были лицу, ведущему производство по уголовному делу, исключительно для получения информации. В ходе допроса следователь может периодически переключаться на интересующие подростка темы, стимулируя его интерес к самому следственному действию, не перегружая его формальностями. Также в целях проверки искренности допрашиваемого подростка следователь может задавать контрольные вопросы-индикаторы, ответы на которые следователю известны заранее (получены в ходе изучения личности подростка посредством мониторинга социальных сетей или же путем проведения оперативно-розыскных мероприятий).

Во время допроса следует исключить излишнее психологическое давление на подростка, в результате которого возможно причинить вред его психоэмоциональному состоянию. По нашему мнению, беседа должна

носить доброжелательный характер, но при этом в моменты, когда того требует следственная ситуация, необходимо поддерживать соответствующий уровень настойчивости и твердости. Важной составляющей в ходе допроса несовершеннолетнего является сокращение между следователем и допрашиваемым межличностной дистанции с одной стороны, но и определенного очерчивания и поддержания субординации с другой стороны, в целях исключения панибратства и поддержания деловой обстановки в ходе допроса. Благоприятно скажется на проведении допроса, например, употребление следователем современной подростковой лексики, посредством которой он может объяснить сложные юридические термины. В то же время следователь не должен излишне увлекаться использованием данной лексики и постараться настроить подростка на деловой лад. Подтверждением правильности выбранной тактики будет перестройка допрашиваемого на снижение употребления слов из молодежной лексики и поддержания официально-делового стиля речи.

В дополнение к вышеизложенному обратим внимание, что следователю (лицу, производящему дознание) запрещается самостоятельно воспроизводить за несовершеннолетнего обстоятельства уголовного дела, которые удалось выяснить в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий. В данном случае следует предоставить допрашиваемому возможность самостоятельно воспроизвести все обстоятельства происшедшего. При этом, если возникает ситуация, в результате которой допрашиваемый затрудняется отвечать на вопросы, необходимо корректно выяснить, что именно вызывает у него такую реакцию, и, если есть необходимость, своевременно прекратить производство следственного действия.

Таким образом, допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) представляет особую сложность, поскольку психика подростков еще не окончательно сформирована и подвержена влиянию и серьезным изменениям при минимальных воздействиях. На наш взгляд, чтобы добиться результата от проведенного допроса несовершеннолетнего, следователь должен всесторонне и полно изучить личность допрашиваемого, круг его интересов и общения, а также аккаунты в социальных сетях и иных молодежных приложениях, что позволит получить максимальный объем информации о личности подростка и использовать полученные сведения в интересах расследования. В свою очередь, с другой стороны, следователь должен постоянно самосовершенствоваться и изучать специальную литературу, посвященную поведенческим особенностям подростков, а также в определенной степени быть вовлеченным в молодежную субкультуру с ее новациями и трендами и умело использовать их в своей профессиональной деятельности.

¹ Сервис для создания и просмотра коротких видео.

Список использованных источников

1. Дорошенко, О.М. Особенности и понятие допроса несовершеннолетнего / О.М. Дорошенко // Вестн. Акад. Следств. ком. Рос. Федерации. – 2019. – № 1. – С. 95–97.
2. Цыганков, И.М. Тактические и организационные особенности допроса подозреваемых и обвиняемых несовершеннолетних / И.М. Цыганков // Закон и право. – 2007. – № 4. – С. 77–78.
3. Психологический возраст: что это такое, и о чем он говорит [Электронный ресурс] // 4BRAIN. – Режим доступа: <https://4brain.ru/blog/hologicheskij-vozrast-cto-eto-takoe-i-o-chem-on-govorit/>. – Дата доступа: 15.10.2022.
4. Официальная статистика ТикТок в 2022 году [Электронный ресурс] // ShortVideos. – Режим доступа: <https://tiktok-wiki.com/statistika-tik-tok.html>. – Дата доступа: 15.10.2022.

УДК 349.681

Н.Д. Вергей, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.И. Пикта*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *М.В. Губич*

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕГМЕНТА СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Рассматривается процесс становления национальной системы правового регулирования национального сегмента сети Интернет. Объясняются основные причины начала регулирования данной сферы, особенности обеспечения кибербезопасности в цифровом пространстве, а также основных субъектов, обеспечивающих кибербезопасность.

В современном мире разработка и применение информационных технологий, информационных систем, средств телекоммуникации и связи имеют решающее значение для защиты интересов государства и экономического роста. В этой связи возникла необходимость в разработке и реализации комплекса мер по повышению эффективности использования информационных ресурсов, усилению защиты информации от несанкционированного доступа, неправомерного распространения и искажения, а также по содействию инновационной деятельности в области информационных технологий.

Одним из важнейших факторов современного общества является быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий, которые оказывают значительное влияние на все сферы жизни. Однако этот процесс не обходится без сложных и противоречивых последствий.

Среди них выделяются особо опасные явления, связанные с тем, что скорость технологических изменений значительно превышает возможности правоохранительной системы адаптироваться к новым формам и способам нарушения норм законодательства. В частности, большую угрозу представляют преступления, совершаемые с применением широкого спектра информационных технологий.

Рост количества регистрируемых киберпреступлений сопровождается увеличением наносимого ими ущерба. В связи с тем что статистические данные о потерях белорусской экономики от киберпреступлений в открытых источниках отсутствуют, представляется возможным обратиться к показателям ближайшего соседа Республики Беларусь – Российской Федерации (РФ). По данным Центрального банка РФ, в 2022 г. экономика РФ потеряла из-за таких преступлений 14,2 млрд р. [2]. Злоумышленники не делают большого акцента на масштабе финансовой организации, атакам подвергаются как небольшие, так и крупные стороны финансового рынка. Согласно отчету Центрального банка РФ, наибольшие потери несут банки, чьи бюджеты на информационную безопасность и ИТ крайне малы, в таких случаях кибератака может привести даже к ликвидации организации [2]. Между тем ощутимый ущерб наносится не только финансово-экономической, но и иным защищаемым уголовным законом сферам жизнедеятельности общества. Особенно ощутим деструктивный потенциал киберпреступлений в области геополитических угроз.

Согласно ст. 34 Конституции Республики Беларусь «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды» [1]. В современном мире указанная информация размещена в электронном виде на различных медиаресурсах, новостных каналах интернет-мессенджеров и т. д. Вовлеченность значительного количества граждан Республики Беларусь создает угрозы нарушения вопросов информационной безопасности.

В области информационной безопасности большинство развитых стран имеют свои доктринальные документы, которые отражают их стратегические цели и приоритеты. Некоторые из этих документов уже пересмотрены и обновлены в соответствии с изменяющейся ситуацией. Основным нормативным актом, регулирующим эту сферу, являлась Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [3], однако в 2019 г. была принята Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [4], которая актуализировала положения Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в области обеспечения информационной безопасности в стране.

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь определяет сущность и содержание обеспечения национальной безопасности в информационной сфере, в которой выделяются стратегические задачи и приоритеты в этой области. Она исходит из геополитических интересов Беларуси, ее места и роли в современном мире, основывается на соглашениях о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности государств–участников СНГ, государств–членов ОДКБ, двусторонних соглашениях и иных обязательствах Беларуси в области международной информационной безопасности, учитывает основные положения актов международных организаций, в том числе резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, рекомендаций ОБСЕ.

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь основана на следующих принципах.

1. Защита конституционных прав и свобод граждан Республики Беларусь в сфере информационных отношений.
2. Регулирование отношений по охране государственной тайны.
3. Реализация мер по обеспечению безопасности информационных систем, в том числе в рамках информационно-коммуникационных технологий в государственных органах, предприятиях и учреждениях, органах местного самоуправления, населении и бизнесе.
4. Обеспечение гарантий конфиденциальности персональных данных населения и организаций.
5. Разработка и внедрение систем регулирования и контроля за информационными потоками и средствами связи.
6. Создание эффективной системы комплексного решения вопросов безопасности информации, включающей в себя научно-технические, правовые, методические и оперативно-практические мероприятия.
7. Установление международного сотрудничества по вопросам информационной безопасности.

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь обеспечивает комплексный подход к проблеме информационной безопасности, создает методологическую основу для совершенствования деятельности по ее укреплению, служит основанием для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности, конструктивного взаимодействия, консолидации усилий и повышения эффективности защиты национальных интересов в информационной сфере, способствует целенаправленной интеграции Беларуси в системы обеспечения международной информационной безопасности на основе национальных приоритетов.

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь отражает современные вызовы и угрозы, которые формируются в ин-

формационной сфере и представляют опасность для конституционных основ и жизнедеятельности государства – манипулирование массовым сознанием, дискредитация идеалов и ценностей, размывание национального суверенитета, неустойчивость.

Еще одним документом, регулирующим данную отрасль, является Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее – Указ № 60). В этом документе нашли свое отражение отдельные аспекты регулирования фундаментального информационного ресурса – сети Интернет. Согласно Указу № 60 сведения о зарегистрированных информационных сетях, системах и ресурсах национального сегмента сети Интернет предоставляются на безвозмездной основе уполномоченной Министерством связи и информатизации организацией Министерству информации, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, органам прокуратуры и предварительного следствия, органам Комитета государственного контроля, налоговым органам, судам, органам принудительного исполнения для выполнения возложенных на них задач и функций [5].

Целью Указа № 60 является повышение эффективности борьбы с киберпреступностью, защиты прав и законных интересов граждан, общественных объединений и государства в сфере информации. Для этого Указ № 60 устанавливает порядок регистрации информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет, а также требования к их содержанию и эксплуатации. Кроме того, Указ № 60 определяет права и обязанности операторов информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет, а также пользователей этих сетей, систем и ресурсов.

Указ № 60 является важным шагом в развитии законодательства Республики Беларусь в области информационной безопасности и противодействия киберпреступности. Указ № 60 способствует созданию условий для развития информационного общества в Республике Беларусь, а также повышению уровня защиты прав человека и гражданина в цифровой среде.

Очередным шагом в области регулирования информационной безопасности и противодействия киберпреступности стало принятие Президентом Республики Беларусь Указа от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» (далее – Указ № 40). Данный нормативный правовой акт устанавливает правовые основы создания и функционирования национальной системы обеспечения кибербезопасности, которая направлена на защиту государственных органов и организаций, критической информационной инфраструктуры от кибератак. Указ № 40 определя-

ет функции и задачи государственных органов и иных организаций по обеспечению кибербезопасности, закрепляет персональную ответственность их руководителей, а также устанавливает порядок формирования и деятельности центров кибербезопасности. Указ № 40 также содержит положения о мерах по предотвращению, обнаружению и минимизации последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры, а также о сотрудничестве с международными организациями и другими государствами в области кибербезопасности.

Согласно Указу № 40 государственным органом, осуществляющим координацию деятельности других государственных органов и иных организаций по созданию и функционированию национальной системы обеспечения кибербезопасности, обнаружению, предотвращению и минимизации последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры, является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ) [6].

Согласно нормам, закрепленным в Указе № 40, на ОАЦ возложено выполнение следующих задач в области кибербезопасности:

анализ состояния и тенденций развития киберпространства, выявление угроз национальной безопасности в сфере информации;

разработка и реализация мер по защите объектов информационной инфраструктуры от кибератак, совершенствование методов и средств обеспечения кибербезопасности;

координация действий государственных органов и иных организаций по предупреждению и противодействию кибератакам, обеспечение оперативного взаимодействия с международными партнерами по вопросам кибербезопасности;

осуществление мониторинга и аудита состояния кибербезопасности объектов информационной инфраструктуры, выявление и устранение уязвимостей и нарушений;

проведение расследования инцидентов в киберпространстве, применение мер ответственности к лицам, совершившим кибератаки или подготовившим их;

информирование общественности о рисках и угрозах в киберпространстве, повышение уровня цифровой грамотности граждан и организаций.

Для обеспечения обнаружения признаков проведения кибератак на объекты информационной инфраструктуры, предотвращения и уменьшения последствий этих атак, а также скоординированного реагирования на киберинциденты в рамках ОАЦ, создан Национальный центр кибербезопасности.

Национальный центр кибербезопасности является структурным подразделением ОАЦ по вопросам защиты объектов информационной инфраструктуры от кибератак. Его задачи включают в себя:

мониторинг и анализ киберугроз и киберинцидентов на основе данных, полученных от различных источников, в том числе от субъектов критической информационной инфраструктуры;

разработку и реализацию мер по предотвращению, обнаружению, локализации и устранению последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры;

координацию действий субъектов критической информационной инфраструктуры, органов государственной власти и других заинтересованных сторон по реагированию на киберинциденты;

разработку и совершенствование нормативно-правовой базы и методических рекомендаций по обеспечению кибербезопасности объектов информационной инфраструктуры;

проведение обучения и повышения квалификации специалистов по кибербезопасности, а также информирование и просвещение общественности по вопросам кибербезопасности.

Национальный центр кибербезопасности также проводит регулярные тренинги для повышения квалификации специалистов в области кибербезопасности, а также для проверки работоспособности и эффективности системы реагирования на киберинциденты. В случае выявления кибератаки или другого киберинцидента, Национальный центр кибербезопасности осуществляет анализ угрозы и вырабатывает рекомендации по действиям для предотвращения или минимизации возможных негативных последствий. Кроме того, Национальный центр кибербезопасности активно работает с национальными и международными организациями для улучшения законодательства и регулирования в области кибербезопасности. В целом Национальный центр кибербезопасности является ключевым органом по обеспечению надежности и безопасности информационной инфраструктуры Республики Беларусь.

В результате можно подчеркнуть, что Указ № 40 способствует повышению безопасности и надежности информационных систем в стране, а также устанавливает субъектов кибербезопасности, их функции и порядок взаимодействия с другими правоохранительными органами.

Таким образом, национальная система правовых актов Республики Беларусь состоит из широкого круга нормативных актов, а именно Конституции Республики Беларусь, указов Президента, законов в области регулирования национального сегмента сети Интернет, а также ряд подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих правовые основы деятельности субъектов национального сегмента сети Интернет,

а также права и обязанности пользователей сети Интернет и интернет-провайдеров.

Важно отметить, что нормативные правовые акты национальной информационной безопасности Республики Беларусь постоянно совершенствуются и дополняются, что свидетельствует о важности этой области и необходимости создания надежной системы защиты от информационных угроз и рисков.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. (Решение от 17.11.2004 г. № 1) : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.10.2021 г. № 124-З, Решения респ. референдума от 04.03.2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023.

2. ЦБ рассказал о потерях банков из-за хакерских атак в 2022 году [Электронный ресурс] // «Ведомости» – ведущее деловое издание России. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/02/22/964073-tsb-rasskazal-opoteryah-bankov-iz-za-hakerskih-atak>. – Дата доступа: 14.04.2023.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2018 г., № 1 // Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 // Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. О кибербезопасности : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 40 // Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 349.6

К.А. Ерофеев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.И. Стельмах*

ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ИХ ОХРАНЫ

Рассматриваются становление и развитие правового положения института экологического права, особо охраняемые природные территории. Устанав-

ливаются основные предпосылки появления, изменения статуса данного правового института, а также акцентируется внимание на проблеме соотношения интересов органов государственной власти и защиты окружающей среды.

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) – это важный элемент механизма функционирования современных государств. Наличие их позволяет оградить природу от разрушительного влияния человека. Современные государства, осознавая вред, наносимый им в целом и субъектами хозяйствования, начали тратить больше средств на создание и поддержание в функционирующем состоянии ООПТ. В настоящее время количество ООПТ увеличилось по сравнению с серединой прошлого столетия. Если в 1962 г. в первый список ООПТ мира включено 9 214 территорий, в 2003 г. – 102 102 территорий, то в 2018 г. их уже 238 563 [1, с. 50]. Количество ООПТ, как указывалось выше, стало увеличиваться значительными темпами в начале этого тысячелетия. Это означает, что данная проблема обострилась и достигла своих предельных значений в настоящее время. Государства решили расширить площадь территорий, где будет проводиться усиленный контроль за причинением экологического вреда окружающей среде.

Значимость ООПТ в контексте охраны окружающей среды от вреда, наносимого ей человеком, неоспорима и важность этого неоднократно подчеркивалась. Охрана природы в зарубежных странах имеет древнюю историю. Правители государств, главы религиозных образований охраной природных объектов занимались по своему усмотрению на территориях, принадлежащих им, и отдавали свои распоряжения чаще всего в устной форме [2].

В наше время чаще всего это обуславливается мотивом спасти виды организмов и ландшафтов от полного их уничтожения из-за вредного воздействия на них. Но в более ранние времена человек еще не так активно воздействовал на окружающую его среду, что объясняется малым объемом потребностей и количеством населения мира.

Наиболее вероятное основание организации природоохранных территорий – религиозное или духовное основание. Причина формирования этих территорий выражалась в поклонении явлениям, которые, по мнению людей прошлого, управляли их жизнями и природой. Примером может служить описание заповедных рощ народов удмуртов и мари. «В будничной повседневной жизни очень трудно сохранить природу в чистом виде. Поэтому выделяются рощи, ключи и оберегаются от загрязнения» [3, с. 7].

Необходимо подчеркнуть, что разные народы очень часто устанавливали в пределах охраняемых территорий различные режимы природопользования. Первый подход заключался в сакрализации территорий,

отдельных ее объектов, наделении их определенными целительными или просветительными качествами. Это означало, что характер защиты таких территорий выражался скорее в ограничении доступа к ним, чем в полном запрете их посещения. Хотя, как и в настоящих заповедниках, там запрещалась любая хозяйственная деятельность (рыбалка, охота, собирательство) [4, с. 9]. Другой подход заключался в ограничении и запрете любых видов деятельности. Данные территории изымались из общего природопользования. Примерами таких изъятых территорий являются «Химы» в странах мусульманского мира, «Обо» у народов Бурятии, «Курус» у кокандских племен. Выделением этих территорий правители государств, религиозных объединений подчеркивали их происхождение: бог дает данные земли всем сразу, а не каждому по отдельности. Кроме духовных первооснов создания охраняемых территорий необходимо выделить и прагматические, или хозяйственные основания. Такой режим охраны являлся временным, т. е. существовал в определенную пору года или до определенного времени. Например, народы Восточной Сибири принимали акты о запрете сбора кедровых орехов до их полного созревания, а народы Средней Азии принимали акты о запрете на охоту на тюленей на определенных островах [5]. Факт создания режима охраны территорий является важным этапом в развитии экологически грамотного общества [6, с. 22–24].

Слово «заповедник», которое чаще всего упоминается в документах и летописях древности, имело несколько значений. До XVIII в. документы оперировали, главным образом, в форме похожих слов – «заповедати», «заповедок» или «заказник». Термин «заповедати» означало команду и чаще определялось как «приказать, отдать команду». «Заповедком» считались специальные охранные грамоты, относящиеся к природным объектам в целом. Понятие же заказника, по сравнению с современным толкованием («Заказник – особо охраняемая природная территория, объявленная в целях сохранения и восстановления (воспроизводства) ценных природных комплексов и объектов), было сужено до «запрета на охоту» на объявленных территориях (слово «заказ» означало «запрет»).

Наиболее ранним правовым упоминанием об охраняемых территориях является указ Вавилонского царя Хаммурапи, изданный в XV в. до н. э. Этот указ сводился к делению всей территории государства на определенные части и созданию чиновничьего аппарата, на которых и возлагалась обязанность по охране данных территорий. До наших времен дошли также и другие примеры: Древняя Греция (облесение горных склонов, которые подвергались эрозии), Древний Китай (упоминания о противоэрозийных мероприятиях) или Древняя Индия (политико-правовой трактат Артхашастр).

Таким образом, деятельность по охране территорий в древние времена представляла собой преимущественно зонирование территорий или меры первоначальной защиты земель и водоемов.

В V в. н. э. при распаде Западной Римской Империи появились новые государства, которые начинали активнее использовать природные ресурсы. В XV в., в эпоху Великих географических открытий, появлялись новые способы производства, требующие больших объемов использования природных ресурсов. Увеличение количества населения, появление и массовое распространение городов, а также развитие домашних отопительных систем (появление первых очагов и каминов) увеличило использование природных ресурсов [7, с. 5–6]. В X–XII вв. в Древнерусском государстве было положено начало ограничению охоты. Пункт 69 Пространной редакции Русской Правды говорит о воровстве бобров. Введен учет за бобрами и за территориями их обитания [8]. В Древнерусском государстве порядок формирования, организации и статус природоохраненных территорий определяли указы глав государств. Примером этому является указ о создании зверинца за Красным двором. В данном указе определялся статус зверинца, на что и указывает Н.И. Кутепов [9, с. 83]. Деятельность Алексея Михайловича Романова (1629–1676) была очень многоплановой: введение запретов на охоту и рыбалку для всех лиц, кроме участников царской охоты («Кунцевская местность»); введение запретов на перемещение (Шацкий уезд, режим доступа в который определял указ правителя государства от 1669 г.). Правитель использовал природные территории (в основном леса) в оборонительных целях.

Следует отметить, что утилитарный подход к созданию, организации и использованию ООПТ свойственен, преимущественно, для стран европейского региона (Московское княжество, Франция, Англия и т. д.). В странах азиатского региона население предпочитало наблюдать за природой. Данный подход предполагал, что любой природный объект является ценным, поэтому природоохраненные территории как отдельная категория были менее выражены [10, с. 167–168].

Следующий этап представляет собой переходную ступень между «привилегированным» природопользованием периода Средних веков к активному «промышленному» природопользованию. В это время происходит активное научное изучение человеком окружающей среды, в том числе и природных ресурсов, что позволяло ученым разрабатывать теории более активного пользования природой. Причиной изменения мировоззрения по отношению к окружающей среде также могли быть следствием политических событий (например, Английская буржуазная революция, Великая Французская революция, Война за независимость США). Также причиной изменения отношения населения к природе

стал постепенный переход от церковного обучения в высших учебных заведениях мира к светским наукам (в рамках философии студенты обсуждали вопросы соотношения человека и природы) [11, с. 308].

Петр I кроме организации мероприятий, основанных на утилитарном подходе и направленных на охрану окружающей среды (охрана «корабельных рощ»), учредил Академию наук Указом от 28 января 1724 г. Этим он открыл возможность изучения и кооперации для множества великих российских ученых (С.С. Крашенинников (подробное описание флоры, фауны, природных ресурсов, метеорологических показаний Сибири и острова Камчатка), М.В. Ломоносов). Исследования ученых позволили определить места обитания редких представителей животного и растительного мира, природных ландшафтов и на основе этих данных создавать природоохранные территории.

Следующим этапом формирования ООПТ как природоохранной категории можно назвать XIX – начало XX в. Данный период характеризуется активной промышленной деятельностью развитых государств. Примерами этому можно считать создание и организацию работы ООПТ и охраны природных объектов на ней. Подтверждением этому могут послужить слова публициста XIX в. Вильгема Хайнриха Рилиа (1823–1897). Он говорил, что «в наших лесных деревнях еще сохранился уклад той естественной жизни в гармонии с природой. И не только лес, но и песчаные дюны, болота, пустоши, скалы, ледники – все это необходимое дополнение к полям. Остается только радоваться, что подобная красота сохранилась в нашей стране, она может служить источником народной силы и сознания» [12]. Данный период можно считать временем зарождения ООПТ (множество природных объектов, взятых под охрану в то время, являются природоохранными территориями и в наше время). Примерами таких территорий можно считать гору Дракенфельс («Драконья скала» в Германии). Гора на правом берегу реки Рейн примечательна тем, что является первым задокументированным примером изъятия природного объекта из хозяйственного пользования в собственность государства для последующей охраны (1836). Йеллоустонский национальный парк (Соединенные Штаты Америки): первая в мире особо охраняемая территория со статусом национального парка (1872), правовой статус закреплен в федеральном законе о создании национального парка [13].

В Российской империи активные природоохранные мероприятия начали проводиться только к концу XIX в. До этого (1725–1870) природные объекты находились в собственности землевладельцев, которые самостоятельно определяли их судьбу. Например, Положение о сбере-

жении лесов 1888 г., создание специальных органов (постоянная природоохранительная комиссия Русского Географического общества в 1909 г.), образование и организация деятельности ООПТ (Баргузинский государственный заповедник, созданный в 1916 г.). Наиболее значимым природоохранным событием стала выставка охраны природы (1913–1914 гг.), что показывало заинтересованность в сохранении природных комплексов и предотвращении экологических проблем не только со стороны государства, но и со стороны населения.

Таким образом, ООПТ позволяют сохранить, изучить и, в перспективе, преумножить редкие находящиеся на грани вымирания виды. Создание и организация деятельности ООПТ являются составной частью охраны природы. Институт ООПТ в современном виде хотя и появился около 150 лет назад, но его формирование началось еще в древности. Это позволяет сделать вывод о том, что еще в древние времена люди задумывались об исчерпаемости природных ресурсов, восхищались красотой отдельных природных объектов. Формирование института проходило в несколько этапов: создание мер для эффективной защиты и охраны природы (от ограничения посещения и деятельности до создания особого статуса для данных территорий), определение территорий, видов живых организмов, природных ландшафтов, которые нуждаются в охране и защите и закрепление статуса ООПТ в нормативных документах. Если рассматривать становление института ООПТ с точки зрения мотивов создания, то следует отметить, что они зависели от времени образования статуса данных территорий (введение ограничений на охоту для последующей царской охоты или эстетическое наслаждение природой или взгляд на природные объекты как потенциальный объект изучения), а также от региона их создания. Большую часть времени в западном регионе (Европа) ООПТ создавались или для привилегированного природопользования или как возможное решение для трудных времен (голода).

В азиатском регионе природу рассматривали как эстетически прекрасное и пытались добиться единения с ней, что сказалось на количестве ООПТ (насчитывается около 150 ООПТ, большинство из которых создано во второй половине XX–XXI в.). Но само создание ООПТ (независимо от основания) является очень важным шагом по охране природы, так как позволяет сохранить и передать будущим поколениям редкие и находящиеся на грани исчезновения ландшафты.

Список использованных источников

1. United Nations List of Protected Areas. IUCN, UNEP, 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/33388/18LPA.pdf?sequence=1>. – Date access: 10.03.2023.

2. Говорим на общем языке. Система категорий охраняемых природных категорий МСОП и ее применение на практике. – М. : Р. Валент, 2006. – 172 с.

3. Налимов, В.П. Священные рощи удмуртов и мари / В.П. Налимов // Охрана природы. – 1928. – № 4.

4. Дежкин, В.В. Заповедная природа: для нас и потомков. – М. : ЛОГАТА, 2000. – 176 с.

5. Штильмарк, Ф.Р. Историография российских заповедников / Ф.Р. Штильмарк. – М. : ЛОГАТА, 1996. – 340 с.

6. Реймерс, Н.Ф. Особо охраняемые природные территории / Н.Ф. Реймерс, Ф.Р. Штильмарк. – М., 1978. – 245 с.

7. Белоусов, В.В. Отопление и вентиляция : ч. 1 Отопление / В.В. Белоусов. – М. : Изд-во лит. по строительству, 1967. – 280 с.

8. Русская Правда (пространная редакция), перевод // Древнерусская литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm>. – Дата доступа: 10.03.2023.

9. Кутепов, Н.И. Царская охота на Руси : исторический очерк Николая Кутепова : в 4-х т. / Н.И. Кутепов. – СПб. : Экспедиция заготовки гос. бумаг, 1896–1911. – Т. 1 : Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI в. – 1896. – 211 с.

10. Хуэнь, Ли Чин «Поклонение жизни» как отличительная черта народной культуры внутренних регионов Азии / Ли Чин Хуэнь // Обществ. и гуманитар. науки. – М., 2007. – С. 167–169.

11. Leff The Trivium and the Three Philosophies / A History of the University in Europe. – Vol. I.

12. Мукало, С. История развития и значение первых крупных особо охраняемых природных территорий Германии в XIX – начале XX века / С. Мукало // Изв. Саратов. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 10–18.

13. Йеллоустонский национальный парк // Большая рос. энцикл. – Т. 12. – М., 2008. – 262 с.

УДК 343.98.06

Д.Д. Зык, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *П.В. Лутович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАШИФРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Посвящается проблеме криминалистического исследования зашифрованной информации, изъятой в ходе следственных и иных процессуальных действий. Приведены результаты анализа литературы, посвященной данной проблеме.

Сформулированы научно обоснованные предложения, направленные на повышение эффективности соответствующей практической деятельности.

Криминалистическое исследование зашифрованной информации является важной задачей в сфере кибербезопасности и борьбы с высокотехнологичными преступлениями. Зашифрованная информация, изъятая в ходе следственных и иных процессуальных действий из устройств лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, может содержать разнообразные следы противоправной деятельности (сведения о пользователях, IP-адреса, лог-файлы, данные финансовых транзакций и пр.).

Особую актуальность изложенному придают следующие факторы: повсеместное использование различных электронных устройств (смартфоны, планшеты, ноутбуки и пр.), увеличение объемов компьютерной информации, постоянное совершенствование этих методов и повышение доступности предлагаемых для их реализации средств; необходимость выявления и анализа такой информации при раскрытии и расследовании значительной части преступлений, в первую очередь совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Вопросы исследования шифрованных цифровых носителей в криминалистике получают все большее внимание в научной литературе. Исследователи рассматривают тему использования информационных технологий для получения и изучения криминалистически значимой информации в цифровой форме. О.В. Левченко, например, рассматривает возможность внедрения цифровых технологий в практику расследования преступлений и возможности дистанционного исследования цифровых носителей как одно из условий эффективности криминалистической деятельности [1, с. 70–73]. Обратной стороной законного использования этих информационных технологий является возможность совершения латентных преступлений с использованием средств шифрования. Это обусловлено тем, что большинство современных смартфонов в наши дни оснащены функциями безопасности для информации, которую они содержат, начиная от внешней защиты паролем до полного шифрования операционной системы.

Кроме того, подавляющее большинство пользователей используют программные приложения для отправки мгновенных электронных сообщений и совершения аудио- и видеозвонков с функцией шифрования передаваемой информации. Обладая познаниями в данной сфере, злоумышленники могут предпринимать попытки анонимизации и противодействия правоохранительным органам, а также использовать уязвимости мессенджеров, поддерживающих сквозное шифрование с использованием Signal Protocol и XMPP (например, WhatsApp или Viber) для несанкционированного получения доступа к информации. В то же вре-

мя использование программного обеспечения, обеспечивающее защиту информации методами полного шифрования, существенно затрудняет процесс сбора данных для их использования в качестве доказательств.

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным использовать возможности, предоставленные Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» для получения и исследования зашифрованной информации, имеющей юридическое значение, а также технологическое совершенствование арсенала специальных средств, применяемых оперативными сотрудниками.

Учитывая активное развитие информационно-коммуникационных технологий, их использование в преступных целях, представляется актуальным при проведении криминалистических исследований возможности удаленного получения и анализа зашифрованной информации, а также последующего использования результатов ее исследования в уголовном процессе. Технология шифрования в руках преступников стала мощным инструментом для сокрытия цифровых следов преступлений и противодействия расследованиям правоохранительных органов. В соответствии с п. 3 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь при производстве следственных действий могут быть использованы технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств преступления.

Процесс криминалистического исследования зашифрованной информации может включать следующие шаги:

1. Предварительный анализ зашифрованного файла – один из первых шагов в криминалистическом исследовании зашифрованной информации. Данный анализ может помочь определить тип используемого шифрования, его сложность и возможные методы для расшифровки.

Перечислим отдельные методы, которые можно использовать для предварительного анализа зашифрованного файла:

1.1. определение типа шифрования: существует множество разных типов шифрования, таких как симметричные и асимметричные шифры, шифры замены и перестановки, хэш-функции и т. д. Анализ зашифрованного файла может способствовать определению типа используемого шифрования;

1.2. анализ структуры файла: с помощью специальных программ, предназначенных для анализа файлов, можно определить структуру зашифрованного файла, например, выделить заголовок, тело и «хвост» файла. Структура зашифрованного файла может дать представление о его сложности и типе используемого шифрования;

1.3. анализ метаданных: метаданные файла, такие как дата создания и изменения, могут помочь определить, когда файл был зашифрован и, возможно, кто его зашифровал;

1.4. анализ содержимого файла: содержимое зашифрованного файла может содержать характерные признаки, такие как ключевые слова или последовательности символов, которые могут указать на тип используемого шифрования.

Анализ содержимого файла – это еще процесс исследования содержимого зашифрованного файла с целью определения его характеристик, таких как формат, тип содержимого, длина и т. д., без необходимости расшифровывать его. Кроме того, анализ содержимого файла может помочь в понимании типа используемого шифрования и сложности расшифровки файла, что может помочь в выборе методов для расшифровки.

Также может быть выполнено сравнение содержимого зашифрованного файла с другими файлами, чтобы определить, был ли файл когда-либо расшифрован, изменен или обработан.

2. Использование специализированных дешифрующих программ: существуют программы для анализа зашифрованных файлов, которые могут помочь в анализе структуры, содержимого и типа используемого шифрования. Перечислим некоторые из них:

Password Kit – программа для восстановления паролей и расшифровки файлов, которая поддерживает более 280 типов файлов и использует различные методы атак для расшифровки данных;

Elcomsoft Forensic Disk Decryptor – программа, которая позволяет расшифровывать зашифрованные диски и контейнеры TrueCrypt, BitLocker и PGP, используя методы brute-force и словарные атаки;

Johnthe Ripper – программа для взлома паролей, которая может использоваться для расшифровки файлов, защищенных паролем. Johnthe Ripper может использовать различные методы атак, такие как словарные атаки и brute-force;

Aircrack-ng – программа для взлома Wi-Fi сетей, которая может использоваться для расшифровки Wi-Fi трафика, защищенного шифрованием WEP или WPA. Aircrack-ng использует различные методы атак, такие как словарные атаки и brute-force (метод «грубой» силы);

Hashcat – программа для взлома паролей, которая может использоваться для расшифровки файлов, защищенных паролем. Hashcat может использовать различные методы атак, такие как словарные атаки и brute-force.

Однако необходимо отметить, что использование специализированных программ может быть ограничено типом используемого шифрования и сложностью защиты. Некоторые типы шифрования могут быть слишком сложными для расшифровки и могут требовать более продви-

нутых методов атак. Кроме того, использование таких программ может быть незаконным, если необходимо получить доступ к зашифрованным файлам без соответствующих разрешений и законных оснований. В связи с этим следует оценить все риски и обязательно соблюдать законодательство при использовании специализированных программ для расшифровки файлов.

Важно отметить, что во многих случаях зашифрованная информация может быть недоступна для расшифровки, если используется достаточно сильный шифр или если ключи доступа были утеряны. В таких случаях криминалистическое исследование может ограничиться сбором дополнительных доказательств, которые помогут в расследовании преступления.

В настоящее время необходимо создать систему, организующую добычу и изучение цифровых следов преступления, а также изучить вопрос получения цифровой информации с изъятых носителей. При разработке такой системы следует исходить из нескольких очевидных тенденций:

во-первых, технологии защиты информации постоянно развиваются, и в будущем они будут развиваться гораздо быстрее, чем внедряться средства преодоления такой защиты;

во-вторых, разработка технологий, преодолевающих защиту информации, осуществляется компаниями, имеющими соответствующие финансовые и интеллектуальные возможности.

в-третьих, каждая вновь изобретенная эффективная технология в XXI в. имеет некоторую ценность и обычно защищена авторским правом и патентным законодательством. По этой причине ее будет сложно внедрить в деятельность правоохранительных органов.

Еще одним востребованным подходом к криминалистическому исследованию зашифрованных носителей информации являются разработка и внедрение методов доступа к ним путем изучения личности преступника. Соответствующие приемы и методы используются в сфере так называемой социальной инженерии. Как объяснил в своей книге известный бывший хакер Кевин Митник, самым уязвимым местом любой системы безопасности является человеческий фактор [2, с. 48]. Эта возможность должна быть в полной мере использована в контексте уголовных расследований. Согласно исследованиям в области информационной безопасности пользователи в основном используют пароли длиной 6–10 символов, и только 8 % пользователей используют уникальные пароли, а остальные 92 % используют повторяющиеся пароли от других сервисов [3]. Способ доступа к цифровой информации, потенциально ценной для следствия, может быть основан на комплексном применении

методов сбора сведений о личности подозреваемого и использовании программных средств для их обработки.

На современном этапе развития правоохранительной системы стоит думать о создании информационно-исследовательских центров не по территориальному принципу, а по возможности использования тех или иных цифровых технологий обработки информации. Это утверждение поднимает другую, на наш взгляд, не менее актуальную тему в криминологической науке, связанную с исследованием и разработкой методов дистанционного изъятия и исследования компьютерной информации. Криминальный мир позаимствовал множество новейших технологических решений, которые злоумышленники используют в противоправной деятельности. Сегодня они совершают внушительное количество дистанционных преступлений не только корыстной направленности, но и преступлений, связанных с преступлениями против личности. В условиях, когда преступники активно используют технологии передачи информации для совершения преступлений, деятельность правоохранительных органов по-прежнему основывается на непосредственном присутствии субъекта расследования на месте проведения следственных или розыскных действий.

На основании вышеизложенного сформулируем следующие выводы:

1. Процесс криминалистического исследования зашифрованной информации может включать следующие шаги:

предварительный анализ зашифрованного файла;

использование специализированных дешифрующих программ.

2. Одна из приоритетных задач науки криминалистики – разработка и практическая реализация научно обоснованных методов использования технологий противодействия криптографической защите информации. Важнейший фактор эффективности правоохранительной деятельности – своевременное оснащение правоохранительных органов существующими информационными технологиями для борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. Левченко, О.В. К вопросу о формировании инновационной технологии расследования преступлений / О.В. Левченко // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2011. – № 3 (122). – С. 70–73.
2. Митник, К. Искусство обмана / К. Митник, В. Саймон. – М. : Ай Ти, 2004. – 304 с.
3. Исследование на тему паролей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/129052/>. – Дата доступа: 20.11.2022.

И.Д. Климов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Кравцова*

СТАБИЛЬНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ГАРАНТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проведен анализ мнений по вопросу определения понятия экономической безопасности государства, на основании чего предложено уточненное определение данного термина. Отражены угрозы экономической безопасности и способы их преодоления, обоснована необходимость создания механизмов реализации и защиты национальных интересов развития экономики.

Экономика представляет собой сложную, многоуровневую, развивающуюся систему. Экономическая система общества состоит из малых экономических систем – домохозяйств, отдельных предприятий, групп взаимосвязанных предприятий, отраслей и секторов и др. Развивающиеся экономические системы можно классифицировать на социально-экономические и технико-экономические подсистемы. К первой группе относятся экономико-политические, природно-экономические и экономико-демографические системы, ко второй – региональные, отраслевые и межотраслевые системы.

Данные подсистемы есть в любой экономической системе общества. Наряду с этим экономические системы характеризуются специфическими чертами. Сложная экономическая система имеет не только структурные, но и генетические связи. Это значит, что с развитием системы связи не остаются неизменными, поэтому структура и специфические черты экономической системы являются продуктом истории. Чем сложнее система общества, тем сильнее проявляется необходимость ее регулирования. В то же время, чем более высоко организована экономическая система, тем выше потребность в автономности и относительной свободе ее основных частей в результате возрастания их роли. Чрезмерное регулирование приводит к обратному эффекту, а именно к торможению развития экономики, что затрудняет реализацию основной цели экономической деятельности общества – повышения уровня жизни его членов.

Для исследования границ законодательного регулирования необходимо уяснить понятие «экономическая система общества», как результата взаимосвязи экономической системы и жизни общества.

Изучив мнения различных ученых-экономистов, можно выделить основные ее характеризующие элементы:

способ производства – единство производительных сил определенного уровня развития и соответствующих им производственных отношений (марксистское определение);

общность людей (социум), объединенных общим экономическим интересом;

совокупность производственных отношений;

закономерность деятельности человека как индивида и члена общества;

единство человека и общественного производства.

На основании изложенного предлагается сформулировать уточненное определение экономической системы, под которой следует понимать устойчивую совокупность хозяйствующих подсистем и элементов, взаимодействие которых обеспечивает воспроизводство необходимых условий жизнедеятельности общества.

Рассмотрение понятия, сущности и структуры экономической системы позволяет перейти к анализу механизмов, обеспечивающих ее устойчивость к внешним и внутренним воздействиям. В настоящее время основой стабильности и устойчивого развития любого государства является экономическая безопасность, что имеет определяющее значение для защиты национальных интересов государства, как на внутреннем, так и на международном уровне.

Вопросы в определении термина экономической безопасности рассматриваются с разных сторон учеными-юристами, экономистами и законодателями.

Проанализируем научные труды белорусских ученых, посвященные теме экономической безопасности: М.В. Мясникова [1], П.Г. Никитенко [2], Л.С. Мальцева [3], которые в совокупности определяли категорию «экономическая безопасность» как систему мер или комплекс условий, направленных на защиту общенациональных интересов экономической системы, которые оказывают регулирующее воздействие для противостояния внутренним и внешним угрозам, обеспечивают защиту и конкурентоспособность, устойчивость финансового положения и социально-экономическую стабильность.

В.В. Пузиков полагает, что экономическая безопасность – это состояние системы экономических отношений между субъектами хозяйствования (производителями и потребителями), индивидами, государственными институтами как в рамках национальной экономики, так и в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных экономических

интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений в оптимальном соотношении с интересами других субъектов хозяйствования [4].

Российский ученый Г.С. Вечканов, характеризующий экономическую безопасность как экономическую категорию, понимает как состояние экономики, при котором обеспечивается устойчивый экономический рост, оптимальное удовлетворение общественных потребностей, рациональное управление, защита экономических интересов на национальном и международном уровнях [5].

Видный российский экономист С.Ю. Глазьев рассматривает экономическую безопасность, как состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции [6].

В предложенных вариантах определения термина «экономическая безопасность» акцент сделан на успех (конкурентоспособность) исключительно применительно к внешним рынкам с имеющейся в них глобальной конкуренцией.

Таким образом, данные ученые характеризуют экономическую безопасность как состояние экономики и производственных сил общества, которые вместе образуют экономический базис общества, позволяющий обеспечивать поддержание должного уровня конкурентоспособности этой экономики, что обеспечивает защиту экономических интересов на национальном и международном уровнях.

Отличные от изложенных точек зрения предложили:

В.А. Лукашин, который дает следующее определение: экономическая безопасность – это такое состояние, в котором народ (через государство) может суверенно, без вмешательства и давления извне, определять пути и формы своего экономического развития. Экономическая безопасность тесно связана с категориями экономической независимости и зависимости, стабильности и уязвимости, экономического давления, шантажа, принуждения и агрессии, экономического суверенитета и т. п. [7].

Е.А. Олейников определяет экономическую безопасность страны как защищенность экономических отношений, определяющих прогрессивное развитие экономического потенциала страны и обеспечивающих повышение уровня благосостояния всех членов общества, его отдельных социальных групп и формирующих основы обороноспособности страны от опасностей и угроз [8, с. 29].

Все это свидетельствует о важности обеспечения такого уровня экономического и военного суверенитета, который мог бы позволить наро-

ду через органы власти того или иного государства реализовывать свои конституционные права и обязанности, в том числе и право на самоопределение, не взирая на внешнеполитическую обстановку в мире.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что первая группа ученых рассматривают экономическую безопасность как систему регулирующих мер, когда вторая группа ведет речь об экономической безопасности как о конкретном производстве в масштабах государства. Третья группа ученых определяют экономическую безопасность через защиту суверенитета народа и, соответственно, экономических отношений каждого отдельно взятого субъекта. В их определениях есть сходства: «экономическая безопасность» должна обеспечивать защиту внутренних и внешних интересов страны, а также конкурентоспособность самой экономической системы как совокупности субъектов международных экономических отношений.

Таким образом, можно выделить основную задачу экономической безопасности – защита национальных интересов государства. Исходя из определения законодателя, национальными интересами является совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь [9].

Проведем сравнение с Российской Федерацией, национальные интересы которой – это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства [10].

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет нам говорить о схожести национальных интересов Республики Беларусь с интересами Российской Федерации. По этой причине наблюдается общий подход в определениях понятий экономической безопасности. Для подтверждения этого суждения рассмотрим их определения, закрепленные в национальном законодательстве.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь экономическая безопасность определяется как «состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [9].

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года экономическая безопасность определяется

как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [11].

Рассмотрев мнения ученых-правоведов, экономистов и трактовки законодателя, считаем, что в структуру системы экономической безопасности имеется необходимость включения способности к возобновлению экономических процессов. Речь идет не только о производственном процессе, но еще и о ресурсной базе, поскольку последняя имеет свойство истощения как в вопросах трудоспособности населения, так и в возможностях окружающей среды. Соблюдение баланса в использовании этих взаимозависимых элементов позволит сохранить потенциал к развитию в долгосрочной перспективе.

Считаем необходимым обратить внимание на вопрос обеспечения безопасности, а именно на концептуальные ориентиры, которые должны быть направлены не на противостояние угрозам, а на предупреждение их возникновения, формирование среды безопасности. Речь должна идти не только о защите, а прежде всего о запасе прочности, внутренних механизмах поддержания устойчивого и сбалансированного развития экономики.

На основании изложенного предлагаем следующее уточненное определение экономической безопасности государства – это состояние защищенности государства в экономической сфере, обладающее механизмом поддержания устойчивого и сбалансированного развития экономики, воспроизводства ее основных параметров, ориентированное на предупреждение возникновения как внутренних, так и внешних угроз.

Для обеспечения выполнения поставленных задач экономическая система включает в свою структуру следующие элементы: экономическую независимость – контроль над национальными ресурсами; стабильность и устойчивость, создающие надежные условия и гарантии для предпринимательской активности; способность к саморазвитию и прогрессу. Анализ представленных структурных составляющих позволил выявить наиболее вероятные угрозы экономической безопасности Республики Беларусь: рост уровня бедности населения, имущественная дифференциация населения и массовая безработица; криминализация экономических отношений; обострение дифференциации экономического и социального развития регионов, вероятность появления которых подтверждена соответствующими показателями. Перечисленные угрозы имеют непосредственную связь с рядом внешних факторов, речь идет о проблемах, возникающих на международной арене.

При рассмотрении последних событий в сфере международных отношений стал очевиден ряд угроз в сфере финансовых отношений. В Российской Федерации и в Республике Беларусь, например, современные вызовы и угрозы финансового сектора связаны, в большей степени, с политическими факторами (конфликт на Украине) и экономическими последствиями от пандемии COVID-19. В настоящее время экономики государств испытывают серьезное давление со стороны других стран в виде наложения санкций в разных отраслях экономики. Не является исключением и финансовый сектор, об этом мы можем говорить по причине отключения ряда государственных и коммерческих банков от международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT, что привело к определенным негативным последствиям, связанным с затруднением проведения расчетов между юридическими лицами в процессе их хозяйственной деятельности, а также в виде дополнительных расходов со стороны национальных бюджетов на создание и реорганизацию своей системы расчетов. Дополнительные издержки вызывают рост цен на продукцию и снижение расходов на социальную сферу, а также ряд других последствий, которые наносят существенный ущерб национальным интересам.

Для решения задачи обеспечения экономической безопасности институтами власти необходимо создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития экономики, среди которых ключевое место занимает бюджетно-налоговая сфера, которая создана для того, чтобы обеспечить поддержание объемного уровня занятости населения, стабильной экономики и роста валового национального продукта, что, в свою очередь, требует прекращения практики бегства капиталов, поскольку данное явление – одна из наиболее значимых внутренних угроз экономической безопасности страны в целом. В основе бегства капиталов находится низкий уровень доверия к национальной валюте при высоком уровне инфляции, обусловленный спецификой экономико-политической системы общества. Таким образом, проблема финансовой безопасности увязывается с более широким комплексом проблем, связанных не только с политическими процессами на мировой арене, но и внутренними проблемами страны.

На основании проведенного анализа проблем финансовой безопасности и способов их решения заслуживает внимания рассмотрение опыта Российской Федерации. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259 «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором криптовалюта трактуется как вариант цифровой валюты, ее использование запрещено

в России для оплаты товаров и услуг. Ее использование допускает в качестве объекта инвестирования, что упрощает ситуацию с перемещением капиталов как на территорию РФ, так и за ее пределы [12]. В первую очередь этот шаг позволяет перемещать капиталы, минуя санкционные ограничения, о которых говорилось ранее, а также осуществлять это с высокой скоростью, снижая издержки и повышая доступность для широких масс, привлекая новых субъектов на рынок, к тому же это позволяет совершать операции, минуя посредников, что также в совокупности способствует стремительному росту количества обращений криптоактивов по всему миру. По оценкам экспертов из PricewaterhouseCoopers, к 2030 г. блокчейн-технологии обеспечат рост мировой экономики на 1,7 трлн долл. и к 2025 г. данная технология будет использоваться большинством компаний [13]. Самым известным продуктом на базе блокчейна являются криптовалюты, общая рыночная капитализация которых возросла в течение 2021 г. в четыре раза и в отдельные даты превышала 3 трлн долл. США [14].

В настоящее время ведущая криптовалюта биткоин занимает 16-е место по объему рыночной капитализации среди всех торгуемых активов (включая акции публичных компаний, драгоценные металлы), опережая рыночную капитализацию палладия, платины и такие компании, как Alibaba, Nestle, Samsung, Mastercard и многие другие мировые гиганты [15]. Это говорит об актуальности вопроса и необходимости детального регулирования со стороны законодателя в финансовой сфере.

Наличие специального налогового регулирования операций с криптоактивами позволяет влиять на привлекательность ведения деятельности в этой области в отдельных юрисдикциях и упрощать регулирование в данной сфере путем предоставления льгот участникам криптоотношений. По такому пути идет законодатель Республики Беларусь. Это нашло отражение в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 18 марта 2021 г. № 1) [16]. Приведенные сведения говорят об актуальности вопроса и необходимости дальнейшего регулирования льготного налогообложения со стороны законодателя.

На основании проведенного анализа проблем экономической и финансовой безопасности, а также норм белорусского и российского законодательства в сфере регулирования криптовалют предлагаем внесение изменений и дополнений в национальное законодательство, связанных с расширением статуса криптовалют, путем признания их универсальным средством платежа, не являющимся денежной единицей Республики Беларусь, денежной единицей иностранного государства и (или) междуна-

родной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему, именуемую реестром блоков транзакций (блокчейн).

Список использованных источников

1. Мясникович, М.В. Национальная безопасность Республики Беларусь: приоритетные направления социально-экономического устойчивого инновационного развития : сб. науч. тр. / М.В. Мясникович ; НАН Беларуси. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 300 с.
2. Никитенко, П.Г. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / П.Г. Никитенко, В.Г. Булавко ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2009. – 394 с.
3. Мясникович, М.В. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.] ; под ред. М.В. Мясниковича, Л.С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.
4. Пузиков, В.В. Экономическая безопасность и экономическая преступность / В.В. Пузиков, А.И. Громович. – Минск, 2001. – С. 43.
5. Вечканов, Г.С. Экономическая безопасность : учеб. для вузов / Г.С. Вечканов. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 245 с.
6. Глазьев, С.Ю. Безопасность экономическая. Политическая энциклопедия / С.Ю. Глазьев. – М. : Мысль, 1999. – Т. 1.
7. Лукашин, В.И. Экономическая безопасность : учеб.-практ. пособие / В.И. Лукашин. – М. : Флинт, 2010. – 210 с.
8. Олейников, Е.А. Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) : учеб.-практ. пособие / Е.А. Олейников [и др.]. – М. : Интел-Синтез, 1997. – 288 с.
9. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
11. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 13 мая 2017 г., № 208 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
12. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электрон-

ный ресурс] : Федер. Закон Рос. Федерации, 31 июля 2020 г., № 259-ФЗ : в ред. Федер. закона от 14.07.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2023.

13. Отчет PwC, ноябрь 2020 «Время доверять: причины на триллионы долларов, чтобы посмотреть на блокчейн по-новому» (Time for trust: The trillion-dollar reason to rethink blockchain) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/materials/blockchain-time-for-trust.pdf>. – Дата доступа: 21.02.2023.

14. Дульнева, М. Капитализация рынка криптовалют впервые превысила \$3 трлн 8 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] / М. Дульнева // Сетевое издание «forbes.ru». – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy/445299-kapitalizaciya-rynka-kriptovalut-vpervuyeprevysila-3-trln>. – Дата доступа: 09.03.2023.

15. Assets ranked by Market Cap. CompaniesMarketCap.com. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://companiesmarketcap.com/assets-by-market-cap>. – Date of access: 10.03.2023.

16. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Дата доступа: 10.03.2023.

УДК 343.622

А.В. Климович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Т.Л. Щерба*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматульский*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Рассматриваются нормы уголовного законодательства в различные периоды истории на территории современной Республики Беларусь. Анализируются становление и развитие норм уголовного законодательства, их изменения по тем или иным причинам.

Право на жизнь – это базовое, фундаментальное, неотъемлемое, а также естественное право человека. Следует отметить, что именно право человека на жизнь является первым рычагом и средством к реализации иных прав человека, поскольку без него невозможна речь и о существовании иных. Вышеуказанное право отразилось во всех конституциях демократических стран каждого континента нашей планеты, также данное право нашло свое отражение и на международном уровне: междуна-

родных пактах и конвенциях, ратифицированных большинством стран мирового сообщества. В число таких нормативных документов входят: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные акты о правах человека: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г. и др.

Идея охраны жизни ребенка не является для законодательства Беларуси новой, поскольку противодействие убийству возникло в далеком прошлом. Уголовная политика в разрезе многих веков была весьма неоднозначной и отличалась по своему содержанию. Еще в древности наше общество пришло к тому, что детоубийство необходимо законодательно ограничивать. Таким образом, наказание за детоубийство не следовало лишь в том случае, если данное деяние было совершено главой семейства – отцом. Нельзя оставить в стороне и право Европы в средние века, каноническое право квалифицировало убийство внебрачного ребенка к особенно тяжко наказуемым видам преступлений против жизни. Весьма большой период времени церковь, следовательно, и закон с особой строгостью относились к женщине, родившей ребенка вне брака, а также занимали такую сторону: убийство детей своими матерями признавалось квалифицированным составом [1, с. 10]. В Древней Руси детоубийство родителями своего младенца, в частности матерью, не являлось преступлением на протяжении длительного периода времени, но также считалось грехом. Следует отметить, как и Европейское средневековое право, так и Древнерусское были продиктованы церковью. Различие лишь только в том, что в Древней Руси такое преступление было отражено в уставах князей по каноническому византийскому праву и являлось больше посягательством на христианские устои семьи, а не на саму жизнь, и наказывалось церковью покаянием, вне зависимости от того, рожден ли ребенок в браке или нет.

С развитием общества ответственность за убийство матерью новорожденного нашла закрепление в следующих нормативных правовых актах: Статуты Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1566 г., 1588 г.; Соборное уложение 1649 г.; Указы Петра I 1714–1715 гг.; проект Уложения 1813 г.; Свод законов Российской империи 1835 г., Свод законов уголовных 1832 г., Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.

Исследуя Статуты ВКЛ представляется возможным выделить следующее: в Статуте ВКЛ 1529 г. отдельная статья либо норма, которая закрепляла бы ответственность родителей за убийство, а также за причинение какого-либо вреда здоровью их детей, отсутствовала. Статут 1566 г. (артикул 16 разд. 11) и Статут 1588 г. (артикул 7 разд. 11) уже

устанавливали такое деяние преступлением, но не относили его в раздел тяжких. В качестве наказания за убийство родителями ребенка назначалось тюремное заключение на 2 года и 6 недель. Дополнительным же наказанием являлось покаяние. После окончания срока наказания виновные родители обязаны были «еще до году чотырикроть при церкви, при костеле ... покутовати и визнавати явный грехъ свой перед всилюдми собранья християньского» [2, с. 190].

Соборное уложение 1649 г. подходит к уголовной ответственности более дифференцированно за убийство родителями ребенка, где убийство матерью ребенка, рожденного в браке, являлось менее опасным, чем убийство матерью ребенка, рожденного вне брака. Таким образом, ст. 3 гл. XXII предусматривает наказание в виде тюремного заключения на 1 год, а после налагает обязанность ходить в церковь и объявлять о своем грехе всем людям вслух за убийство ребенка, рожденного в браке. За убийство же блудной женщиной ребенка, рожденного вне брака, назначалась смертная казнь [3, с. 150].

Проанализировав Соборное уложение 1649 г. и Статуты ВКЛ, констатируем, что последние составлены под влиянием религии, где убийство ребенка, рожденного в браке, карается менее тяжело, нежели убийство ребенка, рожденного вне брака. Так, Соборное уложение 1649 г. и Статуты ВКЛ предполагали незначительные наказания для родителей, убивших детей в браке, что по сравнению с убийством внебрачного ребенка ярко контрастировало. Основанием такому закреплению наказаний является то, что последнее деяние нарушало две заповеди: «не прелюбосотвори» и «не убий», где каноническое право боролось не только с убийством, но и с блудом. Представляется возможным констатировать, что на фоне особой строгости и жестокости Соборное уложение 1649 г. предусматривало смертную казнь для детоубийц как единственное средство, с помощью которого возможно достичь целей канонического права, следовательно, достичь соблюдения всех религиозных законов. Также на фоне вышеуказанного уложения особо примечательными для нас являются и Указы Петра Великого: Указ от 4 ноября 1714 г. № 2856 и Указ от 4 ноября 1715 г. № 2953 [4, с. 733]. Исходя из содержания данных указов следует, что они направлены на создание особых домов воспитания с целью борьбы с детоубийством. Второй же указ вызывает особый интерес, поскольку дает мотивировку принимаемой меры и более того развивает ее основания. Данный указ предусматривал устройство таких домов воспитания в столице и других городах, куда женщины могли принести новорожденных на анонимной основе. В Указе 1715 г. было закреплено: «Но ежели такие незаконно рождающие явятся во умерщвление тех младенцев, и оные за такие злодейственные дела сами казнены будут смертью».

Следует отметить, что Уложение царя Алексея Михайловича действовало практически двести лет лишь с изменениями и дополнениями, касающимися наказания детоубийц. Петр I понимал несовершенство действующего законодательства, острою необходимость в систематизации, но не отменял Соборное уложение 1649 г., а принял решение дополнить его, в результате чего появился один из документов, дополняющих Соборное уложение 1649 г., – Артикул воинский 1715 г. Он был принят в момент проведения им военной реформы, а также содержал большое количество норм общеуголовного характера. Следует подчеркнуть, что в Артикуле воинском 1715 г. детоубийство было отнесено к квалифицированному виду убийства.

Весьма подробно рассмотрел детоубийство проект Уложения 1813 г. В пятом отделении «Об убийстве младенцев» и «О подкидывании младенцев» закрепляется детоубийство в ст. 381–389. Исходя из проведенного анализа последних, следует отметить, что в данных статьях нет четкой аргументации тому, по какому принципу данное деяние относится к квалифицированному составу. Однако, считаем, необходимо предполагать, что основанием тому является чувство стыда матери, что следует из ст. 381: «... ежели мать, утаив беременность свою, родит в скрытом месте...» и т. д. Убийство законных детей было закреплено также в п. 2 ст. 337.

Относительно наказаний, назначавшимся матери новорожденного ребенка, можно отметить следующее: наказание по ст. 381 предусматривало для привилегированных сословий в определении им жительства в какой-либо посторонней губернии, а для остальных – телесные наказания, часто – кнутом, а также ссылка на вечное поселение. Более того убийство законных детей каралось пожизненной каторгой, вырезанием ноздрей, а неосторожное же лишение жизни матерью ребенка при условии сокрытия беременности и при родах в скрытом месте тоже влекло за собой ответственность, но наказание в этом случае уже не было таким тяжким, а более меньшим.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что законодатель сделал анализ состояния действовавших тогда нормативных документах о детоубийстве. Предположенное смягчение наказания представляет собой особое событие, поскольку проекты были значительно проникнуты жестокостью в борьбе с преступностью [5, с. 742].

Свод законов уголовных 1832 г. не предусматривал особую наказуемость детоубийства, учитывая, что понятие «детоубийство» применялось лишь для определения убийства детей в чреве матери. Вместе с тем «детоубийство» ставилось наряду с «чадоубийством», «убийством матери или отца, а также иные», отнесены к особым видам убийства,

однако все они несут те наказания, которые положены за убийство, где о смертной казни не идет и речи.

Начиная с 1 января 1835 г. вступает в действие Свод законов российской империи, среди которых выделяются и уголовные, таким образом, в действительности, ставшие первым Уголовным кодексом Российской империи, более того, в нем были структурированно изложены положения Общей и Особенной части. Данный свод закреплял к умышленному убийству при отягчающих обстоятельствах наряду с братоубийством, убийством матери либо отца, чадоубийством (сына либо дочери) и детоубийством (малолетнего). Наказание же было в виде каторжных работ бессрочно. Следует подчеркнуть, что данный Свод законов, по сравнению с предыдущими, не выделяет в качестве привилегированного убийства незаконнорожденного ребенка.

Принятое же в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных закрепляло лишь два вида детоубийства. Убийство ребенка, которое являлось умышленным и рожденного в законном браке, признавалось согласно ст. 1451 данного уложения тяжким родственным убийством, более того наказывалось оно путем назначения пожизненных каторжных работ и лишения всех прав состояния. Следует также отметить, что только в одном случае наказание могло смягчаться и смягчалось оно тремя степенями: если мать совершила убийство своего ребенка от страха или стыда непосредственно при рождении ребенка, если не будет доказано, что она уже виновата в таком же преступлении [5, с. 824]. По сравнению же с наказанием за убийство ребенка, рожденного в законном браке, за убийство внебрачного ребенка несет лишение всех особенных, лично, а также по состоянию присвоенных прав и преимуществ, более того заключение в тюрьму на срок от четырех до шести лет. Следует отметить, что данное уложение в ст. 1469 выделяло привилегированное убийство – убийство матерью новорожденного ребенка в том случае, если он родился уродом.

Уголовное уложение, принятое в 1903 г., закрепляло детоубийство привилегированным по ст. 461: причинение смерти может быть реализовано только путем действий либо бездействий: неоказанием помощи новорожденному, в которой тот нуждается. Субъектом являлась только мать новорожденного, а также ребенок должен был быть рожденным вне брака, что касается мотива убийства, то о нем не упоминалось, а сам момент убийства определялся при рождении ребенка со слов матери. Следует отметить, что такое убийство определялось как менее опасное, связывали же это с физическими и моральными страданиями роженицы, что способствовало нарушению ее психического состояния, следовательно, она не способна была отдавать себе отчет в действиях, а также руководить ими. Ответственность за такое деяние наступала в виде за-

ключения в исправительном доме от 1,5 года до 6 лет, она являлась пониженной по сравнению с прошлыми принятыми нормами.

Таким образом, нам представляется возможность констатировать следующее: уголовное законодательство за убийство матерью новорожденного развивалось через ряд одних и тех же этапов в различной последовательности: непереследование законом матери, убившей новорожденного; закрепление его квалифицированным преступлением либо приравнивание такого к простому убийству; признание его привилегированным убийством по каким-либо причинам и основаниям.

Поясним, что колебания в законодательстве от квалифицированного к привилегированному убийству обосновываются борьбой между теоретиками-юристами и церковью. К аргументам сторонников квалифицированного убийства относили: лишение ребенка крещения, нарушение заповедей церкви матерью, где они ставят под строгий запрет внебрачные половые связи, злобу к невинной жертве без причины, которая говорит о большой степени развращенности преступника, близость кровного родства между родителем и ребенком и др. Теоретики-юристы же считали, что на наказание, а также ответственность матери оказывает особое влияние ее состояние, в которое она приходит после родов, следовательно, после причинения физического и морального вреда, обосновывающее ее выход из нормального психического состояния, а также неспособности давать отчет себе в своих действиях.

Обратимся к мнению И.Я. Фойницкого: «акт родов оказывает особое влияние на организм роженицы, а также должны быть учтены во время оценки совершенного деяния особенности соматического состояния, поскольку они отражаются на самой волевой деятельности» [6, с. 48]. С.В. Познышев говорил, что на первое место следует ставить особое положение роженицы, которое сказывается на душевном состоянии, а также ослабляющее ее способность осмысления и контроля своих действий [7, с. 56]. Таким образом, до 1917 г. при применении уголовного законодательства еще долго придерживались взгляда на признание убийства матерью новорожденного как состава со смягчающими обстоятельствами.

На этом развитие уголовного законодательства не остановилось и приобрело новый виток развития вместе с советским периодом. Обратимся к советскому периоду, соответственно, советскому законодательству, в связи с чем возникает вопрос: «Как и каким образом советский законодатель квалифицировал данное деяние?».

Исследуя законодательство того периода, можно отметить вновь меняющуюся позицию законодателя, отразившуюся в ст. 142 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.) [8], который рас-

пространял свое действие и на территории современной Беларуси. УК РСФСР 1922 г. не закреплял специальной нормы, которая бы предусматривала ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Более того законодатель не рассматривал такое убийство как убийство с привилегированным составом, а закреплял данное преступное деяние как совершенное при отягчающих обстоятельствах: убийство, совершенное лицом, у которого имелась обязанность по заботе об убитом, а также использование самого беспомощного состояния убитого. Таким образом, матери, убившей новорожденного, вменялось наказание по ст. 142 УК РСФСР 1922 г. Ученые того времени считали, что необходимо учитывать психотравмирующую ситуацию после родов, так как она приводила к аффективному состоянию роженицы, но на тот момент законодатель счел этот аспект не нуждающимся в правовом закреплении. Однако судебная практика часто пользовалась тем, чтобы смягчить размер назначаемой меры наказания по ст. 28 УК РСФСР 1922 г., а в порядке исключения искусственно квалифицировала данное деяние по ст. 156 УК РСФСР 1922 г. – оставление в опасности. Инструктивное письмо от 22 ноября 1926 г. № 2 уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР говорило о том, что преступление, совершенное в первый раз, должно быть встречено мерой социальной защиты в виде лишения свободы на минимальные сроки, а также применением по возможности условного осуждения, однако если детоубийство, совершенное культурной матерью и в относительно благоприятных условиях, то уголовно-кассационная коллегия не может применить мягкие меры социальной защиты [9, с. 27–28].

Исследовав УК БССР 1928 г., констатируем, что положение матери, убившей новорожденного, не изменилось, по-прежнему законодатель закреплял данное преступное деяние как совершенное при отягчающих обстоятельствах [10].

Что же касается Уголовного кодекса БССР 1960 г., то убеждения ученых о том, что психотравмирующая ситуация есть и она влияет на состояние матери, дало свои плоды. Убийство матерью новорожденного стало квалифицироваться не как квалифицированное убийство, а как разновидность простого убийства [11].

В Уголовном кодексе (УК) Республики Беларусь 1999 г., действующем с изменениями и дополнениями и сегодня, констатируем изменения в квалификации преступления, совершаемого матерью в отношении ребенка. Данное преступление закреплено в ст. 140 УК Республики Беларусь. Проанализировав диспозицию статьи, отметим, что такое преступление имеет ряд обязательных признаков: 1) наличие психотравмирующей ситуации; 2) убийство должно быть совершено во время родов

или после них. Исходя из этого следует, что убийство, совершенное не во время или после родов, а также без наличия психотравмирующей ситуации, не может быть квалифицировано как привилегированный состав по ст. 140 УК Республики Беларусь. Психотравмирующая ситуация в нашем контексте – психофизическое состояние женщины, проявляющееся после родов из-за перенесенных мучений, как физических, так и моральных, влияющее на способность женщины понимать происходящее, в связи с чем законодатель выделяет такое убийство как привилегированное.

Таким образом, проанализировав ряд юридической литературы, законодательство, действовавшее на территории ныне суверенной Республики Беларусь, констатируем, что квалификация убийства матерью новорожденного ребенка прошла неоднозначный путь. Начиная со Средних веков, путем квалификации как особо тяжкого преступления, заканчивая сегодняшним днем как привилегированное убийство, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации.

Список использованных источников

1. Кургузкина, Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение / Е.Б. Кургузкина ; под ред. Ю.М. Антоняна. – Воронеж : Ин-т МВД России, 1999. – С. 151.
2. Катушонок, О.В. Ретроспективный анализ ответственности на внутрисемейное насилие / О.В. Катушонок // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. – 2013. – № 134. – С. 190–194.
3. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова // Законодательство Древней Руси. – Т. 3. – М. : Юрид. лит., 1984. – 511 с.
4. Гернет, М.Н. Детоубийство по русскому праву / М.Н. Гернет // А се грехи злые, смертные. Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века : в 3-х кн. / изд. подгот. Н.Л. Пушкирева, Л.В. Бессмертных. – Кн. 1. – М. : Ладомир, 2004. – 752 с.
5. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Н.С. Таганцев. – 11-е изд., пересм. и доп. – С.-Петербург : Гос. тип., 1901. – С. 925.
6. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная / И.Я. Фойницкий. – 7-е изд., доп. и пересмотр. – Петроград : Юрид. о-во при Петрогр. ун-те, 1916. – 446 с.
7. Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права / С.В. Познышев. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1912. – 499 с.
8. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 года [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовых и технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757375>. – Дата доступа: 10.12.2022.
9. Пионтковский, А.А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности / А.А. Пионтковский. – М. : Юрид. изд-во : НКЮ СССР, 1938. – 136 с.

10. Уголовный кодекс БССР, введен в действие с 15 ноября 1928 г. [Электронный ресурс] // Pravo.by. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. – Дата доступа: 11.12.2022.

11. Уголовный кодекс БССР, введен в действие с 1 апреля 1961 г. [Электронный ресурс] // Pravo.by. – Режим доступа: https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа: 11.12.2022.

УДК 343.8

В.М. Куницкий, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Яловик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Ковальчук*

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Рассматриваются сущность наказания в виде общественных работ, предусмотренного ст. 49 и 110 Уголовного кодекса Республики Беларусь, особенности его применения к несовершеннолетним, отдельные вопросы назначения и исполнения. Проанализированы статистические данные, изменения и дополнения данных норм уголовного закона. Обоснованы предложения по дальнейшему совершенствованию этого наказания и практики его применения в отношении несовершеннолетних.

Перспективным направлением расширения социальных основ уголовной политики стало расширение сферы применения наказаний, не связанных с ограничением и лишением свободы, совершенствованием различных форм исправления преступников без изоляции от общества. В их число входит и наказание в виде общественных работ, включенное в систему наказаний в 1999 г. с принятием новых Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Беларусь (УК, УИК), которое регламентируется ст. 49 УК, а в отношении несовершеннолетних дополнительно – специальной нормой, предусмотренной ст. 110 УК [1].

Наказание в виде общественных работ является сравнительно новым для белорусского уголовного законодательства наказанием, которое применяется лишь с 1 января 2001 г., и, как свидетельствует статистика, является достаточно эффективным его видом. Практика применения наказания судами Республики Беларусь постоянно расширяется. Согласно статистическим данным, начиная с 2013 г. произошел резкий скачок при-

менения общественных работ (2013 г. – 7,8 %; 2014 г. – 8,5 %; 2015 г. – 9,7 %; 2016 г. – 9,9 %; 2017 г. – 11 %; 2018 г. – 11,7 %; 2019 г. – 12 %; 2020 г. – 12,9 %; 2021 г. – 11,7 %; 2022 г. – 12,3 %) [2, с.154].

Сущность этого наказания заключается в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ, – уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ) органов внутренних дел. Лицо не изолируется от общества и не теряет полезных, необходимых социальных связей, его повседневная жизнь не претерпевает больших изменений, связанных с необходимостью выделять значительное количество времени на выполнение общественных работ.

Особенность этого вида наказания для несовершеннолетних осужденных заключается в том, что время общественных работ, отбываемых несовершеннолетним, в отличие от взрослых, не может превышать трех часов в день и трех дней в неделю. Осужденными, получающими образование либо имеющими постоянное место работы, общественные работы отбываются в свободное от учебы или основной работы время.

За период действия норм, предусмотренных ст. 49 и ст. 110 УК, законодатель неоднократно обращался к их совершенствованию, вносил изменения и дополнения. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 419 УК, которая регламентировала уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ, исключена. В связи с декриминализацией ст. 419 УК законодатель одновременно дополнил ст. 49 УК ч. 6, согласно которой за нарушение осужденным к наказанию в виде общественных работ порядка и условий отбывания наказания в соответствии со ст. 27 УИК УИИ направляет в суд представление для решения вопроса о замене общественных работ более строгим наказанием [3]. Тем самым был введен институт замены назначенного наказания при уклонении от его отбывания более строгим без привлечения осужденного к уголовной ответственности за уклонение от отбывания общественных работ. Следует отметить также, что ст. 110 УК была подвергнута изменению Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», в соответствии с которым в ст. 110 УК слова «получающимися в учреждениях образования» были заменены словами «получающимися образованием». Кроме того, законодатель расширил перечень лиц, которым не могут назначаться обществен-

ные работы, исключил указание о применении общественных работ в качестве дополнительного наказания.

Вместе с тем, как показывает анализ, в практике назначения и исполнения общественных работ продолжают иметь место нерешенные вопросы, которые указывают на возможность дальнейшего совершенствования законодательного регулирования данного наказания, улучшая тем самым действие норм, обеспечивающих эффективность общественных работ.

Так, администрация организаций по месту отбывания осужденным наказания в виде общественных работ обязана осуществлять контроль за выполнением определенных для него работ, ежемесячно представлять в УИИ сведения о количестве часов, в течение которых осужденный отбывал наказание в виде общественных работ. В то же время на УИИ возложена обязанность проверять, отработал ли осужденный в неделю не менее 12 часов, что с учетом отсутствия представляемых сведений является практически нереализуемым.

Согласно п. 1 ч. 4 ст. 49 УК общественные работы не могут быть назначены лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, соответственно, в ст. 110 УК закреплено, что общественные работы назначаются осужденному, достигшему 16-летнего возраста ко дню постановления приговора суда. Труд осужденных, как отмечает И.М. Куприенко, должен быть направлен на благо общества, т. е. осужденный в период отбывания наказания занимается общественно полезной деятельностью и приносит конкретному городу, району пользу, которая выступает как форма организации воспитательной работы, способствует коррективке личности осужденного [4, с. 122].

Наказание в виде общественных работ, на наш взгляд, следует распространить и на возрастную категорию лиц, достигших четырнадцати лет.

В ст. 13 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК) прописан запрет на принудительный труд, в то же время не считается принудительным трудом работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законности при исполнении судебных приговоров. Кроме того, ст. 272 ТК допускает с письменного согласия одного из родителей (усыновителей (удочерителей), попечителей), что трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим четырнадцати лет, для выполнения легкой работы или занятия профессиональным спортом, которые: 1) не являются вредными для его здоровья и развития; 2) не препятствуют получению общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования [5].

В соответствии со ст. 23 УИК наказание в виде общественных работ исполняют УИИ по месту жительства осужденных на объектах, определяемых местными исполнительными и распорядительными органами

по согласованию с инспекцией. Перечень легких видов работ, которые могут выполнять лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, утверждается республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в области труда. Представляется, что к таковым работам, назначаемым несовершеннолетним в возрасте до 16 лет, можно отнести экологическое оздоровление территорий (благоустройство и озеленение, сохранение и развитие лесопаркового хозяйства, зон отдыха и туризма); подсобные работы в организациях агропромышленного комплекса и торговли и др. Внесение изменений в законодательство в аспекте регламентации перечня работ, на которых разрешается использовать труд осужденных несовершеннолетних к наказанию в виде общественных работ, позволит внести ясность в деятельность местных исполнительных и распорядительных органов относительно формирования перечня объектов для исполнения этого наказания.

В связи с вышеизложенным целесообразно дополнить ст. 110 УК ч. 2, сформулировав ее следующим образом: «2. Наказание в виде общественных работ к осужденному, достигшему четырнадцати лет, допускается лишь в случае выполнения легкой работы и соответствия ее условий требованиям, установленным законодательством о труде». Одновременно необходимо внести изменения и в ч. 4 ст. 49 УК, исключив п. 1, запрещающий применение общественных работ к лицам, не достигшим 16-летнего возраста. Следует предусмотреть обязательное наличие согласия виновного на применение к нему меры наказания в виде общественных работ либо указание на то, что назначение общественных работ возможно только по его просьбе. Данное предложение объясняется тем, что государство тем самым будет соблюдать принцип гуманизма уголовного закона и нормы международных актов, которые устанавливают запрет принудительного труда.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по состоянию 23 янв. 2023 г. – Минск : Акад. МВД, 2023. – 232 с.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь за 2022 год / И.В. Медведева, Е.И. Кухаревич [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 374 с.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 янв. 2000 г., № 365-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Куприенко, И.М. Обусловленность наказания в виде общественных работ: карательная и исправительная меры воздействия / И.М. Куприенко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 120–123.

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 343.8

В.А. Молодых, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Яловик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.А. Кашевский*

УТРАТА ГРАЖДАНСТВА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ

Рассматриваются меры обеспечения ответственности граждан, участвующих в экстремистской деятельности или причиняющих тяжкий вред интересам Республики Беларусь, находящиеся за пределами республики. С учетом изменений и дополнений законодательства раскрываются основания и механизм утраты гражданства как иной меры реализации принципа неотвратимости наказания. В целях более полного обеспечения реализации данного принципа предлагается дополнить примечание к ст. 19 Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 163-3 «О гражданстве Республики Беларусь».

На пути всего человеческого развития преступность являлась сопутствующим элементом эволюции, искоренить ее не представляется возможным, но можно поддерживать на безопасном для общества уровне. Особенно это важно, когда условия и причины преступности изменяются, когда внедряются новые технические устройства и средства, позволяющие добиваться преступного результата иными способами, которые были ранее неизвестны или не изучены. Государству необходимо неуклонно идти в ногу со временем и немедленно реагировать на возникающие угрозы охраняемым общественным отношениям, проявлять настойчивость в реализации принципа неотвратимости наказания лиц, совершающих преступления, особенно экстремистской направленности.

В уголовно-правовой доктрине существуют различные точки зрения по поводу понимания принципа неотвратимости ответственности. В полной мере согласимся с позицией Э.А. Саркисовой, которая под неотвратимостью ответственности понимает, что каждый гражданин, нарушивший уголовно-правовые запреты, должен понести ответ перед

государством, что может быть выражено в применении к нему наказания или иной меры уголовной ответственности, либо в совершении им позитивных постпреступных действий, направленных на восстановление социальной справедливости [1, с. 17].

Одним из феноменов, повлиявшим на формирование и организацию преступной среды в Республике Беларусь, стало развитие информатизации и цифровизации. Особенно это проявилось в 2020 г., когда ряд источников информации в различных социальных сетях стремительно пропагандировали насилие и способы неконституционного захвата власти, дискредитировали государственные органы, в том числе и правоохранительные, распространяли ложные сведения, декларировали оскорбительные лозунги в адрес государственных служащих и сотрудников органов внутренних дел, провоцировали граждан на совершение актов насилия и экстремизма в целях добиться желаемого преступного результата.

Граждане, нарушившие в тот период действующее уголовное законодательство и скрывающиеся от ответственности за пределами Республики Беларусь, рассчитывают на свою безнаказанность и неуязвимость, а многие из них продолжают вести преступную деятельность против своего государства, призывают к необоснованным санкциям, объединяются в незаконные вооруженные формирования и т. д.

В такой ситуации реализация принципа неотвратимости наказания в отношении таких граждан возможна лишь с использованием такой формы международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, как экстрадиция. Экстрадиция подразумевает выдачу одним государством другому лица, совершившего общественно опасное деяние и находящегося вне пределов своего государства, для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международными договорами. В случаях отсутствия такого договора, лица могут быть выданы иностранному государству на основе принципа взаимности при условии соблюдения требований законодательства Республики Беларусь.

Однако европейские и некоторые другие страны отказываются выполнять свои обязательства по международным договорам о выдаче находящихся у них граждан белорусского государства для привлечения их к уголовной ответственности. В связи с этим возник проблемный вопрос о том, какие иные правовые меры могут способствовать реализации принципа неотвратимости ответственности в отношении лиц, совершивших преступления экстремистской направленности и скрывающихся за пределами Республики Беларусь?

В ч. 2 ст. 19 Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 163-3 «О гражданстве Республики Беларусь» предусматривалась возможность

утраты гражданства Республики Беларусь лица, достигшего 18-летнего возраста, лишь в связи с наличием вступивших в законную силу приговора суда Республики Беларусь, судебного решения по уголовному делу иностранного государства, приговора или иного решения международного трибунала (суда), смешанного трибунала (суда), подтверждающих участие этого лица в экстремистской деятельности или причинение им тяжкого вреда интересам Республики Беларусь [2].

Следовательно, данная норма не распространялась на граждан, совершивших преступления экстремистской и террористической направленности и скрывающихся за пределами республики. Эта проблема дискутировалась в юридическом сообществе, широко обсуждалась депутатами Национального собрания Республики Беларусь. В результате законодатель принял Закон Республики Беларусь от 5 января 2023 г. № 242-3 «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон), которым внесены изменения и дополнения в Закон о гражданстве, вступившие в силу с 11 июля 2023 г., определяющие правовые основания утраты (лишения) гражданства этой категорией граждан.

Так, в ч. 3 ст. 19 Закона предусмотрена возможность утраты гражданства Республики Беларусь лицом, достигшим 18-летнего возраста, в связи с наличием вступившего в законную силу приговора суда Республики Беларусь, подтверждающего участие этого лица в экстремистской деятельности или причинении им тяжкого вреда интересам Республики Беларусь, – если такое лицо находится за пределами Республики Беларусь.

Одновременно в примечании к ст. 19 Закона закреплено, что под участием в экстремистской деятельности или причинением тяжкого вреда интересам Республики Беларусь понимается совершение в любой форме лицом, достигшим 18-летнего возраста, независимо от места его совершения хотя бы одного из деяний, признанных в Республике Беларусь преступлениями, предусмотренными ст. 122–137, 287, 289, ч. 2 ст. 290, ст. 290¹–293, ч. 4 ст. 294, ч. 4 ст. 295, ч. 4 ст. 309, ч. 3 ст. 311, ч. 3 ст. 322, ч. 3 ст. 323, ч. 3 ст. 324, ч. 2 ст. 333, ст. 356, 357, 359–362 и ч. 2 ст. 367 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК); ч. 2 ст. 363, ст. 364, 366 и 388 УК, совершенными по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды либо по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы.

С учетом анализа нововведений можно выделить следующие обстоятельства, при которых может быть принято решение об утрате лицом гражданства: наличие гражданства белорусского государства и вступившего в законную силу приговора суда, подтверждающего его участие в

экстремистской деятельности или причинение тяжкого вреда интересам Беларуси; нахождение за пределами Республики Беларусь.

Вместе с тем с учетом дополнений в УК, внесенных Законом Республики Беларусь от 9 марта 2023 г. № 256-3, данный перечень требуется дополнить вновь принятым составом преступления, предусмотренным ст. 289¹ «Пропаганда терроризма» УК [3].

На наш взгляд, принятые меры не являются нарушением основополагающих принципов и норм Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) относительно прав и свобод человека и гражданина, как полагают некоторые «оппозиционные» средства массовой информации, так как в нормах Конституции, принятых на референдуме 27 февраля 2022 г., закреплено, что приобретение и прекращение гражданства осуществляются в соответствии с законом (ч. 4 ст. 10), а государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь (ст. 59) [4].

Важно также обратить внимание на то, что законодатель не исключает возможность восстановления гражданства, но с соблюдением определенных условий, предусмотренных ст. 15¹ «Восстановление в гражданстве Республики Беларусь», подразумевающих возвращение на Родину, отбытие назначенного судом наказания, постоянное проживание в республике, соблюдение и уважение Конституции и иных актов законодательства, обязательство в дальнейшем их соблюдать и уважать.

Подводя итог, как следует из анализа принятых норм, можно констатировать, что они позволяют обеспечивать применение мер ответной реакции государства на противоправные экстремистские действия граждан, скрывающихся за пределами Республики Беларусь. Закон «О гражданстве Республики Беларусь» в новой редакции, УК с последними изменениями и дополнениями обеспечивают реализацию принципа неотвратимости ответственности граждан, участвующих в экстремистской деятельности или причиняющих тяжкий вред интересам Республики Беларусь, совершенствование правового регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с утратой (лишением) гражданства таких лиц, обеспечением внутренней безопасности и стабильности в государстве.

Список использованных источников

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 559 с.

2. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 163-3 : в ред. от 05.01.2023 г. № 242-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 4 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 342.9

А.Н. Мосийчук, выпускник магистратуры факультета
повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Кривонощенко*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Проводится содержательный анализ состояния и разработанности правового регулирования информационно-коммуникативной деятельности, осуществляемой в системе органов внутренних дел. Рассматриваются нормативные правовые акты, составляющие правовую основу закрепления направлений, форм, методов и пределов осуществления информационно-коммуникативной деятельности органов внутренних дел во внешне направленном и внутриорганизационном информационном контурах. Резюмируется, что правовая база развита, что отражается в достаточной заданности и детализированности правовых норм с учетом уровней управления, характера и содержания информационного воздействия, использования коммуникационных каналов распространения, охвата целевой аудитории и других особенностей.

Органы внутренних дел (ОВД) представляют собой открытую социальную систему, атрибутивными признаками которой является наличие внутреннего и внешнего информационных контуров, создаваемых для циркулирования (получения, анализа, обработки, передачи, производства и других операций) информации различного целевого назначения,

направленности, свойства и содержания. Более того, на современном этапе развития в структуре служебной деятельности ОВД информационно-коммуникативная функция имеет первостепенное значение, как в системе организационно-управленческой деятельности, так и в рамках административно-юрисдикционной, оперативно-розыскной, профилактической, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности, выступая их необходимым обеспечивающим элементом.

Посредством указанной деятельности осуществляется формирование информационно-коммуникативного (в том числе сетевого) пространства как одной из задач государственной идеологии и информационной политики (пропаганды, взаимодействия, информационного противодействия), его содержательное наполнение и развитие, обеспечивается представленность в нем ОВД.

О возрастании внимания к понятию, содержанию и реализации информационно-коммуникативной функции, повышению ее значения и роли в системе управления ОВД свидетельствует ряд публикаций последних лет среди отечественных ученых (Е.Н. Мисун [1, с. 57–62], А.А. Постникова [2, с. 69–70] и др.).

Залогом качественной и эффективной реализации информационно-коммуникативной деятельности ОВД выступает (наряду с организационным механизмом) *достаточность ее правового обеспечения*, посредством которой достигается должный уровень упорядочения общественных отношений, юридическая заданность, четкость и детализированность правовых норм, регламентирующих правила поведения различных субъектов в указанной сфере, а также правовой статус уполномоченных государственных органов.

Правовое обеспечение как разновидность родового понятия «обеспечение» применяется для совершенствования правовой основы в определенных областях жизнедеятельности, в которой предусматриваются направления правового регулирования, перспективные формы взаимодействия субъектов. Содержание понятие «правовое обеспечение» зависит от характеристик объекта, на который оно направлено, в него также включаются элементы организационного характера.

В.М. Редкоус обосновывает позицию, согласно которой «в рамках правового обеспечения объединяются как правотворческая деятельность по созданию соответствующей правовой основы, сама правовая основа, а также деятельность по ее реализации» [3, л. 37–38]. Кроме того, среди ученых-юристов имеется мнение, согласно которому правовое обеспечение указывается в качестве функции уполномоченных подразделений того или иного государственного органа или связывается с самостоятельной сферой деятельности органа государственного управления (исполнительной власти) в целом.

Из анализа имеющихся в научной литературе подходов к понятию «правовое обеспечение» следует, что большинство ученых раскрытие сторон данного феномена сводят:

к принятию и реализации системы мер юридической регуляции общественных отношений, делающих реальной правотворческую, правоприменительную (регулятивную и правоохранительную) деятельность в сфере государственного управления [3, л. 37–38; 4, с. 86–87];

правовому регулированию общественных отношений соответствующего вида или в соответствующей области государственного управления [5, с. 426; 6, с. 29–46];

созданию нормативных правовых актов, регулирующих организацию и деятельность органов государственной власти и управления, в том числе в отдельных сферах, отраслях административно-правового регулирования [7, с. 138–141; 8, с. 287–289].

Несмотря на различия в подходах к пониманию правового обеспечения, можно выделить общее для всех определений – наличие действительно функционирующей нормативно-правовой основы управленческой деятельности, которая способна обеспечить упорядочение не только имеющихся общественных отношений, но и тех, которые могут появиться в будущем.

Таким образом, правовая основа общественных отношений представляет собой совокупность принципов, норм и институтов, определяющих содержание правового регулирования и правового обеспечения определенного круга общественных отношений.

В качестве основной цели правового обеспечения нужно выделять придание системе общественных отношений определенного уровня нормативности, в которой были бы закреплены правовые средства, применение и использование которых позволило бы эффективно обеспечивать должный уровень реализации ИКД, а также реализуются прогностическая и регулятивная функции права, осуществляется их взаимодействие, результатом которого становится создание системы правовых норм (административно-правовой основы), способных регулировать правовые отношения не только в данный момент, но и в перспективе.

По юридическому содержанию относящихся к ним социально-правовых элементов и тип регулятивной направленности соответствующих им средств (приемов) и способов весь комплекс элементов и мер правового обеспечения В.А. Козбаненко делит на три правообеспечивающих блока:

социально-правовой – состоит из таких социально-правовых элементов, как правосознание, правовое воспитание, правовая психология, правовая культура, правопонимание. В него также входят группы мер, ко-

торые связаны с научно-правовым, кадрово-правовым, информационно-правовым обеспечением и социально-правовым мониторингом;

правотворческий – нормативное правовое (материально-правовое и процессуально-правовое) обеспечение, юридико-техническое обеспечение (юридические конструкции, терминология и способы построения нормативно-правовых актов) и систематизация права;

правоприменительный – образуют группы мер, которые реализуются при осуществлении оперативно-исполнительного обеспечения, правоохранительной деятельности, контрольно-правового обеспечения, толкования права и иных мер, обеспечивающих реализацию права [9, с. 26–31].

Правовую основу закрепления направлений, содержания и пределов осуществления информационно-коммуникативной деятельности ОВД, с учетом уровня управления (стратегический, тактический, оперативный), формирования и содержания информационного материала, использования коммуникационных каналов распространения, охвата целевой аудитории составляют следующие основные нормативные правовые акты:

1. Во внешне направленном информационном контуре:

Это прежде всего документы стратегического и программного характера:

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1), которая представляет собой систему официальных взглядов на сущность и содержание обеспечения национальной безопасности в информационной сфере, определяет стратегические задачи и приоритеты в области обеспечения информационной безопасности, обеспечивает комплексный подход к проблеме информационной безопасности, создает методологическую основу для совершенствования деятельности по ее укреплению, служит основанием для формирования государственной политики, выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности, конструктивного взаимодействия, консолидации усилий и повышения эффективности защиты национальных интересов в информационной сфере. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь отмечается, что в современных условиях в целом белорусскому информационному пространству в полной мере свойственны мировые тренды информатизации, в том числе перевод СМИ в цифровой формат (дигитализация), сочетание их различных типов (мультимедийность), адаптация информационного продукта к распространению через сеть Интернет, сближение и слияние в нем различных типов СМИ (конвергенция).

Стратегия совершенствования информационно-коммуникативной деятельности ОВД и внутренних войск Министерства внутренних дел (МВД) Республики Беларусь [10]. Стратегия является основой для организации мероприятий информационно-пропагандистского характера, противодействующего информационному давлению, направленному на преднамеренную дискредитацию ОВД; подготовки предложений нормативного правового, научно-методического и организационного характера, способствующих повышению эффективности информационно-коммуникативной деятельности ОВД, совершенствования сотрудничества со средствами массовой информации и общественными объединениями. В качестве приоритетных направлений совершенствования информационно-коммуникативной деятельности определяются (п. 7 Стратегии):

концентрация усилий на укрепление авторитета и формирование положительного имиджа сотрудников;

повышение уровня взаимного доверия и расширения партнерства между ОВД и государственными органами, общественными объединениями, иными организациями, гражданами;

осуществление мониторинга материалов, касающихся деятельности ОВД, размещаемых в СМИ, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе открытыми сетевыми ресурсами (видеоблоги, социальные сети, мессенджеры);

оперативное реагирование на конструктивную критику в СМИ;

правовое просвещение и профилактика правонарушений;

расширение присутствия в сети Интернет и максимальное использование возможностей сетевых коммуникаций (социальные сети, видеохостинги, блоги и др.);

иные мероприятия информационного характера.

Информационная стратегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020–2025 годы, утвержденная Министром информации и Министром внутренних дел Республики Беларусь 27 ноября 2019 г., и механизм ее реализации; План мероприятий по правовому просвещению граждан в 2021–2025 годах, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2021 г. № 107.

Отдельную группу регулирования информационно-коммуникативной деятельности и реализации одноименной функции управления составляют нормативные документы тактического и оперативного уровня управления, которые мы кратко рассмотрим ниже.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» [11], которым определяется назначение и виды

СМИ, условия, порядок и принципы деятельности СМИ, в том числе ведомственных и сетевых изданий, учреждаемых в Республике Беларусь, а также иностранные СМИ в части, касающейся их деятельности на территории Республики Беларусь и (или) распространения их продукции, порядок их регистрации и распространения информационной продукции, а также основания для отказа в осуществлении журналистской деятельности.

Указ Президента Республики Беларусь от 5 декабря 1997 г. № 630, которым установлен порядок реагирования должностных лиц на критические выступления в государственных СМИ.

Приказ МВД Республики Беларусь от 2 июля 2021 г. № 188 [12], согласно которому информационно-коммуникативную деятельность следует считать одним из важных направлений служебной деятельности, которое необходимо осуществлять с учетом складывающейся оперативной обстановки, в соответствии с требованиями законодательства и локальными правовыми актами МВД.

Данный приказ обязывает руководителей всех уровней системы МВД организовать своевременное предоставление в подразделения информации и общественных связей (ИОС), внештатные корреспондентские пункты ОВД достоверной информации о служебной деятельности по профилактике, выявлению, пресечению правонарушений, проводимых специальных программах и операциях, имиджевых мероприятиях, иной информации, относящейся к деятельности ОВД и внутренних войск МВД, для последующего освещения в СМИ и распространения в глобальной компьютерной сети Интернет.

Этим же приказом руководители подразделений ИОС обязаны расширять в рамках компетенции информационное присутствие в сети Интернет (включая создание новых форм и источников информирования населения о деятельности ОВД в социальных сетях и мессенджерах) с соблюдением норм и требований, установленных правовыми актами.

Приказом МВД Республики Беларусь от 28 апреля 2017 г. № 104 определен порядок и периодичность проведения руководящим составом ОВД воспитательно-профилактической работы с гражданами, основными задачами которой являются формирование у граждан правовой культуры и право послушного поведения, активной позиции в предупреждении правонарушений, оказании помощи правоохранительным органам в поддержании правопорядка в государстве, предусмотрев участие в проводимых воспитательно-профилактических мероприятиях в организациях, на предприятиях, в учреждениях образования или по месту жительства граждан.

Кроме того, информационно-коммуникативная функция во внешнем информационном контуре регламентируется рядом других нормативных

и локальных правовых актов (в частности, данная функция находит свое проявление в ходе рассмотрения обращений граждан и организации их личного приема [13]).

2. Во внутриорганизационном информационном контуре:

Приказ МВД Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 333 «Об организации идеологической работы в органах внутренних дел», согласно которому информационно-коммуникативная деятельность является частью проводимой с личным составом и работниками ОВД идеологической работы.

Информационно-коммуникативная деятельность как направление идеологической работы с личным составом ОВД – система мероприятий по созданию благоприятной информационной среды, обеспечивающей эффективное коммуникативное взаимодействие сотрудников и работников ОВД в процессе горизонтальных и вертикальных коммуникационных связей и отношений, а также с внешней информационной средой, способствующей продуктивному выполнению стоящих перед ОВД задач, которые включают:

организацию защиты чести и достоинства сотрудников, а также деловой репутации ОВД через материалы и опровержения в СМИ с последующим обращением в суд. На уровне нормативного правового акта утверждены:

Инструкция о порядке защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД и военнослужащих внутренних войск МВД, деловой репутации ОВД и внутренних войск МВД;

Комплекс мер по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД и военнослужащих внутренних войск МВД [14];

проведение разъяснительной работы с сотрудниками ОВД по вопросу размещения на личных страницах в социальных сетях текстовых файлов, фото- и видеоматериалов, способных нанести вред личной безопасности сотрудников (членов их семей), вызвать негативный общественный резонанс, подорвать авторитет и престиж ОВД, а также организацию работы по изъятию таких материалов. Приказом МВД Республики Беларусь от 11 апреля 2019 г. № 23 с целью регулярного доведения сотрудникам и лицам из числа гражданского персонала достоверной информации об обстановке в стране и за рубежом, основных направлений внутренней и внешней политики государства, актуальных проблемах служебной деятельности ОВД, проводимых мероприятиях образовательной, научной, профессиональной, гражданско-патриотической, духовно-нравственной, психологической и спортивной направленности, проведения опросов (изучения мнения) сотрудников по различным

вопросам жизнедеятельности ОВД предписано создать в мессенджере Telegram частные информационные каналы;

информационное противодействие негативным факторам и возникающим угрозам в информационно-коммуникативной сфере. Нормативно установлен порядок реагирования на негативную информацию в СМИ и глобальной компьютерной сети Интернет, который состоит из двух взаимосвязанных этапов:

мониторинга (включающего процедуры поиска, выявления, сбора, анализа, передачи такой информации), реализуемый ОВД и подразделениями по компетенции;

реагирования, по итогам анализа и оценки негативной информации, с учетом эффективности и целесообразности в каждой конкретной ситуации могут применяться следующие меры: игнорирование; опровержение; информационное сообщение; пресс-мероприятие (пресс-конференция, брифинг и т. п.), официальный комментарий [15].

Во исполнение приказа МВД Республики Беларусь от 18 июня 2020 г. № 54 в целях усиления личной безопасности сотрудникам ОВД запрещено размещение фото-, аудио-, видеоматериалов и текстовой информации о служебной деятельности, режимных помещениях ОВД, оружии, боевой и специальной техники, если это не вызвано служебной необходимостью; сведений компрометирующего характера.

Кроме того, одной из форм информационно-коммуникативной деятельности является текущее информирование, составная часть пропагандистской работы, задачами которой являются доведение и разъяснение сотрудникам информации об обстановке в стране и за рубежом, основных направлениях внутренней и внешней политики государства, актуальных проблемах служебной деятельности, другой информации, имеющей общественное значение (реализуемых в ходе еженедельного информирования и единых дней информирования).

Таким образом, рассмотрение состояния административно-правового обеспечения оснований и порядка реализации информационно-коммуникативной деятельности в ОВД, с учетом уровня управления, содержания и направленности информационного воздействия, использования коммуникационных каналов распространения, охвата целевой аудитории позволяет сделать следующие выводы.

1. В настоящее время информационно-коммуникативная деятельность в системе управления ОВД имеет развитую правовую основу, посредством которой закреплены направления, содержания и пределы осуществления информационно-коммуникативной функции, с учетом уровня управления (стратегический, тактический, оперативный), фор-

мирования и содержания информационного материала, использования коммуникационных каналов распространения, охвата целевой аудитории, а также закреплён статус уполномоченных госорганов.

2. Применительно ко всей системе правового обеспечения и в разрезе каждого ее элемента все нормы права в области организации и порядка реализации различных форм информационно-коммуникативной деятельности ОВД можно разграничить на три большие относительно самостоятельные группы: 1) устанавливающие правила и требования в информационно-коммуникативной сфере, гарантирующие защиту соответствующих общественных отношений; 2) регламентирующие деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих информационно-коммуникативную деятельность; 3) закрепляющие юридическую ответственность за нарушение правил, инструкций и требований, установленных в информационно-коммуникативной сфере.

3. Должный уровень нормативного регулирования информационно-коммуникативной деятельности (в контексте ее внешней и внутренней направленности) позволяет:

во-первых, разрабатывать и реализовывать государственную политику в области общественной безопасности, адекватную складывающейся в республике обстановке, с учетом развития различных криминогенных факторов и достижений развития программно-технических средств;

во-вторых, формировать и поддерживать необходимое правовое поле деятельности различных субъектов в данной сфере общественных отношений, контролировать соблюдение установленных правил и требований к порядку фиксации, обработке, передаче, использования информации, полученной с помощью информационно-коммуникативной деятельности, в случае выявления нарушений привлекать виновных лиц к установленной законом ответственности;

в-третьих, правильно применять в рамках правового поля приемы, способы и средства информационного воздействия, оптимально подходящие с учетом цели, объекта, анализа конкретной ситуации, условий изменяющихся факторов внешней (в том числе информационной) среды, взаимных интересов участников информационных и правоохранительных отношений.

Список использованных источников

1. Мисун, Е.Н. Коммуникационная политика органов внутренних дел Республики Беларусь: перспективы развития / Е.Н. Мисун // Журн. БГУ. Сер. «Философия. Психология». – 2017. – № 3. – С. 57–62.

2. Постникова, А.А. Информационно-коммуникативная деятельность органов внутренних дел как составная часть деятельности по обеспечению обще-

ственной безопасности / А.А. Постникова // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 февр. 2021 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2021. – С. 69–70.

3. Редкоус, В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках СНГ : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / В.М. Редкоус. – М., 2011. – 431 л.

4. Козбаненко, В.А. Правовые основы государственного управления. Общая часть : учеб. и науч.-практ. пособие / В.А. Козбаненко. – М. : ЭКМОС, 2003. – 320 с.

5. Административное право : учебник / под общ. ред. Л.М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2013. – 416 с.

6. Макарова, Е.Г. Административно-правовое обеспечение пожарной безопасности в Российской Федерации : монография / Е.Г. Макарова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 192 с.

7. Ліпкан, В.А. Національна безпека України : навч. посібник / В.А. Ліпкан. – 2-е вид. – Київ : КНТ, 2009. – 576 с.

8. Основы государственного управления : учеб. пособие / Н.Б. Антонова [и др.] ; под ред. С.Н. Князева, Н.Б. Антоновой. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 415 с.

9. Козбаненко, В.А. Правовое регулирование и правовое обеспечение государственного управления: сущность и содержание : учеб.-метод. пособие / В.А. Козбаненко. – М. : ИПК гос. служащих РАГС при Президенте РФ, 2002. – 103 с.

10. Стратегия совершенствования информационно-коммуникативной деятельности ОВД и внутренних войск МВД : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 9 сент. 2019 г. № 249.

11. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.05.2021 г. № 110-3 / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

12. Об организации информационно-коммуникативной деятельности : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 2 июля 2021 г. № 188.

13. Об утверждении Инструкции по организации работы с обращениями граждан и юридических лиц и ведения делопроизводства по ним в ОВД и внутренних войсках МВД : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 26 дек. 2018 г. № 363.

14. О защите чести, достоинства и деловой репутации : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 15 окт. 2020 г. № 203 : в ред. приказа М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 4 мая 2021 г. № 122.

15. О реагировании на негативную информацию в средствах массовой информации и глобальной компьютерной сети Интернет : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 17 янв. 2020 г. № 17.

Т.В. Новик, выпускник магистратуры факультета
повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.В. Боровая*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕНИ ОТДЫХА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируется классификация видов времени отдыха по законодательству Республики Беларусь, указывается на необходимость уточнения термина «государственные праздники», используемого при изложении норм Трудового кодекса Республики Беларусь, обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в классификацию социальных отпусков.

Одной из важнейших гарантий социальной защищенности работников является время отдыха. Оно дает возможность восстановить силы, как физические, так и моральные, для качественного выполнения работником своих трудовых обязанностей. Время отдыха напрямую связано с рабочим временем: чем продолжительней рабочее время, тем быстрее наступает период утомляемости. В связи с этим очень важно соблюсти баланс времени работы и времени отдыха. Именно рациональное сочетание труда и отдыха создает предпосылки для продуктивной работы, повышения производительности труда, сохранения профессионального долголетия и работоспособности.

Одним из самых актуальных вопросов, касающихся всех без исключения работников независимо от государства и исторического периода, является закрепление в нормативных правовых актах порядка предоставления и использования права на отдых. Следует отметить, что правовые нормы, регулирующие время отдыха на протяжении всей истории развития белорусского трудового законодательства, постоянно изменяются, дополняются и совершенствуются.

На протяжении последних лет практически при каждом изменении Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК) уделялось внимание совершенствованию правового регулирования порядка предоставления того или иного вида времени отдыха (например, в 2014 г. и 2019 г. изменения коснулись дополнительных специальных перерывов, работы в выходные дни, предоставления трудовых и социальных отпусков и др.).

Время отдыха в зависимости от его продолжительности можно разграничить на кратковременное (перерывы в течение рабочего дня, еже-

дневный (междусменный) отдых) и долговременное (выходные дни, государственные праздники, отпуска).

Самым непродолжительным видом времени отдыха являются *перерывы в течение рабочего дня* (перерыв для отдыха и питания, дополнительные специальные перерывы). Итак, перерывы в течение рабочего дня – это кратковременные периоды времени отдыха в течение рабочего времени, которые предоставляются работникам, как правило, для определенных целей (отдых и питание, кормление ребенка, обогрев и пр.). Согласимся с мнением большинства исследователей в области трудового права, которые все перерывы в течение рабочего дня (смены) разделяют на общие (предоставляются всем работникам) и специальные (устанавливаются только в определенной области, для конкретных видов работ или категорий работников) [1–3].

Следует обратить внимание, что правовая регламентация как общих перерывов, так и специальных, конкретизируется и дополняется в соответствующих специальных нормативных правовых актах.

Ежедневный (междусменный) отдых представляет собой отрезок времени между окончанием рабочего дня (смены) и началом следующего рабочего дня (смены). Данный вид отдыха в гл. 11 ТК не обозначен, о нем упоминается в ч. 3 и 4 ст. 125 «Сменная работа и режим рабочего времени при сменной работе» ТК.

Еженедельный непрерывный отдых (выходные дни) исчисляется с момента окончания рабочего дня (смены) накануне выходных дней и до момента начала рабочего дня после выходного дня. Вместе с тем к выходным дням относятся также дни отдыха, положенные работникам в связи со сверхурочными работами (отгулы), а также предоставляемые донорам.

Согласимся с мнением К.Л. Томашевского о том, что «название этого времени отдыха требует уточнения, более четко отражающего его особенности» [4, с. 327].

Предлагаем, разграничить термины еженедельный непрерывный отдых (выходные дни) (к данному понятию отнести время отдыха, которое положено работнику в рамках одной недели) и иные неоплачиваемые дни отдыха (например, отгулы и др.).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь» (далее – Указ о государственных праздниках) помимо выходных дней работники могут отдыхать в дни, установленные в Республике Беларусь «в ознаменование событий, имеющих особое историческое либо общественно-политическое значение для страны, оказавших существенное влияние на развитие бело-

русского государства и общества» (например, 9 Мая – День Победы; 3 июля – День Независимости Республики Беларусь и др.). Такие дни относятся к государственным праздникам. Также нерабочими могут быть и праздничные дни, т. е. иные посвященные выдающимся событиям, традиционным датам, чествованию работников определенной профессии, отрасли хозяйства или сферы деятельности дни (1 и 2 января – Новый год, 8 Марта – День женщин, 1 мая – Праздник труда и т. д.).

При этом государственные праздники и праздничные дни могут быть рабочими (например, 15 марта – День Конституции, 17 сентября – День народного единства и др.). В ТК же под государственными праздниками и праздничными днями понимаются дни, которые в соответствии с Указом о государственных праздниках признаются нерабочими, что вызывает трудности при предоставлении таких дней в правоприменительной практике. В данном случае возникает несогласованность юридической терминологии ТК с Указом о государственных праздниках. Полагаем, что в ТК следует разъяснить данный термин в ст. 1, изложив его в следующей редакции: «государственные праздники и праздничные дни – это государственные праздники и праздничные дни, которые признаются нерабочими в соответствии с актами законодательства.»

Отпуск – это наиболее продолжительный вид времени, предназначенный для отдыха. С точки зрения обычного человека, отпуск всегда ассоциируется со временем отдыха, однако, как правильно отмечает О.С. Хохлакова в своих трудах, в нормативных правовых актах и судебной практике понятие «отпуск» используется для обозначения совсем иных действий [5, л. 3].

Так, под отпуском понимаются и другие разнообразные случаи освобождения работников от выполнения ими своих обязанностей на определенный срок: в связи с беременностью и родами (отпуск по беременности и родам); для ухода за детьми (отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет); с целью получения образования (учебный отпуск); для подготовки, завершения диссертационных работ (творческие отпуска) и по иным основаниям. Круг явлений, который охватывает термин «отпуск», довольно широк. Это связано с тем, что различные виды отпусков имеют разное назначение: для отдыха; для обеспечения других прав и интересов работников, таких как образование, материнство, воспитание детей и т. д.

Между тем все отпуска, предоставляемые в соответствии с трудовым законодательством, имеют некоторые общие признаки, прежде всего к таким относятся освобождение работника на весь период отпуска от исполнения трудовых обязанностей и сохранение прежней работы.

Под отпуском понимается «освобождение работника от работы по трудовому договору на определенный период для отдыха и иных со-

циальных целей с сохранением прежней работы и заработной платы в случаях, предусмотренных Трудовым кодексом Республики Беларусь» (ст. 150 ТК).

Это общее понятие, которое подразумевает разделение отпусков на «периоды для отдыха», т. е. трудовые отпуска, а также «периоды для иных социальных целей», т. е. социальные отпуска. В свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 150 ТК к трудовым отпускам относятся основной и дополнительные. К социальным относятся отпуска, связанные с материнством и воспитанием детей (по беременности и родам, по уходу за детьми), в связи с получением образования, выполнением государственно значимых задач либо пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, в связи с определенными жизненными обстоятельствами (по уважительным причинам личного и семейного характера).

Вместе с тем отметим, что классификация отпусков ч. 2 ст. 150 ТК не содержит перечисления всех видов социальных отпусков, предусмотренных ТК и другими актами законодательства Республики Беларусь.

Например, к таким отпускам относятся:

отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка (ст. 186 ТК);

кратковременный отпуск без сохранения заработной платы, который наниматель обязан предоставить отдельным категориям работников по их желанию (ст. 189 ТК);

кратковременный отпуск без сохранения заработной платы, который наниматель предоставляет по договоренности между работником и нанимателем (ст. 190 ТК);

отпуск без сохранения или с частичным сохранением заработной платы, предоставляемый по инициативе нанимателя (ст. 191 ТК).

Кроме этого, предоставление кратковременных отпусков без сохранения заработной платы предусмотрено и другими нормативными правовыми актами. К ним, например, относятся кратковременные отпуска без сохранения заработной платы работникам, проходящим службу в резерве, на время занятий и учебных сборов (ч. 4 ст. 62 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХІІ «О воинской обязанности и воинской службе»); при усыновлении (удочерении) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 330 «О государственной поддержке семей, усыновивших (удочеривших) детей»; для нахождения в режиме самоизоляции (абз. 5 п. 14 Указа Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2020 г. № 143 «О поддержке экономики») и другие, а также отпуска, предусмотренные коллективным договором (соглашением). Они не названы в качестве социальных отпусков ни в ТК, ни в иных нормативных правовых актах. Однако, поскольку

трудовым законодательством предусмотрено предоставление работнику только трудовых и социальных отпусков, а указанные отпуска к трудовым не относятся, то их условно можно отнести к социальным.

Согласимся с мнением А.А. Греченкова, что предусмотренная ч. 2 ст. 150 ТК классификация социальных отпусков «является недостаточно точной, она не в полной мере согласована с конкретными видами этих отпусков, указанными в соответствующих статьях гл. 12 и других глав ТК» [6].

С учетом изложенного предлагаем дополнить п. 2 ч. 2 ст. 150 ТК абзацами следующего содержания:

«иные кратковременные отпуска, предусмотренные законодательством или коллективным договором, соглашением.»

Таким образом, можно сделать вывод, что понятия и виды времени отдыха определены трудовым законодательством. Однако некоторые термины, обозначающие тот или иной вид времени отдыха (например, государственные праздники и праздничные дни), для единого понимания необходимо закрепить в ТК. Требуется уточнений и классификация социальных отпусков.

Дополнение ТК в части, касающейся понятия и видов социальных отпусков, будет способствовать устранению правовой неопределенности в установлении времени отдыха работникам.

Список использованных источников

1. Трудовое право : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по юрид. специальностям / А.А. Греченков. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 375 с.

2. Трудовое право Республики Беларусь : учеб.-метод. комплекс / И.В. Гуштин, Л.Я. Аврамчик, А.Г. Авдей ; под ред. И.В. Гушина. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 333 с.

3. Трудовое право России : учебник / А.В. Гребенщиков [и др.] ; под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 655 с.

4. Курс трудового права. Особенная часть : в 3 т. / общ. и науч. ред.: О.С. Курyleва, К.Л. Томашевский. – Минск : Амалфея, 2014. – Т. 2, кн. 1 : Индивидуальное трудовое право / А.А. Войтик [и др.]. – 370 с.

5. Хохрякова, О.С. Правовое регулирование отпусков: история, теория, перспективы совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05 / О.С. Хохрякова. – М., 1992. – 356 л.

6. Греченков, А.А. Правовое регулирование социальных отпусков в Республике Беларусь в контексте конвенций МОТ о труде отдельных категорий работников / А.А. Греченков // Международные трудовые стандарты и национальное законодательство о труде и социальном обеспечении (к 100-летию МОТ) : сб.

науч. тр. V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 нояб. 2019 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: К.Л. Томашевский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 166–170.

УДК 347.77

И.А. Печенко, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *Н.Н. Ермолкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Войтюль*

ИНТЕРНЕТ-АККАУНТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Рассматривается вопрос о возможности наследования прав на интернет-аккаунты в Республике Беларусь. Раскрывается соотношение интернет-аккаунта и цифрового актива. Приводятся аргументы в пользу признания интернет-аккаунта одним из объектов гражданских прав. Демонстрируются примеры заполнения правового пробела самими социальными сетями.

Еще несколько лет назад социальные сети использовались как средство общения и развлечения, а сейчас они превратились в платформу для получения полноценного дохода с помощью рекламы или продажи определенного продукта в аккаунте пользователя. Для многих он представляет материальную ценность. На фоне этого появляется закономерный вопрос: «Что будет с аккаунтом в случае смерти пользователя и может ли он перейти в порядке наследования к другим лицам?». В законодательстве Республики Беларусь на этот вопрос однозначного ответа нет, следовательно, в настоящее время он остается открытым. Однако ввиду того что в последнее время крайне популярной становится деятельность блогеров, артистов, шоуменов и пр., для которых аккаунты являются средством заработка, следует ожидать и массу спорных вопросов в этой сфере, которые должны быть разрешены. В связи с этим нами поддерживается мнение, что правоотношения в цифровой сфере, в том числе возникшие в связи с аккаунтами, должны быть урегулированы нормами права.

Опираясь на опыт США, В.Н. Гаврилов предлагает в соответствующей главе Гражданского кодекса закрепить возможность наследования прав на интернет-аккаунты и правовой механизм их оформления [1, с. 14]. Это продиктовано тем, что в 2014 г. в США (в штате Дэлавер) путем приравнивания виртуальных аккаунтов умершего к его обычным документам закрепили положения, предусматривающие возможность оформления права собственности на интернет-аккаунты, принадлежащие умершим гражданам, и включить их в наследственную массу [2, с. 46].

Исследуя законодательство Республики Беларусь по данному вопросу, можно прийти к выводу, что положения, прямо предусматривающие возможность оформления права собственности на интернет-аккаунты, принадлежавшие умершим гражданам, отсутствуют. Однако в ст. 1031 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) гарантируется право наследования без каких-либо исключений [3]. Так, согласно п. 1 ст. 1033 ГК в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью [3]. На первый взгляд, аккаунт не может быть объектом наследования, ведь он связан с личностью пользователя, поскольку представляет собой совокупность данных о лице, создавшем его. Но аккаунт не входит и в определенный в п. 2 ст. 1033 ГК перечень прав и обязанностей, которые исключены из наследственной массы, поскольку неразрывно связаны с личностью наследодателя [3]. Этот перечень является закрытым и расширенному толкованию не подлежит.

Однако, исходя из смысла п. 1 ст. 1033 ГК, на наш взгляд, интернет-аккаунт все же может входить в состав наследства [3].

В вопросах компьютерной тематики аккаунт обычно обозначает набор личных данных, позволяющих распознавать и идентифицировать пользователей. Синонимом является понятие «учетная запись» подписчиков.

Российский ученый О.И. Босык определяет аккаунт как компьютерный код, содержащий сведения, которые пользователь сообщает о себе компьютерной системе, а пользователи воспринимают его как личную страницу, содержащую совокупность неких сведений на определенном интернет-ресурсе [4, с. 90].

Следует согласиться и с мнением Е.В. Пасынковой о том, что аккаунт представляет собой цифровой актив [5, с. 70]. Цифровой актив так же, как и любой другой актив, должен иметь коммерческую ценность.

Основная ценность аккаунта как цифрового актива и как средства заработка – количество подписчиков. Чем больше пользователей подписано на определенный аккаунт, тем больше шанс, что кто-то из них заинтересуется рекламой, размещаемой на аккаунте, или же пользователь купит продукт, в случае если владелец аккаунта продает его через социальную сеть. В связи с этим для размещения рекламы или внедрения рекламной интеграции в первую очередь обращаются к пользователям аккаунтов с большим количеством подписчиков.

Учитывая материальную и коммерческую ценность интернет-аккаунта, не удивляет и тот факт, что аккаунт все чаще становится объектом сделок, что прямо законодательством также не урегулировано, но

нет по этому поводу и прямого запрета. Так, например, на российской бирже аккаунтов социальных сетей SMMACC цена аккаунта социальной сети Instagram, посвященного теме кулинарии, с 1,6 млн подписчиков достигает отметки в 5 млн российских рублей, а для сравнения, аккаунт с такой же тематикой, но с количеством подписчиков 300 тыс., стоит 450 000 российских рублей [6].

Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, «смысл категории объектов гражданских прав заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, то есть возможности или невозможности совершения с ними определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат» [7, с. 158].

Вышеизложенное, на наш взгляд, дает основание рассматривать аккаунт как объект гражданских прав, поскольку в соответствии с содержанием наполнением (контентом) аккаунт пользователя в полной мере соответствует понятию «имущество». По мнению В.В. Шпаковской, признание цифровых активов объектом гражданских прав позволит обеспечить переход данного имущества от наследодателя к наследникам [8, с. 280], т. е. позволит наследовать аккаунты по правилам, определенным наследственным правом. Однако рассматривать аккаунт необходимо как «иное имущество», как и все объекты, созданные с использованием новых технологий, и известные в настоящее время гражданскому законодательству. Вместе с тем следует согласиться и с мнением Ю. Анисимовой в том, что виртуальное имущество может быть включено в наследственную массу в том случае, если оно порождает права и обязанности у пользователя аккаунта, т. е. несет в себе коммерческую ценность [9, с. 84].

В связи с рассматриваемой проблемой немаловажное значение имеет доказывание принадлежности аккаунта наследодателю. Множество пользователей, регистрируя аккаунт, вводят не свое имя, а вымышленный псевдоним, что усложняет установление факта принадлежности аккаунта. По нашему мнению, наследодатель в таком случае должен в завещании указать данные аккаунта, которые могут быть известны только ему, например, логин и пароль аккаунта. Если же наследодатель не составил завещание, то в таком случае целесообразно будет воспользоваться правилами наследования по закону, определенными ст. 1056–1063 ГК [3].

Учитывая тот факт, что механизм наследования аккаунта отсутствует в законодательстве множества стран, социальные сети разрабатывают свое решение данной проблемы. Например, в социальной сети «ВКонтакте» предусмотрена процедура меморизации аккаунтов умерших людей, позволяющая оставить памятную фотографию и отметить страни-

цу человека отметкой «Страница умершего человека». Она появится на месте, где указывается время, когда владелец аккаунта в последний раз заходил на страницу. Но прежде чем родственник получит доступ к аккаунту умершего, он должен предоставить администратору социальной сети цифровую копию свидетельства о смерти. И только после этого он сможет перевести страницу в памятный статус или просто удалить аккаунт [10]. Однако, учитывая пользовательское соглашение социальной сети, вряд ли наследник даже по завещанию в настоящее время сможет получить доступ к аккаунту, разве только с целью отметить его как «Страницу умершего человека», что, конечно же, не говорит о наследовании аккаунта.

Более интересный, на наш взгляд, механизм предложила социальная сеть Facebook. Суть его в том, что владелец аккаунта еще при жизни может выбрать и установить памятный статус, назначив хранителя своего аккаунта из числа своих «друзей» на сайте, или автоматически удалить аккаунт. При этом хранитель не может полностью пользоваться аккаунтом, но может получить доступ к некоторым его данным. В таком случае Facebook может предоставить доступ к такой информации только в соответствии с действительным завещанием или другим законным документом, в котором четко указано согласие на то владельца аккаунта [11]. Представляется, что установление владельцем памятного статуса аккаунта и назначение в связи с этим хранителя облегчит процедуру установления наследника в случае, если наследодатель не оставил завещание. Это действие фактически определяет наследника аккаунта еще при жизни наследодателя.

Как отмечалось выше, пользовательское соглашение некоторых социальных сетей не позволяет в настоящее время иметь доступ к аккаунту наследникам – наследники могут лишь отметить аккаунт как аккаунт умершего или его удалить. То же самое касается и аккаунтов, представляющих собой интернет-магазины. По сути, эти аккаунты обезличены, так как являются торговой площадкой. Следует отметить, что пользовательское соглашение большинства социальных сетей не разграничивает понятия аккаунта для личного пользования и аккаунта для предпринимательской деятельности, кроме социальной сети Instagram, которая предусматривает создание аккаунта, представляющего собой интернет-магазин. Однако в случае смерти фактического владельца такого аккаунта социальная сеть не сможет передать доступ к нему наследнику, так как это является нарушением пользовательского соглашения [12]. Следовательно, если наследник будет иметь доступ к аккаунту, то его использование приведет к нарушению правил социальной сети.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

Хотя в настоящее время предлагаются различные правовые механизмы по поводу перехода аккаунта в порядке наследования к другим лицам, однако, на наш взгляд, в связи с наследованием интернет-аккаунта нет необходимости в глобальной переработке разд. VI «Наследственное право» ГК. Достаточно на законодательном уровне отнести аккаунт и иные цифровые активы в соответствии со ст. 128 ГК к «иному имуществу», что позволит обеспечить переход интернет-аккаунта от наследодателя к наследникам.

Препятствием к созданию эффективного механизма наследования аккаунта либо другого цифрового актива является не только пробел в законодательстве, а в первую очередь правила самой социальной сети. Поскольку указаний, запрещающих или ограничивающих переход интернет-аккаунтов в порядке наследования к другим лицам, законодательство Республики Беларусь не содержит, по нашему мнению, наследование аккаунта в настоящее время возможно только после урегулирования данного вопроса самой социальной сетью в пользовательском соглашении.

Список использованных источников

1. Гаврилов, В.Н. Наследование аккаунтов в социальной сети / В.Н. Гаврилов // Право. Экономика. Психология : сб. ст. / Саратов. гос. юрид. акад. ; редкол.: В.В. Богатырева (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2019. – С. 11–14.
2. Кирсанова, Е.Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е.Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики : сб. ст. юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова ; редкол.: И.С. Шиткина. – М., 2020. – С. 44–48.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Босык, О.И. Страница в социальной сети как объект гражданских прав / О.И. Босык // Наука и инновации XXI века : сб. ст. / Сургут. гос. ун-т ; редкол.: Д.К. Берестин [и др.]. – Сургут, 2020. – С. 90–94.
5. Пасынкова, Е.В. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений / Е.В. Пасынкова, А.Ю. Филимонова // Вестник научной мысли : сб. ст. / Дагестан. территор. ин-т проф. бухгалтеров ; редкол.: Р.Б. Шахбанов [и др.]. – Махачкала, 2022. – С. 66–72.
6. SMMACC Биржа аккаунтов социальных сетей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://smmacc.ru/sravnenie.html?cmp_ids=2479_6270. – Дата доступа: 15.03.2023.
7. Суханов, Е.А. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2011. – 330 с.

8. Шпаковская, В.В. Наследование цифровых активов как объектов гражданских прав / В.В. Шпаковская // Передовые технологии и материалы будущего : сб. ст. IV Междунар. науч.-техн. конф. «Минские научные чтения-2021», Минск, 9 дек. 2021 г. : в 3 т. – Минск : БГТУ, 2021. – Т. 3. – С. 276–281.

9. Анисимова, Ю. К вопросу о цифровых правах в наследственных правоотношениях на примере наследования аккаунта // Молодой ученый. – 2022. – № 38. – С. 82–85.

10. Правила пользования сайтом ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/terms>. – Дата доступа: 15.03.2023.

11. Пользовательское соглашение Facebook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-ru.facebook.com/legal/terms>. – Дата доступа: 15.03.2023.

12. Пользовательское соглашение Instagram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://help.instagram.com/581066165581870>. – Дата доступа: 15.03.2023.

УДК 343.98

К.В. Проскуров, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Ю.Е. Духовник*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проанализированы основные направления предупреждения сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, предложен ряд общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения преступлений рассматриваемой группы, очерчены основные профилактические меры, способствующие снижению их количества. Обосновывается необходимость внесения ряда изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь.

Основной задачей уголовного закона является предупреждение преступлений, недопущение их совершения со стороны лиц, ранее совершивших преступления, путем принятия необходимых превентивных мер.

Идея о том, что предупреждение должно занимать основное место в борьбе с преступлениями, высказывалась еще с давних пор многими учеными и криминологами. Данная идея была сформулирована Платоном в IV в. до н. э. в следующем виде: «Мудрый законодатель предупреждает преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»

[1, с. 114]. Справедливость этих положений в последующем была подтверждена.

В системе общесоциального предупреждения важная роль принадлежит международному законодательству, основу которого составляют международные конвенции и международные договоры, регулирующие вопросы противодействия преступности того или иного вида.

Необходимость защиты несовершеннолетних от сексуального насилия отмечена рядом нормативных документов. Среди них: Декларация о правах ребенка 1959 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г., Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 г., Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье 2011 г. и др.

Декларация о правах ребенка еще в 1959 г. закрепила ряд положений, которые касались противодействия различным формам злоупотреблений в отношении ребенка. Страны-участницы конвенции взяли на себя обязательства защищать ребенка от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (принцип 9).

Логическим продолжением развития международного законодательства стало принятие Конвенции о правах ребенка 1989 г., которая поставила задачу осуществить все необходимые меры для предотвращения: склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности; использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике; использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах.

Для Республики Беларусь данная конвенция носит обязательный характер, а ее положения были имплементированы в действующее уголовное законодательство. Так, ответственность за совершение сексуальных злоупотреблений в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, нашла отражение в ч. 2, 3 ст. 166, ч. 2, 3 ст. 167, ст. 168, ст. 169, ч. 2 ст. 170, ч. 3 ст. 171¹, п. 9 ч. 2 ст. 181, п. 1 ч. 2 ст. 181¹, ч. 2 ст. 343¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

Огромное значение в профилактическом плане предупреждения половых преступлений имеет выстраивание правильной государственной социальной политики, целью которой является защита детей от любого посягательства на их половую неприкосновенность. Повышение экономического благополучия государства, разработка и реализация социальных программ, направленных на поддержание семей с низким материальным достатком, позволяет смягчить воздействие таких факторов,

обуславливающих риск криминализации личности, как нищета, низкий уровень развития и отсутствие равных возможностей.

Правовые основы формирования и функционирования системы профилактики правонарушений в Республике Беларусь определены Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Среди основных направлений деятельности субъектов профилактики правонарушений предусмотрено проведение соответствующих мероприятий по предупреждению правонарушений, совершаемых гражданами, освобожденными из исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов, а также гражданами, вернувшимися из специальных учебно-воспитательных учреждений и специальных лечебно-воспитательных учреждений.

Кроме того, в Республике Беларусь для лиц, ранее совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, установлен запрет на занятие должностей, с осуществлением педагогической деятельности и выполнением воспитательных функций в отношении детей. Это снижает степень проявления криминальной активности таких лиц и ведет к уменьшению количества совершаемых преступлений.

В основе правовых мер предупреждения формирования и криминализации личности педофила лежит общая превенция, обеспечиваемая наличием уголовно-правовых запретов с установлением наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности конкретного преступления и оптимальной реализацией принципа неотвратимости ответственности лиц, виновных в совершении преступлений.

В настоящее время в УК создана система уголовно-правовых норм, позволяющая эффективно противодействовать преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Однако существует еще ряд вопросов, требующих разрешения.

В рамках исследования этой проблемы особый научный и практический интерес представляет индивидуальное предупреждение, которое должно осуществляться в отношении лиц, поведение, образ жизни, личностные и психофизиологические особенности которых свидетельствуют о том, что совершение ими исследуемых преступлений достаточно вероятно. В первую очередь это касается лиц, перенесших сексуальное насилие в детстве. В связи с этим важным является выявление несовершеннолетних, испытавших или способных испытать на себе сексуальное насилие. В этом случае, как считают психологи, жизненно необходимым становится экстренное кризисное психологическое сопровождение пострадавших от сексуального насилия детей [2, с. 381]. Необходимо

создание соответствующих информационных служб, позволяющих как по телефону, так и посредством сети Интернет предоставлять консультации в случае обращения детей – потенциальных жертв сексуальных домогательств, а также их родственников и знакомых.

Снизить вероятность совершения сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних позволит ранняя диагностика и своевременное лечение лиц с психическими расстройствами, способствующими нарушению психосексуального развития.

В этой связи пока остается открытым вопрос о целесообразности применения принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией). В рамках проведенного анкетирования сотрудников подразделений по наркоконтролю и противодействию торговле людьми более 70 % опрошенных согласились с предложением о необходимости дополнения ст. 100 УК ч. 4 следующего содержания: «Принудительные меры безопасности и лечения могут быть назначены судом наряду с наказанием в отношении совершеннолетних лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних».

Комплекс принудительных мер безопасности и лечения может включать применение средств, в том числе химической кастрации. Несмотря на то что в юридической литературе многими учеными возможность использования такого метода лечения лицам, страдающим педофилией, по сей день вызывает весьма неоднозначную реакцию, тем не менее с предложением о применении мер химической кастрации в отношении таких лиц согласилось 80 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов.

Рядом авторов приводились доводы о несоответствии данной меры принципу гуманизма, согласно которому наказание и иные меры уголовной ответственности не должны причинять физические страдания или унижать человеческое достоинство. Учитывая свойства химической кастрации и возможность возврата к нормальному физическому состоянию человека, восстановления его сексуальной функции, полагаем, что такое решение законодателя не будет противоречить положениям Конституции Республики Беларусь и принципам уголовного закона и уголовной ответственности. В то же время считаем, что химическая кастрация педофилов должна сочетаться с психокоррекционными мерами воздействия на данных лиц как необходимыми условиями их постпенитенциарного исправления.

В качестве мер профилактического воздействия следует предусмотреть создание единой электронной базы лиц, отбывших наказание за

совершение преступлений против половой неприкосновенности. Это позволит снизить уровень таких преступных деяний, обеспечит реализацию принципа неотвратимости наказания за их совершение, а также обеспечит защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних.

Чтобы достигнуть указанных целей, необходимо, на наш взгляд, обеспечить контроль за лицами, имеющими или имевшими судимость за половые преступления, а также не упускать из виду тех лиц, в отношении которых применялись соответствующие меры медицинского характера и которые были освобождены из мест лишения свободы. Бесконтрольность этой категории граждан со стороны государства может привести к тому, что они вновь станут совершать сексуальные преступления против детей.

Вместе с тем нельзя сводить профилактические мероприятия по предупреждению половой преступности против детей исключительно к лечению нуждающихся в этом преступников и последующему наблюдению с целью их изоляции от «здорового» общества. В этой связи в качестве мер профилактического воздействия можно использовать меры психокоррекционного воздействия, профилактические беседы, наблюдение и контроль со стороны специалистов – психологов, сексологов, психиатров, наркологов, а также прохождение лицами программ социально-психологической реабилитации. В большинстве случаев совершившие сексуальные домогательства лица наряду с лечением нуждаются после отбытия наказания в помощи в трудоустройстве, что вызывает необходимость в создании соответствующих центров ресоциализации, подключении к профилактической деятельности общественных и религиозных организаций.

Достаточно высокой степенью общественной опасности обладают половые преступления, где потерпевшим выступает малолетний ребенок. Они являются наиболее болезненными для такой категории несовершеннолетних. Неслучайно очень большой процент самоубийств происходит не на почве физического или психического насилия, а именно после совершения сексуального насилия. Вследствие зависимости ребенка от взрослых вероятность выявления сексуального посягательства является минимальной, поэтому такие преступные деяния характеризуются повышенным уровнем латентности. Согласно проведенным научным исследованиям доказано, что опыт сексуального насилия в детстве или в подростковом возрасте влияет на вероятность оказаться вновь жертвой в зрелом возрасте или стать педофилом. Так, специалисты отмечают, что «некоторые сексуально травмированные дети, став

взрослыми, отличаются пониженным самоуважением, гипертрофированными чувствами вины и стыда, чувством отчуждения от других, отращиванием к прикосновениям, склонностью к пьянству и наркомании, высоким процентом самоубийств и предрасположенностью к «виктимизации», «ребенок, подвергшийся сексуальному нападению, сам становится опасен для других» [3, с. 64].

В целях выработки более эффективного и действенного уголовно-правового механизма защиты детей от сексуальных посягательств считаем необходимым установить запрет на применение условно-досрочного освобождения в отношении лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших двенадцатилетнего возраста. В этой связи предлагаем в ст. 90 УК добавить ч. 9 следующего содержания: «Лица, осужденные за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших двенадцатилетнего возраста, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания». Данное предложение нашло подтверждение и среди опрошенных респондентов.

Подводя итог, стоит отметить, что предупреждение преступлений, направленных на половую неприкосновенность несовершеннолетних, будет эффективным только тогда, когда применение научно обоснованного комплекса профилактических мер приведет к минимизации преступности рассматриваемого вида. В криминологии общепризнанным является постулат о том, что эффективным средством предупреждения любого вида преступлений является не сама уголовная ответственность, а ее неотвратимость в случае совершения общественно опасного деяния. Существует аллегория, что если бы наказание было летающим в воздухе мечом, разящим преступника в момент преступного посягательства, преступлений не существовало бы [4, с. 204].

Список использованных источников

1. Криминология : учеб. пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб. : Питер, 2013. – 304 с.
2. Мокрова, Е.В. Психологическое сопровождение несовершеннолетних жертв сексуального насилия / Е.В. Мокрова // Регион. образование XXI в.: проблемы и перспективы. – 2012. – № 5. – С. 381–383.
3. Кон, И.С. Сокращение детей и сексуальное насилие / И.С. Кон / Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 58–66.
4. Торговля людьми. Социокриминологический анализ / под общ. ред. Е.В. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. – М. : Академия, 2002. – 224 с.

П.И. Протащук, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.И. Стельмах*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассмотрены актуальные аспекты противодействия коррупции в сфере информативно-коммуникативных технологий. Изучены и проанализированы информативно-коммуникативные технологии, существующие в настоящее время, и приведены те, которые могут способствовать выявлению, расследованию, пресечению коррупционных проявлений, среди которых АИС «Электронное правительство», краудсорсинговые платформы, порталы прозрачности и большие данные (Big Data), блокчейн, искусственный интеллект (нейросети).

Достижения в области информативно-коммуникативных технологий (ИКТ)¹ привели к чрезвычайно быстрому доступу к огромным объемам информации об окружающем нас мире. С целью эффективной работы в этом направлении организации, а также граждане находятся в состоянии инноваций и адаптации к ним, поиске новых путей использования данных технологий на благо обществу.

Эффективность применения ИКТ возможна только лишь при наличии соответствующих инфраструктур (учреждений, финансовых ресурсов, персонала), подготовленного по вопросам ИКТ. Важно отметить, что в настоящее время существует «цифровой пробел» между различными социальными группами. В этой связи государству важно сосредоточить все усилия на повышение уровня цифровой грамотности граждан. Необходимо учитывать, что применение антикоррупционных технологий на базе ИКТ возможен только тогда, когда они пригодны именно на соответствующей территории.

Среди ИКТ, направленных на предупреждение, выявление, пресечение коррупции, являются:

1. Цифровая автоматизированная информационная система (АИС) «Электронное правительство», т. е. цифровые услуги, предоставляемые властными структурами гражданам, юридическим лицам, а также комплексное взаимодействие ветвями власти между собой. Главными про-

¹ Совокупность информационных технологий и технологий электросвязи, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, распространение, отображение и использование информации в интересах ее пользователей.

блемами в этой ситуации являются вопросы формирования адекватной концептуальной и правовой базы для организации процессов электронного взаимодействия граждан и государственных органов. В связи с этим возникает необходимость определить такие направления стратегического планирования, которые позволят Беларуси пройти «точку невозврата» в процессе реализации комплексного проекта электронного правительства, понимаемого как оптимизация процесса управления, предоставления услуг, политического участия граждан при помощи ИКТ.

2. Краудсорсинговые (информационные) платформы, т. е. это платформы, которые собирают массивы информации. Данные платформы позволяют гражданам сообщать о случаях коррупции и опубликовывать самостоятельно через сеть Интернет. В отличие от инструментов информирования (например, онлайн), эти платформы в первую очередь предназначены для сообщения о случаях бытовой коррупции в государственном секторе, с которой сталкиваются граждане на регулярной основе.

3. Порталы прозрачности и большие данные (Big Data). Портал прозрачности – это онлайн-платформа, которая находится под администрированием правительства или неправительственных организаций, которые публикуют информацию о деятельности правительства. Большие данные (Big Data) генерируются такими источниками, как сеть Интернет, система кредитных карт, камеры наблюдения, социальные сети, которые используются в области здравоохранения, торговли, налогообложения, где для получения криминалистически значимой информации подвергаются анализу данные сведения и на основе их осуществляется прогнозирование возможных фактов коррупции.

4. Применение технологии блокчейн. Иными словами, блокчейн – это децентрализованная база данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, проведенных участниками системы. Данная технология применяется не только лишь в финансовой сфере, но также в других сферах жизнедеятельности (здравоохранение, имущественные правоотношения и т. д.). Блокчейн используется для смягчения высокорисковых сделок в областях, которые особенно подвержены коррупционным рискам, таких как регистрация собственности, право собственности на землю и заключение государственных заказов. Следовательно, использование технологий блокчейн может повышать прозрачность и предотвращать мошенничество, усиливая надзор и подотчетность.

Например, в Гане стартап Bitland нацелен на внедрение блокчейн-реестров земель и сделок с недвижимостью. Правительства Швеции и Грузии экспериментируют с блокчейн-технологиями для земельного кадастра. Кения использует блокчейн для очистки публичных записей, начиная с образовательных документов, предотвращая мошенничество

в сфере образования. В Эстонии каждый посетитель лечащего врача или больницы имеет электронную медицинскую карту, которую можно отслеживать. Идентифицированная с помощью электронной ID-карты медицинская информация хранится в безопасности и в то же время доступна уполномоченным лицам. Несмотря на внедрение цифровых форм записи к врачу, выдачи документов и справок, все еще остаются нерешенными проблемы общественного контроля в медицинской сфере: «Порядок продвижения очередей на прием к врачу не становится всеобщим достоянием: отсутствует общественный доступ к информации о продвижении очередей на прием к врачу; информация о загруженности последних также является закрытой; деятельность самих учреждений по количеству обслуженных пациентов (обучающихся) также остается закрытой» [1, с. 36].

5. Применение технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект может выявить модели и практики, которые сложны для человеческого обнаружения. Искусственный интеллект может обрабатывать большие объемы информации и быстро обнаруживать закономерности, указывающие на признаки готовящегося, совершаемого и совершенного коррупционного преступления. Дроны и микроспутники могут делать фотографии в режиме онлайн, для того чтобы выявить коррупционные проявления.

Например, если необходимое сооружение не построено, природный заповедник управляется с нарушением установленных требований и открыт для незаконной охоты, лесозаготовок или нерегулируемого рыбного промысла, то информация посредством ИКТ (искусственный интеллект и Big Data в частности) генерируется и анализируется, после чего автоматически направляется в уполномоченные государственные органы для последующей проверки, и в случае наличия признаков коррупционного преступления, последует принятие необходимых мер реагирования.

Применение нейронных сетей, которые позволяют изучать большие объемы данных, потенциально выявить и раскрыть скрытые отношения, используемые для более точного прогнозирования преступности (оценка кредитных рисков, рисков в области государственных заказов). Среди их инструментов нейронной сети является самоорганизующая карта, которая позволяет извлекать шаблоны из больших наборов данных и визуализировать их без понимания сущности этих отношений.

Самоорганизующаяся карта – это шаблон в цифровой среде, который формируется в результате многократного выполнения должностными лицами в цифровом поле действий, входящих в их компетенцию. При возникновении ситуаций, когда должностное лицо выполняет действия,

нарушающие или изменяющие типичный порядок цифровых государственных услуг, то данный факт автоматически сохраняется и формирует самоорганизующуюся карту, которая направляет данный шаблон, в котором содержатся действия государственного служащего, в контролирующий орган. Данный тип карты может служить мощным инструментом для прогнозирования, предупреждения и выявления и пресечения коррупционных преступлений.

Опыт Испании показывает, что при благодаря нейросетевому программированию существует возможность использования данных технологий при прогнозировании коррупции посредством составления самоорганизующихся коррупционных схем и карт, учитывающих следующие отправные значения: база данных уже сложившихся схем и свершившихся коррупционных фактов, система налогообложения недвижимого имущества, ценовая ситуация в сфере крупной собственности и высокодоходного бизнеса, появление новых финансово-спекулятивных предприятий. Самоорганизующаяся карта предоставляет различные профили коррупционного риска в зависимости от экономических условий региона, сроков прогноза, политической культуры [2].

Таким образом, искусственный интеллект сможет повысить эффективность и действенность прогнозирования для выявления, расследования и пресечения фактов коррупции.

Вместе с положительными сторонами существуют и отрицательные стороны внедрения ИКТ. К ним можно отнести появление новых уязвимостей (угроз) для взлома и манипулирования при помощи возможностей сети «Даркнет»; использование криптовалюты или использование технологии блокчейн в отмывании предмета взятки (денежных средств); злоупотребление хорошо продуманными технологиями, такими как государственные цифровые услуги, электронное правительство.

Среди потенциальных субъектов, которые могут быть вовлечены в цифровую коррупцию, выступают: системные программисты, сетевые администраторы, специалисты по защите информации, операторы электронно-вычислительных машин (программисты частных и государственных учреждений), которые обладают узкими профессиональными знаниями, умениями, навыками работы в области управления ИКТ, их устройствами, компьютерными сетями и системами, в должностные инструкции которых входит администрирование информационных систем, баз данных. В правоприменительной практике имеются примеры, когда лица, обладающие профессиональными навыками в соответствующей области, в случае их увольнения по дискредитирующим основаниям либо имеющие неприязненные взаимоотношения с руководством организации, совершали умышленные действия, направленные на наруше-

ние порядка работы средств вычислительной техники, модифицировали компьютерную информацию государственной либо частной организации с целью решения благоприятного вопроса взяткодателя (конкурента) другой компании.

Например, один из сотрудников фирмы USB PaineWebber, предварительно договорившись с взяткодателем (сотрудником конкурирующей фирмы SpatyFace), поставил в локальную сеть предприятия вирусное программное обеспечение. Таким образом, из полторы тысячи было повреждено около 750–770 персональных компьютеров. Общий ущерб был нанесен на сумму 3 млн долл. [3, с. 152].

Вместе с тем с целью предупреждения, своевременного выявления и последующего пресечения коррупционных преступлений в цифровой сфере необходимо выделить коррупционные риски, которые представляется возможным подвергать анализу посредством искусственного интеллекта, нейросетей и других ИКТ. К коррупционным рискам можно отнести:

необоснованно высокие инвестиции в ИКТ могут привести к росту коррупционных проявлений, поскольку искажение находящихся на них средств через непрозрачный процесс закупок создает коррупционные возможности;

технология блокчейн может представлять антикоррупционную угрозу, поскольку данная технология позволяет проводить полностью анонимно и зашифрованно криптовалютные транзакции, которые могут быть использованы для хищений или мошеннических сделок;

процесс идентификации не является полностью защищенным от хакеров, поэтому государственным органам нужно постоянно обеспечивать обновление материально-технической базы информационных систем, программного обеспечения, чтобы цифровые решения, процесс идентификации, платформы и системы отражали самые высокие стандарты в области цифровой безопасности;

злоупотребление в использовании ИКТ государственными служащими.

Представляет интерес доклад ReSPA, где содержится пример, как сотрудники правоохранительных органов используют цифровые системы государственной службы в противоправных целях, в частности, коррупции. Например, в Боснии и Герцеговине сотрудники полиции и администрации посредством использования электронной системы регистрации гражданства злоупотребляли доступом к их личным данным и создавали фальсифицированные данные для продажи фальшивых удостоверений личности и паспортов [4].

Таким образом, электронные государственные системы могут также скрыть коррупцию или открыть новые возможности поиска коррупци-

онной ренты, особенно теми, кто обладает достаточными знаниями и умениями в области ИКТ.

По мнению российских экспертов, эффективными мерами снижения уровня коррупции выступают: 1) установление пожизненного запрета на государственную службу для государственных служащих, осужденных за преступления коррупционного характера; 2) более частое применение в правоприменительной деятельности правоохранительных органов оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» с целью создания искусственной обстановки по предложению дачи взятки должностному лицу и свободному выбору последующих действий (брать взятку либо нет); 3) жесткий контроль распределения и расходования бюджетных средств; 4) повышение правовой и цифровой грамотности населения в плане антикоррупционной составляющей; 5) введение правила «полной конфискации имущества не только осужденного за коррупционное преступление, но и его ближайших родственников» [5, с. 129].

Таким образом, в настоящий период процессы ИКТ проникают в сферы жизнедеятельности, что сказывается на работе всех органов государственной власти, а также несут за собой как положительные, так и отрицательные стороны противодействия коррупции. ИКТ, используемые при противодействии коррупции: 1) АИС «Электронное правительство»; 2) информационные (краудсорсинговые) платформы; 3) порталы прозрачности и Big Data; 4) технологии блокчейн; 5) искусственный интеллект (нейросети). Потенциальными должностными лицами, которые могут совершать коррупционные преступления, являются работающие в соответствующем государственном органе либо на предприятии, в компетенцию которых входит администрирование информационных систем, локальных сетей и баз данных. Особое внимание следует обращать на данных лиц в случае, когда они уволились по дискредитирующим основаниям либо имевшие ранее сложные взаимоотношения с руководством предприятия или государственного органа (учреждения).

При принятии решения о внедрении цифровых технологий необходимо брать во внимание коррупционные риски в цифровой сфере, среди которых: высокие инвестиции в ИКТ, поскольку непрозрачный процесс закупок создает предпосылки к коррупции; технологии блокчейн при всей своей анонимности при проведении транзакций могут быть использованы при отмывании предмета взятки, любых иных доходов, добытых преступным путем; процесс идентификации не может быть полностью защищенным от хакеров, поэтому требуется постоянное обновление материально-технической базы информационных систем, программного обеспечения; не исключено злоупотребление в применении ИКТ государственными служащими.

Список использованных источников

1. Полукаров, А.В. Административно-правовое регулирование обеспечения безопасности социальной сферы от коррупции / А.В. Полукаров // Административ. право и процесс. – 2017. – № 1. – С. 30–40.
2. Прогнозирование коррупции в обществе с помощью нейронных сетей: анализ испанских провинций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/321222117_Predicting_Public_Corruption_with_Neural_Networks_An_Analysis_of_Spanish_Provinces. – Дата доступа: 29.12.2022.
3. Осипенко, А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт : монография / А.Л. Осипенко. – М. : Норма, 2004. – 432 с.
4. Информационные технологии в борьбе с международным взяточничеством и коррупцией: следующий рубеж институциональной реформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/292484103_Information_technology_in_the_war_against_international_bribery_and_corruption_The_next_frontier_of_institutional_reform. – Дата доступа: 18.01.2023.
5. Воронцов, С.А. Противодействие коррупции: репрессии или цифровизация // С.А. Воронцов, А.В. Понеделков // Власть. – 2020. – № 5. – С. 124–131.

УДК 347.1

Г.Б. Сакович, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.М. Ефременко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Войтюль*

КОРРУПЦИОННАЯ СДЕЛКА В СИСТЕМЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются проблемы нормативного закрепления понятия «коррупционная сделка» в белорусской системе законодательства и их значение для антикоррупционной деятельности. Аргументируется необходимость совершенствования института недействительной сделки в законодательстве и юридической доктрине Республики Беларусь.

Гражданское право обеспечивает регламентацию имущественных и личных неимущественных общественных отношений, участники которых выступают равными, самостоятельными и независимыми друг по

отношению к другу. Основным юридическим фактом, обеспечивающим возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей между вышеуказанными субъектами, являются сделки. В гражданском праве действует принцип допустимости действительности любых сделок, не запрещенных законодательством, который, в свою очередь, опосредуется принципом свободы сделки.

Как отмечается в научных источниках, гражданское право регулирует отношения частного оборота, которые разнообразны и подвержены периодическим изменениям. В связи с этим гражданские права и обязанности чаще всего возникают в результате целенаправленных и правомерных действий физических и юридических лиц, административно-территориальных единиц и Республики Беларусь, являющихся участниками экономического оборота. Заключение договора, его исполнение, расчеты, совершение доверенности, завещания и другие действия субъектов гражданского права влекут за собой определенные гражданско-правовые последствия.

Сделка представляет собой определенный юридический факт, т. е. такой факт реальной действительности, с наличием которого закон связывает соответствующие юридические последствия. Однако, поскольку сделка – это волевое действие, следовательно, она отличается от юридических фактов, именуемых событиями, которые происходят помимо воли людей (например, стихийные бедствия). В основе сделок лежит воля субъектов, их совершающих. При этом внутренняя воля участников сделки и волеизъявление должны совпадать, иначе сделка будет признана недействительной, и тем самым не приведет ни к каким юридическим результатам.

В современных условиях особую актуальность приобретает правовое обеспечение признания сделки недействительной в рамках профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, чья работа направлена непосредственно на выявление, раскрытие и расследование экономических правонарушений. Сделки, совершенные с целью приобретения имущественной выгоды в результате совершения противоправных, в том числе преступных, деяний, являются одним из самых распространенных способов сокрытия реального факта совершения административных правонарушений и преступлений в сфере экономики как в Республике Беларусь, так и за ее пределами.

В современной цивилистической доктрине существует ряд основных подходов к определению понятия недействительной сделки.

Под недействительностью следует понимать отрицание правом тех юридических последствий, на которые была направлена сделка. Нередко в научной и учебной литературе указывается, что при определении

понятия недействительности важно иметь в виду различие понятий сделки как юридического факта и сделки как правоотношения [1, л. 11]. Из этого следует, что, когда говорят о недействительности сделки, должна иметься в виду недействительность (отрицание) тех прав и обязанностей, которые должны были произойти из сделки, но в силу определенных оснований не наступили. Соглашаясь с таким подходом, мы можем отметить, что речь идет не об отрицании сделки – юридического факта (как полагают некоторые исследователи), а об отрицании сделки-правоотношения. Так, Т.А. Корень указывает: «Сделка, признанная недействительной (здесь имеется в виду правоотношение, возникшее из сделки), считается таковой с момента ее совершения» [2, с. 5].

В силу п. 1 ст. 167 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) сделка является недействительной по основаниям, установленным ГК либо иными законодательными актами, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). Недействительная сделка не влечет юридических последствий и недействительна с момента ее совершения (здесь уже речь идет о сделке как юридическом факте).

Признавая обоснованность этой точки зрения, мы можем отметить, что понятие недействительности по своему определению прежде всего относится к юридическим последствиям или сделке-правоотношению, а не к сделке – юридическому факту. В таком контексте основания недействительности (юридические недостатки) могут лежать как в сделке-факте, так и в сделке-правоотношении, однако по времени они должны существовать на момент совершения сделки – юридического факта.

Подводя итог изложенному, предлагается уточнение понятия недействительности сделки. Недействительностью сделки следует считать невозникновение в целом либо в части ее юридических последствий (сделки-правоотношения) по основаниям, существующим в момент совершения сделки – юридического факта.

Отметим, что нередко в научной и учебной литературе указывается, что при этом законодатель под термином «недействительная сделка» может понимать как сделку – юридический факт (в этом смысле термин «недействительная сделка» будет означать сделку, не влекущую за собой юридических последствий, на которые была направлена воля сторон), так и сделку-правоотношение, которая отрицается правом в силу тех или иных юридических недостатков, имевших место в момент совершения сделки – юридического факта [3, с. 92]. Такое понимание недействительности исключает какие-либо принципиальные различия по юридическим последствиям между ничтожными и оспоримыми сделками: и для тех, и для других недействительных сделок они по сути идентичны.

Нередко в научной и учебной литературе указывается, что весьма близким к пониманию недействительной сделки как правонарушения является позиция Б.М. Гонгалло, который относил недействительные сделки к так называемым дефектным юридическим фактам. Он писал, что «дефектность юридического факта имеет в своей основе дефектность социально-юридической ситуации. Дефектной следует считать такую ситуацию, в которой отсутствуют некоторые необходимые признаки» [4, с. 15].

Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Однако если из содержания сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время (п. 1 ст. 168 ГК) [5].

Понятие «коррупционная сделка» не используется в отечественном гражданском законодательстве, но оно встречается в научных изданиях. Так, Д.О. Тузов приводит примеры коррупционных сделок – дача взятки, дарение подарка и т. п. В качестве особого вида коррупционной сделки ученый упоминает также «откат» в сфере закупок товаров и оказания услуг военным организациям [6, с. 97]. Однако с данной точкой зрения трудно согласиться, поскольку взятка рассматривается как преступление в рамках публично-правового регулирования, но не как сделка в рамках частного права. Дарение само по себе не является коррупционной сделкой, а выступает гражданско-правовым договором, который нормативно закреплен в гражданском законодательстве, однако при наличии определенных фактических обстоятельств дарение может рассматриваться как коррупционная сделка, равно как любое иное действие субъектов, направленное на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Установление данных противоправных обстоятельств, разграничение и применение частноправовых и публично-правовых последствий, их нормативное закрепление в актах законодательства, в том числе и гражданского, видится важной задачей в современных условиях противодействия коррупции.

Существует и иной подход к пониманию коррупционной сделки, так Л.М. Николаева предлагает незаконные сделки с недвижимым имуществом рассматривать как коррупционное преступное посягательство [7, с. 46]. Указанный исследователь понятие «коррупционная сделка» включает в более широкую категорию «незаконная сделка», что тоже видится не вполне оправданным, поскольку в гражданском законодательстве в качестве одного из общих условий недействительности сделки (без уче-

та коррупционности) является ее запрещение законодательством (ст. 170 ГК) либо несоответствие его требованиям (ст. 169 ГК) [8].

Полагаем, заслуживает положительного внимания монографическое исследование В.И. Малкиной «Конфликт интересов в юридических лицах», в котором автор ставит и решает ряд актуальных проблем, связанных с коррупционными сделками, в частности, наиболее значимым представляется вывод о том, что российское законодательство не содержит норм, прямо позволяющих признавать сделки, совершенные под влиянием коррупционного поведения, недействительными с соответствующими мерами гражданско-правового реагирования, а нормы ст. 168 и 169 ГК Российской Федерации [8] не могут рассматриваться в качестве универсальных механизмов гражданско-правового воздействия, поскольку не способны в полной мере охватить все проявления коррупционного поведения в обществе [9, с. 78].

Существует и иная точка зрения на понятие правовой природы коррупционной сделки, в соответствии с которой полученные блага рассматриваются как коррупционное обогащение [10, с. 44]. Однако полагаем, что данные отношения не могут рассматриваться в рамках юридической конструкции обязательств вследствие неосновательно-го обогащения, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 971 ГК лицо, которое без установленных законодательством или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), что не представляется возможным в рамках противодействия коррупции [5].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

в области гражданско-правового регулирования общественных отношений признание сделки недействительной является одним из средств защиты гражданских прав субъектов с позиций обеспечения частного и публичного интересов, поэтому в дальнейшем развитии белорусского законодательства совершенствование института недействительности сделки является важной научной и прикладной проблемой.

Понятие недействительности по своему определению прежде всего относится к юридическим последствиям сделки-правоотношения, а не сделки – юридического факта.

В современном белорусском гражданском законодательстве отсутствуют императивные правовые нормы, позволяющие признавать сделки, совершенные при коррупционном поведении субъектов, недействительными, а нормы, изложенные в ст. 169 и 170 ГК, не являются универсальными механизмами гражданско-правового воздействия,

так как не позволяют охватить все возможные варианты их коррупционного поведения.

В целях дальнейшего совершенствования национального законодательства в сфере борьбы с коррупцией представляется целесообразным дополнить существующие основания признания сделки недействительной в случаях, когда при ее заключении прямой умысел сторон был направлен на улучшение материального положения выгодоприобретателя вследствие совершения им коррупционного противоправного деяния, что позволит существенно увеличить эффективность деятельности правоохранительных органов и совершенствовать превентивные меры обеспечения правопорядка.

Список использованных источников

1. Федотова, А.С. Гражданско-правовые последствия недействительности сделки: вопросы теории и правоприменительной практики : магистер. дис. : 12.00.15 / А.С. Федотова. – М., 2018. – 120 л.
2. Корень, Т.А. Обязательственное право (особенная часть) : учеб. пособие / Т.А. Корень. – Минск : БИП-С ПЛЮС, 2016. – 48 с.
3. Муравьев, И.В. Гражданское право : метод. рекомендации / И.В. Муравьев, Н.М. Дейко ; Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Могилев : Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2015. – 105 с.
4. Гонгало, Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б.М. Гонгало. – М., 2004. – 165 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2022 г. № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Тузов, Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции [Электронный ресурс] / Д.О. Тузов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
7. Николаева, Л.М. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом как проявление коррупции в сфере экономической деятельности / Л.М. Николаева // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 3. – С. 46–48.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. : в ред. Федер. Закона от 22.12.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
9. Малкина, В.И. Конфликт интересов в юридических лицах : монография / В.И. Малкина ; под ред. О.А. Беляевой. – М. : Юстицинформ, 2022. – 196 с.
10. Михайлов, В.И. Доктринальные основы определения понятия «коррупционные преступления» с позиций междисциплинарного подхода / В.И. Михайлов // Рос. следователь. – 2022. – № 7. – С. 43–50.

В.А. Самойло, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.Л. Боровик*

Рецензент – кандидат юридических наук *С.В. Пилюшин*

**ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДМЕТА
ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
ПО ДЕЛАМ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ
ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ**

Посвящается проблемным аспектам установления предмета преступного посягательства по делам о легализации («отмывании») доходов, полученных преступным путем, посредством использования криптовалют. Осуществлен анализ литературных источников по теме исследования. Проведен анализ законодательной регламентации данного аспекта. С учетом системного подхода рассмотрены и проанализированы отдельные уголовно-правовые и криминалистически значимые признаки криптовалюты, используемой при совершении рассматриваемых уголовно наказуемых деяний.

Определяющим элементом криминалистической характеристики любого уголовно наказуемого деяния предмет преступного посягательства. Криминалистическая значимость его изучения обусловлена прежде всего тем, что воздействие преступника на этот объект сопряжено с возникновением различных изменений (следов); эти изменения локализуются: на месте преступного события; на самом объекте; его частях; в местах последующего его нахождения, укрытия, реализации; на преступнике; на орудиях преступления, технических средствах, используемых преступником [1, с. 39–40].

Исследование показало, что установление предмета преступного посягательства по делам о легализации преступных доходов, осуществляемой с использованием криптовалют, сталкивается с рядом проблем:

несоответствие национальных нормативных правовых актов между собой (в разных странах законодательство может различаться по определению легализации преступных доходов, что затрудняет сравнение и анализ нормативных актов между разными юрисдикциями);

широкий спектр действий, подпадающих под определение предмета преступного посягательства по делам рассматриваемой категории (так предметом данного уголовно наказуемого деяния могут быть

обналичивание, скрытие, перемещение и использование преступных доходов, что может привести к неоднозначности определения легализации доходов, а также к невозможности корректного применения законодательства);

определение понятий, таких как «преступный доход» и «легализация», может быть неоднозначным и подлежать различному толкованию;

отсутствие общепризнанных международных стандартов (несмотря на наличие некоторых международных соглашений, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и ее дополнительный протокол по легализации, наличие единого общепризнанного стандарта для определения предмета преступного посягательства по делам о легализации преступных доходов до сих пор отсутствует, что может приводить к неоднозначным интерпретациям национальных нормативных правовых актов).

Проведенный нами анализ доступной научной литературы, посвященной указанной тематике (М.С. Азаров, А.А. Гусева, Ю.А. Даниленко, С.А. Дороховец, К.Э. Емцева, Д.Б. Жамбалов, Р.В. Журбин, С.И. Коновалов, Ю.В. Крачун, М.В. Косович, Н.И. Лимож, О.В. Маркова, Л.Л. Мельник, В.И. Михайлов, Е.З. Трошин, А.Л. Баньковский, Э.Х. Надысева, И.Г. Мухин, А.Я. Палант, И.Н. Ефременко, В.В. Хилота, А.М. Хлус, А.П. Шевченко, Е.В. Щеглова и др.), показал, что лишь немногие авторы в своих работах исследовали предмет преступного посягательства по делам рассматриваемой категории с учетом специфики использования криптовалют. Обобщив результаты их исследований, можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует единый подход к определению сущности предмета преступного посягательства по делам о легализации преступных доходов при использовании криптовалют в процессе их «отмывания». Приведенные обстоятельства обосновывают актуальность обозначенной темы и определяют соответствующие задачи исследования.

Уголовный закон указывает, что *предметом* легализации преступных доходов являются деньги, ценные бумаги и другое имущество, которые были получены заведомо преступным путем (ч. 1 ст. 235 «Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем» Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)). В соответствии с п. 2 примечаний к ст. 235 УК под средствами в данной статье уголовного закона понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности [2].

Характеризуя предмет «отмывания» преступных доходов, необходимо понимать, что объектом легализации могут быть денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги и другое имущество только в том случае, если они были получены именно через преступную деятельность, а не другим незаконным путем. Вместе с тем научное сообщество не имеет единого мнения о том, какие средства можно считать «полученными заведомо преступным путем».

Первая группа правоведов (А.Э. Жалинский, Н.А. Лопашенко, А.Ю. Викулин, А.С. Горелик, Г.Н. Хлупина, И.В. Шишко и др.) придерживаются позиции, согласно которой под средствами, полученными заведомо преступным путем, следует понимать лишь средства, полученные в результате совершения исключительно преступлений. Этот же подход нашел свое отражение как в действующем национальном законодательстве, так и в некоторых международных правовых актах (Венская конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Страсбургская конвенция Совета Европы – Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.).

Другая группа ученых (В.М. Алиев, И.Л. Третьяков, В.И. Михайлов, Е.З. Трошкин, А.Л. Баньковский и др.) полагают, что такие средства могут быть получены не только в результате совершения преступлений, но и иной неправомерной деятельности, ссылаясь на то, что незаконные доходы, полученные в результате гражданско-правовых деликтов, административных или налоговых правонарушений, также могут привести к серьезным проблемам экономического характера.

Безусловно, введение в легальный оборот любых незаконно полученных денежных средств представляет угрозу для развития экономики любого государства, но следует отметить, что в рамках расследования уголовных дел о легализации средств, полученных преступным путем, в том числе с использованием криптовалют, и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности законодателя интересуют прежде всего доходы, полученные в результате преступлений, что и отражено в абзаце 8 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» [3]. В соответствии с ним доходы, полученные преступным путем, – это средства, полученные в результате совершения преступления, а равно доход, полученный от использования указанных средств.

Следующий аспект рассматриваемой проблематики связан с функциональной двойственностью используемой в ходе легализации пре-

ступных доходов криптовалюты, что часто приводит к неоднозначной уголовно-правовой оценке совершенных правонарушений.

Обращаясь к рассматриваемому составу уголовно наказуемого деяния, следует отметить, что криптовалюта может выступать как предмет легализации преступных доходов, так и средством (орудием) в реализации способов совершения данного преступления.

Так, криптовалюта может использоваться как *предмет* легализации преступных доходов в случае, когда она получена в качестве оплаты за продажу запрещенных товаров или оказание противоправных услуг. Затем приобретенную преступным путем криптовалюту нужно «отмыть», что может включать обмен ее на другую криптовалюту или денежные средства. Например, товар либо услуга были проданы за Ethereum (Эфириум), который затем был обменян на Bitcoin (Биткоин). В этом случае Bitcoin (Биткоин) является средством (орудием) для осуществления противоправного способа легализации преступных доходов.

В качестве средства (орудия) для совершения преступлений при проведении операций по легализации доходов, полученных незаконным путем, криптовалюта чаще всего используется в качестве платежного средства.

Исходя из того, что криптовалюта может участвовать как в качестве предмета, так и средства (орудия) противоправных действий по легализации преступных доходов, а также учитывая ее признание в национальном законодательстве как объекта гражданских прав и имущества (приложение 1 к Декрету № 8, приложение к ст. 132 «Наложение ареста на имущество» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь), предлагается дополнить определение средств, указанное в п. 2 примечания к ст. 235 УК, словом «криптовалюта».

Криптовалюта, будь то в качестве объекта преступного посягательства или как инструмент совершения противоправных действий, обладает уникальными признаками, которые определяются особенностями функционирования блокчейн-технологии. Понимание этих признаков имеет важное уголовно-правовое и криминалистическое значение, так как это предполагает специфический подход к обнаружению, фиксации и изучению цифровых следов, что способствует установлению фактов, связанных с использованием криптовалют в ходе легализации преступных доходов, а также возможности деанонимизации соответствующих пользователей.

К криминалистически значимым признакам криптовалюты относятся следующие:

анонимность (транзакции с криптовалютой обычно осуществляются без участия финансовых институтов или государственных органов, что позволяет пользователям сохранять анонимность);

невозможность отмены транзакций (после того как транзакция совершена, ее нельзя отменить или вернуть деньги. Это означает, что если кто-то отправил криптовалюту, то получатель может быть уверен в том, что эти деньги будут ему принадлежать);

открытость информации (все транзакции с криптовалютой сохраняются в блокчейне и могут быть доступны для просмотра. Это может быть полезным для расследования преступлений, связанных с криптовалютой);

изменяемость транзакций (хотя транзакции с криптовалютой обычно нельзя отменить, в некоторых случаях они могут быть изменены. Например, если злоумышленник получит доступ к чужой учетной записи и изменит адрес получателя);

майнинг (процесс создания новых блоков в блокчейне, который выполняют майнеры, может быть использован для майнинга криптовалюты незаконным способом).

Кроме того, выделяют следующие группы характеристик, установление которых способствует правильной оценке предмета преступного посягательства по делам рассматриваемой категории:

система эмиссии (децентрализованная или централизованная);

система осуществления транзакций (открытые или анонимные);

средства регистрации и учета в системах криптовалют и криптобирж (предусмотрена ли возможность хранения о регистрационных данных, транзакциях и IP-адресах пользователей или нет);

правовая и организационная структура систем криптовалют и криптобирж (юридическое лицо, его филиалы, их расположение и расположение серверов);

порядок осуществления обмена, взимания комиссии, средств учета в системах криптовалют и криптобирж;

порядок регистрации и использования криптокошельков;

блокчейн-обозреватели, позволяющие получить доступ к сведениям о проведенных транзакциях той или иной криптовалюты;

признаки микширования транзакций [4, с. 65].

Совокупность приведенных признаков и характеристик позволяют не только определить, является ли цифровой знак (токен) криптовалютой, но и получить и зафиксировать важную информацию для криминалистического расследования преступлений, включая легализацию доходов, полученных преступным путем с помощью криптовалют.

Суммируя вышеизложенное, приходим к следующему заключению:

1. Объектом легализации преступных доходов, осуществляемой посредством использования криптовалют, могут быть денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги и другое имущество только в том случае, если они были получены именно через преступную деятельность, а не иным незаконным путем.

2. Криптовалюта может участвовать как в качестве предмета, так и средства (орудия) противоправных действий по легализации преступных доходов. Исходя из этого, а также учитывая ее признание в национальном законодательстве как объекта гражданских прав и имущества, предлагается дополнить определение средств, указанное в п. 2 примечания к ст. 235 «Наложение ареста на имущество» УК, словом «криптовалюта».

3. Криптовалюта, будь то в качестве предмета преступного посягательства или как средство совершения противоправных деяний, обладает уникальными признаками и характеристиками, которые определяются особенностями функционирования блокчейн-технологии. Их понимание имеет важное уголовно-правовое и криминалистическое значение, поскольку позволяет достоверно установить предмет преступного посягательства, способствует обнаружению, фиксации и изучению соответствующих цифровых следов.

Список использованных источников

1. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. – М. : Юристъ, 1997. – 760 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. № 146-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 165-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 93-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Мельник, Л.Л. О криминалистической характеристике криптовалюты как предмета и платежного средства совершения преступлений / Л.Л. Мельник // Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью : материалы заоч. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, окт. 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Д.Н. Лахтиков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 63–65.

Ю.Ю. Свитич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.Н. Дрозд*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Е.А. Реутская*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Исследуются нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь в части освобождения от уголовной ответственности за преступления террористической направленности. Поставлены вопросы о природе норм, содержащихся в примечаниях к статьям, содержащим признаки преступлений, связанных с терроризмом, а также допустимости освобождения от ответственности по данной группе дел. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, от дальнейшего производства по уголовному делу с прекращением уголовного дела и без применения к лицу уголовно-правовых мер воздействия. Институт освобождения от уголовной ответственности в законодательстве, как правило, непосредственно направлен на снижение расходов, затрачиваемых государством, на расследование и рассмотрение уголовного дела. Кроме того, он предназначен для стимулирования преступника к возмещению причиненного преступлением ущерба и заглаживание своими действиями вреда. Институт освобождения от уголовной ответственности находит свое отражение почти во всех уголовных законах как стран ЕАЭС, так и всего мира в целом.

В качестве поощрительных норм, стимулирующих совершение действий по устранению или уменьшению причиненного вреда от совершаемого преступления, выступают положения Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) [1] о добровольном отказе от совершения преступления и деятельном раскаянии.

Анализ положений УК позволяет сделать вывод, что большинство преступлений, в отношении которых законодателем определены специальные основания освобождения от уголовной ответственности, относятся к составам преступлений террористической направленности.

Так, в ст. 124 «Акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации» УК, ст. 126 «Акт международного терроризма» УК, ст. 289 «Акт терроризма» УК,

ст. 359 «Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля» УК, а также ст. 290¹–290⁵ УК, предусматривающими ответственность за финансирование, содействие, обучение или создание террористических организаций, содержатся примечания, призванные стимулировать виновных в приготовлении акта терроризма к предотвращению преступления. При определенных условиях к преступлениям террористической направленности могут быть отнесены также захват заложника (ст. 281 УК) и незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 295 УК), в данных статьях УК содержатся аналогичные примечания.

При этом современной тенденцией стало расширение сферы применения данного института, а также его экстраполяция на преступления экстремистской направленности. Так, сходные по содержанию положения относятся к ст. 361¹, 361² и 361⁵ УК, содержащим признаки создания, финансирования и обучения для участия в экстремистской деятельности. Кроме того, вследствие изменений, внесенных в уголовный закон в марте 2023 г., соответствующие нормы появились и в ст. 125 «Нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой» УК и ст. 360 «Диверсия» УК [2].

Обобщенная характеристика содержания вышеназванных норм может быть сведена к следующему: лицо, участвовавшее в приготовлении к деяниям, предусмотренным вышеуказанными статьями, освобождается от уголовной ответственности за эти деяния, если оно своевременно заявило о содеянном и (или) иным образом способствовало предотвращению и выявлению этого преступления или своими действиями способствовало предотвращению общественно опасных последствий.

Следует обратить внимание на некоторые принципиальные вопросы, закономерно возникающие при анализе вышеназванных норм.

Первый вопрос является институциональным и касается правовой природы данных норм. Безусловно, эти основания относятся к институту деятельного раскаяния. Освобождение от уголовной ответственности по основаниям, указанным в анализируемых примечаниях к нормам об ответственности за преступления террористической направленности, применяются в случаях, когда отсутствуют признаки добровольного отказа от преступления. При наличии добровольного отказа лицо вообще не подлежит уголовной ответственности в соответствии со ст. 15 УК [3, с. 649].

Деятельное раскаяние – это активное поведение лица после совершения им оконченного преступления или неоконченного преступления, когда преступление не было доведено до конца по причинам, которые не зависели от воли виновного, и направленное на возмещение при-

чиненного ущерба либо заглаживание причиненного вреда (смягчение последствий совершенного преступления). В отличие от добровольного отказа деятельное раскаяние по общему правилу не исключает уголовной ответственности, а является лишь обстоятельством, смягчающим таковую.

В то же время в Особенной части УК содержится целый ряд норм о деятельном раскаянии, которое государство рассматривает в качестве основания освобождения от уголовной ответственности.

В случае выполнения лицом условий, изложенных в качестве оснований для освобождения от ответственности в примечаниях к статьям УК, в соответствии со ст. 30 «Прекращение производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь суд, прокурор или следователь с согласия прокурора вправе прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Второй вопрос касается моральной стороны вопроса. На первый взгляд, вышеуказанные положения, заключающиеся в возможности освобождения лиц, совершивших преступления террористической направленности, от необходимости претерпеть определенное уголовно-правовое воздействие могут вызывать возражения в свете закрепленного в законодательстве принципа неотвратимости наказания. Так, позиция руководителей отдельных стран, основанная на отказе от ведения переговоров с террористами и отсутствии в законодательстве специальных оснований освобождения от уголовной ответственности для них, исходит из того, что данные государства стремятся предупредить совершение преступлений террористического характера посредством формирования у потенциальных преступников страха строгого и неотвратимого наказания. Однако при таких обстоятельствах, в случае совершения данного преступления, лицо полностью осознает, что пути назад нет.

Республика Беларусь придерживается другой позиции. В Конституции белорусского государства закреплена норма о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и целью общества и государства. Исходя из этой позиции, с учетом особой важности объектов, на которые посягает терроризм, в Республике Беларусь в данном случае применяется принцип приоритетности защиты прав лиц, подвергающихся опасности, сохранения жизни потенциальных жертв данных преступлений перед неотвратимостью наказания преступников. Придерживаясь аналогичной позиции, представитель Российской Федерации – президент союза «Офицеры группы Альфа» подполковник запаса ФСБ РФ Алексей Алексеевич Филатов на вопрос журналиста «Как спа-

сти всех заложников?» ответил, что «... стопроцентная гарантия возможна только в одном случае, и я считаю, что это самый лучший способ выполнить боевую задачу и провести спецоперацию – это закончить ее на этапе переговоров» [4].

Можно констатировать, что наличие в уголовном праве нормативных предписаний, связанных с освобождением от уголовной ответственности при деятельном раскаянии, в критической ситуации является одним из решающих аргументов к отказу от продолжения преступной деятельности, так как представляет шанс избежать уголовной ответственности в случае выполнения закрепленных в нормах условий.

Третий вопрос, который возникает при анализе рассматриваемых положений, связан с определением путей совершенствования законодательства. Здесь, как представляется, можно, в свою очередь, выделить несколько основных направлений.

Во-первых, системно подойдя к рассматриваемым вопросам, можно сделать вывод о том, что основания освобождения от ответственности в связи с деятельным раскаянием должны также найти отражение в соответствующих примечаниях к ст. 292 «Захват зданий и сооружений» и ст. 311 «Угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна» УК, которые очевидно соответствуют характеру и степени общественной опасности других преступлений террористической направленности, в частности захвату заложников. По нашему мнению, возможно также освобождение от уголовной ответственности за совершение акта терроризма (ст. 290 УК) в случае, если лицо по требованию власти или в добровольном порядке в сжатые сроки сообщит об отсутствии реальной угрозы, благодаря чему предотвратит экономические и организационные затраты государства на проверку информации, закрытие учреждений и т. д., а также позволит не допустить паники.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что в настоящее время большинство статей УК, предусматривающих ответственность за совершение таких преступлений, содержит примечание, согласно которому лица, виновные в подготовке таких преступлений, освобождаются от уголовной ответственности, если они своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратили такие преступления. Как нам представляется, с учетом того, что деятельное раскаяние возможно на всех стадиях совершения преступления, то следует предусмотреть освобождение от уголовной ответственности не только на стадии приготовления, но и в отношении лиц, прекративших по требованию власти действия, составляющие объективную сторону соответствующих преступлений (т. е. на стадии неоконченного покушения)

или предотвративших наступление общественно опасных последствий (на стадии оконченного покушения), что может также в последующем иметь существенное значение при проведении контртеррористических операций, в частности на стадии ведения переговоров [5]. Например, это будет актуально в тех случаях, когда лицу, задержанному за пособничество совершению акта терроризма, сотрудники правоохранительных органов предлагают активно поспособствовать выявлению или пресечению уже реализовываемому преступлению и (или) изобличению лиц, их совершивших. Применительно к оконченному покушению предлагаемое расширение понимания деятельного раскаяния позволит его применять к лицу, совершившему действие (бездействие), составляющее объективную сторону преступления, однако сохранившему контроль за дальнейшим развитием причинной связи между совершенным деянием и наступлением предполагаемого общественно опасного последствия и имеющему возможность повлиять на ее развитие. Так, например, задержанное лицо, заложившее взрывное устройство с часовым механизмом, могло бы до наступления запрограммированного времени его разрядить, ориентируясь на избежание уголовной ответственности.

Таким образом, проанализировав специальные основания освобождения от уголовной ответственности, можно сделать следующие выводы. Примечания к нормам об уголовной ответственности за преступления террористической направленности относятся к институту деятельного раскаяния и являются, несомненно, полезными и оправданными с точки зрения задач уголовного закона. Изучение уголовно-правового характера норм об освобождении от уголовной ответственности позволило сформулировать вывод о необходимости распространения вышеназванных норм не только на лиц, готовившихся к совершению преступлений террористического характера, но и на лиц, добровольно или по требованию власти, прекративших выполнение действий, составляющих объективную сторону соответствующих преступлений (т. е. на стадии покушения). Системный подход к предотвращению общественно опасных последствий преступлений террористической направленности требует также конструирования специальных оснований освобождения от уголовной ответственности для составов захвата зданий и сооружений, угона либо захвата с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна, а также угрозы совершением акта терроризма.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одоб. Сове-

тот Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 марта 2023 г., № 256-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

4. Кривенок, С.А. О важности примечаний к статьям 126 и 206 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.А. Кривенок. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vazhnosti-primechaniy-k-statyam-126-i-206-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii>. – Дата доступа: 23.03.2023.

5. Свитич, Ю.Ю. Основные направления противодействия терроризму / Ю.Ю. Свитич // Сборник статей победителей конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД Республики Беларусь в 2022 году / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2022. – С. 126–132.

УДК 343.237

Д.С. Сергейчик, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маишталер*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Козелецкая*

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Рассматриваются генезис института соучастия на территории Беларуси, а также правовые особенности данного института.

Соучастие в преступлении можно считать одним из самых давних институтов уголовного права. Своими корнями оно уходит в глубокую древность. Еще в Библии (Ветхий завет) указано: «Не следуй за большинством на зло». Как известно, Библия датировалась VIII в. до н. э. В Библии также упоминалось, что Адам совершил свой первый греховный поступок при подстрекательстве и пособничестве Евы.

В каждой стране развитие института соучастия проходит свой особенный путь. Институт соучастия на территории древней Беларуси возникает с появлением первой государственности и формируется постепенно, но не изолированно от подобных институтов славянских и европейских соседей.

Одними из первых правовых актов, действовавших на территории Беларуси, стали договоры Олега Вещего с Византией 911 г. [1]. В данном правовом акте не было закреплено четкого понятия соучастия, однако указывалась норма, которая предусматривала наказание за убийство или кражу не отдельному субъекту преступления, а виновникам, что уже свидетельствует о преступлении, совершенном в соучастии. Проанализировав данную норму, мы пришли к выводу о том, что, если греческий корабль занесет на чужую землю и русские будут поблизости, то они обязаны обеспечить защиту и безопасный путь греческого корабля к месту назначения. Если же на этом корабле кто-то будет убит или избит русскими или же что-либо будет украдено, тогда виновники будут подвержены наказанию.

Данная норма является одной из первых предпосылок к зарождению института соучастия в преступлении.

Преемником договоров Игоря с греками и Руси с Византией стал свод законов «Русская Правда» 1016 г., который также действовал на территории Беларуси. Данный правовой акт не давал точного понятия соучастия в преступлении, однако в нем присутствовали упоминания о преступлениях, совершенных в соучастии. Так, согласно ст. 31 краткой редакции Русской Правды, если кто-то крадет коня или вола, то платит 1 гривну и 30 резан, если преступников было 18, то каждый участник платит по 3 гривны и 30 резан [2].

В пространной редакции Русской Правды также имеется упоминание о совершении преступления несколькими лицами, дифференциация субъектов преступления в зависимости от социального статуса, а также выделяется такая форма соучастия, как укрывательство. Так, согласно ст. 121 пространной редакции Русской Правды, если холоп совершил кражу чего-либо, то его хозяин выкупает или «выдает» (отдает князю на осуществление правосудия) его вместе с тем, с кем он совершал кражу. Также по данной статье жена и дети холопа не отвечали за его деяние, однако если знали о совершенном преступлении, укрывали его и совершали преступное деяние совместно с ним, то также подлежали выдаче. Если же вместе с холопом кражу совершали свободные люди и укрывали его, тогда они были обязаны выплатить штраф князю [3].

Следующим этапом развития института соучастия стал период, когда территория Беларуси находилась в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ). На территории ВКЛ существовали статуты (1529, 1566 и 1588 гг.) в качестве основных нормативных актов, которые и дали наиболее полное представление о соучастии для того исторического периода. В статутах ВКЛ 1529 и 1566 гг. законодатель не дал четкого представления о соучастии в преступлении, о его видах и формах. В данных статутах

лишь упоминалось о совершении преступления в составе группы лиц. Однако Статут ВКЛ 1588 г., являясь наиболее точным и сформированным правовым актом рассматриваемого периода, дает более расширенное понятие определения соучастия в преступлении. Термин «соучастие» согласно Статуту ВКЛ 1588 г. подразумевал под собой объединение двух или более лиц для совершения преступного деяния. Нормы статуты выделяют несколько форм соучастия. К ним относятся совиновничество, главное виновничество, подстрекательство, пособничество, необходимое соучастие и прикосновенность [4]. Под совиновничеством подразумевалась такая форма соучастия, при которой все соучастники являются равно виновными в преступлении. Так, согласно артикулу 39 разд. 11 «за умышленное убийство шляхтича людьми «простого стану» все преступники подвергаются смертной казни». Стоит отметить, что в рассматриваемый период существовало такое понятие, как «сословная принадлежность» и наказание могло распределяться неравномерно, в зависимости от сословной принадлежности преступника. Например, за убийство шляхтича «в сваде» (т. е. в ссоре, драке) смертной казни подлежал один шляхтич или же трое простых людей, а остальные соучастники подвергались штрафу (сто копъ грошэй) и тюремному заключению сроком на 6 недель (разд. XI, артикулы 29, 39). Данный факт дает право констатировать о зарождении дифференциации ответственности за совершение преступного деяния в соучастии. При сложной форме соучастия закон выделял организатора преступления (называя его иногда главным виновником, гвалтовиком) и «помочников» (пособников), т. е. тех, кто содействовал совершению преступления своими указаниями, материальными средствами («конми, зброєю, людьми» и прочим), т. е. конями, оружием, людьми. Причем в законе была сделана оговорка, что «слуги панов своих за помочники розумены быти не могутъ» (слуги своих панов не могут выступать в качестве помощников) (разд. XI, артикул 1). Много внимания закон уделял такому виду соучастия, как подстрекательство, регламентируя роль лица, явившегося инициатором совершения преступления и возбудившего у другого лица желание осуществить злой умысел. В том случае, если подстрекатель осуществлял свое намерение физическими силами другого лица («з направы своее через кого колвек»), т. е. через кого-нибудь, как правило, за тяжкие преступления оба этих лица подвергались одинаковому уголовному наказанию (разд. XI, артикулы 17, 60 и др.). Статуты различали несколько видов заранее не обещанного деяния, не связанного причинно с преступным результатом и образующего самостоятельное преступление (прикосновенность к преступлению): укрывательство злоумышленников, пользование плодами преступления, недонесение о готовящемся преступлении и попустительство. Особую законодатель-

ную регламентацию получило в Статуте ВКЛ 1588 г. укрывательство преступления, которое проявлялось в активном поведении лица с целью укрыть преступников или сокрыть орудия и средства совершения преступления. Строгость наказания за укрывательство зависела от тяжести совершенных преступлений, личности преступников и других обстоятельств. Так, лица, которые укрывали «злочинцев, разбойников, злодеев явных, людей выволаных», подлежали такому же наказанию, как и сами преступники (разд. XI, артикул 36). Объективная сторона такого вида «прикосновенности», как пользование плодами преступления, выражена в Статуте ВКЛ 1588 г. словами: «тех речей злодейских ведома поживал» (разд. XI, артикул 36). Однако в диспозиции данной правовой нормы не уточнялось, каких именно «речей» и не давалось определение понятия «поживал». Говорилось только об обязательном условии – знании того, что в пользовании находились «речи злодейские» [4].

Следующим по законодательной ветке этапом развития института соучастия в преступлении на территории Беларуси стал период, когда Беларусь находилась в составе Российской империи.

На территории Российской империи действовал такой правовой акт, как Соборное уложение 1649 г., в котором уже, по сравнению со статутами ВКЛ, более подробно раскрыты особенности института соучастия в преступлении [5].

Более детальное закрепление, по сравнению с предшествующим законодательством, в Соборном уложении 1649 г. получили виды соучастия, такие как подстрекательство, пособничество, укрывательство, попустительство и недонесение. Соучастие могло быть физическим и интеллектуальным. В Соборном уложении 1649 г. устанавливалось, как правило, одинаковое наказание для всех участников преступления, не требуя определения степени участия и вины каждого из них. Хотя выделялись главные и второстепенные участники преступления. Второстепенными участниками определялось такое понятие, как «соучастники».

Интеллектуальные и физические соучастники подвергались одинаковому наказанию. Так, по ст. 19 гл. 22: «того кто убийство научал и кто убил, казнить». Однако в ст. 198 гл. 10 говорится об ответственности за убийство, содеянное на дворе потерпевшего. Согласно данной статье соучастники подвергаются меньшему наказанию, чем главный исполнитель. Те, кто причинил ранения, карались отсечением руки, а остальные – битьем кнутом.

Были сформированы также такие понятия, как первые формы преступного сообщества – «скоп» и «заговор». Одинаковое наказание предусматривалось для всех членов преступлений против близких родственников (ст. 2 гл. 22).

Развивалась дифференциация наказания главных виновников и соучастников. Так, по Соборному уложению 1649 г. за фальшивомонетничество главному соучастнику отрубали руку, а соучастнику – 2 пальца.

Артикул воинский 1715 г., который кроме главных виновников различал следующие формы соучастия: подстрекательство к совершению преступления (артикул 2), пособничество (артикул 189), недоносительство и укрывательство (артикул 190). Артикул 19 данного правового акта был также посвящен совершению преступления в соучастии. Отличительная особенность содержания Артикула воинского 1715 г. заключается в том, что объектом преступления выступает «его величество» (царь, князь). На основании вышеизложенного мы можем констатировать, что артикул 19 посвящен преступлениям против государства, совершенным в соучастии. Согласно артикулу 19 за совершение данного преступления организатор и все соучастники подвергались четвертованию, а также полной конфискации имущества (пожитки забраны). В артикуле 19 приведено толкование, по которому лица, уличенные в покушении на преступление или недоносительстве, подвергались идентичному наказанию, как за совершение данного преступления (как в артикуле). Артикул воинский 1715 г. уравнивал в ответственности всех соучастников [6].

Преемником Артикула воинского 1715 г. стал Свод законов Российской империи 1832 г. Нормы, посвященные институту соучастия, в данном Своде законов закреплены в ст. 12–15, XV тома V книги. Рассматриваемый правовой акт более детально, по сравнению с Артикулом воинским 1715 г., определяет виды соучастия. Так, в соответствии со ст. 12 и 13 преступления, совершенные в соучастии, делятся на преступления, совершенные несколькими лицами «без предварительного их на то согласия» (преступной группой без предварительного сговора), и преступления, совершенные несколькими лицами «по предварительному их на то согласию» (группой лиц по предварительному сговору). В ст. 12 указываются виды соучастников в преступлении, совершенном группой лиц без предварительного сговора: главные виновники и участники. Проанализировав ст. 13, мы делаем вывод о более детальном закреплении видов соучастников при совершении преступления преступной группой по предварительному сговору: зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели, пособники. Исходя из содержания ст. 14, кроме соучастников выделяются лица, прикосновенные к преступлению. Ими признаются попустители и укрыватели: лица, которые имели возможность предупредить преступление и не предупредили его, также лица, укрывавшие преступников и уничтожавшие следы преступления. В ст. 15 указывается, что также прикосновенными к преступлению при-

знаются лица, которые знали о подготавливаемом или уже совершенном преступлении и имели возможность донести об этом правительству, однако не сделали этого, тем самым не выполнив свою обязанность [7].

Уголовное уложение 1903 г. стало новой ступенью в историческом развитии института соучастия в преступлении. Положения, посвященные соучастию в преступлении, закреплены в ст. 51 и 52 четвертого отделения. Так, данный правовой акт один из первых закрепил понятие соучастия. Согласно ст. 51 Уголовного уложения 1903 г. под соучастием понималось преступное деяние, учиненное несколькими лицами, согласившимися на его совершение, или действующими заведомо сообща. Исходя из данного определения, здесь просматривается количественный объективный признак множественности лиц. По Уголовному уложению 1903 г., соучастниками наряду с исполнителями признавались подстрекатели и пособники. В ст. 51 также просматривается наличие института дифференциации ответственности. Дифференциация ответственности производилась на основании тяжести преступного деяния. Так, согласно данной статье за совершение тяжкого преступления пособнику, если его помощь была несущественна, наказание смягчается в соответствии со ст. 53 Уголовного уложения 1903 г. Из участников «проступка» (определения проступка в Уголовном уложении 1903 г. не дано) к ответственности привлекается только исполнитель, подстрекатель и пособник, в свою очередь, от наказания освобождаются. Из содержания ст. 52 следует, что лицо, согласившееся принять участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или иного преступления и не отказавшееся от дальнейшего соучастия, но не бывшее соучастником тяжкого преступления или иного преступления, отвечает только за участие в сообществе [8].

Стоит отметить, что в этот период уже законодательно содержалось указание на освобождение уголовной ответственности при добровольном отказе соучастников от совершения преступления (ст. 51). В Уголовном уложении 1903 г. не только существенно упрощалась система видов соучастников, но и дифференцировалась их ответственность, закреплялось понятие соучастия, а также выделялось две разновидности преступных образований: преступное сообщество и шайка (ст. 52).

Дальнейшее развитие на территории институт соучастия получил в советский период. В рассматриваемый период действовало три уголовных кодекса: УК РСФСР 1922 г., УК БССР 1928 г. и УК БССР 1960 г.

В УК РСФСР 1922 г., несмотря на уже достаточно развитую сферу уголовного законодательства, по-прежнему не было дано общего определения понятия соучастия. Институту соучастия в данном правовом акте

была посвящена ст. 16, в которой закреплены такие виды соучастников, как исполнитель, пособник и подстрекатель [9]. Норм, регулирующих ответственность за совершение преступления в соучастии, не было.

В УК БССР 1928 г. так же, как и в УК БССР 1960 г., не было дано понятия соучастия, но выделялись такие виды соучастников, как подстрекатели и пособники (ст. 24). В ст. 26 также указывается на то, что ответственность за недонесение наступает в соответствии с УК БССР 1928 г., однако само понятие недоносителя, как вида соучастника, отсутствует. Из содержания ст. 25 УК БССР 1928 г. следует, что меры социальной защиты в отношении пособников и подстрекателей определяются судом в зависимости от их социальной опасности, а также от степени участия их в данном преступлении. Эта статья своим содержанием представляется как предпосылка к созданию института дифференциации ответственности за совершение преступления в соучастии [10].

В УК БССР 1960 г. впервые было законодательно закреплено четкое понятие соучастия. Соучастию в данном кодексе посвящена ст. 17, а также ст. 18 и 19, описывающие такие формы соучастия, как укрывательство и недоносительство. Под соучастием в УК БССР 1960 г. понималось умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Организаторы признавались соучастниками наряду с исполнителями, подстрекателями и пособниками. В УК БССР 1960 г. также приняты первые шаги к реализации дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии, так как в ст. 17 указано, что судом при назначении наказания должны учитываться степень и характер участия каждого из участников в совершении преступления [11].

В актуальном Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. дано наиболее точное и расширенное понятие соучастия, а также на высоком уровне разобраны формы и виды соучастия. Добавлены такие понятия, как «организованная группа» и «преступная организация». В соответствии со ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Здесь, по сравнению с УК БССР 1960 г., добавлен такой субъективный признак соучастия, как совершение умышленного преступления [12].

Проанализировав историю развития института соучастия в преступлении, можно отметить, что этот институт является одним из самых древних в истории, так как первые упоминания о нем присутствовали уже в Библии. На территории Беларуси институт соучастия в преступлении развивался постепенно, но не отдельно от своих славянских и европейских соседей. С образованием государственности на террито-

рии Беларуси появлялись и правовые акты, которые включали в себя данные о соучастии. С течением времени расширялись общественные отношения между людьми в различных сферах, что приводило к совершенствованию и появлению новых правовых актов, где, в свою очередь, такие же изменения претерпевал и институт соучастия в преступлении. В рассмотренном нами историческом периоде правовые акты не давали четкого понятия соучастия в преступлении, а лишь выделяли их виды и формы. Только в УК БССР 1960 г. было закреплено понятие соучастия и дополнено в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. В рассматриваемый период также наблюдается отсутствие дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии. Первыми предпосылками решения данной проблемы стали нормы Соборного уложения 1649 г. Далее развитие института соучастия продолжалось в УК БССР 1960 г., а также в действующем уголовном законодательстве, в котором и на данный момент ведется работа по усовершенствованию института дифференциации ответственности.

Список использованных источников

1. Договор Олега Вещего с Византией 911 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/media/id/5fa05524af2efa048bca44ea/dogovor-rusi-s-vizantie-911-goda-60dc9fe0ddafe44546d6a522>. – Дата доступа: 25.03.2023.
2. Краткая редакция Русской Правды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-kratkaya/russkaya-pravda-kratkaya.htm>. – Дата доступа: 10.03.2023.
3. Пространная редакция Русской Правды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm>. – Дата доступа: 10.03.2023.
4. Статут ВКЛ 1588 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.by/statut/statut1588.htm>. – Дата доступа: 10.03.2023.
5. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sobornoe_ulogenie_1649_goda.pdf. – Дата доступа: 29.06.2022.
6. Артикул воинский 1715 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>. – Дата доступа: 29.06.2022.
7. Свод законов Российской империи 1832 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/3.html>. – Дата доступа: 29.06.2022.
8. Уголовное уложение 1903 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf. – Дата доступа: 29.05.2022.
9. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf. – Дата доступа: 11.03.2023.

10. Уголовный кодекс БССР 1928 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. – Дата доступа: 13.03.2023.

11. Уголовный кодекс БССР 1960 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960. – Дата доступа: 13.03.2023.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 343.985

П.С. Соболевский, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.В. Гриб*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ И ПРЕКУРСОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Противодействие незаконному обороту наркотиков является одним из приоритетных направлений внутренней политики не только Республики Беларусь, но и всего мира. Совершенствование национального и международного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков требует четкого понимания проблемы, стоящей перед современным обществом.

В законодательстве Республики Беларусь, как и в законодательстве большинства стран мира, правовое регулирование деятельности по противодействию незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров занимает одно из важнейших мест.

Так, ретроспективный анализ уровня развития правоотношений рассматриваемой нами сферы в мире свидетельствует о непрекращающемся развитии законодательства, расширении круга его действия, определении необходимых мер воздействия как на незаконный оборот наркотиков, так и на их легальный оборот. Среди основных нормативных правовых актов (НПА), способствующих положительным тенденциям в развитии средств и методов для реализации общемировой политики

в области контроля за наркотическими средствами, следует выделить: Соглашение 1946 г. «О создании комиссии Организации Объединенных Наций по наркотическим средствам»; Протокол от 1953 г. «Об ограничении и регламентации культивирования растений мака, производства опиума»; Единая конвенция о наркотических средствах от 1961 г. (с поправками 1972 г.) (далее – Конвенция 1961 г.); Конвенция о психотропных веществах 1971 г. (далее – Конвенция 1971 г.); Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 1988 г. (далее – Конвенция 1988 г.) [1].

Проведенный анализ законодательства указывает на расширение круга действия рассматриваемых конвенций, в которых определены необходимые меры воздействия на лиц, совершающих незаконные действия с наркотиками. В рассмотренных конвенциях отражены концептуальные решения, использование которых в отечественном законодательстве будет способствовать положительным тенденциям в изменении ситуации с незаконным оборотом наркотиков.

Анализируя работу с незаконным оборотом наркотиков на национальном уровне, следует иметь в виду то, что до 1991 г. Республика Беларусь находилась в составе Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и, соответственно, основным координатором законодательной точки зрения был единый для всей страны центральный аппарат, представленный в разное время Всесоюзным центральным исполнительным комитетом (ВЦИК), Советом народных комиссаров (СНК), Верховным Советом СССР и его Президиумом.

Исходя из этого, постановлением ВЦИК и СНК СССР от 22 декабря 1924 г. в Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (УК РСФСР) введена ст. 140-д, предусматривающая уголовную ответственность за преступления, связанные с наркотиками. При сравнении с ранее применявшейся ст. 215 УК РСФСР 1922 г. и ст. 140-д УК РСФСР усматривается факт отнесения незаконного оборота наркотиков к числу наиболее серьезных проблем молодого Советского государства. Однако тут же прослеживается отсутствие опыта законодателя в вопросах незаконного оборота наркотиков – потребление наркотиков, их изготовление или хранение с целью личного потребления не отнесено к числу преступлений, а контрабанда наркотиков не упоминалась в принципе [2, с. 38].

Многие неучтенные проблемы были рассмотрены в последующем и исправлены в УК БССР 1960 г., а также внесенными в него изменениями от 1974 г., которые вводили ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку и пересылку наркотических веществ без цели сбыта; незаконные изготовление, приобретение,

хранение, перевозку, пересылку с целью сбыта или сбыт наркотических веществ; хищение наркотических веществ; организацию или содержание притонов для потребления наркотических веществ; склонение к потреблению наркотических веществ; нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки наркотических веществ [3, с. 57].

В 1964 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР была ратифицирована Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. Большое значение в борьбе с незаконным оборотом наркотиков имело постановление Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1965 г. № 3274-VI «Об усилении борьбы с незаконным изготовлением и распространением наркотических веществ» [4].

Учитывая факт практически полного закрытия границ СССР для иностранцев, вопросы производства и торговли наркотиками не носили массового характера. После открытия границ территория Республики Беларусь стала активно использоваться для транзита наркотиков. Возросшее количество и доступность наркотиков, наряду с рядом других факторов, способствовали развитию наркомании среди населения [3, с. 59]. Это же и повлекло достаточно быструю реакцию законодателя на возникшую угрозу. Так, Верховный Совет Республики Беларусь еще до окончательного отделения Беларуси от СССР постановлением от 28 июля 1990 г. № 218-XII ратифицировал Конвенцию ООН о борьбе против наркотических и психотропных веществ 1988 г. В связи с этим в уголовном законодательстве появились новые составы преступлений [4].

В настоящее время в Республике Беларусь преступления, предметом которых являются наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры и аналоги, сильнодействующие и ядовитые вещества, регулируются ст. 327–334 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) [5], а также иными правовыми актами [6–9]. Отдельные вопросы применения законодательства об ответственности за преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, регулируются постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)» в редакции от 30 сентября 2021 г. (ППВС) [10].

Обширный перечень действующих НПА, регулирующих рассматриваемую нами деятельность, на наш взгляд, способствует созданию законодательной инфляции, а также коллизионных аспектов как термино-

логического, так и правоприменительного характера, причем речь идет также о противоречиях между национальным законодательством и принятыми международными конвенциями и соглашениями. Помимо этого стоит отметить, что наличие большого числа НПА ведет к усложнению и замедлению процесса поиска и использования необходимой информации. Исходя из этого, целесообразно разработать и утвердить, с учетом мирового опыта, единый правовой акт, обобщающий терминологическую и характеризующую наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры базу, в том числе в медицинском и количественном аспектах.

Следует отметить, что процесс создания и утверждения нового правового акта может занимать достаточно долгий период. В процессе разработки необходимо обратить внимание на уточнение отдельных спорных моментов, что будет способствовать не только исключению ныне существующих разногласий в теоретических и практических аспектах, но и даст возможность законодателю провести анализ и учесть все недостатки для их последующего недопущения в новом правовом акте. Например, ранее правоохранительные органы часто не могли привлечь к ответственности разрабатываемых лиц в связи с постоянной изменчивостью структурных формул наркотиков, что обусловило введение в оборот термина «аналоги наркотических средств». Данное изменение способствовало недопущению подобных инцидентов.

Определение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров опирается на общемировую практику и отличается от иностранных лишь наличием в уточняющих НПА перечнях, включенными в них видами наркотиков и их количествах, что непосредственно влияет на квалификацию деяний и последующую работу правоохранительных органов.

Возвращаясь к вопросу отнесения конкретных действий с наркотиками к преступным, следует обратить внимание, что законодатель, используя национальный, зарубежный и международный опыт, практически полностью отразил в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон) их перечень. Данными действиями являются культивирование, изготовление, производство, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, реализация, использование, ввоз, вывоз, транзит и уничтожение наркотиков. Однако в этом случае для недопущения фактов непривлечения к ответственности лиц, предпринимающих незаконные действия с наркотическими средствами, которые не включены в указанный перечень, но имеют место быть в зарубежном законодательстве, следует провести комплексный анализ на

установление таковых, с последующим включением данных действий в общий перечень. Например, не отражены такие действия, как посредничество, а также легализация доходов, полученных в результате преступных действий, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами.

Помимо имеющихся разногласий в отнесенности некоторых действий, на наш взгляд, также имеются спорные моменты в определении уже имеющихся. В целях раскрытия неопределенностей и недостатков указанных действий, совершаемых незаконным путем, рассмотрим отдельные из них более подробно.

Рассматривая определение ввоза и вывоза наркотиков, стоит отметить, что данные действия являются так называемой отправной точкой к их незаконному обороту, что определяет их взаимосвязь. Так, под ввозом, вывозом понимается перемещение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов через Государственную границу Республики Беларусь. Следует отметить, что законодатель в данном определении обозначает лишь ввоз и вывоз через государственную границу, однако в современных реалиях, когда территорию государства расширяют его экономические интересы, данные термины в ст. 1 Закона необходимо изложить в следующей редакции: «ввоз и вывоз наркотиков – деятельность, направленная на перемещение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов через Таможенную границу (территорию) и (или) Государственную границу Республики Беларусь». Формулировку данного определения с использованием категорий «таможенная граница» и «таможенная территория» использует российский законодатель. Кроме этого, в УК имеется ст. 328, устанавливающая ответственность за незаконное перемещение наркотиков как через Государственную границу Республики Беларусь, так и через Таможенную границу, однако четкого разъяснения относимости ввоза и вывоза к перемещению через определенное место до сих пор не имеется в Законе. Формы перемещения наркотиков через Таможенную и Государственную границы Республики Беларусь достаточно разнообразны. Так, в некоторых случаях имеет место быть их пересылка. В случае пересылки, в процессе перемещения отсутствует лицо, которое непосредственно владеет товаром, так как перемещение товара осуществляет компания-перевозчик или же частное лицо, занимающееся данной деятельностью.

Хранение наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров не определено Законом, но согласно ППВС под хранением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров

и аналогов, особо опасных наркотических средств или психотропных веществ следует понимать любые умышленные действия, связанные с фактическим нахождением таких средств и веществ во владении (при себе, в тайнике, в помещении и других местах). Характерной особенностью, установленной ППВС ответственности за хранение наркотика, является наступление ответственности независимо от продолжительности хранения. Часто вместе с хранением лицу, уличенному в преступлениях, связанных с наркотиками, вменяют и их приобретение, под которым понимается их покупка, принятие в дар, получение в счет долга, займы, в качестве оплаты за услуги, в результате обмена на другие предметы, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или частей, содержащих наркотические вещества, а равно остатков неохранных посевов наркотикосодержащих растений после завершения их уборки и др. [10].

Изготовление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров – действия, в результате которых получены наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги либо одни наркотические средства, психотропные вещества, аналоги преобразованы в другие наркотические средства, психотропные вещества, аналоги. В сравнение с белорусским Законом следует привести Федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», из которого следует, что под изготовлением понимаются действия, в результате которых на основе наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров получены готовые к использованию и потреблению формы наркотических средств, психотропных веществ или содержащие их лекарственные средства [11]. Исходя из этого, на наш взгляд, определение, данное в Законе, стоило бы изложить в следующей редакции: «Изготовление – действия, в результате которых получены промежуточные и (или) окончательные формы наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов либо преобразование исходных форм наркотических средств, психотропных веществ, аналогов в иные наркотические средства, психотропные вещества, аналоги».

Проанализировав и рассмотрев указанные элементы, следует обратить внимание на отдельные моменты при совершении незаконных действий с наркотиками в соучастии. Сущностью приобретения наркотика является получение возможности распорядиться им по своему усмотрению: потребить, сбыть, уничтожить. Наличие правомочий распоряжения наркотиками при их приобретении помогает дифференцировать данное незаконное действие от иных незаконных действий, таких как перевозка наркотиков по поручению их владельца, хранение, изготовление либо переработка наркотиков по поручению их владельца [12].

При возникновении ситуации, когда потребитель имеет желание приобрести наркотик, но не владеет информацией о возможностях его покупки в каком-либо месте либо у определенных лиц, он может узнать от знакомого лица, т. е. посредника, информацию о продаже наркотиков в том или ином месте. Причем информация о месте нахождения наркотика или средств оплаты за него, переданная посредником даже без личной заинтересованности, формально способствует установлению контакта между сбытчиком и покупателем – следовательно, данное лицо уже выходит за рамки обычного пособника и выступает в качестве посредника, так как оно может выполнять роль иных соучастников, таких как организатор и подстрекатель.

В этом смысле также возникает необходимость рассмотрения вопроса о давности распространения информации, связанной с незаконными действиями с наркотиками. При взаимном обмене в сети Интернет сообщениями различного характера, одно лицо могло предоставить информацию о существовании того или иного магазина по продаже наркотика или найденной им информации о предполагаемом месте закладки, в своих личных целях (например, в целях увеличения своего влияния на человека, установления авторитетного мнения о себе), за определенный период до фактического использования данной информации потребителем. Однако на этом этапе лицо уже совершает общественно опасное деяние.

Таким образом, необходимо рассмотреть вопросы квалификации данных действий как посредничества в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость внесения изменений в ППВС, а также в Закон, с добавлением посредничества как одной из форм действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Немаловажное значение в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров также имеет современное состояние международных отношений. Им характерна определенная нестабильность даже в таких проблемах, как мировая наркопреступность. Однако, несмотря на складывающуюся ситуацию, мировому сообществу необходимо совершенствовать правовую базу, в том числе в вопросах взаимодействия между собой для достижения общей цели.

Примером ограниченности взаимодействия между правоохранительными органами и зарубежными организациями являются вопросы предоставления сведений о транзакциях с биткоин-кошельками, ввиду отсутствия правового регулирования данного вопроса. Популярностью пользу-

ются такие кошельки, как Bitcoin Core, Multibit, Armory, Electrum, Copay, Muselium. Владельцы биткоин-платформ могут из личных соображений не предоставлять данные о держателях криптокошельков для проведения проверок таких лиц на причастность к наркопреступлениям. Являясь частной организацией или разработчиком, в преобладающем большинстве – иностранной, компании могут ссылаться на невозможность предоставления данных «ввиду сложного технического процесса».

Наркобизнес находит новые способы для сокрытия своей деятельности и ограничения возможностей правоохранительных органов в деятельности по пресечению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, оставляя возможность их раскрытия лишь на уровне сбытчиков, часто не доходя до поставщиков и производителей, являющихся основным звеном. Кроме этого, в законодательстве отсутствует правовое регулирование вопроса конфискации денежных средств с биткоин-кошельков. Решением указанной проблемы может являться разработка на международном уровне НПА, предметом которого станет вопрос использования данных кошельков в незаконных действиях, связанных с наркотиками. В частности, предоставление информации о проводимых транзакциях, а также иной необходимой информации, связанной с использованием биткоин-кошельков.

Рассмотрев правовые аспекты регулирования противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также сделав определенные выводы о возможных корректировках национального законодательства, считаем, что выдвинутые предложения позволят внести следующие изменения: оптимизировать деятельность правоохранительных органов и судов; унифицировать терминологию по данной категории преступлений; расширить сферы взаимодействия правоохранительных органов и иных государственных органов и организаций, в том числе и с зарубежными.

Список использованных источников

1. Конвенции о международном контроле над наркотиками [Электронный ресурс] : пересм. изд., Нью-Йорк, 2014 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_R.pdf. – Дата доступа: 16.02.2023.

2. Ужахов, А.С. История становления российского законодательства по противодействию незаконному обороту наркотиков в досоветский и советский периоды / А.С. Ужахов // Рос. следователь. – 2009. – № 24. – С. 38–40.

3. Берестень, В.И. Социально-криминологические основы противодействия организованной преступной деятельности в сфере оборота наркотиков / В.И. Бе-

рестень ; НИУ «НИИПККиСЭ М-ва юстиции Респ. Беларусь». – Минск : Право и экономика, 2006. – 152 с.

4. Хомич, В.М. Тенденции, причины и меры противодействия наркотизации населения Республики Беларусь: социально-правовое исследование / В.М. Хомич, О.В. Русецкий ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2014. – 46 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. № 165-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-3 : с изм. и доп. от 15 июля 2021 г. № 120-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 11 февр. 2015 г., № 19 : с изм. и доп. от 17.02.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 сент. 2019 г., № 606 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 : с изм. и доп. от 23.08.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

10. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 : в ред. от 30.09.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

11. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 8 янв. 1998 г., № 3-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 г. № 640-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

12. Любавина, М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1 УК РФ : учеб. пособие / М.А. Любавина ; С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – СПб., 2016. – С. 34.

Е.В. Шевчукас, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Г.А. Павловец*

О ПОНЯТИИ «ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается использование электронных доказательств в уголовно-процессуальном доказывании в Республике Беларусь и зарубежных странах, а также необходимость закрепления понятия «электронные доказательства» в нормах национального уголовно-процессуального права.

В современном мире большинство сфер общественной жизни управляются посредством использования информационных технологий, что ставит эффективность борьбы с преступностью в прямую зависимость от информационно-технологического обеспечения деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и его правового регулирования. С учетом глобализации и информатизации общества письменный документ устаревает и становится нецелесообразным, как и бумажный документооборот в целом, поскольку распространение электронных устройств и ведение электронного документооборота употребляется все чаще. Альтернативой документирования в письменном виде как несовершенного способа фиксации доказательственной информации выступают электронные документы, к ним также относят видео- или аудиозаписи в цифровом формате. Принимая во внимание указанную тенденцию, считаем необходимым исследовать вопрос нормативного определения и использования в уголовно-процессуальном доказывании «электронных» («цифровых») доказательств.

Следует отметить, что нормативного определения электронных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и других государств – участников СНГ не содержится, а в юридической литературе наблюдается терминологическая обособленность между названием таких доказательств и их правовой природой.

Ученые, поддерживающие идею о введении в законодательство понятия «электронное доказательство» и определяющие его как документ, где информация представлена в электронной (цифровой) форме, считают его самостоятельным видом доказательств, который необходимо закрепить в специальных нормах процессуального законодательства.

Другие авторы отрицают вышеописанную позицию и предлагают называть такое доказательство «виртуальным документом», определяя его как совокупность информационных объектов, создаваемых в результате взаимодействия пользователя с электронной информационной системой.

Исследование опыта зарубежных стран и их законодательства свидетельствует о том, что изначально информация, созданная с помощью программных и аппаратных средств компьютерной техники, получила название «компьютерных доказательств». Однако в связи с появлением технических средств, которые по существующей классификации не могли быть отнесены к такой группе, как компьютеры или электронно-вычислительные машины (ЭВМ) (например, диктофоны, цифровые фотоаппараты, средства мобильной связи), зарубежные ученые и практики стали использовать обобщенную группу доказательств – «цифровые доказательства». При этом эксперты «Единой Научной рабочей группы», которые занимаются исследованием цифровых доказательств в США предложили понимать под таким термином любую информацию доказательственного значения, зафиксированную или переданную в цифровой форме.

В рамках нашего исследования с целью анализа правоприменительной практики в зарубежных странах нами были выделены следующие электронные доказательства в системе доказательств США, основанной на прецедентной судебной практике: *аудиозапись, фотография, видеозапись, электронный документ, мобильное устройство связи, текстовые сообщения, персональный компьютер, электронный носитель информации, электронная корреспонденция, данные интернет-трафика* и др. [1].

Изучая развитие советской юриспруденции выявлено, что попытка привлечь внимание к возможности использования в доказывании по уголовным делам электронных документов впервые была предпринята в 1973 г. доктором юридических наук В.К. Лисиченко. Исследования этого ученого показали, что сведения о фактах и практической деятельности людей, закрепленные знаками искусственных языковых систем, должны рассматриваться в правовом и общенаучном смысле как самостоятельная разновидность документов.

И только в 1991 г. В.И. Першиковым и В.М. Савинковым было предложено определение понятия «электронный документ», под которым предлагалось понимать совокупность данных в памяти ЭВМ, предназначенную для восприятия человеком с помощью соответствующих программных и аппаратных средств. Данную позицию в 1992 г. начал развивать А.Б. Борковский, введя в оборот понятие «электронная почта»

и определив его как средство пересылки и хранения сообщений между пользователями ЭВМ в сети.

Сейчас электронный документ интерпретируют в качестве любых сведений, хранимых, обрабатываемых и передаваемых с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, и уполномоченные лица в предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством порядке устанавливают наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, полученных с соблюдением процессуального порядка их собирания и приобщенных к материалам уголовного дела специальным постановлением (определением).

По мнению А.В. Рыбина, электронный документ – это сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, записанные на перфокарту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флэш-памяти или иной подобный носитель, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания. Считается, что цитируемые суждения являются расширительным толкованием дефиниции «электронный документ», поскольку он включают в себя предмет и элементы доказывания, процессуальный порядок оформления такого документа, а в последнем случае – содержат описание местонахождения документа на электронном носителе, но не раскрывают его сущность. Более удачным, по нашему мнению, видится определение электронного документа, предложенное В.Б. Веховым, трактующим его как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах в электронно-цифровой форме, зафиксированные на машинном носителе с помощью электромагнитных сигналов с реквизитами, позволяющими идентифицировать данные сведения» [2].

Анализ законодательства Республики Беларусь, регламентирующего понятие и механизм использования электронного документа, позволяет выделить критерии, которым должна соответствовать документированная, в том числе электронная информация. Одним из таких критериев выступает **обязательная фиксация этой информации на материальном носителе, которым может служить любой объект материального мира, где находят свое отображение определенные сведения.** При этом следует помнить о том, что одновременно одни и те же сведения могут фиксироваться на различных информационных носителях (бумажном и электронном). **Наличие реквизитов, которые позволяют подтвердить подлинность и идентифицировать информацию и (или) ее материальный носитель,** также является критерием признака такой информации, документированной (в том числе электронной).

Электронный документ должен создаваться, обрабатываться, храниться, передаваться и приниматься с помощью технических, программных и программно-аппаратных средств, а также должен представляться в форме, доступной и понятной для восприятия человеком. Нормативно закреплено, что **электронный документ имеет внутреннюю (запись информации, составляющей электронный документ, на электронном носителе информации) и внешнюю (воспроизведение электронного документа на электронном средстве отображения информации, на бумажном либо ином материальном носителе) формы представления** [3]. Стоит обратить внимание на то, что имеется вероятность изменения формы фиксации такого документа, так как информация, запечатленная на материальном носителе одного вида, может быть одновременно представлена и на других видах носителей без угрозы потери своего содержания и реквизитов.

Считаем необходимым также обратиться к точке зрения Т.А. Савчука, который предлагает воспринимать информацию, исходящую от техники, как вещественное доказательство (например, в случае создания документов автоматическими регистрирующими устройствами и системами: бортовым самописцем транспортного средства, банкоматом, системами видеонаблюдения и учета соединений абонентов в сети Интернет или электросвязи) [4].

Думается, что соблюдение названных требований к электронному документу делают его пригодным и для использования в уголовно-процессуальном доказывании, при этом такой документ будет выступать либо в качестве вещественного доказательства (ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК)) [5], либо иного документа и другого носителя информации (ст. 100 УПК) в зависимости от того, в какой форме они представлены и какие сведения несут в себе. В связи с этим, несмотря на критику советской доктрины доказательственного права в современной юридической науке, считаем целесообразным введение нового источника доказательства – «цифровое доказательство».

В Верховном Суде Республики Беларусь 13 декабря 2019 г. был проведен семинар для судей в формате видео конференцсвязи по вопросам использования электронных доказательств. Менеджер проекта CyberEast, эксперт Совета Европы Г. Джохадзе во время семинара довел о нормах Совета Европы в области использования электронных доказательств в уголовном процессе. Г. Джохадзе рассказал о том, как суды оценивают конкретные электронные доказательства и что они при этом принимают во внимание, каким образом проходит оценка и проверка данных доказательств в случае заявления об их подложности, как при необходимости проводится экспертиза.

Судья Верховного Суда Республики Беларусь Д.А. Улога ознакомил коллег с некоторыми вопросами использования электронных доказательств в уголовном процессе Республики Беларусь. Он отметил, что доказательства являются средствами, при помощи которых в ходе судебного разбирательства устанавливаются факты, позволяющие определить виновность или невиновность лица. Электронные доказательства – это все средства такого рода, существующие в электронной (цифровой) форме. Электронная почта, электронные записи, файлы обработки информации, файлы с изображениями все чаще становятся важными доказательствами по уголовным делам. Кроме того, к электронным свидетельствам относят записи, хранящиеся сетевыми или интернет-провайдерами. Преступления все чаще совершаются с использованием компьютерной информации и в отношении компьютерной информации. Но, обсуждая электронные доказательства, необходимо учитывать, что они являются важнейшим элементом уголовного судопроизводства не только по различным видам киберпреступлений, но и по другим категориям преступлений. Наиболее распространенные из них – преступления, связанные с оборотом наркотических средств, порнографии, различные виды хищений.

Д.А. Улога также обратил внимание на то, что в соответствии с национальным законодательством материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном УПК, относятся к другим носителям информации (ч. 2 ст. 100 УПК). «Дело в том, что взаимодействие пользователей с компьютерными устройствами порождает обилие машинно-генерируемых цифровых следов (иногда их называют цифровыми артефактами). При этом компьютерные факторы можно легко модифицировать, переписать или удалить, что создает трудности в случаях, когда необходима проверка или аутентификация источников цифровой информации». Эксперт обратил внимание: для того чтобы электронная информация обрела статус доказательства в уголовном процессе, она, *во-первых, должна быть получена надлежащим субъектом (следователем), во-вторых, ее получение должно осуществляться надлежащим способом, в-третьих, она должна быть получена из надлежащего источника доказательств* [6].

Рассмотрев разные точки зрения на вопрос об электронных доказательствах, мы можем сделать следующие выводы: несмотря на долгий процесс информатизации, законодателем до сих пор не дано понятие электронным доказательствам, что вызывает серьезный пробел в законодательстве. Стоит также упомянуть, что в связи с тем же информационным прорывом начали учащаться случаи совершения преступлений с

использованием информационных технологий. С каждым годом совершается все больше преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений с использованием технических средств. В связи с этим острой проблемой является вопрос об использовании электронной информации в качестве доказательств при рассмотрении уголовных дел. Ученые разделяются в вопросе внедрения электронного доказательства в качестве отдельного вида доказательств.

В заключение отметим, что некоторые ученые, несмотря на диссонанс в этом вопросе, все-таки предлагали изменить уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь и внести в него отдельный вид доказательств – электронных доказательств. Изучив и проанализировав историю возникновения и практику применения «электронных доказательств» не только в уголовном процессе Республики Беларусь, но и в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран, а также смежных отраслях права, мы столкнулись с множеством мнений, касающихся необходимости закрепления понятия «электронные доказательства» в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. В этой связи мы предложим следующий вариант внедрения понятия «электронные доказательства» в УПК Республики Беларусь.

Считаем уместным такое определение электронных доказательств: *«Электронные доказательства – доказательства, которые могут быть представлены на материальных носителях информации, содержащих: аудио-, видеозаписи, в том числе полученные с использованием приборов наблюдения и фиксации; материалы фото- и киносъемки и другие материалы на электронных и цифровых носителях, имеющие значение для материалов и уголовного дела»*. Предлагаем также внести изменения в уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь путем дополнения его ст. 100¹ *«Электронные доказательства»*. Данная статья должна следовать за ст. 100 «Иные документы и другие носители информации», включающей доказательства, которые следовало бы отнести к «электронным». Таким образом, предлагается изложить ст. 100¹ в следующей редакции:

«1. К электронным доказательствам относятся доказательства, которые могут быть представлены на материальных носителях информации, содержащих: аудио-, видеозаписи, в том числе полученные с использованием приборов наблюдения и фиксации; материалы фото- и киносъемки и другие материалы на электронных и цифровых носителях, имеющие значение для материалов и уголовного дела.

2. Электронные доказательства приобщаются к уголовному делу и остаются при нем в течение всего срока его хранения. В случае когда изъятые и приобщенные к делу электронные доказательства требу-

ются для текущего учета, отчетности и иных правомерных целей, они могут быть возвращены законному владельцу или предоставлены во временное пользование, если это возможно без ущерба для уголовного дела, либо могут быть переданы их копии.»

Список использованных источников

1. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств // К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М. : Зерцало, 2001. – 208 с.
2. Вехов, В.Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств / В.Б. Вехов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сб. науч.-практ. тр. – М. : Акад. Следств. ком. Рос. Федерации, 2016. – С. 155–158.
3. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Савчук, Т.А. Дискуссионные вопросы о понятии и законодательном закреплении «электронных» («цифровых») доказательств в уголовном процессе / Т.А. Савчук // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз. – Минск, 2017. – С. 88–91.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Семинар для судей в формате видеоконференцсвязи по вопросам использования электронных доказательств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/874b1f48adc54a25.html. – Дата доступа: 11.04.2023.

УДК 343.985

А.А. Шемет, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.С. Жидович*

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.В. Гриб*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО МОШЕННИЧЕСТВО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Раскрываются проблемные аспекты характеристики личности преступника, совершающего мошенничество в сети Интернет. Рассматриваются вопросы содержания оперативно-розыскной характеристики личности преступника.

ка. Раскрываются типичные преобладающие характеристики личности преступника.

Стремительное развитие цифровых технологий, резкое увеличение предоставляемых населению числа электронных услуг, а также отсутствие у граждан базовых навыков защиты личной информации в сети Интернет привели к устойчивому росту количества совершенных киберпреступлений. Одним из наиболее распространенных среди указанных преступлений является интернет-мошенничество, которое оказывает негативное влияние не только на информационные отношения, происходящие в сети Интернет, но и причиняет вред как отдельным гражданам, так и государству в целом.

Для успешного решения задач по предупреждению, выявлению (раскрытию) мошенничеств, совершаемых в сети Интернет, важное значение приобретает знание и понимание элементов оперативно-розыскной характеристики (ОРХ) рассматриваемого уголовно наказуемого деяния.

Значительный вклад в разработку теоретических основ ОРХ преступления внесли такие ученые, как Т.В. Аверьянова, Д.В. Гребельский, В.Д. Ларичев, Л.В. Михайлова и др.

Д.В. Гребельский под ОРХ преступления понимает совокупность признаков уголовно-правового, криминалистического, психологического, экономического и иного характера, совокупное содержание которых содействует обоснованному выдвиганию и проверке оперативно-розыскных версий при раскрытии родовых групп преступлений [1, с. 70].

По мнению В.Д. Ларичева, структура ОРХ включает такие элементы, как:

- уголовно-правовые признаки конкретного преступления;
 - реальную распространенность правонарушений и сопутствующих им явлений;
 - динамику и структуру преступности;
 - фазы развития преступления;
 - место, способ совершения преступлений и предмет преступного посягательства;
 - мотивацию криминального поведения;
 - черты личности преступника, в том числе нравственно-психологические и специальные ее особенности, а также потерпевших;
 - организованные формы совершения преступления и ряд других
- [2, с. 180].

Следует отметить, что одним из наиболее важных элементов ОРХ преступления является личность преступника. По мнению В.А. Ананича, личность преступника – это не что иное, как совокупность социально значимых негативных свойств, образовавшихся в ней в процессе

многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми, а также в результате активного воздействия электронных средств коммуникации, отдельных средств массовой информации и иных факторов [3].

Проанализировав различные подходы применительно к определению личности преступника, можно сделать вывод о том, что его содержание должно включать в себя следующие структурные элементы:

- социально-демографические данные;
- нравственно-психологические качества;
- осведомленность о силах, средствах и методах оперативно-розыскной деятельности;
- поведенческие признаки;
- уголовно-правовые признаки.

В настоящее время происходит формирование нового феномена преступника, совершающего мошенничество в сети Интернет. Данное лицо следует охарактеризовать таким образом: обладает специальными знаниями в сфере психологии и информационных технологий; не находясь на территории конкретного государства, совершает там преступления; активно использует возможности современных информационных технологий; может создавать крупные преступные группы, осуществляя общение посредством сети интернет-коммуникаций и др. [4, с. 117].

При этом необходимо учитывать, что значительное количество преступлений, совершается лицами молодежного возраста, что обуславливается, например, определенной простотой создания в виртуальной среде (мессенджер, социальные сети) необходимого образа лица, используемого для совершения преступлений. В свою очередь, распространено мнение о том, что компьютерные преступники являются всегда высококвалифицированными специалистами с высшим техническим образованием и высоким уровнем специальных навыков в области информационных технологий [5, с. 266–267].

Анализ практики правоохранительных органов показывает, что киберпреступники, как правило, имеют среднее техническое, высшее образование. Однако следует иметь в виду, что в совершение киберпреступлений вовлечен довольно широкий круг лиц, среди которых встречаются как дилетанты, так и высококвалифицированные специалисты, т. е. портрет типичных киберпреступников неоднороден [6].

Следует также отметить, что личность кибермошенника, совершающего рассматриваемое преступление, является сложной и многогранной проблемой, с которой сталкиваются пользователи виртуального пространства. Существует множество факторов, которые оказывают

влияние на поведение мошенников. Знание и понимание этих факторов будет способствовать повышению эффективности борьбы с указанным преступным явлением.

Так, к типичным преобладающим характеристикам лица, совершающего мошенничество в сети Интернет, относятся:

1. *Манипулятивные навыки*: мошенники часто обладают высокой степенью развития манипулятивных навыков, которые позволяют им обманывать граждан и убеждать их делать то, что они хотят. Преступники используют различные тактики, например, создание ложных предложений и утверждений, манипуляции эмоциями, запугивают и торопят, чтобы пользователи не успевали подумать и оценить ситуацию, и др.

2. *Отсутствие эмпатии*: кибермошенники обладают низким уровнем эмпатии, в связи с этим не испытывают сочувствия к лицам, пострадавшим от мошеннических схем, и действуют исключительно в своих интересах, не задумываясь о негативных последствиях.

3. *Жажда прибыли*: мошенники могут преследовать различные цели, но часто одной из главных является получение финансовой прибыли.

4. *Низкий уровень морали*: большинство мошенников не обладают высоким уровнем морали и не считают свои действия противоправными. Часто преступники могут оправдывать свои мошеннические действия, убеждая себя в том, что они не наносят вреда другим гражданам.

5. *Высокий уровень технических знаний*: многие мошенники, совершающие преступления в сети Интернет, обладают высоким уровнем технических знаний [7, с. 81].

6. *Низкий уровень социальной ответственности*: мошенники, как правило, не испытывают социальной ответственности и не считают, что их действия могут навредить обществу в целом.

7. *Скрытность и анонимность*: кибермошенники предпочитают действовать в условиях анонимности и скрывают свою реальную личность. Преступники могут использовать вымышленные имена, создавать ложные профили или вводить жертв в заблуждение относительно своей личности.

8. *Недостаток самооценки*: часто мошенники страдают от низкой самооценки, что, в свою очередь, может привести к чувству неполноценности и неуверенности в себе. Посредством совершения кибермошенничества преступники могут компенсировать свой недостаток самооценки и усилить свое чувство собственной значимости.

9. *Потребность в признании*: интернет-мошенники испытывают потребность в признании и одобрении со стороны других лиц. Преступники могут использовать свои мошеннические действия, чтобы получить признание и восхищение от других людей.

10. *Недостаток социальной связи*: большинство мошенников страдают от недостатка социальной связи и не имеют близких отношений с другими людьми. Преступники могут использовать мошеннические действия, чтобы заполнить этот недостаток и получить чувство социальной связи и признания.

11. *Способность к быстрому адаптивному*: большинство мошенников способны быстро адаптироваться к новым ситуациям и изменять свой подход, чтобы достичь поставленных целей.

Таким образом, знание, понимание и дальнейшее изучение указанных факторов будет способствовать повышению эффективности борьбы с рассматриваемым преступным явлением.

Следует отметить, что абсолютное большинство мошеннических действий в сети Интернет имеют корыстные мотивы. Однако правоохранительные органы выявляют и политические мотивы, поскольку компьютерные системы в сети Интернет представляют собой действенный инструмент для проведения политических акций и оказания психологического воздействия [8, с. 207].

Классические интернет-мошенники при реализации преступного замысла используют давно известные предлоги мошеннических действий, совершаемых посредством компьютерных технологий и средств мобильной связи: продажа (покупка) товаров посредством различных интернет-ресурсов (kufar, Onliner и др.), в том числе «фишинговых», с помощью которых они могут «угонять» аккаунты, собирать конфиденциальные данные и похищать платежную информацию; сообщение ложных сведений о выигрыше приза или победе в конкурсе; ложная информация о задержании близких лиц, за совершение различных правонарушений; компенсация за ранее приобретенные биологически активные добавки (медицинские препараты, оборудование) и др. [9, с. 356–357].

Таким образом, изучение психологических особенностей личности преступника и его преступного поведения в оперативно-розыскной деятельности способствует совершенствованию существующих, разработке новых теоретических положений и научно-практических рекомендаций по изучению личности преступника, что позволит более эффективно применять оперативно-розыскные возможности при решении задач, стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Список использованных источников

1. Гребельский, Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик / Д.В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. – М., 1984. – С. 70–73.

2. Ларичев, В.Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики / В.Д. Ларичев // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 179–187.

3. Ананич, В.А. Состояние и перспективные направления развития научно-методологических основ изучения личности преступника / В.А. Ананич // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 35–40.

4. Лахтиков, Д.Н. Особенности личности мошенника, совершающего преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] / Д.Н. Лахтиков, В.Ф. Кетурко // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией : Респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ. Беларусь И.И. Басецкого (Минск, 4 июня 2021 г.) : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 114–117.

5. Личность преступника: характеристика, предупреждение формирования и криминализация [Электронный ресурс] : монография : в 2 ч. : ч. 1 : Общенаучные и теоретико-правовые основы изучения личности преступника / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2022. – 324 с.

6. Поляков, В.В. Особенности личности компьютерных преступников / В.В. Поляков, Л.А. Попов // Изв. АлтГУ. Юрид. науки. – 2018. – № 6. – С. 257–258.

7. Аксенов, В.А. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения [Электронный ресурс] / В.А. Аксенов, Т.В. Молчанова // Криминол. журн. – 2020. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-sovremennogo-internet-moshennika-v-mehanizme-individualnogo-prestupnogo-povedeniya/viewer>. – Дата доступа: 03.04.2023.

8. Русаков, И.М. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество в сфере предоставления интернет-услуг [Электронный ресурс] / И.М. Русаков // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2015. – № 4 (30). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika-sovershivshego-moshennichestvo-v-sfere-predostavleniya-internet-uslug/viewer>. – Дата доступа: 03.04.2023.

9. Дабаева, Д.Ю. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей [Электронный ресурс] / Д.Ю. Дабаева // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 354–358. – Режим доступа: <https://moluch.ru/444/97452/>. – Дата доступа: 04.04.2023.

Е.И. Яцкевич, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.А. Тум*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Рассматриваются генезис института ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, а также зарубежный опыт реализации указанной формы уголовно-правового воздействия. Аргументируется необходимость закрепления института ресоциализации в законодательстве Республики Беларусь. Предлагается авторское видение изменений в ряде нормативных правовых актов Республики Беларусь.

Ресоциализация осужденных является институтом, которому в настоящее время правоприменители и научное сообщество уделяют много внимания. Несмотря на это, не сформирован единый подход в определении указанного уголовно-правового феномена, соответственно не определены его роль и место в направлениях реализации уголовной политики. В своей совокупности указанные обстоятельства требуют научного осмысления как сущности ресоциализации, так и определения ее места и роли в реализации уголовной политики Республики Беларусь. Для этих целей необходимо подвергнуть научному анализу условия, в которых формируется социальный запрос на закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве института ресоциализации осужденных, провести анализ генезиса института ресоциализации осужденных на территории Республики Беларусь, рассмотреть зарубежный опыт правоприменительной практики ресоциализации осужденных и предложить на основе проведенного анализа направления законодательного совершенствования института ресоциализации осужденных в Республике Беларусь.

Учитывая тот факт, что общественные отношения находятся в постоянном развитии, условия жизни человека постоянно меняются, и он постоянно должен адаптироваться уже к иным социальным условиям: устройство на новую работу, окончание учреждения образования и т. д. – все это происходит в нормальных условиях, вне изоляции от общества. Человеку же, который осужден к наказанию в виде лишения свободы, приходится постоянно адаптироваться к новым социальным

условиям. Так, сначала необходимо адаптироваться к новым условиям исправительного учреждения, которые существенно отличаются от жизни на свободе до осуждения. После освобождения из исправительного учреждения осужденному снова приходится адаптироваться к условиям жизни вне исправительного учреждения. При этом он сталкивается с проблемами правового и социального характера. Значение первых не так велико по сравнению со значением вторых. Следовательно, нужно обратить внимание на решение прежде всего проблем социального характера [1, с. 38].

Предстоящее вхождение осужденного в общество играет важнейшую роль в его последующей жизнедеятельности. Ведь интеграция считается успешной, когда социально полезные связи бывшего осужденного в основных сферах жизнедеятельности установлены и не имеют существенных отклонений (нормальные отношения в семье, наличие жилья, регистрации по месту жительства, постоянное место работы, участие в общественной работе, полезное проведение досуга, повышение общеобразовательного и культурного уровня и т. д.). Нормально адаптированный освобожденный прекращает всевозможные связи с преступной средой и другими лицами, чье поведение характеризуется как антиобщественное, не злоупотребляет алкоголем, не допускает правонарушений [2, с. 49].

Следовательно, социальная адаптация осужденных после освобождения значительно снизит не только рост рецидивной преступности, но также уменьшит количество осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Для изучения проблем ресоциализации на современном этапе развития общества необходимо провести исторический анализ, а также изучить работы отдельных авторов, которые в свое время проводили сходное исследование.

Само понятие «ресоциализация осужденных к лишению свободы» («пенитенциарная ресоциализация») появилось сравнительно недавно. Тем не менее отдельные предпосылки и аспекты данного процесса имели место на протяжении всей истории человечества [3, с. 115].

Концепция ресоциализации осужденных была изучена в конце XIX в. в Европе. В то время отдельные авторы активно анализировали эффективность наказания в условиях изоляции от общества. Кроме того, в правопослушном социуме были высказаны опасения по поводу отсутствия успеха в вопросах реабилитации осужденных после отбытия наказания и соответствующего роста рецидивной преступности.

Реабилитация, а также реинтеграция в общество стали рассматриваться как наиболее важные меры в области пенитенциарной науки. Впоследствии произошли существенные изменения в идеях исправления, которые оказали существенное влияние на ресоциализацию осужденных. Однако поиск результативных методов исполнения уголовных наказаний продолжался на протяжении долгого времени. Так, в теории были сформулированы несколько значимых принципов, которые повлияли на эволюцию концепции ресоциализации. Было определено, что главной целью наказания является перевоспитание правонарушителя. Особую значимость получила идея о том, что каждый осужденный должен вернуться в общество, демонстрируя нравственное возрождение [4, с. 344].

Во второй половине XIX в. в России идея ресоциализации осужденных фактически приобретает первостепенное значение в вопросе исполнения уголовного наказания. Это подтверждается задачами и результатами проведенной в то время тюремной реформы по разработке качественно новых мер по обеспечению надлежащих условий содержания заключенных: построены новые помещения, созданы рабочие артели массовых профессий, открыты школы, отменены телесные наказания и каторжная ссылка. Несовершеннолетние преступники пользовались правом на свидание с родственниками и близкими без ограничения. За хорошее поведение им предоставлялся отпуск с выездом к месту жительства. В результате проведенной судебной реформы был признан приоритет перевоспитания человека, совершившего преступление. Для достижения этой цели необходимо проявлять гуманность к заключенным, уважать их гражданское достоинство.

Слово «ресоциализация» получило свое отражение в таком понятии, как «помощь». Для оказания помощи бывшим заключенным в каждой губернии (области) создавались комитеты помощи, которые действовали на основании специального положения [5, с. 42].

Исходя из этого, идеи ресоциализационного подхода в исполнении и отбывании наказания появились давно, однако определенные проблемы, связанные с указанным процессом, мы можем наблюдать и сегодня. Так, историей и практикой доказано, что карательное воздействие на осужденных сполна не способствует предупреждению совершения новых преступлений, а лишь усугубляет ситуацию с преступностью. Известные авторы еще во времена РСФСР высказывались о том, что преступник рано или поздно вернется на свободу, поэтому нельзя надеяться на его изоляцию, так как ему нужна компетентная помощь

и поддержка в попытке стать на путь исправления, переосмысления своего поведения.

Как итог, мы можем наблюдать, что на сегодня выработан относительно определенный порядок оказания помощи осужденным, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, однако необходимость переосмысления цели уголовной ответственности становится как никогда актуальной.

Анализируя законодательство Республики Беларусь, можно отметить, что понятие ресоциализации осужденных не получило должного правового отражения, ввиду чего многие авторы и исследователи выделяют различные определения, основанные на собственных исследованиях. Тем не менее в последнее время в теории уголовного и уголовно-исполнительного права наряду с термином «исправление» все чаще употребляются термины: «ресоциализация», «социальная адаптация» и «социальная реабилитация».

Вместе с тем в Республике Беларусь в 2006 г. были приняты серьезные меры по реабилитации освобожденных осужденных. Так, такой категории граждан стали выдавать денежное пособие и заранее оформлять паспорта. В свою очередь, исправительные учреждения начали сотрудничать со службами занятости еще во время отбывания срока наказания для заблаговременного решения вопросов трудоустройства.

Интересно, что во многих зарубежных странах заботу об освободившихся из мест лишения свободы возлагает на себя не только государство, но и общественные организации.

Так, во Франции около 750 общественных организаций действуют во благо реабилитации бывших заключенных, однако они имеют некоторую государственную поддержку. Каждая организация в Европе работает по узкому профилю – кто-то помогает отбывшим заключенным найти работу, кто-то – связаться с родственниками или отыскать жилье [6, с. 90].

Самыми распространенными программами реабилитации в местах лишения свободы США являются: психиатрические услуги; образование (школьные и университетские программы); профессиональная подготовка; участие в религиозных группах; участие в промышленном производстве и сельскохозяйственных работах.

В Канаде применяется порядок, согласно которому осужденным разрешают покинуть место изоляции под честное слово. По методу «постепенного освобождения» осужденному, подлежащему освобождению под честное слово или в результате истечения срока его заключения,

разрешают ежедневно или на ночь уходить из тюрьмы в течение определенного периода (от одной недели до трех месяцев, предшествующих освобождению) [7, с. 373].

Отметим, что система мер, направленных на ресоциализацию освобожденных осужденных, действует и в Южной Корее. С 1983 г. в этой стране функционирует Служба надзора за условно и досрочно освобожденными, а также Агентство гражданской реабилитации. Указанные организации осуществляют помощь осужденным, которая направлена на восстановление психического здоровья [8, с. 119].

С 1984 г. в Южной Корее действует система обучения осужденных вне пенитенциарного учреждения. Обучение основывается на базе ряда частных предприятий, где заключенные обучаются в дневное время, возвращаясь без сопровождения в пенитенциарные учреждения.

Таким образом, зарубежный опыт исполнения и отбывания наказания указывает на определенные положительные аспекты использования ресоциализационного подхода.

Это свидетельствует о необходимости переосмысления существующих подходов реализации наказания, в первую очередь в виде лишения свободы на определенный срок и смещения акцентов с карательного на ресоциализационный подход посредством выстраивания системы интеграции в общество лиц, осужденных к уголовному наказанию.

В настоящее время в научном сообществе не выработана единая концепция ресоциализации осужденных, что обусловлено большим разбросом мнений ученых относительно указанного института.

По мнению многих ученых, осужденный, не прошедший процесс ресоциализации, опасен для правопослушного общества. В связи с этим деятельность исправительных учреждений должна быть направлена на разрешение двух основных проблем: исполнение наказания; ресоциализация осужденного, формирование у него набора качеств, необходимых для адаптированного поведения в социуме [9, с. 55].

Ресоциализация осужденных, в том числе ранее судимых, является сложным процессом, требующим больших материальных затрат. В целях решения проблемы следует на уровне государства поддержать идею создания альтернативных центров содействия ресоциализации, участие в такой деятельности негосударственных экономических и иных образований, волонтерских организаций, разнообразные формы благотворительности [10, л. 36].

Таким образом, подводя итог исследованию, отметим, что решение проблемы ресоциализации невозможно без ее законодательного закрепления, что выражается в необходимости принятия соответствующих

нормативных правовых актов. Актуальность темы нашего исследования предопределяется необходимостью пересмотра нынешнего подхода законодателя к решению данных проблем. Это прежде всего переосмысление и внесение изменений в действующее законодательство, конструирование современных национальных программ борьбы с преступностью.

Говоря о правовых основах института ресоциализации осужденных, в действующем законодательстве следует выделить следующие направления:

закрепить в ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь цель наказания – «ресоциализация осужденных»;

учитывая то обстоятельство, что механизм ресоциализации осужденных предполагает деятельность не только органов и учреждений, исполняющих наказания, но также и представителей гражданского общества, задействованных в реализации мероприятий социально-адаптационной направленности, то необходимо принять Закон Республики Беларусь «О ресоциализации осужденных», который позволит закрепить понятие ресоциализации осужденных, а также четкий и понятный для всех участников рассматриваемой сферы общественных отношений организационно-правовой механизм ресоциализации осужденных.

Список использованных источников

1. Климанова, О.В. Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в нормативных актах: пробелы и противоречия / О.В. Климанова // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2018. – Вып. 4. – № 2. – С. 34–40.
2. Грязнов, С.А. Проблема ресоциализации осужденных / С.А. Грязнов // Основы экономики, упр. и права. – 2020. – № 3. – С. 47–49.
3. Мельников, В.П. История социальной работы в России : учеб. пособие / В.П. Мельников, Е.И. Холостова. – 2-е изд. – М. : Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. – 342 с.
4. Титов, Ю.П. История государства и права России : учеб. пособие / Ю.П. Титов. – М., 2003. – 544 с.
5. Федотова, И.Н. Постпенитенциарная ресоциализация осужденных как правовая и социальная проблема / И.Н. Федотова, Ю.П. Колесникова // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2016. – № 3. – С. 39–46.
6. Крайнова, Н.А. Постпенитенциарная политика за рубежом: тенденции и перспективы / Н.А. Крайнова // Криминологические и уголовно-правовые проблемы ресоциализации осужденных в Российской Федерации и за рубежом : монография / под ред. В.И. Тюнина. – СПб. : С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2015. – С. 87–98.

7. Бастрыкин, А.И. Антикриминальная ресоциализация: зарубежный опыт / А.И. Бастрыкин, В.П. Сальников, В.Б. Романовская, К.И. Воронков // Всерос. криминол. журн. – 2020. – Вып. 14. – № 3. – С. 371–378.

8. Розенцвайг, А.И. Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ / А.И. Розенцвайг // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2018. – Вып. 4. – № 2. – С. 118–125.

9. Шидловский, А.В. К вопросу о целях уголовной ответственности / А.В. Шидловский // Право и демократия / отв. ред. Н.В. Бибило. – Минск, 2002. – Вып. 13. – С. 51–55.

10. Баранов, Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ю.В. Баранов. – М., 2008. – 257 л.

КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ АКАДЕМИИ МВД В 2023 г.

Статьи победителей и призеров

УДК 343.8

А.С. Аббасова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Шабаль*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЮРЕМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Такой вид наказания, как тюремное заключение, был предусмотрен еще Русской Правдой, являвшейся одним из основных письменных источников русского права. Тюремные помещения для заключенных были узкие с низкими потолками. Женщины содержались совместно с мужчинами, в качестве пищи выступали хлеб и вода, постельным бельем выступали снопы соломы на земле.

Во времена вхождения территории современной Беларуси в состав ВКЛ виды уголовных наказаний, порядок их исполнения и отбывания регулировались Судебником 1468 г., Статутами Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1529, 1566, 1588 гг. При этом данные нормативные акты впервые предусматривали дифференциацию наказания в зависимости от формы соучастия в совершении преступления, а также в зависимости от роли и степени вовлеченности при совершении преступления. Условия отбывания наказания оставались на низком уровне. В Статуте ВКЛ 1588 г. появились статьи, регламентирующие порядок содержания в тюрьмах преступников. Предписывалось построить в замках и дворах феодалов крепкие «вежи» глубиной 6 сажней в земле и оборудовать их надежными укреплениями [1, с. 500].

Тюрьмы находились при судах и подразделялись на обыкновенные, земляные и каменные. Описание строений каменных тюрем исторические источники права не содержат. По-видимому, ими являлись любые каменные либо деревянные здания, в которых можно разместить пре-

ступников и из которых невозможно сбежать. Обычные тюрьмы представляли собой территорию, огороженную деревянным забором, так называемый тюремный двор, где находилось несколько бревенчатых домов, также обнесенных изгородью. Земляные тюрьмы, как правило, предназначались для особо опасных государственных преступников, а также церковных мятежников и раскольников. Эти тюрьмы состояли из выкопанной в земле ямы со срубом из бревен, который опущен в нее, поверху сруба находилась крыша с небольшим окном и вторым надворным срубом.

Тюремное содержание отличалось по своей тяжести: подземный острог предназначался для самых опасных преступников, остальные размещались в «верхней» тюрьме. Осужденные за особо тяжкие преступления, и в первую очередь за государственные, содержались, как правило, в столичном «замке Виленском» [2, л. 229]. В большинстве своем в ВКЛ тюрьмой служили вежи (башни) – оборонные сооружения. Отдельное внимание в истории пенитенциарной системы заслуживают монастырские тюрьмы. Они имели свой строгий режим и распорядок, тяжелые условия, поэтому такое заключение считалось одним из самых суровых, а также при заключении сроки заточения не указывались или сопровождалась формулировкой «навечно» [2, л. 440].

Далее белорусские земли были присоединены к землям Российской империи, что благоприятно повлияло на правовое регулирование пенитенциарной системы Беларуси, так как оно впервые нашло свое полное отражение в едином нормативном правовом акте. В период с 1831 г. был издан первый общегосударственный акт, который регулировал порядок исполнения тюремного заключения – «Инструкция смотрителю губернского тюремного замка». Данный нормативный акт действовал вплоть до 1917 г. и представлял собой комплексный регламент деятельности тюремного замка и его должностных лиц в сфере исполнения наказания и применения мер пресечения. В нем содержались также положения об особенностях содержания заключенных в зависимости от тяжести совершенных преступлений, пола, возраста, социального положения в обществе. Таким образом, гуманизация и гармонизация приводит к постепенному переходу к тюремному заключению как основному виду наказания.

В дальнейшем с образованием Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ), а также карательного отдела при Народном комиссариате юстиции, начали действовать несколько нормативно-правовых актов вновь созданного государства: постановление Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 14 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах»; инструкция от 23 июля 1918 г. «О лишении

свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», которая определила основные функции исправительных учреждений.

В связи с этим 22 августа 1920 г. при НКЮ ССРБ был создан карательный отдел. Большую часть работы в этом направлении осуществлял НКЮ – это ведомство, под руководством резолюции съезда народных судей и следственных комиссий ССРБ от 13 февраля 1919 г. стало создавать первые места лишения свободы и разрабатывать нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность [2, л. 49].

В основе реорганизации тюремной политики в Республике Беларусь в исправительно-трудовую политику были положены идеи об исправлении осужденных – главной цели наказания – и общественно полезном труде как основном средстве исправления. Первостепенными задачами карательного отдела являлись изучение мест лишения свободы, организованных до образования ССРБ, кадровая политика, разработка нормативных актов, выступавших правовой основой деятельности пенитенциарных учреждений. Для решения этих вопросов НКЮ ССРБ постановил руководствоваться уже действовавшими нормативными актами: постановление НКЮ РСФСР от 14 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах», где общественно полезный труд признавался одним из основных средств исправления осужденных; временная инструкция от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», которая определяла задачи и функции этих учреждений, отменив старые царские нормативные акты [3, с. 51].

В 1930-е гг. значительно изменилась структура органов, осуществлявших руководство исправительно-трудовыми учреждениями. Так в 1926–1930 гг. руководство осуществлялось Управлением местами заключения НКВД республики. На территории БССР к середине 1939 г. имелось 10 общих тюрем, через год их насчитывалось уже 23. Кроме того, в десяти горрайотделах НКВД для содержания подследственных образованы внутренние тюремные камеры, которые в начале октября 1940 г. ликвидированы. Количество тюрем за указанный период значительно возросло, и к началу 1941 г. их насчитывалось более 30. Руководство вначале осуществлялось Тюремным отделом, а с 1939 г. – Тюремным управлением НКВД БССР. Отдел мест заключения преобразован в Отдел исправительно-трудовых колоний (ОИТК) НКВД БССР, а исправительно-трудовые колонии (ИТК) – в подведомственные ОИТК [4, с. 15].

После 1950-х гг. штат тюремного управления выглядел следующим образом: секретариат, оперативный отдел, 1-й отдел, в который входили 1-е отделение (режим и охрана) и 2-е отделение (учет и этапирование); 2-й отдел (хозяйственный), состоявший из хозяйственного снабжения,

ремонтно-технической части и санитарной части. Штатный состав управления насчитывал 46 человек.

В течение 1970–1971 гг. в соответствии с Основами исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и на их базе во всех республиках Союза подготовлены и утверждены исправительно-трудовые кодексы (ИТК). В Беларуси ИТК утвержден на сессии Верховного Совета 16 июля 1971 г. Он регулировал порядок и условия исполнения наказания в виде лишения свободы, ссылки, высылки и исправительных работ, устанавливал порядок и формы участия общественности в исправлении и перевоспитании осужденных. В результате законодательных изменений сложилась принципиально новая по отношению к предшествовавшему периоду система мест лишения свободы, ведущее место в которой заняли ИТК. Эта система включала в себя колонии общего, усиленного, строгого и особого режимов, колонии-поселения, воспитательно-трудовые колонии общего и усиленного режимов, следственные изоляторы, тюрьмы, специальные больницы [5, с. 225]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик включен раздел, определявший порядок и условия исполнения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Согласно данному документу система исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) дополнилась еще одним видом колоний – колониями-поселениями для лиц, совершивших преступления по неосторожности [6, с. 146]. Применение новых законов повлекло за собой концентрацию в ИТУ лиц, которые не становились на путь исправления. Об этом свидетельствует тот факт, что число нарушений в расчете на 1 000 человек за указанные выше годы в ИТУ Беларуси выросло в шесть раз, а водворенных в штрафные изоляторы – в три раза [7].

Таким образом, после Октябрьской революции происходят кардинальные изменения в уголовно-исполнительной системе, которые определили направления деятельности, цели и задачи органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в том числе и тюрем.

В настоящее время в Республике Беларусь существует закрепленная на законодательном уровне система исправительных учреждений, состоящая из исправительных колоний, воспитательных колоний, тюрем и лечебных исправительных учреждений. Отсюда следует вывод о том, что тюрьмы необходимо считать самостоятельным видом исправительных учреждений, деятельность которых также регламентирована уголовно-исполнительным законодательством. Тюрьмы являются учреждениями с наиболее строгим режимом содержания.

В 2023 г. в Республике Беларусь осуществляют свою деятельность три тюрьмы, в которых содержатся около 3 % от всего количества осужденных. Такое количество можно объяснить тем, что в тюрьмах отбывают наказание определенные категории осужденных, которые представляют не только большую общественную опасность, но и являются угрозой для большинства осужденных [9].

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь в тюрьмах отбывают наказание следующие категории осужденных:

- к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений;

- при особо опасном рецидиве;

- смертная казнь которым в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы;

- к пожизненному заключению;

- переведенные в тюрьму из исправительных колоний за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания [8].

В свою очередь, в тюрьмах существуют особенности исполнения наказания, заключающиеся в строгой изоляции вышеуказанных категорий осужденных. В таких учреждениях осужденные размещаются в камерах.

Одной из и в то же время самой главной целью уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь является исправление осужденных – формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни. Данная норма закреплена в ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь. Законодатель не отрицает того, что вышеперечисленные категории осужденных также подлежат исправлению. В то же время существует ряд ведомственных правовых актов Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в частности Департамента исполнения наказаний Республики Беларусь, которые прямо регулируют исправительный процесс. Изучив их, можно сделать вывод о том, что указанные в них методы, формы, средства исправительного воздействия в основном подлежат эффективному применению к осужденным, содержащимся в исправительных колониях, но не в тюрьмах. Так как к большинству категорий осужденных, направленных в тюрьму для отбывания наказания, данные меры уже применялись, чем показали свою неэффективность, и у данных осужденных была сформирована готовность вести правопослушный образ жизни не в полной мере.

Для того чтобы осуществить оставленную законодателем возможность исправления данным осужденным, мы предлагаем внести изменения в законодательство, связанные с нормативным закреплением

раздельного содержания каждой из указанных категорий осужденных в пределах тюрьмы, при этом внести изменения в ведомственные инструкции, затрагивающие исправительный процесс, по вопросам выработки новых средств и методов исправления для осужденных, с которыми уже проводилась воспитательная работа в исправительных колониях, но не оказала должного воздействия. А именно, на законодательном уровне установить обязанность администрации учреждения по прибытии таких осужденных в тюрьму сразу помещать их в одиночные камеры, при этом после отбытия достаточного срока наказания для осознания осужденными неправомерности своего поведения, отбирать у них письменное обязательство о недопущении подобных правонарушений. При этом установить одним из оснований перевода в одиночную камеру как минимум однократное нарушение такого обязательства. В свою очередь, мы считаем, что такое дополнение будет способствовать более эффективной реализации всех целей уголовной ответственности.

Таким образом, процесс исправления осужденных, отбывающих наказание в тюрьмах, носит сложный и еще не до конца законодательно урегулированный характер. Для осужденных в данных учреждениях ярко выражено несоответствие усиленности режимных требований по сравнению с исправительными колониями и исправительного процесса, средства, формы и методы которого остаются аналогичными исправительным колониям. Отсюда следует вывод о том, что выработка новых законодательных положений (в том числе в области психолого-педагогических методов), условий отбывания наказания, учитывающих специфику работы с осужденными, отбывающими наказание в тюрьмах, позволит наладить прогрессивную систему исполнения наказаний в Республике Беларусь, тем самым увеличит эффективность деятельности исправительных учреждений в целом, сократив количество осужденных, представляющих наибольшую опасность как для общества, так и для большинства осужденных.

Список использованных источников

1. Статут Великого княжества Литовского 1588 года / транскр. текста С.А. Балашенко, Т.И. Довнар, Л.Л. Голубева. – Минск : Принткорп, 2010. – 612 с.
2. Нарышкина, Н.И. Функционирование тюрем в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: организационный и правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.И. Нарышкина. – Рязань : Алмис, 2006. – 237 л.
3. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система МВД Республики Беларусь. 90 лет / А.В. Шарков. – Минск : Позитив-центр, 2010. – 500 с.
4. Собрание узаконений БССР 1924 г. / Право. – Россия, 1925. – № 5. – 236 с.

5. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность : монография / А.В. Шарков ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 323 с.

6. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М. : Госюриздат, 1959. – 376 с.

7. Уголовно-исполнительное право / под ред. В.М. Анисимкова, В.И. Селиверстова. – Ростов н/Д, 2009. – 414 с.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. Кийко, Н.В. Тюрьма как вид исправительного учреждения / Н.В. Кийко // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвузов. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуж. деят. науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Зубкова и Дню рос. науки (Рязань, 6 февр. 2018 г.). – Рязань : Акад. ФСИН России, 2018. – С. 108–113.

УДК 347.97

А.С. Аббасова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *Р.Р. Алекперов*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ – СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Одним из видов отраслевого судебного контроля является конституционный, суть которого заключается в проверке соответствия принимаемых и принятых нормативных правовых актов в государстве его Конституции.

В Республике Беларусь данный вид контроля осуществляется Конституционным Судом [1, с. 121].

В мире существует различная практика осуществления такого вида судебного контроля – в части государств он осуществляется всей судебной системой (в том числе и судами общей юрисдикции) (американская модель, распространена в Соединенных Штатах Америки (США), Великобритании и других странах), в части – специализированными судами (европейская модель, которая в большей степени распространена в странах континентальной Европы) [1, с. 122].

Особенность контрольных полномочий, осуществляемых судами общей юрисдикции, заключается в том, что конституционность объектов контроля проверяется либо децентрализованно, либо централизованно (Верховным Судом или создаваемым им специальными судебными палатами).

Напротив, особенность рассматриваемого вида контроля, осуществляемого судами специальной юрисдикции, выражается в том, что их полномочия и заключаются в проверке на предмет соответствия Конституции государства его объектов.

Законодательное определение полномочий судов общей юрисдикции по осуществлению конституционного контроля осуществляется с разной степенью полноты. В одних странах такие полномочия являются результатом самой судебной практики на основе толкования своей компетенции, в других – регламентируется в общей форме либо путем перечисления конкретных правомочий [2, с. 43].

Какая из вышеуказанных моделей является наиболее эффективной? Какие пути совершенствования конституционного контроля наиболее приемлемы в Республике Беларусь? Вопросы риторические и требуют научного поиска.

Сравнительно-правовой анализ конституционного контроля в США, Великобритании, Франции, Германии, Испании позволит нам ответить на первый вопрос.

Конституция США прямо не предусматривает существования отдельного института судебного контроля. Вместе с тем возможность судебного контроля самой Конституцией США не отрицается. В ст. 6 Основного закона предусмотрено, что в случае расхождения общегосударственного права и международных договоров с Конституцией и законами штатов, суды штатов должны руководствоваться национальной Конституцией, законами и договорами, заключенными в США [3]. В настоящее время функции по осуществлению судебного контроля предоставлены Верховному суду страны и верховным судам штатов. Данные права закреплены не в самой Конституции США, а в нескольких параграфах Свода законов США [4]. Полномочия Верховного суда США заключаются в толковании норм Конституции, проверке на конституционность законодательных актов США и штатов и соответствие Конституции нормативных правовых актов исполнительной власти, издание судебных прецедентов.

Рассматривая конституционную систему в Великобритании, на первый взгляд можно прийти к выводу об отсутствии судебного контроля. Хотя это не совсем так. Судебный контроль в данной стране просто имеет свои исключительные особенности. В Великобритании традиционной писанной Конституции нет. Конституционно-правовые нормы

разделяются на четыре самостоятельные группы: статуты, прецеденты, конституционные обычаи и доктринальные источники [5, с. 67]. Действующая концепция верховенства парламента фактически исключает предварительный конституционный контроль. При этом парламенту предоставлены исключительные полномочия не только в сфере издания законодательных актов, но и в сфере их взаимодействия и применения. После проведения конституционной реформы в начале XXI в. суды стали осуществлять последующий конституционный контроль [6, с. 53].

Во Франции полномочия по конституционному контролю предоставлены сразу двум органам: Государственному совету и Конституционному совету. Различие в компетенции этих органов определяется юридической силой проверяемых законодательных актов. Государственный совет проверяет на конституционность подзаконные акты, регламенты, т. е. акты исполнительных органов. Конституционный совет проверяет акты, имеющие силу закона [6, с. 53].

Отличие данных контрольных органов заключается в том, что Конституционный совет осуществляет исключительно функции по контролю за Конституцией, в то время как Государственный совет является также высшей инстанцией в системе административных судов. Осуществление же конституционного судебного контроля вытекает из его основных функций, оно вторично по отношению к ним [7, с. 770–771].

Для системы конституционного судебного контроля в Федеративной Республике Германия (ФРГ) характерно наличие специализированного органа, который полномочен рассматривать исключительно конституционно-правовые дела. Таким специализированным органом в ФРГ является Федеральный конституционный суд (ФКС). Он состоит из 2 сенатов и осуществляет первичный и последующий конституционный судебный контроль. Объем полномочий ФКС достаточно широк. Он решает вопросы соответствия Конституции федеральных законов и законов субъектов федерации, осуществляет толкование норм Конституции и отменяет законодательные акты по мотивам противоречия Конституции [8].

В Основном законе ФРГ выделяется особая роль ФКС в сфере судебного контроля по отношению к другим субъектам судебного контроля, таким как бундестаг, бундесрат, федеральный президент и правительство.

Конституция подробно определяет состав ФКС, его компетенцию и некоторые важные случаи разрешения конституционных споров (ст. 93, 94, 99, 100).

Сходной с ФРГ по системе судебного контроля является Испания. Конституцией Испании предусмотрено возложение полномочий по анализируемому виду контроля на специализированный судебный орган –

Конституционный суд Испании [9]. С запросами и жалобами в данный судебный орган могут обращаться: председатель Правительства, Защитник народа, депутаты и сенаторы в количестве не менее 50 человек, представительные и коллегиальные исполнительные органы автономных областей, суды, а с жалобами на нарушение конституционных прав – граждане и юридические лица, прокуроры.

Анализ вышеуказанных видов конституционного судебного контроля позволяет отнести Республику Беларусь к европейской модели.

Какая же система конституционного судебного контроля является более эффективной? Полагаем, что таковой является европейская. Для аргументации данного вывода предлагаем выделить и рассмотреть основные свойства этой модели, провести анализ и сравнительную характеристику.

Европейская модель характеризуется юрисдикционной и организационной самостоятельностью. Это означает, что для такой модели характерно наличие специализированного органа указанного вида судебного контроля, который единственный вправе осуществлять полномочия по этому правовому институту и рассматривать дела данной юрисдикции.

Европейская модель конституционного судебного контроля способна решать конституционно-правовые вопросы независимо от наличия обстоятельств определенного дела. Органы судебного контроля вправе использовать в своей деятельности различные предусмотренные судебные процедуры делопроизводства и формулировать решения.

Конституционный суд в европейской модели как специализированный орган контроля в данной модели полномочен проверять на соответствие Конституции все законодательные акты государства, вне зависимости от их юридической силы. Конституционный суд выступает особым органом в системе судов государства. Он формируется и осуществляет полномочия, отличные от судов общей юрисдикции.

Наконец, в европейской модели создание Конституционного суда в государстве – образование специализированного органа судебного контроля, которое осуществляет функцию, являющуюся единственной и специфической, недоступной для судов общей юрисдикции. Конституционные суды, учитывая их специфическое функциональное предназначение, формируются особым, отличным от судов общей юрисдикции способом.

Кроме того, законодательство европейских государств предусматривает общеобязательный характер решений конституционного судебного органа.

На основе приведенных характерных черт европейской модели конституционного судебного контроля можно выделить различия между двумя данными моделями.

Европейские страны имеют отдельный орган, осуществляющий полномочия по осуществлению конституционного судебного контроля. В американской модели отсутствует отдельный орган для проверки конституционности законодательства. В последнем случае суды общей юрисдикции осуществляют функции конституционного судебного контроля. В американской модели суды могут проводить конституционно-правовые функции только тогда, когда есть непосредственно требование об обеспечении соблюдения конституционного права. В европейской модели, независимо от наличия претензий в отношении нарушения конституционного права, конституционные суды осуществляют правовые функции по конституционному судопроизводству.

Существуют также различия в интерпретации законодательного акта. В европейской модели Конституционный суд рассматривает дела исключительно по конституционным вопросам, в отличие от американской модели. Их задача – разрешить спор о значении Конституции [2, с. 78].

Все вышеизложенное выгодно отличает европейскую модель конституционного судебного контроля от американской. Это оправдывает существование в Республике Беларусь Конституционного Суда, не входящего в систему судов общей юрисдикции.

Вместе с тем существует некоторая научная полемика относительно того, является ли Конституционный Суд Республики Беларусь – органом правосудия и носителем судебной власти. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Общеизвестно, что основным назначением суда является осуществление правосудия – разрешение правовых споров, возникающих в определенной отрасли материального права. Судебный контроль может считаться особой формой осуществления правосудия, так как его основное целевое назначение – разрешить (либо предупредить) возникающий правовой спор. В связи с этим, осуществляя конституционный контроль, рассматриваемый суд также осуществляет конституционное правосудие.

Вместе с тем правовые споры возникают между несколькими носителями прав и обязанностей (между физическими лицами, между физическими лицами и организациями, между государством и физическими лицами и т. п.). Учитывая это, какой правовой спор и между кем возникает при осуществлении конституционного судебного контроля? Вопрос риторический. Основным полномочием Конституционного Суда Республики Беларусь является проверка нормативных правовых актов (как принимаемых, так и действующих) либо международных актов (ратифицируемых, либо ратифицированных) на предмет соответствия их Конституции Республики Беларусь. Это позволяет констатировать, что никаких правовых конфликтов в области конституционного судопро-

изводства не возникает, а Конституционный Суд Республики Беларусь «судит закон».

В связи с этим считаем, что Конституционный Суд Республики Беларусь – не в полной мере осуществляет правосудие и является носителем судебной власти. Полагаем, что целесообразно, с учетом его полномочий, относить его к органу законодательной власти, осуществляющему специфические контрольные полномочия. Указанный аргумент требует реорганизации судебной системы Республики Беларусь в части ликвидации Конституционного Суда Республики Беларусь и создании в законодательной власти специального органа, осуществляющего контрольные полномочия за проверкой нормативных правовых актов (как принимаемых, так и действующих) либо международных актов (ратифицируемых, либо ратифицированных) на предмет соответствия их Конституции Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. По действующему законодательству Конституционный Суд Республики Беларусь относится к европейской модели конституционного судебного контроля. Сравнительно-правовой анализ американской и европейской моделей этого правового института позволяет сделать вывод, что данный вид контроля в белорусском государстве осуществляется более эффективно по сравнению с теми государствами, законодательство которых построено на первой из названных моделей.

2. Осуществление контрольных полномочий за проверкой нормативных правовых актов (как принимаемых, так и действующих) либо международных актов (ратифицируемых, либо ратифицированных) на предмет соответствия их Конституции Республики Беларусь Конституционным Судом Республики Беларусь с точки зрения основного назначения судебной власти является доктринально неверным, в связи с чем полагаем целесообразным реорганизовать судебную систему белорусского государства и создать в законодательной власти отдельный орган, осуществляющий вышеуказанные полномочия.

Список использованных источников

1. Мытник, П.В. Судостроительство : учеб. пособие для курсантов и студентов учреждений высш. образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Судебные криминалистические экспертизы» / П.В. Мытник ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 534 с.

2. Конституционный контроль в зарубежных странах : учеб. пособие / И.А. Алебастрова [и др.] ; отв. ред. В.В. Маклаков. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2007. – 671 с.

3. К вопросу о расширении полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь в процессе осуществления конституционного контроля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/komko/Downloads/k-voprosu-o-rasshireniipolnomochiy-konstitutsionnogo-suda-respubliki-belarus-v-protsesse-osuschestvleniya-konstitutsionnogo-kontrolya%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/komko/Downloads/k-voprosu-o-rasshireniipolnomochiy-konstitutsionnogo-suda-respubliki-belarus-v-protsesse-osuschestvleniya-konstitutsionnogo-kontrolya%20(1).pdf). – Дата доступа: 28.05.2023.

3. Конституция Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] : принята 17 февр. 1787 г. – Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/const_of_USA/ru/konstitucija_ssha.pdf. – Дата доступа: 28.05.2023.

4. Свод законов США [Электронный ресурс] / Cornell Law Scholl. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>. – Дата доступа: 28.05.2023.

5. Остапович, И.Ю. Взаимодействие конституционного судебного контроля и законодательного органа в зарубежных странах / И.Ю. Остапович – Вестн. Ом. ун-та. – Серия «Право». – 2015. – № 3 (44). – С. 67–75.

6. Царева, Е.Д. Конституционный судебный контроль в зарубежных странах / Е.Д. Царева, В.Н. Опарин // Вопросы студенческой науки. – 2020. – Вып. 3 (43). – С. 51–56.

7. Наурузова, Э.Ф. Особенности осуществления конституционного судебного контроля в зарубежных странах и в Российской Федерации / Э.Ф. Наурузова / Аллея науки. – 2018. – № 11 (27). – Т. 4. – С. 765–771.

8. Основной закон Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс] : принят 23 мая 1949 г. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>. – Дата доступа: 28.05.2023.

9. Испанская конституция [Электронный ресурс] : принята 29 дек. 1978 г. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM>. – Дата доступа: 28.05.2023.

УДК 343.1

А.И. Белоглазов, выпускник магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.В. Мытник*

ПРОКУРОР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И СТАТУС

Роль прокуратуры в становлении демократического правового государства в Республике Беларусь определяется тем, что она представляет собой надежно работающий механизм системы разделения и взаимодействия властей. В современных условиях она является одним из элементов системы «сдержек и противовесов», устанавливает и принимает меры к устранению любых нарушений законов от кого бы они не исходили. В то же время прокуратура организационно не входит ни в одну из ее ветвей и ни в коей мере не подменяет собой последние. Все ветви власти взаимодействуют между собой и заинтересованы в сохранении

и укреплении законности, обеспечить которую и призвана прокуратура. Без соблюдения законности не может быть сильной, эффективно выполняющей задачи системы правосудия. Особое место органы прокуратуры Республики Беларусь занимают в уголовном процессе.

Уголовный процесс является регламентированной уголовно-процессуальным законодательством деятельностью лиц, правоотношения между которыми возникают, развиваются и прекращаются в связи с возникшим уголовно-правовым спором.

Прокурор является одним из участников уголовного процесса, который наделен совокупностью прав и обязанностей по осуществлению уголовного преследования, предупреждению, выявлению и устранению нарушений законности, а также обладающий специальной компетенцией при поддержании государственного обвинения в суде.

Понятие «прокурор» многогранно и имеет множество как доктринальных, так и нормативных трактовок.

Так, в словаре иностранных слов современного русского языка указано, что прокурор – судебное лицо, наблюдающее за верным применением и точным исполнением законов и за правильностью решений [1, с. 402]. В словаре В.И. Даля прокурором является чиновник, наблюдающий по суду, или по губернии за верным и точным исполнением законов [2]. По мнению Ю.И. Гревцова, прокурор – это должностное лицо в системе прокуратуры, осуществляющее прокурорский надзор, предварительное следствие по некоторым категориям уголовных дел, поддержание государственного обвинения в уголовном судопроизводстве [3, с. 432].

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» [4] прокурорами являются действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры.

В соответствии с п. 32 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [5] (УПК) прокурором являются действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры, их заместители и помощники, начальники управлений (отделов) и их заместители, прокуроры управлений и отделов.

Несмотря на различные подходы к определению понятия «прокурор», в них содержатся характерные признаки, ему присущие.

Во-первых, прокурор является должностным лицом, т. е. он назначен на должность в установленном законом порядке, обладает соответствующими полномочиями и компетенцией, выполняет ряд возложенных на него законом функций и задач. Вместе с тем стоит отметить, что прокурор, в силу наделения его обширными правомочиями, является должностным лицом, занимающим ответственное положение, что также закреплено на законодательном уровне в ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. [6].

Во-вторых, прокурором является лицо, осуществляющее надзор, т. е. комплекс мероприятий и действий, направленных на проверку соблюдения установленных норм со стороны государственных органов, организаций и их должностных лиц.

В-третьих, прокурор осуществляет надзор за исполнением законодательства. Сфера надзора довольно широка ввиду того, что законодательство включает в себя множество отраслей. Так, прокурор может осуществлять надзор за исполнением законодательства (общий надзор); надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства и др.

Понятие «прокурор», закрепленное в УПК, ограничивается лишь перечислением должностных лиц органов прокуратуры и наделяет их полномочиями, указанными в ст. 34 УПК, в полном объеме. С этим трудно согласиться, так как правами, перечисленными в ст. 34 УПК, в полном объеме обладают лишь руководители прокуратуры.

Так, например, согласно п. 4, 7, 14 ч. 5 ст. 34 УПК прокурор вправе поручать по возбужденному и принятому к своему производству уголовному делу предварительное следствие группе прокуроров, а по согласованию с начальниками соответствующих следственных подразделений – группе следователей, возглавлять эту следственную группу; применять, изменять или отменять меры пресечения по уголовным делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора, продлевать срок содержания под стражей, домашнего ареста, срок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении и срок предварительного расследования; санкционировать применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога; проведение обыска, осмотра жилища или иного законного владения, осмотра компьютерной информации; наложение ареста на имущество, находящееся в жилище и ином законном владении, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемку; требование о представлении информации и выемку документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; прослушивание и запись переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; извлечение трупа из места захоронения (эксгумация); помещение подозреваемого или

обвиняемого, не содержащихся под стражей, в судебно-психиатрический экспертный стационар; отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности. Исходя из характера и последствий применения указанных полномочий, можно сделать обоснованный вывод о том, что они реализуются Генеральным прокурором Республики Беларусь, подчиненными ему прокурорами (области, города, района и приравненные к ним) и их заместителями, о чем прямо указывается в УПК.

Возвращаясь к содержанию понятия «прокурор», приведенному в УПК, помощник прокурора также является таковым и пользуется полномочиями, предусмотренными ст. 34 УПК. Использование приведенных выше полномочий помощниками прокурора порождает противоречия, касающиеся определения «прокурор» как участник уголовного процесса и «прокурор» как должностное лицо органов прокуратуры.

Указанные выше полномочия сходны по смыслу с полномочиями начальника следственного подразделения, предусмотренными ст. 35 УПК. Так, начальник следственного подразделения также поручает производство предварительного следствия по уголовному делу нескольким следователям; продлевает срок предварительного следствия; отменяет незаконные и необоснованные постановления следователя и нижестоящего начальника следственного подразделения и т. д.

На основании изложенного можно сделать вывод, что некоторые полномочия прокурора, указанные в ст. 34 УПК, и начальника следственного подразделения носят исключительно административный характер, реализуются именно начальником государственного органа (начальник следственного подразделения, прокурором).

С учетом изложенного полагаем целесообразным и необходимым отделение таких прокурорских работников, участвующих в уголовном процессе, как помощник прокурора, старший помощник прокурора, начальник управления (отдела) прокуратуры и его заместитель, прокурор управления (отдела), от понятия «прокурор», предусмотренного ст. 6 УПК, и соединение их под единой категорией «иной прокурорский работник». К полномочиям данных должностных лиц необходимо отнести изучение материалов проверок по заявлениям и сообщениям о преступлении, в том числе по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; уголовных дел, производство по которым было приостановлено либо прекращено, – на предмет законности и обоснованности принятого решения; уголовных дел, поступивших прокурору для направления в суд, – на предмет законности и обоснованности принятого решения; поддержание государственного обвинения в суде. В случае несогласия с принятым решением по материалам проверки либо по уголовному делу после их изучения, «иной прокурорский работник» обращается к «прокурору» для рассмотрения вопроса об отмене принятого

решения по материалам проверки или по уголовному делу либо о возвращении уголовного дела, поступившего прокурору для направления в суд, для производства дополнительного предварительного расследования.

В связи с этим предлагается авторское определение «прокурор в уголовном процессе», под которым следует понимать должностное лицо, занимающее ответственное положение (Генеральный прокурор, прокуроры областей, города Минска, прокуроры районов, районов в городах, городов, межрайонные и приравненные к ним транспортные прокуроры, их заместители), осуществляющее в пределах своей компетенции надзор за исполнением законов в ходе досудебного производства, поддержание государственного обвинения, а также иные полномочия, предусмотренные УПК. Данное определение следует закрепить п. 32 ст. 6 УПК, т. е. этот пункт изложить в новой редакции.

Задачи прокурора в уголовном процессе сформулированы исходя из общего предназначения органов прокуратуры в целом. Одной из задач является защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. Прокуратура также координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, деятельность по профилактике правонарушений.

Как отмечает В.Б. Ястребов, функции прокурора в уголовном процессе представляют собой «обязанность выполнения должностным лицом прокуратуры определенных видов процессуальной деятельности, выражающих государственно-правовое предназначение прокуратуры в обеспечении законности расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде» [7, с. 624].

Функции прокурора в уголовном процессе по своей природе можно разделить на те, которые реализовываются им в ходе досудебного производства: надзор за исполнением законов в ходе рассмотрения заявления или сообщения о преступлении и надзор при производстве дознания и предварительного следствия и на те, реализация которых возможна лишь только на судебных стадиях: надзор за соответствием закону судебных постановлений и надзор за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также принудительных мер безопасности и лечения.

Прокурор, выполняя задачи, возложенные на него законодательством, является гарантом соблюдения, укрепления и реализации законности субъектами уголовного процесса; прокурор, реализуя свои полномочия, не позволяет иным субъектам уголовно-процессуальных отношений злоупотреблять полномочиями, нарушать нормы, установленные уголовно-процессуальным правом; прокурор, осуществляя надзор, не

допускает принятия решений со стороны должностных лиц, которые противоречат законодательству или могут нанести вред правам, свободам граждан; прокурор, выступая в роли государственного обвинителя, выступает от имени государства в целях реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, а также восстановления социальной справедливости.

Список использованных источников

1. Егорова, Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
2. Словарь В.И. Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net>. – Дата доступа: 15.05.2023.
3. Гревцов, Ю.И. Энциклопедия права : учеб. пособие / Ю.И. Гревцов, И.Ю. Козлихин. – СПб. : Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. ун-та, 2015. – 772 с.
4. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. № 171-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Ястребов, В.Б. Функции прокурора в уголовном судопроизводстве (былое и современность: некоторые уроки судебной реформы 1864 г.) / В.Б. Ястребов // Актуал. проблемы рос. права. – 2014. – № 4. – С. 619–624.

УДК343.985

Н.С. Бут-Гусаим, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Д.В. Костюкевич*

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

Допрос является звеном в цепи процессуального доказывания, которое связывает способы получения и проверки показаний с помощью различных следственных действий, таких как предъявление для опозна-

ния, очная ставка, следственный эксперимент, и способы выявления и фиксации материальных следов, вещественных доказательств и документов, которые часто связаны с их осмотром и экспертным исследованием [1, с. 6].

Допрос обладает таким свойством, потому что его основной способ познания – расспрос – характерен и для других следственных действий (проверка показаний на месте, очная ставка и др.), которые связаны между собой, влияют друг на друга и дополняют друг друга, а также возникающими в ходе доказывания ситуациями, когда следственные действия, направленные на обнаружение, фиксацию или исследование материальных следов преступления, не могут в части или полностью выявить важные для дела факты. Тогда необходимо уточнить, «привязать», «озвучить» ту информацию о характеристиках и признаках тех или иных материальных объектов, которая имеется у следствия.

Допрос – это следственное действие, которое состоит в том, чтобы получить от лица и зафиксировать в определенной процессуальной форме показания о тех фактах, которые имеют или могут иметь значение для правильного разрешения уголовного дела.

По мнению В.П. Кольченко, допрос не сводится только к получению показаний от допрашиваемого лица и их фиксации. Сущность данного следственного действия заключается в расспросе допрашиваемого лица, даче им устных показаний (в форме свободного рассказа или ответов на поставленные вопросы), восприятии (выслушивании) показаний субъектом, производящим допрос, фиксировании показаний и удостоверения правильности их записи в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) [2, с. 11].

Допрашиваться могут свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт. Приняв участие в производстве по уголовному делу в качестве понятого, гражданин впоследствии может быть допрошен в качестве свидетеля [3, с. 326].

На всех допрашиваемых лиц распространяется положение ст. 27 Конституции Республики Беларусь – никто не обязан давать показания против себя, а также против членов своей семьи и близких родственников.

Допрос относится к числу неотложных следственных действий в соответствии с ч. 1 ст. 186 УПК. Обычно допрос проводится там, где ведется предварительное расследование (в рабочем кабинете следователя или лица, которое проводит дознание). Однако законодатель допускает проведение допроса по месту нахождения допрашиваемого. Следователь вправе произвести допрос лица в больнице, по месту жительства (когда явка затруднена, например, в силу возраста, наличия заболевания), в школе, детском дошкольном учреждении. Допрос подозреваем-

мого, обвиняемого нередко осуществляется в помещениях изолятора временного содержания, следственного изолятора [4, с. 47].

Процессуальный порядок допроса включает в себя:

1) вызов лица повесткой, телефонограммой либо с помощью других технических средств (следует иметь в виду, что лицо может явиться по собственной инициативе).

Уважительные причины неявки указаны только для обвиняемого в ч. 5 ст. 242 УПК. В данном случае допустима аналогия (уважительные причины неявки) и для других участников. В случае неявки без уважительной причины осуществляется привод, который осуществляется в порядке ст. 130 УПК;

2) установление личности допрашиваемого;

3) удостоверение в том, что лицо владеет языком, на котором ведется уголовный процесс (белорусским или русским). Если лицо не владеет языком, то осуществляется вызов переводчика, которому разъясняются его права и обязанности;

4) разъяснение лицу, вызванному на допрос, в качестве кого и по какому делу оно будет допрошено;

5) разъяснение прав и обязанностей. Свидетель и потерпевший предупреждаются об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 401 и 402 Уголовного кодекса Республики Беларусь), а также об ответственности за уклонение от явки в орган, ведущий уголовный процесс;

6) свободный рассказ допрашиваемого;

7) фиксация показаний допрашиваемого в протоколе допроса.

Допрашиваемый имеет право самостоятельно записать показания в протоколе допроса. Если он решил воспользоваться этим правом, то после свободного изложения он пишет их в протоколе и ставит подпись. После этого следователь может задать и отразить в протоколе вопросы, которые уточняют и дополняют показания, а также ответы допрашиваемого. Запрещается задавать вопросы, которые являются наводящими (ч. 4 ст. 217 УПК).

УПК запретил постановку наводящих вопросов не только при допросах свидетелей и потерпевших, но при допросах подозреваемых и обвиняемых в соответствии с ч. 4 ст. 217, ч. 1 ст. 327 УПК. Эта новелла, усложняя процесс расследования, в определенной мере обеспечивает получение от допрашиваемых лиц более качественной, достоверной информации и позволяет избежать самооговоров, т. е. оговора допрашиваемым самого себя в преступлении, которого он не совершал. В некоторых случаях за счет постановки серии наводящих вопросов можно получить самоговор от лица, вовлеченного в орбиту уголовного процесса.

Вопрос, который предлагает, намекает на конкретный ответ своей формой, информацией, которая в нем есть, интонацией и эмоциями, которые он передает, обычно называется наводящим вопросом.

Вопрос, который допустим в процессуальном смысле, отличается от наводящего тем, что в наводящем вопросе есть информация (как словесная, так и невербальная – выражение лица, движения, эмоции и интонация), которая влияет на ответ, подсказывает, какой ответ нужен. Наводящий – это такой вопрос, получая ответ на который, следователь хочет услышать подтверждение того, что он сам говорит или намекает, и ответ на него полностью совпадает с содержанием вопроса, не добавляет ничего нового, полезного для доказательств, кроме того, что было в вопросе [5, с. 45];

8) предъявление следователем протокола для прочтения допрашиваемому либо оглашение показаний по его просьбе. Все замечания, дополнения допрашиваемого заносятся в протокол;

9) подписание протокола (допрашиваемым подписывается каждая страница протокола). Если в допросе участвовал переводчик, то он также подписывает каждую страницу и протокол в целом, а также перевод собственноручно записанных показаний допрашиваемого.

Допрос не может длиться непрерывно более четырех часов. Продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность в течение дня не должна превышать восьми часов. В случае медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача, работающего в государственном медицинском учреждении. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в соответствии с ч. 1 ст. 434 УПК не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день.

Следователь самостоятельно или по просьбе допрашиваемого может решить, что допрос будет записываться на аудиозапись и видео, и это указывается в протоколе. Если запись делает специалист, то ему говорят о его правах и обязанностях, а также о том, что допрашиваемый может потребовать заменить специалиста (и это тоже фиксируется в протоколе допроса). Когда допрос заканчивается, допрашиваемому показывают всю запись на аудиозапись и видео. Показ записи считается частью времени, которое ушло на допрос.

Во многих странах мира практикуется допрос участников уголовного процесса под присягой (США, Великобритания и т. д.). Статьи 711, 714–717 Устава уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г. также предусматривали допрос свидетеля под присягой. Значение показаний, которые следователь и суд получают в ходе до-

проса, заключается в том, что это наиболее распространенный источник доказательств, а в некоторых случаях – единственный.

Для характеристики взаимосвязей в системе следственных действий и определения места и роли допроса в ней наиболее важно их разделение по различиям в механизме формирования фактических данных, которые зависят от того, как событие преступления отражается в сознании людей и в материальной обстановке, и которые теория доказательств делит на личные и вещественные.

Для того чтобы расследование было полным, всесторонним и объективным, необходимо применять и грамотно сочетать разные процессуальные средства доказывания, основанные на различных методах познания, и осуществлять все необходимые следственные действия. Задачи допроса в получении нужной доказательственной информации могут быть решены только при соблюдении ряда закономерностей в рамках системы следственных действий, учитывающей характер следов преступления.

Во-первых, в ходе расследования не должно быть необоснованного преувеличения роли так называемых немых свидетелей при формальном осуществлении допросов и других следственных действий этой группы, или, наоборот, придаваться неоправданно большое значение многочисленным повторным допросам, которые якобы «закрепляют» доказательства, но на самом деле не приносят никакой новой информации к той, что уже есть у следствия, в условиях, когда эту информацию можно проверить и оценить за счет проведения следственных действий второй группы.

Во-вторых, должна строго соблюдаться определенная уголовно-процессуальным законом очередность производства допроса по отношению к другим следственным действиям как первой, так и второй группы. Например, перед проведением очной ставки обязательно должен быть произведен допрос соответствующих участников процесса; опознающие заранее допрашиваются о тех обстоятельствах, при которых они видели лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут сделать опознание. Очевидно, что проверка показаний на месте также осуществляется по результатам соответствующего допроса и т. д.

В-третьих, необходимы учет и использование информации, полученной при производстве допроса и других следственных действий одной группы в процессе проведения действий, относящихся к другой. Например, допрос может давать примерные данные для проведения обыска и выемки, а обнаруженные и изъятые при осмотре места происшествия

вещественные доказательства и следы преступления могут успешно использоваться при допросах подозреваемого и обвиняемого [6, л. 81].

Из изложенного вытекает, что при системном подходе к следственным действиям обнаруживается ряд вопросов, которые не определены законодательно, как в отношении системы следственных действий в общем, так и по отношению к конкретным из них, в частности, к допросу.

Кроме того, существует необходимость в разработке процессуальной формы допроса, сопровождающегося передачей информации в наглядно-образной форме, при котором помимо использования традиционного для допроса метода познания – расспроса, применяется метод моделирования, правила которого следовало бы установить в законе (изготовление допрашиваемым рисунков, скульптурных копий, воспроизведение труднодоступных описанию поз и жестов и т. д.).

В дополнение к данному выводу уместно привести вывод, к которому пришел в своем исследовании А.Г. Кан: «Следственная и судебная практика свидетельствует, во-первых, о незаменимости допроса как средства получения показаний, а во-вторых, о наличии резервов для дальнейшего совершенствования процедуры допроса с учетом нарастающих потребностей практики» [7, с. 11].

Несмотря на подробную регламентацию порядка проведения допроса в УПК, его правовое регулирование требует совершенствования. Так, по УПК допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день (ч. 1 ст. 434 УПК). Ничего не сказано в законе о продолжительности допроса несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, в том числе малолетних. Полагаем, что в данном случае допустимо применение аналогии, хотя соответствующие дополнения следует внести в УПК [8, с. 238].

Согласно ч. 1 ст. 62 УПК педагог или психолог, участвующие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, являются специалистами. При этом при допросе несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в возрасте до 14 лет педагог или психолог участвуют обязательно, а от 14 до 16 лет – по усмотрению следователя, лица, производящего дознание. При допросе несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля могут участвовать их родители или другие законные представители (ч. 1 ст. 221 УПК). В соответствии с ч. 1 ст. 435 УПК при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого участие педагога или психолога обязательно.

Различный подход законодателя к допросу несовершеннолетних, с одной стороны, потерпевшего и свидетеля, а с другой – подозреваемого

и обвиняемого можно объяснить стремлением максимально обеспечить права и законные интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Однако, как и с продолжительностью допроса несовершеннолетних, основой дифференциации допроса должен быть возраст допрашиваемого и предполагаемая умственная и психическая незрелость, а не их процессуальное положение. К тому же в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого обязательно участие защитника (п. 2 ч. 1 ст. 45 УПК).

Допрос как средство получения доказательств, необходимых для установления виновности преступника и других важных для дела обстоятельств, является одним из основных средств, которыми человечество пользовалось для изобличения преступников, и имеет долгую историю.

Следственная и судебная практика показывает, что допрос как средство получения показаний не имеет альтернативы, но также требует дальнейшего улучшения процедуры допроса с учетом растущих потребностей практики.

Список использованных источников

1. Образцов, В.А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – М. : Омега-Л : ИМПЭ, 2003. – 159 с.
2. Кольченко, В.П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.П. Кольченко. – Саратов, 2003. – 26 с.
3. Уголовный процесс : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М. : Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. – 776 с.
4. Мытник, П.В. Следственные действия : учеб. пособие / под науч. ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 111 с.
5. Центров, Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе / Е. Центров // Рос. юстиция. – 2003. – № 5. – С. 43–45.
6. Сильнов, М.А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Сильнов. – М., 1997. – 231 л.
7. Кан, А.Г. Допрос на предварительном следствии: уголовно-процессуальные и тактические направления его оптимизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Кан. – Алматы, 2009. – 28 с.
8. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учеб. пособие / Н.А. Борисенко [и др.] ; под общ. ред. П.В. Гридюшко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 382 с.

УДК 343.9

А.С. Варванович, выпускница магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.М. Попом*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

Как известно, понятия представляют собой элементарные ячейки, первооснову любой науки. Понятия криминалистики образуют целостную систему, отражающую явления, на которые направлено познание, осуществляемое в рамках данной науки, используемый при этом методологический аппарат, а также готовые результаты научных изысканий в виде теоретических основ, научно-технических средств, приемов следственной тактики и рекомендаций по методике расследования преступлений. Таким образом, целостной системой понятий выражаются предмет, методы, структура криминалистики, все ее взаимосвязанные части – науковедческая, методологическая, а также криминалистическая техника, следственная тактика и методика расследования [1, с. 3].

Отсутствие среди ученых терминологического единства и, как результат, одновременное использование понятий «электронные», «виртуальные», «цифровые», «компьютерные» следы затрудняет развитие научно-практической составляющей криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию киберпреступлений. Преодоление данных противоречий возможно посредством уяснения научных категорий более общего и определяющего порядка, в качестве которых выступают понятия «информация» и «компьютерная информация».

Одно из первых научных определений информации принадлежит американскому математику Н. Винеру, который полагал, что «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [2, с. 31].

В юридической литературе общее определение информации, в основу которого положено отражение как свойство материи, было дано А.И. Трусовым, который отмечал, что «...информация охватывает отражение предметов и явлений в человеческом сознании, явлений и процессов друг в друге, вне связи с сознанием» [3, с. 20]. С точки зрения Р.М. Ланцмана, информация – это все то, «...что отличает одно явление

от другого либо характеризует различные состояния одного явления» [4, с. 18].

Изложенное позволяет выявить особенности возникновения и использования термина «информация» в правовой сфере, в том числе и криминалистической науке. Так, основываясь на точке зрения Р.С. Белкина о том, что «применительно к процессу доказывания изменения в среде, как результат отражения в этой среде события, есть информация об этом событии, те самые фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления» [5, с. 119], можно сделать вывод о том, что изменения в среде – это отражение, и оно как свойство (признак), заложенное в отражающем объекте вследствие его взаимодействия с другими объектами, может быть и не востребовано человеком и не стать собственно информацией.

В рассматриваемом случае свойства этого отражающего объекта являются фактом, существующим вне и независимо от сознания человека. Таким образом, информация об объекте познания может быть воспринята познающим субъектом или техническим устройством, например, компьютерным (при соответствующей ее обработке), и тем самым «отделена» от ее первоисточника – отображения объекта познания. Из этого следует, что она может быть перенесена в пространстве, сохранена во времени, передана другому познающему субъекту или техническому устройству, а также подвергнута иным операциям.

Достаточно основательно сущностные аспекты информации изложил Н.С. Полевой. В обобщенном виде указанные особенности можно представить следующим образом:

отображение как носитель отобразившихся в нем данных о свойствах и признаках отображаемого объекта в акте познания может выполнять функцию источника сведения о нем, а также о механизме самого взаимодействия;

под собственно информацией следует понимать данные, которые характеризуют объект познания и могут быть выделены познающим субъектом в том или ином отображении познаваемого объекта;

несмотря на то что само по себе понятие «информация» относится к числу абстрактных, проявляется информация всегда в материально-энергетической форме, в частности в виде сигналов, которые могут иметь самую различную физическую природу;

передача информации является одной из фаз информационного процесса, присущего информационной системе;

на принципе передачи информации с помощью таких сигналов, преобразованных в цифровую форму, основана работа персональных компьютеров;

информационный процесс в любой системе начинается с восприятия и выделения нужной информации, а сама информация представляет собой содержание сигнала, который был бы удобен для его передачи по соответствующим каналам связи;

передача информации как фаза информационного процесса есть не что иное, как перенос информации на расстояние, ее движение во времени и пространстве посредством того или иного сигнала;

сущность обработки информации машиной заключается в аналоговых или цифровых преобразованиях, поступающих данных по жестким системам формальных правил (алгоритмам), выработанных человеком, – во-первых, разработчиком программного обеспечения и, во-вторых, – конкретным пользователем программ для электронно-вычислительных машин;

цепь информационного процесса завершается представлением информации ее потребителю тем или иным способом, в той или иной активной форме и принятием им какого-либо решения [6, с. 27–31].

Учитывая уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты, можно отметить, что если информационный сигнал (доказательство) выступает в предметной (вещественной) форме, то обязательным элементом исследования будет последующее перекодирование этого информационного сигнала до тех пор, пока его смысловое содержание не обретет доступной для субъекта познания формы. Если же информация поступает к субъекту в форме сообщения, то ее исследуют посредством рассмотрения сообщения [7, с. 78]. Исследование такой доказательственной информации осуществляется следователем, сотрудником органа дознания, специалистом, экспертом, прокурором, судьей и другими участниками процесса в ходе соответствующих следственных и иных процессуальных действий, регламентированных действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Е.Р. Россинская и А.И. Усов, в свою очередь, полагают, что «компьютерная информация применительно к процессу доказывания может быть определена как фактические данные, обработанные компьютерно-технической системой и (или) передающиеся по телекоммуникационным каналам, а также доступные для восприятия, и на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного или гражданского дела» [8, с. 30].

Анализ приведенных выше суждений и подходов к уяснению сущности таких научных категорий, как «информация» и «компьютерная информация», позволяет сделать вывод о том, что одним из содержательных аспектов понятия «цифровой след», используемого в настоя-

щей статье, является устоявшееся в криминалистической науке понимание следа как любых изменений среды, возникающих под влиянием события преступления.

Однако в специальной литературе можно встретить иные терминологические и смысловые подходы. Так, В.А. Мещеряков предлагает использовать понятие «виртуальный след», определял его как «любые изменения состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею «кибернетического пространства»), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (т. е. информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [9]. Анализируя предлагаемое смысловое содержание, можно отметить, что определение всесторонне раскрывает его признаки, но является перегруженным сложной терминологией.

Похожее, но не менее перегруженное сложными для понимания терминами, понятие «виртуальные следы» предложили В.О. Давыдов и А.Ю. Головин, которые определили их как «зафиксированное в виде цифрового образа формальной модели изменения состояния информации в памяти абонентных электронных устройств, вызванное алгоритмом установленного программного обеспечения и связанное с событием преступления» [10].

Использование понятия «виртуальный след» достаточно обосновано подверг критике В.Б. Вехов, который указал на этимологию слова «виртуальный». Данное слово происходит от лат. *virtualis*, что означает «не имеющий физического воплощения или воспринимаемый иначе, чем реализован в действительности» [11].

Предлагаемое Г.М. Шаповаловой понятие «информационный след» [12, с. 21], по нашему мнению, как с точки зрения теории криминалистики, так и практики правоприменения, не способно объективно и конкретно охарактеризовать рассматриваемый вид следов, поскольку по своей сути является достаточно распространенным, широким понятием, которое может включать большое многообразие различных по происхождению следов.

Представляет интерес позиция В.А. Милашева, который, положив в основу систему двоичного кода, которая, как известно, является структурой компьютерного сигнала, сформулировал понятие «бинарные следы» и определил их как «результат логических и математических операций с двоичным кодом» [13, с. 18]. Однако данный подход также представляется несовершенным, поскольку предполагает понимание рассматриваемых следов в достаточно узком (специальном) аспекте.

В.Б. Вехов предложил понятие «электронно-цифровой след», который образуется при электромагнитном взаимодействии компьютер-

ных механизмов и программных средств. Само понятие «электронно-цифровой след», по мнению исследователя, определяется как «любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [11, с. 101]. Данная точка зрения, с позиции криминалистической науки и практической деятельности, по нашему мнению, является более приближенной к верному пониманию сути таких следов в содержательном аспекте, однако недостаточно совершенной в терминологическом. Представляется, что одновременное употребление двух слов «электронный» и «цифровой» в формулировании одного понятия является излишним, поскольку, по сути, указанные слова являются синонимичными.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, и принимая во внимание тезис о том, что цифровой след в широком его значении является отображением в информационном пространстве любых действий участников уголовного процесса, имеющих криминалистическое значение, следует отметить, что приведенные выше определения понятий не в полной мере соответствуют современным требованиям криминалистической науки и требуют уточнения, исходя из их сущностных признаков, а именно:

цифровые следы – это следы, существующие только в информационном пространстве;

цифровой след представляет собой электронный сигнал, передающийся в виде машинного кода и воспринимаемый блоком обработки информации электронно-цифрового устройства;

цифровой след может существовать только в электронном виде и только на физическом носителе (постоянном либо временном). Физический носитель информации может являться как самостоятельным носителем информации, например, карта памяти (оптический диск, магнитный накопитель), так и совместно с исполнительными устройствами входить в состав единого технического устройства, например, смартфона либо персонального компьютера;

цифровой след может быть зафиксирован техническими средствами регистрации и обработки электронно-цифрового кода в конкретный момент времени.

Основываясь на вышеизложенном, представляется, что цифровой след – это изменение состояния информационной среды, вызванное созданием, изменением, передачей и прекращением действия электронно-цифрового кода, фиксируемое с помощью технических средств, на

основе которых в определенном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для раскрытия (выявления) и расследования преступлений.

Использование в правоприменительной практике предлагаемого единого термина, который наиболее полно отражает содержание и природу рассматриваемой категории в криминалистике с учетом изложенных существенных признаков, позволит не только повысить уровень понимания и коммуникации между сотрудниками различных служб и ведомств, но и детерминирует разработку наиболее действенных методических подходов по раскрытию и расследованию киберпреступлений.

Список использованных источников

1. Селиванов, Н.А. Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. – М. : Юрид. лит., 1982. – 3 с.
2. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : Наука и техника, 1958. – 31 с.
3. Трусов, А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики / А.И. Трусов // Вопр. кибернетики и права. – М. : Акад. МВД СССР, 1976. – С. 20.
4. Ланцман, Р.М. Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.М. Ланцман. – М. : Акад. МВД СССР, 1970. – 18 с.
5. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 1 : Общая теория криминалистики. – 408 с.
6. Правовая информатика и кибернетика : учебник / под ред. Н.С. Полевого. – М. : Юрид. лит., 1993. – 528 с.
7. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : НОРМА, 2001. – 78 с.
8. Россинская, Е.Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е.Р. Россинская, А.И. Усов. – М. : Право и закон, 2001. – 30 с.
9. Мещеряков, В.А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» / В.А. Мещеряков // Информационная безопасность регионов. – 2009. – № 1 (4). – С. 28–33.
10. Давыдов, В.О. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера / В.О. Давыдов, А.Ю. Головин // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 3. – С. 255–256.
11. Вехов, В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерно-технической информации и средств ее обработки : монография / В.Б. Вехов. – Волгоград : ВА МВД России, 2008. – 404 с.
12. Шаповалова, Г.М. Возможность использования информационных следов в криминалистике (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г.М. Шаповалова ; Дальневосточ. гос. ун-т. – Владивосток, 2006. – 30 с.

13. Милашев, В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Милашев ; Моск. гос. ун-т. – М., 2004. – 28 с.

УДК 343.985

Н.Д. Вергей, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.В. Гриб*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ

В Республике Беларусь финансовый рынок продолжает формироваться и характеризуется наличием традиционных финансовых инструментов кредитного рынка (краткосрочных и долгосрочных кредитов), валютного рынка, рынка ценных бумаг, страхового рынка, а также финансовых инструментов срочного рынка (производных финансовых инструментов и инструментов хеджирования).

В этой связи процесс экономической и политической трансформации общества, появление новых форм собственности, функционирование экономики в рыночных условиях, интеграция белорусского государства в мировую экономику не только способствовали росту экономической преступности, но и существенно повлияли на ее содержание, качественные и количественные характеристики. В результате этих изменений возник ряд факторов, определяющих увеличение экономической преступности и появление новых видов деликтов.

Преступления в финансово-кредитной сфере имеют свою специфику и характеризуются как общественно опасные действия, нарушающие хозяйственную деятельность банков и других кредитно-финансовых организаций. В связи с чем знания оперативными сотрудниками органов внутренних дел и финансовых расследований не только уголовно-правовой, но и криминалистической характеристики финансово-кредитных преступлений, способствует их выявлению, а также позволяет спланировать процесс расследования.

В этой связи следует сформулировать основные элементы оперативно-розыскной характеристики рассматриваемых преступлений:

- 1) уголовно-правовая характеристика;
- 2) предмет и объект преступлений в кредитно-финансовой сфере;
- 3) особенности преступлений в кредитно-финансовой сфере;
- 4) способы совершения преступлений в кредитно-финансовой сфере;

5) личность преступника.

Уголовно-правовая характеристика. Согласно действующему Уголовному кодексу Республики Беларусь (УК) существует девять видов преступлений в финансово-кредитной сфере:

изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК);

изготовление либо сбыт поддельных платежных средств (ст. 222 УК);

невозвращение из-за границы денежных средств (ст. 225 УК);

незаконный выпуск (эмиссия) ценных бумаг (ст. 226 УК);

незаконное использование либо разглашение сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг (ст. 226¹ УК);

незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями (ст. 226² УК);

манипулирование рынком ценных бумаг (ст. 226³ УК);

подлог решения о выпуске либо проспекта эмиссии ценных бумаг (ст. 227 УК);

незаконное получение кредита или дотации (ст. 237 УК) [1].

Ответственность за данные виды преступлений наступает в основном в виде штрафа, исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста и лишения свободы.

Предмет и объект преступлений в финансово-кредитной сфере.

Преступления против экономического порядка могут быть направлены на имущество, деньги, ценные бумаги, которые могут быть объектами разных видов посягательств (ценности, подлежащие учету, ценности, не учтенные в бухгалтерии, ценности, созданные при их производстве за счет излишков, ценности, полученные от посторонних лиц, – соучастников); имущество, скрываемое от налоговых органов.

Предметом преступной деятельности является получение денежных средств в рублях или иностранной валюте, ценных бумаг и их заменителей (банковских платежных карточек), обеспечивающих расчетные операции между субъектами хозяйственной деятельности.

Объектом данных преступлений являются общественные отношения, возникающие в финансовой сфере, т. е. в процессе аккумуляирования, распределения (перераспределения) и использования централизованных и децентрализованных публичных (государственных и муниципальных) денежных фондов, исполнения денежных обязанностей перед государством и пр. [2, с. 185].

Особенности преступлений в финансово-кредитной сфере. Преступления в сфере экономической деятельности имеют следующие особенности:

1) они нарушают экономические отношения, права собственности разных форм, отношения хозяйствования (предпринимательства) разных видов деятельности;

2) они посягают на имущество разных видов (деньги, валюта, ценные бумаги, материальные ценности), предметы, которые по закону могут изготавливаться только государством или требуют разрешения;

3) они совершаются в области экономических отношений без применения насилия или с применением насилия, но в связи с удовлетворением преступного экономического интереса (противодействие законной предпринимательской деятельности, сговор для искусственного манипулирования ценами, принуждение в области гражданско-правовых обязательств);

4) их общественно опасными последствиями являются имущественный ущерб, моральный вред, подрыв деловой репутации хозяйствующих субъектов и законных интересов потребителей;

5) их субъектами (в некоторых случаях они могут быть должностными лицами, материально ответственными лицами, другими работниками государственного и частного экономического сектора, частными лицами) являются:

непосредственный участник экономической деятельности (всех форм собственности и видов деятельности);

лицо, которое не участвует в экономической деятельности, но причиняет ущерб (вред) преступными действиями (например, изготовление предметов, защищаемых монополией государства);

представитель регулирующей сферы экономической деятельности, обладающий полномочиями разрешения и контроля;

6) потерпевшими становятся физические и юридические лица, понесшие имущественный ущерб и моральный вред, испытавшие подрыв деловой репутации;

7) мотив характеризуется корыстной направленностью (с явной или неявной корыстной мотивацией (скрытие падения деловой репутации, разглашение коммерческой тайны из мести и т. д.);

8) цель сводится к достижению преступного результата, дестабилизирующего экономические отношения в конкретных ситуациях [3, с. 144].

Способы совершения преступлений в финансово-кредитной сфере. Способ совершения преступления зависит от характера тех ценностей, которые подвергаются преступному воздействию в каждой конкретной ситуации. Способ определяется с учетом знаний о том, как осу-

ществляются финансовые операции, подверженные преступному посягательству, как с организационной, так и с технической точки зрения.

Основными способами совершения преступлений являются обман, разнообразные обманные действия или злоупотребление доверием. Например, средствами незаконного получения кредита или субсидии могут выступать подложные бухгалтерские документы (товарно-транспортные накладные, приходно-кассовые ордера, отчеты материально ответственных лиц, накопительные и оборотные ведомости), отчетность (квартальные и годовые бухгалтерские балансы с приложениями, статистическая отчетность), средства уклонения от погашения кредиторской задолженности – банковские документы (платежные требования, платежные поручения), бухгалтерские документы (акты списания материальных ценностей, счета-фактуры), кадровые документы (приказы, распоряжения) и др.

Кроме того, следует указать, что многообразие форм финансово-кредитных отношений предопределило наличие различных форм преступлений в данной сфере: хищение денежных средств вкладчиков, полученных под обещание выплаты высоких процентов (финансовые пирамиды); хищение денежных средств путем получения кредитов с использованием подложных документов субъекта хозяйствования; хищение денежных средств путем использования информационных технологий.

В этой связи следует указать, что программные средства широко используются субъектами финансовой деятельности, при этом рассматриваемые преступления осуществляются путем вмешательства в электронные базы и электронные документы посредством незаконного доступа к компьютерной информации, включая использование вредоносных программ. Одной из особенностей способов совершения финансовых преступлений является то, что они имеют масштабный характер, т. е. состоят из следующих этапов: подготовка к совершению преступления; непосредственное совершение преступления; скрытие факта совершения преступления и его следов.

Следует согласиться с мнением о том, что способ совершения преступлений является наиболее значимым информационно-поисковым элементом структуры криминалистической характеристики, поскольку действия преступника при приготовлении, совершении криминального деяния и сокрытии его последствий неизбежно приведут к возникновению типовых следов на типовых для данного вида преступлений объектах. Между признаками преступления и способами его совершения существует тесная связь: зная способы совершения преступления, можно выявить его признаки, а по признакам говорить о способе [4, с. 183].

Личность преступника. Соотношение женщин и мужчин среди преступников составляет приблизительно 1:7. Однако в некоторых категориях преступлений доля женщин выше. Например, среди тех, кто присваивает или растрчивает чужие деньги, или злоупотребляет своим служебным положением, около 40 % – женщины. Анализ возрастного состава преступников показывает, что чаще всего преступления совершаются в возрасте от 25 до 29 лет, затем идут возрастные группы 30–40 лет. Этот фактор имеет значение для формирования личности преступника, а также для криминалистического и психологического анализа, поскольку он отражает социальный статус, культурный уровень, сферу общения, жизненные цели и способы их достижения [5].

Исходя из вышеизложенного, целесообразно сформулировать следующий вывод, что оперативно-розыскная характеристика преступлений в кредитно-финансовой сфере представляет собой систематизированное описание особенностей преступлений, совершаемых в данной сфере, их субъектов, объектов, мотивов, условий, способов и средств совершения, а также возможных следов и доказательств. Кроме того, она служит основой для планирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию таких преступлений.

Преступления в финансово-кредитной сфере характеризуются высокой степенью латентности, сложностью установления личности преступника и его связей, использованием различных форм и методов обмана, подделки документов, злоупотребления служебным положением и других хитроумных приемов. Для эффективного противодействия таким преступлениям необходимо иметь специальные знания в области финансового права, банковского дела, бухгалтерского учета и аудита, налогового законодательства и других смежных дисциплин.

Не стоит также забывать, что оперативно-розыскная характеристика преступлений в финансово-кредитной сфере является важным инструментом для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь в условиях развития рыночных отношений и интеграции в мировую экономику.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Батыщева, Е.В. Уголовно-правовая характеристика финансовых преступлений : сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / Е.В. Батыщева. – Минск, 2018. – С. 185–187.

3. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. : Ч. 2 / М.П. Шруба [и др.] ; под общ. ред. М.П. Шруба ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 343 с.

4. Ларичев, В.Д. Методика построения криминалистической характеристики экономических преступлений / В.Д. Ларичев // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 179–187.

5. Халилова, Э.И. Психологический портрет преступника в банковской сфере [Электронный ресурс] / Э. Халилова // Психология, социология и педагогика. – 2016. – № 10. – Режим доступа: <https://psychology.snauka.ru/2016/10/7191>. – Дата доступа: 12.05.2023.

УДК 343.9

Н.Д. Вергей, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.И. Пикта*

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Одним из результатов аналитической обработки разнообразных информационных продуктов является получение разных типов правоохранительной информации. В связи с этим все чаще вместо термина «информационное обеспечение» используют термины «информационно-аналитическое обеспечение», «информационно-аналитическая работа», «информационно-аналитический поиск».

Информационно-аналитическая работа определяется специалистами как исследовательско-познавательная функция, которая выполняется специализированными подразделениями органов внутренних дел (ОВД) с применением информационных технологий, системы организационных мероприятий и методических приемов при изучении явлений, имеющих оперативный интерес.

Следует отметить, что решение задач поиска, отбора и систематизации информации предполагает использование интегрированной информационной системы, возможности которой позволяют существенно расширить информационную базу, необходимую для информационно-аналитического обеспечения, снизить затраты времени на поиск и отбор исходной информации, своевременно определять аспекты, по которым следует проводить анализ информации, а главное – в процессе аналити-

ческой обработки данных обеспечить выявление сущности и динамики пространственно-временных и причинно-следственных связей между исследуемыми фактами, явлениями, процессами [1, с. 23].

В процессе анализа исходные данные превращаются в новую информацию, которая помогает разрабатывать меры по борьбе с преступностью, принимать обоснованные решения на оперативном и управленческом уровнях, планировать действия, эффективно использовать ресурсы, координировать и сотрудничать. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности правоохранительных органов – это система, состоящая из двух связанных компонентов.

Первый – это информационное обеспечение, которое состоит в изучении информационного спроса потребителей, поддержании устойчивого состояния информационных связей, сборе, накоплении, обработке, хранении и выдаче информации потребителям в максимально короткие сроки.

Второй – аналитическое обеспечение, заключающееся в исследовании криминальных угроз, выявлении причин и условий, влияющих на формирование обстановки, прогнозировании ее развития, изучении проблемных ситуаций в сфере противодействия организованной преступности. Конечной целью реализации двух вышеуказанных составляющих информационно-аналитического обеспечения является создание условий для реализации задач уголовной политики государства [2, с. 45].

Информационное обеспечение управления состоит в том, чтобы из всей совокупности информации с учетом общих ее источников, периодичности поступления отобрать только те сведения, которые необходимы и достаточны для выполнения управленческих функций. Система информационного обеспечения ОВД – это совокупность информационных баз ОВД и технологических процессов их формирования и использования [3].

Информационное обеспечение системы осуществляется с помощью двух технологических процессов, связанных с движением информации по прямым и обратным каналам. Прямой канал предполагает централизованный сбор первичной информации от низовых подразделений ОВД, ее агрегацию и обобщение в различных информационных структурах. Оттуда часть информации передается в вышестоящие органы. Обратный канал включает управленческие решения, основанные на анализе и обобщении полученной информации.

Эти решения принимаются руководством подразделений (и могут выражаться в нормативных документах для достаточно общих ситуаций), либо конкретными сотрудниками (и инициировать непосредственную деятельность в конкретных оперативно-служебных ситуациях). Инфор-

мационное обеспечение управления можно представить в виде переходящих из одного в другой этапов деятельности соответствующих служб, сотрудников с целью оптимизации процесса управления [4, с. 67].

Информационное обеспечение управления включает в себя:

сбор, систематизацию и анализ материалов, поступающих из ОВД, органов исполнительной и законодательной власти, общественных объединений, других источников информации о происходящих на обслуживаемой территории социально-политических, экономических, демографических, межнациональных и других процессах, влияющих на криминальную обстановку;

комплексный анализ информации по вопросам борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности;

организация проведения социологических и криминологических исследований, прогнозирование тенденций и процессов в криминальной сфере;

подготовка для руководителя ОВД или для отправки в вышестоящие инстанции информационно-аналитических и справочных материалов, тезисов докладов и выступлений руководителя, данных о ключевых результатах работы ОВД, оценок оперативной обстановки на обслуживаемой территории, проблемных замечаний;

создание справочно-информационного фонда для нужд подразделений ОВД.

Информационную базу этой работы составляет, главным образом, статистическая информация о состоянии преступности и результатах оперативно-служебной деятельности. При осуществлении информационной работы следует обращать внимание на следующие достаточно важные моменты для принятия управленческого решения:

полнота учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях и своевременность принятия по ним решений; результаты работы по направлениям деятельности ОВД; внедрение технических средств в охрану различных объектов независимо от формы собственности;

эффективность расстановки и реальный вклад в укрепление общественного порядка, борьбу с уличными преступлениями, административными правонарушениями в городах и районах, конкретных населенных пунктах нарядов милиции общественной безопасности, муниципальной милиции;

состояние аварийности в городах, районах, на автотрассах республиканского, краевого, областного значения, состояние взаимодействия ГАИ с криминальной милицией по раскрытию краж и угонов автотран-

спорта, работа по автодорожным происшествиям, совершенным водителями, скрывшимися с места происшествия;

состояние пожарной безопасности (особенно на объектах агропромышленного комплекса, гостиницах, объектах с массовым пребыванием людей и др.);

положенная и фактическая штатная численность в целом по республике, области, территориальным горрайорганам, службам и подразделениям; некомплект; количество сотрудников, содержащихся за счет местного бюджета, средств предприятий, организаций; качественный состав кадров (по образованию, возрасту, стажу работы) [5, с. 65].

Это не полный список информационно-аналитических задач для управления, потому что они меняются в зависимости от многих факторов. Аналитическая работа включает в себя анализ причин и условий, которые способствовали определенному уровню преступности в республике, области, районе, городе и т. д., а также оценку эффективности деятельности ОВД. Содержанием информационно-аналитической работы в системе ОВД является изучение и анализ оперативной обстановки как совокупности условий, в которых функционируют ОВД [6].

Оперативная обстановка характеризуется следующими компонентами:

- 1) расположение территории в географическом пространстве;
- 2) уровень социально-экономического развития и специфика региона;
- 3) динамика общественно-политической активности жителей;
- 4) демографический состав и структура населения;
- 5) обстановка в сфере обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью;

6) количество и качество сил и средств ОВД, участвующих в охране общественного порядка и противодействии преступности;

7) эффективность оперативно-служебной деятельности ОВД.

Анализ оперативной обстановки может осуществляться по отдельным направлениям оперативно-служебной деятельности, ее компонентам и критериям в целях корректировки повседневной деятельности или решения других задач. Информационно-аналитическая работа ОВД Республики Беларусь состоит из следующих этапов [7, с. 45]:

информационный (поиск, отбор, получение, обобщение, обработка информации, первичный, статистический анализ информации);

аналитический (ознакомление с проблемой в целом, а также со смежными вопросами, изучение которых может оказаться полезным; установление и выяснение причин, обстоятельств, обусловивших конкретное состояние преступности и общественного порядка в республике, области, районе, городе, и результативность деятельности ОВД);

прогнозный (обоснование по результатам анализа возможных тенденций в оперативной обстановке с учетом ожидаемых изменений в социально-экономическом, демографическом развитии региона и т. д.); итоговый (формулирование выводов и предложений).

Оперативная обстановка в повседневной работе ОВД изучается двумя способами:

комплексный анализ (оценка оперативной обстановки в целом, учитывая все ее составляющие элементы);

частичный анализ (исследование какого-то конкретного аспекта, фактора, ситуации).

Особенность геополитического положения Республики Беларусь определяется рядом обстоятельств, среди которых можно выделить как внутренние, так и внешние, например:

1) географические условия: расположение Беларуси в центральной части Европы; граничное положение между Европейским союзом и восточными странами;

2) демографические характеристики: сравнительно низкая плотность населения; выраженная тенденция к старению населения; трудовая и постоянная миграция населения в соседние государства;

3) социальные показатели: низкий уровень социальных показателей (резкий контраст между показателями благосостояния населения, проблемы в области социальной защиты граждан);

4) соседние государства: острый контраст между странами с более высоким и более низким уровнем благосостояния;

5) транспортная и связная инфраструктура: плотная сеть железнодорожного и автомобильного транспорта; недостаточное развитие инфраструктуры при высоком уровне транзита;

6) религиозно-конфессиональная характеристика: однородная, в среднем по государству религиозно-конфессиональная ориентация [8, с. 353].

Республика Беларусь сталкивается с множеством сложных факторов, которые оказывают влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю ситуацию в стране. В связи с этим очень важно обеспечить информационно-аналитическую поддержку органов государственной власти и субъектов хозяйствования. Благодаря качественному и своевременному анализу можно оперативно вносить коррективы в управление государством в политической и других сферах общественной жизни. Страна развивается более устойчиво, что способствует урегулированию социальных и других проблем в обществе.

Система информации ОВД состоит из различных видов сведений, таких как:

1) нормативно-правовая информация;

2) информация, отражающая географические, политические, социально-экономические и демографические условия;

3) информация о правонарушениях, причинах и обстоятельствах их совершения, явлениях, нарушающих установленный общественный порядок, лицах, совершивших противоправные действия;

4) информация, характеризующая состояние и результаты деятельности системы ОВД, а также сотрудничество с другими органами и организациями.

Согласно закону к источникам информации о положении дел в области преступности и общественного порядка относятся оперативные отчеты о преступлениях и инцидентах, единая книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных нарушениях и сведениях об инцидентах, рапорты работников ОВД, сводки-указания ОВД о неразрешенных преступлениях, данные органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, санитарно-эпидемиологических служб, учреждений здравоохранения, средств массовой информации и др.

На основе этой информации определяются направления информационно-аналитической деятельности в ОВД:

исследование тенденций нарушений закона;

комплексный и текущий анализ оперативной ситуации;

частный анализ отдельных проблем состояния правопорядка и работы ОВД, включая раскрытие конкретного преступления.

Анализ положения дел в области преступности и общественного порядка проводится в каждом структурном подразделении ОВД по направлению деятельности в любой форме, удобной для исполнителя (справка, докладная записка, обзор и др.), с целью выявления отрицательных тенденций в динамике преступности, требующих оперативно-го реагирования.

По результатам суточного анализа состояния преступности и охраны общественного порядка управленческие решения принимаются начальниками ОВД и их подразделений в режиме повседневной деятельности. Информационно-аналитическая работа в ОВД не должна оставаться на том уровне, когда она лишь фиксирует уже совершившиеся необратимые явления [9, с. 410].

Прежде всего она призвана своевременно выявлять назревающие негативные тенденции в сфере правопорядка и отстающие участки, когда эти тенденции еще не получили опасного развития, а отставание не достигло провального состояния и возможны соответствующая коррекция

ранее разработанных оперативных и профилактических мероприятий, перераспределение имеющихся сил и средств, принятие иных упреждающих мер. В этой работе наряду со службами и подразделениями ОВД важную роль играют и подразделения МВД, ГУВД, УВД, в которых сосредоточена статистическая, оперативно-справочная, розыскная и криминалистическая информация.

Таким образом, суть информационного обеспечения управления заключается в том, чтобы из всего объема информации с учетом ее общих источников, частоты поступления выбрать только те данные, которые необходимы и достаточны для выполнения управленческих функций.

Список использованных источников

1. Информационное обеспечение служебной деятельности : учеб. пособие : учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 149 с.
2. Зобнин, А.В. Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие / А.В. Зобнин ; науч. ред. Д.И. Польшанский. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 176 с.
3. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Яковец, Е.Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография / Е.Н. Яковец. – М. : ИД Шумиловой И.И., 2005. – С. 66–69.
5. Практикум по юридической статистике : для адъюнктов и соискателей Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь / Н.М. Бобович ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 85 с.
6. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Задорожный, Ю.А. Проблемы информационно-аналитического обеспечения ОРД в современных условиях // Выявление, фиксация и использование доказательств в процессе досудебного следствия / Ю.А. Задорожный // Вестн. ЛАВД им. 10-летия независимости Украины : спец. вып. – Луганск. – 2005. – № 2. – С. 44–49.
8. Леонтьев, В.П. Новейшая энциклопедия: Компьютер и Интернет 2015 / В.П. Леонтьев. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 656 с.
9. Шаньгин, В.Ф. Информационная безопасность и защита информации / В.Ф. Шаньгин. – М. : ДМК, 2014. – 702 с.

УДК 343.985

А.А. Войницкий, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Паушта*

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА

Развитие технологий в сфере медиакоммуникаций позволили общаться людям друг с другом независимо от того, на каком расстоянии они находятся друг от друга, и сколько их хочет общаться одновременно. Результатом данного развития стало появление такого способа общения, как видеоконференцсвязь, которая нашла свое применение и при проведении допроса – одного из важнейших следственных действий по установлению истины в уголовном процессе.

Видеоконференцсвязь – технология передачи звука и изображения, с помощью которой два и более собеседника могут общаться в режиме реального времени из разных точек планеты [1]. Под видеоконференцсвязью понимают также услугу, предоставляемую операторами электросвязи и компьютерных сетей, обеспечивающую обмен аудио- и видеoinформацией в режиме реального времени между участниками территориально распределенной группы [2].

На современном этапе развития видеосвязь распространилась не только на бытовом уровне и среди предпринимателей, но и на правовую сферу жизнедеятельности человека. Так, Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) был дополнен ст. 224¹, которая наделяет правом применять видеоконференцсвязь при проведении отдельных следственных действий. Данная статья, помимо права на применение, подробно регламентирует общие правила и основания использования видеосвязи.

Применительно к уголовному процессу видеоконференцсвязь определяется как высокотехнологичная система, предназначенная для оперативной передачи по сетям электросвязи видео- и аудиоинформации с использованием средств вычислительной техники, получения полноэкранного изображения в реальном режиме времени и высококачественного звукового сопровождения для обеспечения дистанционного общения участников уголовного процесса [3].

Видеоконференцсвязь можно разделить на виды (режимы) в зависимости от количества субъектов связи: групповые и персональные.

Персональная видеоконференцсвязь – это режим видеоконференцсвязи, который заключается в том, что взаимодействуют только два субъек-

та. Групповая видеоконференцсвязь – это режим видеоконференцсвязи, который заключается в том, что взаимодействуют более двух субъектов.

Особенностями персональной видеоконференции является то, что оба участника одновременно видят и слышат друг друга, а также на равных могут пользоваться инструментами для совместной работы: текстовым мессенджером, передачей файлов, демонстрацией экрана и др. Такой режим обычно называют видеозвонком или видеочатом и, как правило, используют для личного или в неформальной обстановке общения.

Отличительная черта группового режима видеоконференцсвязи представляет собой разницу в возможностях пользования инструментами для совместной работы между различными субъектами связи, т. е. субъекты начинают подразделяться на «ведущих» и «ведомых». В связи с этим выделяют следующие виды групповой видеосвязи:

1. Симметричная видеоконференция. Особенность: рассчитана от трех до десятка собеседников, каждый из которых обладает одинаковыми возможностями взаимодействия;

2. Ролевая (селекторная) видеоконференция. Особенность: участники делятся на спикеров и зрителей или слушателей. Спикер назначается ведущим конференции и обладает возможностью сделать докладчиком кого-либо из участников и в любой момент удалить его с онлайн-«трибуны». Слушатели для общения используют чат конференции, в котором могут высказывать свои комментарии. Такой режим больше всего подойдет для планерок или совещаний;

3. Режим видеотрансляции. Особенность: один спикер выступает перед большой аудиторией, не видя и не слыша остальных участников. Общение слушателей друг с другом и с докладчиком возможно лишь в текстовом чате;

4. Вебинар – сходен с видеотрансляцией, однако имеет свои особенности: смотреть и слушать можно из браузера или мобильного приложения, подключившись по ссылке – присоединиться может любой, у кого она есть. Организатор может запустить трансляцию, чтобы расширить аудиторию. Вебинар можно записать и отправить тем, кто не смог присутствовать онлайн;

5. Видеоурок – специальный режим, при котором все пользователи (ученики) видят и слышат только выступающего (учителя), а он видит и слышит всех. Учащиеся могут общаться только в текстовом чате.

Применять видеосвязь разрешено не ко всем следственным действиям, а только определенным ст. 224¹ УПК: допрос, очная ставка и предъявление для опознания. В рамках нашего исследования мы рассмотрели только одну составляющую: очную ставку.

Однако прежде чем приступать к рассмотрению процессуального порядка применения видеоконференцсвязи, необходимо обозначить его техническое обеспечение. Законодатель в ч. 4 ст. 224¹ УПК указал лишь на то, что в ходе применения видеоконференцсвязи при производстве следственных действий должна обеспечиваться возможность реализации их участниками прав и исполнения обязанностей. При этом должно обеспечиваться надлежащее качество изображения и звука. Относительно возможности безопасного использования видеоконференцсвязи при проведении следственных действий существуют различные точки зрения. Так, по мнению Н.А. Суховенко, недопустимо передавать видео- и аудиоинформацию по открытым сетям Интернета, так как присутствует вероятность нарушения конфиденциальности и достоверности передаваемой информации. При этом решение она видит такое: использовать отдельный канал оптоволоконной связи, который обеспечит не только конфиденциальность, но и безаварийность. Стоит отметить, что автор такого подхода сам отмечает высокую стоимость как оборудования, так и тарифов РУП «Белтелеком», необходимых для организации видеоконференции в такой форме [4]. В свою очередь, П.В. Гридюшко считает вполне приемлемым использование в уголовном процессе свободно распространяемых программных средств, таких, например, как Skype [5]. В этом случае говорить об увеличении финансовых расходов на организацию видеоконференций не приходится. Относительно защиты конфиденциальности здесь стоит отметить, что Skype использует AES (Расширенный стандарт шифрования), также известный как Rijndael, который используется, в том числе, правительством США для защиты секретной информации, а также ряд других механизмов [6].

Полагаем, что более предпочтительной является точка зрения П.В. Гридюшко, однако следует отметить, что на современном этапе развития науки и техники появились новые продукты, позволяющие использовать видеосвязь, которые по своим характеристикам значительно лучше старых платформ, таких как Skype и его аналогов: помимо более высоких характеристик новые программы обладают лучшей защищенностью.

Процессуальный порядок применения видеосвязи при проведении допроса регламентируется ст. 224¹ УПК, согласно которой видеосвязь применяется в случаях [7]:

1) невозможности прибытия участников процесса для проведения следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;

2) необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц в соответствии с гл. 8 настоящего Кодекса;

- 3) если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними;
- 4) необходимости обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Необходимо обратить внимание, что законодатель дает разрешение на применение видеосвязи только по отношению к потерпевшему или свидетелю, тем самым запрещается допрос подозреваемого или обвиняемого, что является минусом, так как видеоконференцсвязь может расширить возможности следователя: поможет ему «создать» обстановку, необходимую для решения поставленных задач.

Допрос – это следственное или судебное действие, заключающееся в получении органом, ведущим уголовный процесс, от допрашиваемого показаний обстоятельств дела, ставших ему известными [8].

Допрос состоит из следующих этапов:

- подготовительный;
- рабочий;
- заключительный.

Подготовка к допросу включает в себя:

- определение цели и предмета допроса;
- изучение личности допрашиваемого;
- определение круга участников допроса;
- тактическое обеспечение допроса;
- выбор места и времени, определение способа вызова на допрос;
- техническое обеспечение допроса;
- составление плана допроса.

Подготовительный этап имеет важное значение для успешного проведения допроса, так как все его элементы, от собирания исходных данных до технического обеспечения, устанавливаются, в каком направлении и в какой обстановке будет проходить следственное действие. На данном этапе следователь принимает решение о применении видеосвязи, какой режим видеосвязи применить, а также создает необходимую обстановку для допрашиваемого. В случае с видеосвязью допрашиваемый не находится в одном помещении со следователем, а у себя дома, в спокойной обстановке, т. е. допрашиваемый перестает нервничать, он чувствует себя лучше – данный факт может положительно влиять на содержание допроса.

После завершения подготовительного этапа начинается рабочий этап. Следователь уже знает, в каком направлении он будет проходить, создана необходимая обстановка, что благоприятно влияет на допрашиваемое лицо.

С самого начала следственного действия следователю оказывает содействие должностное лицо, которое обеспечивает контроль за свиде-

телем или потерпевшим, за тем, чтобы они были осведомлены о своих правах и обязанностях, а также ответственностью за показания, обеспеченность оборудованием, созданием условия для «обезличивания» лица, участвующего в процессе. К таким условиям мы рекомендуем использовать современные программные обеспечения по «замене» лиц, так называемые дипфейки, они обладают возможностью скрыть личность свидетеля без использования каких-либо материальных предметов, таких как головные уборы или маски, применение которых может являться не совсем корректным и гигиеничным.

На заключительном этапе происходит фиксация допроса в протоколе. Звуко- и видеозапись полностью воспроизводится допрашиваемому, если он об этом ходатайствует. Допускается воспроизведение звуко- и видеозаписи части допроса, на которую указывает допрашиваемый. После чего у него выясняется, имеет ли он дополнения или уточнения к сказанному им, удостоверяет ли правильность записи. Дополнения показаний к звуко- и видеозаписи, сделанные допрашиваемым, также заносятся на фонограмму и видеогамму. Звуко- и видеозапись заканчивается заявлением допрашиваемого, удостоверяющим ее правильность. По ходатайству допрашиваемого на данном этапе также есть возможность применить программное обозначение для «обезличивания».

Таким образом, законодатель расширил возможности использования научно-технических средств при проведении допроса, очной ставки и предъявления для опознания, дополнив УПК ст. 224¹, которая регулирует и подробно описывает общие правила и основания проведения видеоконференцсвязи.

Видеоконференцсвязь – высокотехнологичная система, предназначенная для оперативной передачи по сетям электросвязи видео- и аудиоинформации с использованием средств вычислительной техники, получения полноэкранного изображения в реальном режиме времени и высококачественного звукового сопровождения для обеспечения дистанционного общения участников уголовного процесса.

Важным этапом допроса является подготовительный этап, так как с помощью видеосвязи есть возможность создать определенную обстановку, которая будет благоприятно влиять на допрашиваемого.

На рабочем этапе с помощью видеоконференцсвязи решаются определенные задачи. Во-первых, это проведение следственного действия с лицом, которое не может присутствовать лично, во-вторых, создание специфической атмосферы, способствующей получению максимально объема информации, имеющей значение для расследования преступления.

Список использованных источников

1. Контур.Толк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kontur.ru/talk/spravka/37661-vks#header_37661_7. – Дата доступа: 29.05.2023.
2. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/21052. – Дата доступа: 29.05.2023.
3. Информационный бюллетень Следственного комитета Республики Беларусь, № 1 (15), 2021 / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. – Минск : Беларусь, 2021. – 323 с.
4. Суховенко, Н.А. Видеоконференцсвязь в уголовном процессе: технические и финансовые аспекты / Н.А. Суховенко // Современные проблемы организации расследования преступлений : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 июня 2016 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: И.Г. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2016. – С. 154–158.
5. Гридюшко, П.В. Использование видеоконференцсвязи при расследовании уголовных дел / П.В. Гридюшко // Проблемы теории и практики предварительного расследования и использования специальных знаний в деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 нояб. 2012 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол. И.Г. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 8–10.
6. Шкаплеров, Ю.П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь / Ю.П. Шкаплеров // Предварительное расследование. – 2017. – № 2. – С. 49–54.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 21 сент. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2022. – 536 с.
8. Криминалистическая тактика : учеб. пособие / Г.Б. Дергай [и др.] ; под общ. ред. В.М. Логвина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2021. – 323 с.

УДК 343.985.8

И.А. Вульвач, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.О. Мартынов*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ

Насилие – это социально-негативный феномен, который на протяжении тысячелетий сопровождал человечество, закрепляя и усиливая доминирующее положение одних индивидов над другими. С развити-

ем общества в нем появляются правила поведения, значительно ограничивающие внутригрупповую агрессию и насильственные проявления. Тем не менее насилие является довольно распространенной формой девиантного поведения, о чем свидетельствуют статистические сведения о совершении в Республике Беларусь уголовно наказуемых деяний.

В широком смысле к насильственной преступности относятся отдельные общественно опасные деяния против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и порядка управления и т. п. Отдельную группу составляют корыстно-насильственные преступления, в том числе грабежи и разбои.

Так, под грабежом понимается открытое хищение имущества (ст. 206 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)), а под разбоем – применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом (ст. 207 УК). Составы грабежа и разбоя с криминалистической точки зрения имеют много общего, что позволяет давать им обобщенную характеристику. Их объединяет открытый способ похищения имущества, применение насилия или угрозы насилием (разной степени опасности для грабежа и разбоя), а также ряд другихотягающих ответственность обстоятельств (с проникновением в жилище, совершенное повторно, группой лиц, в особо крупном размере и др.). Общественная опасность указанных противоправных деяний состоит в том, что часто к потерпевшим применяется физическая сила, а также психическое воздействие, например, запугивание, что, в свою очередь, влечет за собой ухудшение состояния потерпевших.

Как свидетельствует статистика, значительная часть разбойных нападений совершается в общественных местах, например, во дворах домов, на улицах, на объектах торговли, в иных местах. Места совершения грабежей сходны, и могут быть представлены следующими объектами: магазин (торговый центр, киоск, объект общественного питания), улица (участок дороги, лес, парк, сквер), жилище (частный дом, квартира, комната, общежитие), двор, подъезд дома, служебное помещение (офисное помещение учреждения, организации, предприятия), автозаправочная станция, вокзал (автостанция, железнодорожный вокзал, аэропорт), транспорт (личный, общественный) и др.

Изучение практики оперативных подразделений органов внутренних дел показывает, что предметом преступного посягательства при грабежах в довольно часто становятся алкогольная продукция, денежные средства, в том числе валюта, продовольственные товары, гадже-

ты (смартфоны, планшеты, умные часы), ручная кладь (сумка, барсетка, кошелек), одежда, ювелирные изделия, аудио-, видеоаппаратура, иные предметы, находившиеся при потерпевшем. Несколько отличается предмет преступного посягательства при разбойных нападениях: валюта, алкоголь, ручная кладь, телефон, ювелирные изделия, продовольственные товары, автомобиль, банковские платежные карточки, иные предметы.

Одним из основных криминогенных факторов совершения корыстно-насильственных преступлений является употребление спиртных напитков. Как показывает статистика, более половины всех грабежей и разбоев в Республике Беларусь совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, для находящегося в состоянии алкогольного опьянения человека вероятность стать жертвой преступления увеличивается. Влияние алкоголя на организм помимо повышенной уязвимости создает ряд иных трудностей: потерпевшие не в состоянии указать место совершения преступления, не запоминают приметы преступников, что существенно затрудняет раскрытие преступлений по горячим следам.

Как показывает анализ статистических сведений, большая часть всех грабежей и разбоев совершается лицами, имеющими судимость, в связи с этим важное значение имеет организация работы сотрудников органов внутренних дел по работе с ранее судимыми лицами, а также с лицами, состоящими на профилактических учетах.

Практически все преступления, предусмотренные ст. 206 и 207 УК, совершаются лицами мужского пола. Детерминирующими факторами совершения рассматриваемых преступлений среди мужчин нередко становятся особенности их времяпрепровождения (досуга) в случайных компаниях, употребление спиртных напитков. Мотивами таких преступных деяний выступают: месть, зависть, корысть, хулиганские побуждения, желание самоутвердиться, сокрытие другого преступления и пр. В научной литературе отмечается, что рассматриваемые преступления совершают лица мужского пола в возрасте от 18 до 40 лет. При этом наибольшую активность проявляют лица от 18 до 30 лет [1, с. 120]. Анализ указанных сведений свидетельствует, что в настоящее время наблюдается тенденция к «омоложению» личности преступника, совершающего грабежи и разбои.

Нередко у лиц, совершающих рассматриваемые насильственные преступления, обнаруживаются пограничные психические состояния. Психические аномалии не могут не сказываться на душевном и физическом здоровье правонарушителей. В большинстве случаев такие отклонения не исключают вменяемость индивида. В связи с этим ранняя

диагностика и оказание медицинской, психологической, реабилитационной помощи лицам с психическими отклонениями благоприятно скажутся на профилактике грабежей и разбоев. Как отмечают некоторые авторы, предупреждение насильственных преступлений складывается: а) из профилактических; б) оперативно-розыскных; в) психокоррекционных; г) медицинских; д) педагогических мероприятий. Такие меры должны не только дополнять друг друга, но и опираться на криминалистические, психиатрические, сексопатологические, криминологические базы данных [2, с. 157].

При совершении грабежей и разбоев имеют место как способы преступлений, охватывающие подготовку, непосредственное совершение и сокрытие преступлений, так и совершаемые без подготовительных действий (предполагают совершение и сокрытие преступлений).

Большая часть преступлений данного вида совершается без подготовки, в результате ситуативно возникшего умысла. Как правило, у субъекта неожиданно появляется возможность легкого завладения имуществом потерпевшего, обычно виктимного поведения (совместное распитие спиртного у ларьков, на остановочных комплексах, в парковой зоне, нахождение в таких местах в состоянии сильного алкогольного опьянения и т. п.), или возникает срочная потребность в деньгах на приобретение наркотиков, спиртных напитков и др.

Как отмечает С.В. Ховавко, подготовка к совершению грабежа или разбоя может включать в себя следующие действия: планирование преступления, подбор соучастников (соисполнителей, пособников); приобретение или изготовление орудий и средств совершения преступления; выбор жертвы посягательства и организацию наблюдения за ней. Способ совершения грабежа или разбоя, по нашему мнению, должен учитывать следующие показатели: место и обстановку совершения преступления; быстроту и согласованность преступных действий соисполнителей и других соучастников; характер применяемого в отношении жертвы преступления физического или психического насилия; навыки обращения с огнестрельным или холодным оружием; особенности речи и манеры общения соисполнителей между собой в момент совершения преступления (акцент, жаргон, система условных знаков, имена, прозвища). Типичное поведение лица после совершенного грабежа или разбоя включает в себя действия, направленные не только на сокрытие преступления, но и реализацию похищенных ценностей [3, с. 63–64].

Выбор способа совершения грабежей или разбоев обусловлен характером имущества, на завладение которым направлен преступный умысел; местом и обстановкой, в которых совершаются хищения; возмож-

ностью приобрести, изготовить оружие или предметы, используемые в качестве него. Способ носит черты, отражающие личность преступника: его культурный, профессиональный, физический, возрастной уровень. Время и место совершения преступления подбираются преступниками такие, которые позволяют быстро, бесшумно, без свидетелей напасть на жертву, под угрозой насилия или с его применением завладеть ее имуществом и по возможности быстро скрыться незамеченными. Уличные разбои и грабежи совершаются преимущественно в вечерний или ночной период суток, квартирные – чаще днем.

В качестве орудия совершения преступления довольно часто выступает приобретенное или изготовленное самостоятельное огнестрельное или холодное оружие, предметы, используемые в качестве оружия и предназначенные для временного поражения цели, а также средства совершения преступления (маски, транспорт, средства связи и ограничения подвижности, различные инструменты).

Важное значение при раскрытии грабежей и разбоев имеет следовая картина совершения преступления, включающая в себя как следы материального отображения, так и идеального. К материальным следам при данных обстоятельствах следует относить следы рук, ног, следы применения оружия (холодного, огнестрельного), одежду потерпевшего, микрообъекты, следы посягательства, оставшиеся на теле потерпевшего, следы выделений человеческого тела и др. Идеальными следами могут выступать показания потерпевшего, очевидцев совершения преступления, близких родственников, знакомых потерпевшего, лиц, проживающих (находящихся) по соседству с местом, где было совершено преступление, и т. п. С целью фиксации указанных следов проводятся как следственные действия, так и оперативно-розыскные мероприятия.

Практика деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел показывает, что при совершении грабежей и разбоев на первоначальном этапе наиболее часто возникают следующие оперативно-розыскные ситуации:

- 1) лицо, подозреваемое в совершении преступления, задержано на месте преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) лицо, подозреваемое в совершении преступления, не задержано, но в распоряжении оперативного сотрудника имеется информация, позволяющая организовать его розыск и задержание;
- 3) сведений о лице, совершившем преступление, в распоряжении оперативного сотрудника нет [4, с. 100–101].

В зависимости от сложившейся оперативно-розыскной ситуации выдвигаются следующие оперативно-розыскные версии:

преступление в действительности совершено при обстоятельствах, сообщенных потерпевшим;

совершение преступления имело место, однако обстоятельства искажены заявителем;

имело место другое преступление (хулиганство и др.);

грабеж (разбой) не совершался, а имеет место инсценировка нападения.

Помимо этого оперативно-розыскные версии могут выдвигаться и относительно личности преступника. К таковым версиям относятся:

преступление совершено известным конкретным лицом;

преступление совершено непосредственно сбытчиком похищенного или кем-либо из числа его связей;

преступление совершено лицом, ранее судимым за аналогичные деяния или некоторые другие преступления;

преступление совершено лицами, ранее не судимыми, но неоднократно совершавшими еще не раскрытые грабежи и разбои аналогичным способом;

преступление совершено лицами, длительное время не работающими, злоупотребляющими спиртными напитками;

преступление совершено «гастролерами»;

преступление совершено «по наводке» [5, с. 295–298].

Каждая из выделенных типичных оперативно-розыскных ситуаций имеет собственные характерные особенности, заключающиеся в организационных и тактических аспектах проведения конкретных оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на раскрытие указанных преступлений. Однако ввиду того что сведения о данных особенностях составляют информацию, имеющую ограничительный гриф, в настоящей публикации рассмотреть их более подробно не представляется возможным.

Существенное значение в деятельности органов внутренних дел по работе с лицами, совершающими грабежи и разбои, имеет оперативно-розыскная профилактика. Значительным предупредительным потенциалом обладают оперативно-профилактические мероприятия, направленные на недопущение замысливаемых и подготавливаемых насильственных преступлений. Основная роль в такой деятельности отводится оперативным подразделениям органов внутренних дел (в особенности уголовному розыску). Оперативно-розыскная профилактика предполагает сбор информации о лицах с повышенной криминальной активностью (ранее судимых, рецидивистах, членах преступных групп и др.). Для предотвращения преступлений используются различные методы:

профилактические беседы, постановка лиц на профилактические учеты с последующим контролем, разобщение и переориентация антиобщественных групп, сочетание упреждающих и коррекционных форм воздействия, проведение оперативных комбинаций, социальная адаптация и ресоциализация правонарушителей и т. п. [6, с. 146].

На предупреждение насильственных преступлений значительное влияние оказывает активизация правоохранительных органов по противодействию организованной, рецидивной, подростково-молодежной преступности, незаконному обороту наркотиков, оружия, взрывных устройств и боеприпасов. Использование последних достижений криминалистической техники, грамотно спланированные оперативно-розыскные и следственные мероприятия позволяют своевременно изобличать виновных в совершении преступлений, тем самым обеспечивая неотвратимость наказания и возмещение причиненного ущерба.

Таким образом, можно заключить, что изучение отдельных аспектов раскрытия грабежей и разбоев имеет важное значение для практической деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел Республики Беларусь, ввиду общественной опасности указанных противоправных деяний. В свою очередь, знание основных организационно-тактических аспектов раскрытия грабежей и разбоев является залогом успешной и эффективной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию данным видам преступлений.

Список использованных источников

1. Галушко, В.А. Оперативно-розыскная характеристика грабежей и разбойных нападений на объекты кредитно-финансовой системы / В.А. Галушко, А.С. Малахов // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2018. – № 1. – С. 118–122.
2. Криминология : учеб. для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2017. – 368 с.
3. Ховавко, С.М. Оперативно-розыскная характеристика грабежей и разбоев, совершаемых в курортных регионах / С.М. Ховавко // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2018. – № 4. – С. 62–66.
4. Дедковский, А.А. Оперативно-розыскные ситуации раскрытия уличных грабежей / А.А. Дедковский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 98–101.
5. Криминалистика : конспект лекций / Т.Ф. Дмитриева. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – 334 с.
6. Криминология: Особенная часть : учебник / под ред. Ф.К. Зиннурова. – Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 358 с.

УДК 343.985

Ю.Н. Гаркуша, выпускница магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Паушута*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Процесс расследования преступлений, связанных с незаконным изъятием горючих и смазочных материалов (ГСМ), требует получения, анализа и оценки доказательственной базы, включая вещественные доказательства, к которым относятся различные объекты, несущие на себе признаки преступного деяния, либо те, которые использовались для его осуществления. Доказательством по уголовному делу являются имеющие отношение к делу данные (информация), зафиксированные в показаниях опрошенных лиц, заключениях экспертов, выявленные при осуществлении следственных процедур и при изучении предметов и документов [1, с. 133–134].

Применение специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным изъятием ГСМ, начинается уже на первоначальном этапе расследования. Обычно потребность в них появляется при осуществлении осмотра места события, т. е. на территории, в границах которой зафиксированы следы совершенного преступного деяния [2, с. 236]. При этом необходимо учитывать, что существуют процессуальная и непроцессуальная форма специальных знаний. К процессуальной форме относятся:

- применение специальных знаний самим следователем (лицом, осуществляющим дознание);
- участие специалиста в осуществлении следственных процедур;
- назначение и проведение судебных экспертиз.

К непроцессуальным формам применения специальных знаний относится консультативно-справочная деятельность компетентных лиц, оказание технической помощи оперуполномоченному по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП), предварительное исследование материальных объектов. Основная задача непроцессуальной формы специальных знаний заключается в том, чтобы сотрудник БЭП получил от экспертов важную для расследования криминалистическую информацию, которая поможет ему правильно определить порядок, время и место проведения следственного действия, выбрать участников и технические

средства, учитывать тактические приемы и ориентироваться в сложившейся ситуации [3, с. 136]. К числу таких экспертов по делам о хищениях ГСМ можно отнести представителей предприятия, где было совершено хищение, – мастера участка, технолога, инженера по технике безопасности, специалиста службы безопасности. Эксперт оказывает сотруднику БЭП содействие при осмотре места происшествия, надежно определяя наименование технологических конструкций, включая элементы незаконных конструкций, устанавливая место происшествия, обнаруживая возможные следы скрытия и маскировки на месте происшествия, давая разъяснения по поводу найденных следов и т. д. Важно также то, что такой эксперт может обратить внимание на следы преступления, которые могут быть пропущены сотрудниками БЭП из-за недостатка знаний. Без такого эксперта следователь самостоятельно не сможет должным образом зафиксировать обстановку на месте происшествия и отразить объективную картину случившегося, что впоследствии может привести к искажению информационной модели преступления или противоречиям в ходе предварительного расследования и, соответственно, затруднениям при привлечении лица (лиц) к уголовной ответственности. В связи с этим при проведении осмотра места происшествия по данной категории уголовных дел необходимо привлекать специалистов, имеющих специальные знания в этой области, которые окажут значительную помощь на начальном этапе расследования. После того как будет выяснена полная картина случившегося с учетом пояснений эксперта, относящегося к непроцессуальной форме специальных знаний, сотрудник БЭП фиксирует обстановку и выявляет следы вместе с экспертом (специалистом), имеющим полномочия проводить следственные действия.

В процессе расследования преступлений, связанных с незаконным изъятием ГСМ во время их хранения и перевозки, следователю часто приходится сталкиваться с трудностями, связанными с проведением первичных исследований. Прежде всего для определения рода, сорта и количества похищенных нефтепродуктов, а также для корректного составления обвинительного заключения необходимы специальные исследования. Кроме того, своевременное назначение экспертиз на начальном этапе расследования краж нефтепродуктов имеет важное значение для выработки и проверки версий, осуществления следственных действий (допросы, очные ставки и обыски) и формулирования обвинения. Основными проблемами, возникающими при назначении экспертиз по делам о незаконном изъятии ГСМ, являются отсутствие возможности качественного изъятия и обеспечения должного хранения образцов ГСМ (только 35 % следователей считают себя способными подготовить образцы нефтепродуктов для направления на экспертизу в соответствии

с проведенными исследованиями), а также неправильная постановка вопросов перед экспертом, приводящая к неполноте выводов, а значит, к необходимости дополнительного уточнения и лишнему продлению сроков исследования.

В связи с этим сотруднику БЭП, который рассматривает материал проверки о незаконном изъятии ГСМ, необходимо знать вопросы, которые задаются эксперту. Эти вопросы определяются в зависимости от потребности получения информации, имеющей значение для решения актуальных вопросов расследования каждого конкретного уголовного дела. При формулировании вопросов сотрудник БЭП может воспользоваться консультацией специалиста или изучить специальную литературу (рекомендации, справочники и т. д.).

Так, для определения стоимости похищенного необходимо знать его объем, марку и тип ГСМ. Кроме того, сотруднику БЭП часто требуется установление и идентификация определенных количеств и типов нефтепродуктов. Наиболее целесообразным является использование возможностей химических лабораторий, так как они располагают специальным оборудованием, и исследование может быть выполнено в кратчайшие сроки.

Назначение экспертизы по материалам проверок о незаконном изъятии ГСМ имеет свои особенности. Прежде всего сотруднику БЭП необходимо получить данные о наименовании ГСМ, предназначенных для экспертного исследования. Это становится возможным еще в ходе осмотра места происшествия, особенно если ГСМ были незаконно изъяты вместе с емкостью или похитители были задержаны при совершении кражи из стандартной емкости (резервуара, цистерны и т. д.). Для этого необходимо исследовать маркировку, которая наклеивается, например, на транспортную и потребительскую тару. В частности, на потребительскую тару наклеивают бумажную этикетку или делают надпись, которая содержит: наименование ГСМ, его марку; обозначение стандарта; товарный знак предприятия-изготовителя; массу нетто или объем; дату, месяц и год изготовления нефтепродукта; номер партии; а также надписи «Огнеопасно» для легковоспламеняющихся нефтепродуктов.

В процессе различных проверочных действий сотрудник БЭП часто сталкивается с необходимостью изъятия разнообразных контейнеров с ГСМ (фляги, бидоны, канистры и т. п.), не имеющих какой-либо идентификации. Определение вида ГСМ и их количества в такой ситуации – основные проблемы, которые возникают у сотрудника БЭП при назначении экспертизы.

При подготовке к экспертизе ГСМ, результаты которой определяются качеством и количеством подготовленных для исследования мате-

риалов, необходимо обязательно привлекать специалиста (квалифицированный работник нефтебазы или АЗС). Специалисту нужно уделить внимание содержанию обнаруженных контейнеров, предпринять шаги к выявлению предметов, способных оставлять следы ГСМ на других объектах при их контакте; установление предметов, которые могут быть носителями следов ГСМ; обнаружение в контейнерах с ГСМ следов их смешения, а также примесей чужеродных веществ и выяснение их возможного происхождения. Важно при проведении проверочных действий получить информацию об условиях возникновения, хранения и использования ГСМ, выяснить обстоятельства и механизм попадания их на различные предметы. Нужно сообщить эксперту, каким образом, посредством каких технических средств изъят объект, подлежащий исследованию, в течение какого времени и в каких условиях он хранился с момента изъятия до момента направления на экспертизу (место хранения, температура воздуха, освещенность).

Отбор жидких ГСМ (бензин, дизтопливо, керосин и т. д.) из конкретных контейнеров, если они не могут быть непосредственно доставлены на экспертизу из-за больших размеров, следует осуществлять в сухую герметичную стеклянную емкость. В период назначения экспертизы их хранят в холодильнике или другом прохладном и обязательно темном месте. Это обусловлено возможностью изменения химического и физического состояния ГСМ. При обнаружении небольшой по размеру емкости перед направлением ее на экспертизу проверяется ее герметичность, так как большинство ГСМ способны быстро изменять свои свойства (процесс окисления, испарение и т. д.). Для исследования ГСМ, находящихся на предметах-носителях, также следует соблюдать требования упаковки и герметичности с учетом процессуального оформления изъятых образцов.

Основные виды экспертиз, назначаемых по делам о кражах нефти и нефтепродуктов: криминалистическая экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; судебно-химическая; трасологическая (следов орудий и инструментов); почерковедческая; техническая экспертиза документов; дактилоскопическая; экономическая; товароведческая.

Криминалистическая экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов. Предметом данной экспертизы являются устанавливаемые фактические данные, свидетельствующие о связи с расследуемым событием происшествия конкретных объектов нефтехимической природы. Объектом исследования являются легковоспламеняющиеся и горючие нефтепродукты; смазочные материалы; твердые нефтепродукты.

Непосредственными объектами экспертного исследования нефтепродуктов и ГСМ могут являться:

определенные объемы нефти, нефтепродуктов ГСМ в конкретных контейнерах (бутылях, канистрах и др.);

следы (наслоения, внедрения) нефтепродуктов и ГСМ на различных предметах-носителях (грунт, одежда, инструменты и др.).

Цели, достигаемые в процессе экспертизы:

выявление наличия на поверхности или внутри предметов-носителей следов горючих жидкостей, в том числе нефтепродуктов и ГСМ; определение их вида и марки;

осуществление сравнительных анализов легковоспламеняющихся и горючих жидкостей (включая нефтепродукты) методом газожидкостной хроматографии (сопоставление качественного и количественного состава), обнаружение индивидуализирующих характеристик; установление общей родовой (групповой) принадлежности объектов (присвоение к одному сырьевому источнику, к одной партии выпуска) и принадлежности единой массе;

определение основного химического состава товарных нефтепродуктов (растворителей, моторных топлив, масел, смазочных материалов);

определение вида и марки товарных моторных топлив (бензины, керосины, дизельные топлива);

определение соответствия товарных автомобильных бензинов требованиям ГОСТов, ТУ газохроматографическим (расчетным) методом по СТБ-1276-2001 (содержание индивидуальных углеводородов и углеводородных групп (ПИАНО), октановое число бензина (по моторному и исследовательскому методу), давление насыщенных паров, фракционный состав, температура вспышки);

выявление, идентификация и количественное определение присадок, добавляемых в состав бензинов для придания им определенных свойств (повышение октанового числа, улучшение антиокислительных и противоизносных свойств);

определение соответствия дизельных топлив требованиям ГОСТ, ТУ газохроматографическим (расчетным) методом (содержание n-парафинов, цетановое число, фракционный состав, температура вспышки);

исследование дизельных топлив, содержащих в своем составе биотопливо (метиловые эфиры жирных кислот);

проведение исследования товарных нефтепродуктов по показателям: фракционный состав, температура вспышки, предельная температура фильтруемости по соответствующим ГОСТу методам испытаний;

определение количественного содержания общей серы в нефтепродуктах;

выявление, идентификация и количественное определение примесей, не характерных для состава товарных нефтепродуктов;

выявление в составе нефтепродуктов красителей, используемых для окрашивания (маркировки) моторных топлив, применяемых на сельскохозяйственной и коммунальной технике;

установление природы автомобильных масел, проведение сравнительных анализов.

Сохранность состава нефтепродуктов может быть обеспечена только герметичной упаковкой (такой как, например, стеклянная банка с герметично навинчивающейся металлической крышкой, композиционные фольгированные пакеты с гермитизирующим пластиковым зажимом, предназначенные для упаковки объектов со следами легковоспламеняющихся и горючих жидкостей). Обычные полимерные пакеты (полиэтиленовые, полипропиленовые), свертки из пищевой фольги, широко используемые в быту, частично проницаемы для легковоспламеняющихся и горючих жидкостей (проницаемость увеличивается с уменьшением толщины пленки) и не обеспечивают качественной сохранности их состава. Бумажные конверты/свертки, картонные коробки категорически неприемлемы для упаковки объектов с возможными следами легковоспламеняющихся и горючих жидкостей.

При проведении смывов с рук подозреваемых в качестве растворителей необходимо использовать легкокипящие неполярные вещества, такие как пентан, гексан и его изомеры. Допустимо использовать такие растворители, как хлористый метилен (дихлорметан), диэтиловый эфир, хлороформ (трихлорметан). В обязательном порядке вместе с изъятими образцами на исследование необходимо предоставлять контрольный образец (тампон, изготовленный из того же материала, смоченный использованным растворителем). Все направляемые образцы должны быть по отдельности герметично упакованы. Нельзя применять воду (даже дистиллированную), спирты (этиловый, метиловый, изопропиловый и т. д.) или другие растворители для снятия смывов, потому что нефтепродукты в них не растворяются.

Экономическая экспертиза представляет собой анализ финансово-экономической деятельности субъекта, включающий финансовые, хозяйственные и расчетные операции и показатели, а также процесс их формирования и отражения в учете. При этом необходимо учитывать, что каждое отдельное исследование направлено на выявление или установление конкретных фактов (операций), которые требуют экономической оценки в ходе расследования или судебного разбирательства. Объектом являются документы, в которых фиксируется производственно-экономическая и финансово-хозяйственная деятельность субъектов предпринимательской деятельности.

В ходе товароведческой экспертизы проводится исследование непродовольственных товаров народного потребления с целью определения групповой принадлежности.

В том или ином случае задачи экспертизы (криминалистической экспертизы нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов и судебно-химической) конкретизируются сотрудником БЭП, исходя из специфики расследуемого события. К основным задачам следует отнести:

выявление не ощутимых органами чувств следов ГСМ;

определение природы вещества неизвестного происхождения с целью его классификации как продукта переработки нефти, смазочного материала;

установление вида, сорта, марки представленных на исследование образцов ГСМ в соответствии с действующими научными, техническими и торговыми классификациями и др.

Таким образом, очень важно использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с хищениями ГСМ. Необходимо помнить о том, что, кроме привлекаемых к процессу расследования уголовных дел экспертов и специалистов, сотруднику БЭП самому нужно владеть определенными знаниями в области нефтяной промышленности, инженерии, слесарном деле, уметь оперировать понятийным аппаратом для полного и всестороннего понимания картины происшедшего, применять в ходе повседневной деятельности полученный опыт, в том числе использовать его (опыт) с целью проведения тактических приемов при расследовании уголовных дел, что позволит проводить эффективное расследование, собирать доказательства и уметь верно, с точки зрения тактики, их использовать.

Можно сделать следующие выводы:

1. Существуют процессуальная и непроцессуальная форма использования специальных знаний. К процессуальной форме относятся: использование специальных знаний самим следователем (лицом, производящим дознание), участие специалиста в проведении следственных действий, назначение и проведение судебных экспертиз. К непроцессуальным формам использования специальных знаний относится консультативно-справочная деятельность сведущих лиц, оказание технической помощи сотруднику БЭП, предварительное исследование материальных объектов.

2. Основные виды экспертиз, назначаемых по делам о кражах нефти и нефтепродуктов: криминалистическая экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; судебно-химическая; трасологическая (следов орудий и инструментов); почерковедческая; техническая экспертиза документов; дактилоскопическая; экономическая; товароведческая.

Список использованных источников

1. Егорова, Е.В. Доказательства и доказывание в судебной практике по уголовным делам : практ. пособие / Е.В. Егорова, Д.А. Бурыка. – Изд. 3-е. – М. : Юрайт, 2019. – 315 с.
2. Артамонов, Г.В. Организационно-правовые основы взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Г.В. Артамонов ; Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний. – Рязань, 2009. – 26 с.
3. Туленев, А.И. Особенности непроцессуальной формы использования специальных знаний при расследовании таможенных преступлений / А.И. Туленев // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2013. – № 6. – С. 136–140.

УДК 328.185

К.А. Ерофеев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Национальные парки – это особо охраняемые природные территории, где в целях сохранения биоразнообразия и красоты ландшафтов ограничена деятельность человека. Национальные парки Республики Беларусь играют важную роль в сохранении биоразнообразия, культурного наследия и экологического образования. Каждый из существующих национальных парков имеет свои особенности и привлекательность для туристов и исследователей.

Законодательство Республики Беларусь, регулирующее общественные отношения в сфере организации функционирования национальных парков, очень разнообразно. Оно постоянно изменяется и дополняется. Немалую роль в этом играет опыт других государств. Для проведения анализа будет отображен опыт стран, природоохранная система которых наиболее ярко отличается от белорусской системы охраны окружающей среды, и рассмотрим те части таких систем, которые наиболее полно смогут дополнить белорусскую систему охраны и использования особо охраняемых природных территорий. Такими странами можно назвать Китайскую Народную Республику (далее – Китай), Соединенные Штаты Америки (США), Федеративную Республику Германия (далее – Германия).

С начала создания Китая до начала 1970-х гг. были предприняты определенные шаги в области управления окружающей средой. Экологический менеджмент стал рассматриваться как жизненно важный только после участия страны в Стокгольмской конференции по проблемам окружающей среды в 1972 г.

За все время существования этого государства было принято множество актов законодательства, регулирующих отношения в сфере охраны и использования окружающей среды. Закон об охране окружающей среды является основным законодательством по охране окружающей среды в Китае. Кроме того, существуют отдельные законы, например, Закон об охране морской среды и др.

Китай принял Правила о защите живописных и исторических районов, а также Правила о защите заповедников для сохранения природных ландшафтов. Живописные и исторические районы обладают эстетической, культурной и научной ценностью. Они подходят для туризма, научной и культурной деятельности и могут быть использованы в качестве основы для защиты.

Заповедники – это территории с особой охраной и управлением. Они находятся в местах с естественной концентрацией типичных экологических систем и ценных видов дикой природы. Заповедники можно разделить на три зоны: основную, буферную и экспериментальную. Такой подход очень эффективен для стран, обладающих большими территориями, но мало эффективен для небольших государств. Но если рассматривать данный подход как способ озеленения определенных территорий, то такой способ можно назвать эффективным для любого государства. Суть эксперимента будет заключаться в полном ограничении определенных территорий от любого антропогенного воздействия на определенный период времени [1, с. 21].

Следует также отметить, что Китай активно продвигает законодательство о национальных парках. Об этом свидетельствует ярко выраженные намерения властей Китая.

Национальные парки Китая являются визитной карточкой страны. В отличие от заповедников, которые защищают конкретные виды природных объектов, национальные парки подчеркивают защиту всей экосистемы.

Китай нацелен развивать национальную систему экологической безопасности, что свидетельствует о подготовке к массовому переходу на ресурсосберегающие и природоохранные технологии. Данное положение расширяет понятие заповедников, конкретизируя объект охраны данных территорий. Такой подход является довольно интересным с точки зрения экономии места охраны [2].

Германия известна своей системой управления лесным хозяйством. Национальные парки Германии играют важную роль в охране природы и биоразнообразия. Они представляют собой уникальные и ценные ландшафты, где можно наблюдать редкие и находящиеся на грани вымирания виды растений и животных.

В настоящее время в Германии существует 16 национальных парков. Федеральный закон «Об охране природы» 1998 г. имеет ключевое значение на национальном уровне в Германии. Он подробно регулирует многие аспекты развития особо охраняемых природных территорий.

На федеральном уровне функции по управлению и координации работы на особо охраняемых природных территориях находятся в ведении Федерального агентства по охране природы. Однако большинство полномочий сосредоточено в руках региональных властей.

Частные особо охраняемые природные территории не получили широкого распространения. Это связано с несколькими факторами: границы между публичными и частными особо охраняемыми природными территориями в вопросах финансирования размыты; отсутствует возможность создания частных особо охраняемых природных территорий по инициативе населения государства; нет налоговых и других финансовых стимулов для создания частных особо охраняемых природных территорий [3, с. 161–165].

В Германии установлена возможность местных сообществ принимать участие в управлении и охране особо охраняемых природных территорий. Они имеют право не только представлять свои экспертные мнения по широкому кругу вопросов, но и оспаривать неправомерные действия (решения) властей по управлению и охране особо охраняемых природных территорий.

Режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий в Германии является интересным с точки зрения организации управления особо охраняемыми природными территориями. Местные органы управления имеют очень широкий объем полномочий в данной области.

Является значимым наличие в природоохранном законодательстве положений о возможности участия местных сообществ в жизни охраняемых территорий, в том числе и путем финансирования деятельности особо охраняемых природных территорий. Такой подход позволяет государству, с одной стороны, облегчить свою работу по организации и обеспечению функционирования деятельности особо охраняемых природных территорий, а с другой – граждане имеют личную заинтересованность в нормальном функционировании и поддержании состояния благоприятной окружающей среды охраняемых территорий.

Система национальных парков США включает в себя 419 территорий и объектов. Они занимали общую площадь около 85 млн акров (34,5 млн га) и принадлежали к 20 категориям. Эти категории принято объединять в три группы: природные территории, исторические территории и рекреационные территории [4, с. 71–74].

Нормативно-правовое регулирование особо охраняемых природных территорий в США происходит на федеральном, уровне штата и местном уровне. Наиболее известными законами являются Закон об особо охраняемых природных территориях и Закон об антиквариате. Ключевой федеральный закон – это органический закон «О Службе национальных парков» 1916 г., который создал национальную систему парков.

Самым первым национальным парком в США стал Йеллоустоунский национальный парк. Он был создан 1 марта 1872 г. [5].

На федеральном уровне существуют различные виды особо охраняемых природных территорий. Среди них можно выделить национальную систему парков, которая включает национальные парки, заповедники и береговые линии. Есть также национальная система лесов, регулируемая Законом о пересмотре земель 1891 г.

На уровне штатов существуют парки штата с разнообразным правовым статусом. Управление, финансирование и ограничение хозяйственной деятельности на особо охраняемых природных территориях зависят от вида и уровня особо охраняемых природных территорий.

Специализированные агентства занимаются вопросами управления особо охраняемых природных территорий. Например, на федеральном уровне Служба национальных парков занимается управлением национальными парками.

Опыт и методы работы с частными особо охраняемыми природными территориями заслуживают внимания. В американском законодательстве присутствуют три способа превращения территории в частные особо охраняемые природные территории.

Следующее положение в сфере охраны и использования особо охраняемых природных территорий, которое следует позаимствовать у США – это создание единого органа, который бы следил за деятельностью всех особо охраняемых природных территорий. Это позволит эффективнее регулировать государственную политику в данной области и развивать новые институты, касающиеся управления, финансирования и организации деятельности особо охраняемых природных территорий.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу. Анализ международного опыта в сфере охраны и использования особо охраняемых природных территорий показал, что существуют институты, которые

позволили бы как минимум разгрузить органы государственного управления. Перспективными положениями являются политика концентрации в отношении особо охраняемых природных территорий; наделение местных органов государственного управления большим кругом полномочий; наделение населения правом участия в управлении и финансировании особо охраняемых природных территорий; возможность передачи государственных учреждений особо охраняемых природных территорий физическим или юридическим лицам на праве хозяйственного управления; создание единого органа, регулирующего деятельность исключительно особо охраняемых природных территорий.

Список использованных источников

1. Иванова, Ю.А. Экологическое право Китая: актуальные аспекты / Ю.А. Иванова, Н.Д. Эриашвили, П.А. Шаблин, О.П. Осодоев // Криминол. журн. – 2022. – № 2. – С. 19–27.
2. Китай объявил о создании пяти национальных парков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1236126.shtml>. – Дата доступа: 10.04.2023.
3. Международный опыт развития экологического туризма на ООПТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncfu.ru/export/uploads/Dokumenty-Nauka/kniga-1-mezhdunarodnyj-opyt-razvitiya-ehkologicheskogo-turizma.pdf>. – Дата доступа: 11.04.2023.
4. Максаковская Н.С. Опыт национальных парков США по сохранению наследия и организации туризма / Н.С. Максаковская, Н.В. Максаковский // Наследие и современность. – 2019. – № 4. – С. 61–95.
5. Йеллоустонский национальный парк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://planetofhotels.com/guide/ru/ssha/vest-yellouston/yelloustonskiynacionalnyu-park>. – Дата доступа: 14.04.2023.

УДК 343.3

Н.Д. Земко, курсант факультета милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тум*

О ВАЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ДЛЯ ВЫБОРА НАИБОЛЕЕ ОПТИМАЛЬНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕПРЕССИИ

Стабильный рост преступности в стране побуждает законодателя принимать надлежащие меры предупредительного характера. Это обусловлено фактом наличия рецидивной преступности, исходя из этого

мы понимаем, что в уголовном праве белорусского государства имеют место быть пробелы.

Полагаем, важно понимать, что лица, к которым применяют такую меру наказания, как лишение свободы на определенный срок уже не в первый раз, как следствие – это уже лица с деформированной психикой, иными моральными ценностями и установками на образ жизни. Данное явление показывает, что не все цели уголовной ответственности достигаются в полной мере.

Социальная изоляция, значительное ограничение свободы, отрыв от семьи и близких существенно изменяют поведение осужденных. Они изменяют свою линию поведения, возникают конфликты внутри семьи, а также возможно вступление в субкультуру криминальной направленности.

Для успешной интеграции осужденного в общество большое значение имеет учет поведенческих паттернов взаимодействия осужденного в той социальной среде, в которой он проживал до совершения преступления. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости имплементации в действующую правоприменительную практику необходимости изучения процессов социализации личности, как элемента, имеющего отношение к детерминантам девиантного поведения личности.

В связи с этим можно сделать вывод, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты только в случае наиболее оптимального определения наказания и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденного, что устанавливает необходимость учета всех обстоятельств совершения преступления и соотнесения их с личностью лица, обвиняемого в его совершении.

Необходимо подвергнуть научному анализу, что следует подразумевать законодателю, когда он использует дефиницию «личность лица, совершившего преступление». По мнению представителей научного сообщества: «Личность – это человек, обладающий совокупностью определенных социально значимых свойств, проявляющихся в его отношениях с другими людьми. «Личность обвиняемого» – более узкое понятие. Его можно определить следующим образом: обладающий социально значимыми свойствами субъект, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого» [1, с. 27]. Изложенное свидетельствует о наличии социального воздействия в построении фундамента девиантной линии поведения у лица, которое совершило преступление. Таким образом, фокус научного исследования, а также направлений деятельности правоприменителя в отношении рассматриваемой категории лиц должен быть смещен на выявление причин и условий, сформировавших у данного лица умысел на совершение преступления.

Таким образом, можно предположить, что успешная реализация уголовной ответственности в отношении осужденного, а в данном случае мы подразумеваем исправление и успешную интеграцию последнего в общество, как личности с привитыми ему социально значимыми качествами, должна в обязательном порядке сопровождаться выявлением причин и условий, способствующих совершению преступления. И уже на основе этого проводить соответственно психокоррекционную работу с осужденным.

Выявление причин и условий, способствующих совершению преступления обуславливает необходимость учета того факта, что преступление является социальным феноменом. Иными словами, явлением, причины и условия которого формируются в обществе, делая таким образом преступление социальным продуктом. Лицо, совершая преступление, посягает на безопасное функционирование сложившихся общественных отношений, при этом детерминанты осуществленного лицом посягательства на общественные отношения кроются в самом обществе, делая таким образом, как правильно отмечается Х. Пакером, преступление социополитическим конструктом, т. е. напрямую зависящим от общества [2, р. 364]. Такой же механизм взаимосвязи детерминант девиантного поведения личности кроется и при совершении рецидивного преступления.

Назначая наказание, суд должен руководствоваться положениями ст. 60 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), закрепляющими, что суд, назначая наказание, должен исходить из принципа индивидуализации наказания, в который входят наравне с другими элементами мотивы и цели содеянного, а также учет особенностей личности лица, совершившего преступление. Например, если рассматривать ст. 205 УК, то указанная норма предусматривает шесть видов наказаний соответственно. При этом стоит учитывать, что помимо наказания суд может назначить иные меры уголовной ответственности (осуждение с отсрочкой исполнения наказания и пр.). В связи с этим изучение личности обвиняемого очень важно, чтобы выбрать наиболее оптимальный механизм реализации уголовно-правовой репрессии в отношении последнего и минимизировать применение наказаний, связанных с лишением свободы, которые могут быть избыточны для лица.

Сведения о личности обвиняемого суд берет из материалов уголовного дела, которые могут, например, содержаться в протоколах допроса, сведениях, представленных администрацией следственного изолятора в период нахождения обвиняемого под стражей. Суд также может использовать сведения, собранные в период проведения оперативно-розыскных мероприятий [3, с. 318].

Вместе с тем информация, собираемая таким образом, носит неоднородный характер ввиду отсутствия системы по сбору информации.

Указанное обстоятельство в некоторых случаях может служить препятствием для объективной оценки судом личности обвиняемого и в конечном счете наказания, соответствующего общественной опасности лица, совершившего преступление [3, с. 319].

Принудительное по своему содержанию участие в исправительном процессе является необходимым элементом психолого-педагогического воздействия на правосознание осужденного. Но у указанной формы исправительного воздействия есть особенность, нивелирующая ее положительные стороны. В данном случае подразумевается, что осужденный в период отбывания наказания причастен к правопослушному образу жизни посредством систематического участия в воспитательных мероприятиях, а также систематического повторения правомерных действий: явка в уголовно-исполнительную инспекцию, участие в воспитательных мероприятиях, соблюдение распорядка дня, добросовестное отношение к труду и т. д. В результате такого повторения у осужденных вырабатываются «понимание о необходимости правомерного поведения», т. е. привычка систематического выполнения правомерных действий для удовлетворения собственных потребностей. Формирование указанной привычки происходит в идеальных условиях, когда у осужденного нет потребности задумываться о том, как обеспечить себя, как решить жилищные и иные бытовые вопросы в процессе исполнения наказания путем неправомерных действий. Решением перечисленных вопросов занимается администрация места исполнения наказания. И чем более строгое по условиям отбывания наказания, тем менее заинтересован осужденный в решении вопросов бытового характера. Это обстоятельство формирует у осужденного состояние личной беспомощности, которое способно оказать негативное влияние на его социальную адаптацию в обществе после отбытия наказания [4, с. 131].

Именно из-за необходимости знать лицо, освобожденное от наказания, значение работы органа, занимающегося его постпенитенциарным сопровождением, очень велико. Так, в частности, изучение причин и условий, подтолкнувших лицо к совершению преступления, будет иметь значение в постпенитенциарном сопровождении освобожденного от наказания.

В данном случае важное место занимает сбор информации для досудебного доклада на стадии расследования преступления.

Здесь необходимо отметить и то, что разд. III ст. 7 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), закрепляется: «Если существует возможность составления докладов о социальном обследовании, судебный орган может воспользоваться докладом, подготовленным компетентным уполномоченным должностным лицом

или учреждением. Доклад должен содержать социальную информацию о правонарушителе, которая имеет отношение к характеру правонарушений, совершенных данным лицом, и к его нынешним правонарушениям. Доклад должен также содержать информацию и рекомендации, которые имеют отношение к процедуре вынесения приговора. Доклад составляется на основе фактического, объективного и беспристрастного материала, а мнения формулируются в четких выражениях».

Правоприменительная практика стран, использующих указанную форму изучения личности обвиняемого, обширна по формам ее осуществления и методам сбора информации. Преобладающее количество стран, реализующих уголовную ответственность посредством деятельности служб пробации, предусматривают составление досудебного доклада, дающего суду представление о личности лица, совершившего преступление. На примере стран, в которых используется служба пробации, можно увидеть различные формы реализации. Например, законодатель Республики Казахстан закрепил свои правила составления досудебного доклада. В соответствии с ч. 1 ст. 14 Закона Республики Казахстан «О пробации» «досудебный доклад – информация о личностных особенностях подозреваемого, обвиняемого, выполнении ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи, следовании рекомендациям службы пробации и принятии ее помощи» [5]. Прежде всего главной функцией досудебной пробации в зарубежных странах является не оказание социальной или иной помощи правонарушителям, а подготовка досудебного доклада.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

социальная информация о личности лица, совершившего преступление, является важнейшим источником криминологического знания о причинах и условиях, подтолкнувших лицо к совершению преступления;

социальная информация о личности лица, совершившего преступление, позволит суду вынести решение о назначении наиболее оптимальной меры уголовно-правовой репрессии, которая будет соответствовать личности лица, совершившего преступление, в результате этого цели наказания, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством, будут достигнуты;

осуществление сбора социальной информации о личности лица, совершившего преступление, посредством составления досудебного доклада видится наиболее перспективным средством развития указанной меры реализации уголовной ответственности;

досудебный доклад как форма изучения личности лица, совершившего преступление, находит свое закрепление в государствах, реализующих уголовную ответственность в формате служб пробации;

составление досудебного доклада целесообразно осуществлять на досудебной стадии уголовной ответственности;

для наибольшей эффективности реализуемых в отношении осужденного мер уголовно-правового воздействия необходимо закрепить обязательное составление досудебного доклада в отношении всех категорий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности;

досудебный доклад является важным элементом судебного разбирательства и основополагающим фактором в принятии судом решения о назначении наказания или иной меры уголовной ответственности лицу, совершившему преступление. Указанное обстоятельство позволит минимизировать применение наказаний, связанных с лишением свободы, ввиду того что будут учтены все социальные факторы, способствовавшие совершению преступления.

Список использованных источников

1. Муравьев, К.В. Применение мер пресечения как процессуальный этап реализации уголовной ответственности / К.В. Муравьев // Сиб. уголов.-процесс. и криминалист. чтения. – 2016. – № 1. – С. 27–35.
2. Packer, H. The Limits of Criminal Sanction / H. Packer. – Stanford University Press, 1968. – 408 p.
3. Горбань, Д.В. Досудебная пробация как стадия процесса ресоциализации / Д.В. Горбань // Уголов.-исполн. право. – 2017. – № 3. – С. 317–320.
4. Тит, А.А. Решение проблемы личностной беспомощности у осужденных к лишению свободы / А.А. Тит // Вест. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 130–136.
5. Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038>. – Дата доступа: 09.05.2023.

УДК 343.98.06

Д.Д. Зык, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *П.В. Лутович*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

Сегодня цифровые носители информации являются одним из самых распространенных источников криминалистической информации о преступниках и преступлениях. Многие эксперты-криминалисты говорят о необходимости проведения криминалистических исследований цифро-

вых носителей. Исследователи предлагали новые методы и даже учение об информационном следе. Однако развитие информационных технологий также породило множество проблем с точки зрения доступа к ценной для расследования информации. В соответствии с представлениями отечественной уголовно-процессуальной науки для формирования доказательств из уголовно значимых сведений необходимо не только выявление носителя, но и получение сведений на этом носителе с помощью предусмотренных законом процессуальных действий [1, с. 108].

Среднестатистический пользователь электронных устройств обычно хранит на своем устройстве личные данные: фото, видео, личную и деловую переписку, информацию о банковских транзакциях и др. Эти сведения защищают право гражданина на неприкосновенность частной жизни, в соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь, что, соответственно, требует обеспечения ее конфиденциальности. Для этого пользователи используют методы защиты информации, основанные на шифровании. В то же время наибольший интерес данная информация представляет при проведении следственных действий.

Вопросы исследования цифровых носителей в криминалистике получают все большее внимание в научной литературе. Исследователи рассматривают тему использования информационных технологий для получения и изучения криминалистически значимой информации в цифровой форме. О.В. Левченко, например, рассматривает возможность внедрения цифровых технологий в практику расследования преступлений и возможности дистанционного исследования цифровых носителей, как одно из условий эффективности криминалистической деятельности [2, с. 70]. Обратной стороной законного использования этих информационных технологий является возможность совершения тайных и эффективных преступлений с использованием средств шифрования. Ни для кого не секрет, что большинство современных смартфонов в наши дни оснащены функциями безопасности для информации, которую они содержат, начиная от внешней защиты паролем до полного шифрования операционной системы. Кроме того, подавляющее большинство пользователей используют программные приложения для отправки мгновенных электронных сообщений и совершения аудио- и видеозвонков с функцией шифрования передаваемой информации. Обладая познаниями в данной сфере, злоумышленники могут предпринимать попытки анонимизации и противодействия правоохранительным органам, а также использовать уязвимости мессенджеров, поддерживающих сквозное шифрование с использованием Signal Protocol и XMPP (например, WhatsApp или Viber) для несанкционированного получения доступа к информации. В то же время использование программного обеспечения,

обеспечивающего защиту информации методами полного шифрования, существенно затрудняет процесс сбора данных для их использования в качестве доказательств.

При производстве следственных действий могут быть использованы технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств преступления. На текущий момент внедрение дистанционных методов получения компьютерной информации путем доступа к устройствам памяти, установленным на компьютере является наиболее перспективным.

Представляется целесообразным использовать возможности, предоставленные Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности», для получения и исследования зашифрованной информации, имеющей юридическое значение, а также технологическое совершенствование арсенала специальных средств, применяемых оперативными сотрудниками. С учетом активного развития информационно-коммуникационных технологий, их использования в преступных целях представляется актуальным при проведении криминалистических исследований использовать возможности удаленного получения и анализа зашифрованной информации, а также последующего использования результатов ее исследования в уголовном процессе. Технология шифрования в руках преступников стала мощным инструментом для сокрытия цифровых следов преступлений и противодействия расследованиям правоохранительных органов. В соответствии с п. 3 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь при производстве следственных действий могут быть использованы технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств преступления.

На наш взгляд, еще одним перспективным направлением криминалистики является разработка и внедрение методов доступа к охраняемой информации путем изучения личности преступника. Эти методы и приемы используются в сфере так называемой социальной инженерии. Как объяснил в своей книге известный бывший хакер Кевин Митник, самым уязвимым местом любой системы безопасности является человеческий фактор [3, с. 48]. Эта возможность должна быть в полной мере использована в контексте уголовных расследований. Согласно исследованиям в области информационной безопасности, пользователи в основном используют пароли длиной 6–10 символов, и только 8 % пользователей используют уникальные пароли, а остальные 92 % используют повторяющиеся пароли от других сервисов [4]. Способ доступа к цифровой информации, потенциально ценной для следствия, может быть основан на комплексном применении методов сбора сведений о личности подо-

зреваемого и использовании программных средств для их обработки. Эта работа может состоять из нескольких этапов:

1. Первый этап включает в себя выполнение познавательной-аналитической деятельности, связанной со сбором информации, касающейся личности подозреваемого и окружения, с последующим формированием массива данных. Указанный массив может содержать информацию о самом владельце информации, личную информацию, никнеймы, адреса, памятные даты, увлечения, любимые блюда, места отдыха и т. д. Данный массив также содержит аналогичную информацию о членах семьи подозреваемого, даты рождения, наличие домашних животных, модели автомобилей, известные номера телефонов и т. д.

2. Второй этап связан с получением информации о паролях, используемых подозреваемым в других сервисах. Например, пароли, используемые для электронной почты, социальных сетей, интернет-банкинга. Эта информация может быть получена путем исследования технических устройств и других носителей информации, к которым есть доступ. Пароли для онлайн-сервисов обычно хранятся в памяти браузера, на бумажном носителе, в менеджере паролей.

3. Третий шаг – сгенерировать и выбрать пароль с помощью программного обеспечения из собранного блока данных. Этот метод преодоления защиты паролем цифровой информации может быть достаточно эффективным.

В связи с технологическим оснащением преступного мира средствами эффективной защиты информации одной из приоритетных задач науки криминалистики является разработка и практическая реализация научно обоснованных методов использования технологий противодействия криптографической защите информации. Важнейшим фактором эффективности правоохранительной деятельности является своевременное оснащение правоохранительных органов существующими информационными технологиями для борьбы с преступностью.

С учетом объективной потребности в защите передаваемой информации назрела необходимость разработки правовых механизмов, регулирующих отношения в сфере защиты информации. В настоящее время система нормативных правовых актов, регулирующих отдельные аспекты обращения криптографически защищенной информации, представлена в основном на уровне постановлений правительства и ведомственных приказов. Приказом начальника Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 30 августа 2013 г. № 62 утверждено Положение о порядке организации криптографической защиты информации в государственных информационных системах, информационных системах, предназначенных для обработки информации, распро-

странение и (или) предоставление которой ограничено, не отнесенной к государственным секретам, и на критически важных объектах информатизации. Как видно, правовой механизм использования криптографических средств сводится к регламентации деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией и эксплуатацией шифровальных (криптографических) средств защиты информации. Однако сфера правоотношений, возникающих в информационно-телекоммуникационной системе, практически не урегулирована. Законом Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» определена компетенция органов государственной безопасности по вопросам обеспечения криптографической и инженерно-технической безопасности видов специальной связи в Республике Беларусь. Тем не менее законодательно не определены пределы и условия обращения криптографически защищенных данных, не установлена ответственность за неправомерное посягательство на такую информацию, а также на использование методов шифрования для передачи информации в преступных целях и др.

На наш взгляд, целесообразно разграничивать ответственность за хищения путем модификации компьютерной информации (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и ответственность за превышение пределов и условий обращения криптографической информации, а также следует выработать единые правовые подходы в сфере обращения криптографически защищенных данных.

Однако следует отметить, что использование криптографии никоим образом не исключает использования средств защиты информации от несакционированного доступа и организационных мер безопасности.

В общем создание защищенной автоматизированной системы – процесс в каждом конкретном случае уникальный, так как не существует полностью идентичных систем, а есть только типовые решения, реализующие определенные функции защиты информации [3, с. 501].

При создании защищенной автоматизированной системы первое, что нужно сделать, – это определить модель угроз и политику безопасности разрабатываемой системы. После этого можно определить набор криптографических функций, организационных и технических мероприятий, реализуемых в создаваемой системе. Криптография сегодня является важнейшей частью любой информационной системы: от электронной почты до сотовой связи, от доступа в сети Интернет до электронных денег. Криптография обеспечивает подотчетность, прозрачность, точность и конфиденциальность информации. Она предотвращает мошеннические попытки в электронной коммерции и обеспечивает юридическую достоверность финансовых транзакций. Криптография помогает идентифици-

ровать вашу личность, но также обеспечивает анонимность. Она предотвращает повреждение сервера хулиганами и не позволяет конкурентам получить доступ к вашим конфиденциальным документам. А в будущем, когда торговля и коммуникации все больше будут связаны с компьютерными сетями, криптография станет жизненной необходимостью.

Но имеющиеся на рынке криптографические инструменты не обеспечивают того уровня защиты, который обещают в рекламе. Большинство продуктов не разрабатываются и не используются совместно с криптографами.

Это делают инженеры, для которых криптография – всего лишь еще один компонент программы. Но криптография не является компонентом. Нельзя обеспечить безопасность системы, «вставив» шифрование после разработки. На каждом этапе от идеи до установки необходимо осознавать, что вы делаете и зачем.

Грамотная реализация собственной криптографической системы требует не только знакомства с чужими неисправностями и понимания причин их возникновения, но и, при необходимости, использования специальных приемов программирования и специальных средств разработки.

Миллиарды долларов тратят на компьютерную безопасность, и большую часть денег используют на негодные продукты. К сожалению, программа со слабым криптографическим продуктом выглядит так же, как и программа с надежным. Два пакета шифрования электронной почты могут иметь похожий пользовательский интерфейс, но один обеспечивает безопасность, а другой позволяет прослушивание. Сравнение может показать сходство между двумя программами, но у одной из них есть уязвимости, которых нет у другой системы. Опытный криптограф сможет различить эти системы. Злоумышленник может сделать то же самое.

Сегодня компьютерная безопасность – это карточный замок, который может рухнуть в любой момент. Множество слабых продуктов еще не были взломаны, потому что они мало используются. По мере своего распространения они будут привлекать преступников. Пресса немедленно опубликует информацию об этих атаках, подрывая общественное доверие к таким криптографическим системам. Наконец, победу на рынке криптографических продуктов определит степень защищенности этих продуктов.

В настоящее время необходимо создать систему, организующую добычу и изучение цифровых следов преступления, а также изучить вопрос получения цифровой информации с изъятых носителей. При разработке такой системы необходимо исходить из нескольких очевидных тенденций:

во-первых, технологии защиты информации постоянно развиваются, и в будущем они будут развиваться гораздо быстрее, чем внедряться средства преодоления такой защиты;

во-вторых, разработка технологий, преодолевающих защиту информации, осуществляется компаниями, имеющими соответствующие финансовые и интеллектуальные возможности;

в-третьих, каждая вновь изобретенная эффективная технология в XXI в. имеет некоторую ценность и обычно защищена авторским правом и патентным законодательством. По этой причине ее будет сложно внедрить в деятельность правоохранительных органов.

На современном этапе развития правоохранительной системы стоит думать о создании информационно-исследовательских центров не по территориальному принципу, а по возможности использования тех или иных цифровых технологий обработки информации. Это утверждение поднимает другую, на наш взгляд, не менее актуальную тему в криминологической науке, связанную с исследованием и разработкой методов дистанционного изъятия и исследования компьютерной информации. Криминальный мир позаимствовал множество новейших технологических решений, которые теперь используются в противоправной деятельности. Сегодня совершается внушительное количество дистанционных преступлений не только корыстной направленности, но и преступлений, связанных с преступлениями против личности. В условиях, когда преступники активно используют технологии передачи информации для совершения преступлений, деятельность правоохранительных органов по-прежнему основывается на непосредственном присутствии субъекта расследования на месте проведения следственных или розыскных действий.

Список использованных источников

1. Мещеряков, В.А. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации / В.А. Мещеряков, В.В. Трухачев // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2012. – № 2. – С. 108–110.
2. Левченко, О.В. К вопросу о формировании инновационной технологии расследования преступлений / О.В. Левченко // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2011. – № 3 (122). – С. 70–73.
3. Митник, К. Искусство обмана / К. Митник, В. Саймон. – М. : Ай Ти, 2004. – 304 с.
4. Исследование на тему паролей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/129052/>. – Дата доступа: 20.11.2022.
5. Герасименко, В.А. Основы защиты информации : учеб. для вузов / А.В. Герасименко, А.А. Малюк. – М. : Изд-во ООО «Инкомбанк», 1997. – 537 с.

А.В. Киреенко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.П. Семенюк*

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кардинальные преобразования в политической и экономической жизни белорусского общества в 90-е гг. XX в. повлекли интенсивное развитие всех отраслей права, поскольку новый этап в жизни государства требовал актуального правового оформления и ревизии законодательства в целях исключения устаревших предписаний [1, с. 80–84].

Первостепенной задачей государства в новых социально-политических реалиях, в условиях зарождающейся экономики и несформировавшейся идеологии стала защита общественных отношений, интересов простого человека от противоправных посягательств. В этой связи ключевым стал вопрос формирования нового законодательства об административной ответственности, основанного на качественно новых подходах и принципах правового регулирования.

Правовое регулирование административной ответственности в первые годы независимого белорусского государства имело определенные особенности.

Наряду с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, принятым в 1984 г., действовали десятки иных нормативных правовых актов, число которых неуклонно росло. Административное законодательство становилось все более громоздким и сложным для восприятия. Учитывая то, что административная ответственность является наиболее распространенной формой юридической ответственности, множественность актов, определяющих процедуру привлечения, и, собственно, сами меры такой ответственности привели к негативно-му восприятию данной меры государственного принуждения со стороны общества [2, с. 114–116].

Возникла необходимость упорядочить соответствующие общественные отношения и, в связи с этим, началась работа над созданием нового нормативного правового акта. На начальном этапе основные, принципиальные направления этой работы были определены Концепцией совершенствования законодательства, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. И уже в 2003 г. результатом труда большого коллектива разработчиков явилось принятие

нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), а в 2006 г. – Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. С введением с 1 марта 2007 г. в действие этих кодексов законодательство об административной ответственности вышло на новый этап своего развития [3, с. 44–45].

Был переработан значительный массив законодательства в соответствии с современными социально-экономическими реалиями. КоАП обрел статус единственного закона об административной ответственности, действующего на территории страны. Базовые положения КоАП концептуально были согласованы с уголовным законодательством – взаимовязаны понятийный аппарат, принципы и основные институты ответственности, размеры штрафных санкций, построение и содержание Особенной части КоАП [4, с. 136–138].

Поскольку Республика Беларусь является сравнительно молодым демократическим государством, которое постоянно совершенствует подходы к регулированию различных сфер правоотношений, развитие законодательства об административных правонарушениях не могло останавливаться на принятии новых кодексов. Кроме того, законодательство об административных правонарушениях неразрывно связано с другими отраслями права, содержащих бланкетные нормы, нарушение которых влечет административное взыскание. Учитывая изложенное, актуализация и взаимосогласование как законодательства об административных правонарушениях, так и иных отраслей права происходят комплексно и одновременно, чтобы обеспечить «прозрачное» и понятное правовое поле для всех участников правоотношений.

Однако, несмотря на ранее достигнутые успехи, перед белорусским законодателем снова встала задача привести законодательство об административных правонарушениях в соответствие с предъявляемыми к нему требованиями современности.

Так, с 1 марта 2021 г. вступил в силу новый КоАП. Нормативный правовой акт содержит ряд новелл, направленных на оптимизацию административного законодательства и порядка привлечения к административной ответственности. Одной из основных особенностей нового КоАП является закрепление приоритета профилактических мер воздействия перед наказанием, а также введение положений о категоризации административных правонарушений. Так, в зависимости от характера и степени общественной вредности административные правонарушения подразделяются на грубые административные правонарушения, значительные административные правонарушения и административные проступки [5, с. 132].

С учетом категории совершенного административного правонарушения исчисляются сроки, по истечении которых физическое или юридиче-

ское лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, а также предоставляется возможность освобождения от административной ответственности с применением профилактических мер воздействия.

В КоАП 2021 г. также был значительно расширен институт освобождения от административной ответственности. Например, в КоАП 1984 г. предусматривалось два основания освобождения от административной ответственности:

1) малозначительность правонарушения;

2) передача материалов об административном правонарушении на рассмотрение товарищеского суда, общественной организации или трудового коллектива.

В то время как в действующем КоАП институт был расширен до 6 оснований, которые изложены в гл. 8.

Эти основания позволяют освободить лицо от административной ответственности не только при малозначительности правонарушения, но и в случаях:

1) примирения правонарушителя с потерпевшим;

2) если субъектом правонарушения является военнослужащий или иное лицо, на которое распространяется действие дисциплинарных уставов или иных положений о дисциплине;

3) в связи с обстоятельствами, смягчающими ответственность;

4) освобождением от административного взыскания либо заменой взыскания на более мягкое вследствие заболевания лица, на которое было наложено такое взыскание;

5) если лицо совершило административное правонарушение, обусловленное совершением в отношении его самого деяний, предусмотренных ст. 171, 171¹, 181, 181¹, 182, 187 Уголовного кодекса Республики Беларусь [6].

Для того чтобы продемонстрировать реализацию норм института освобождения от административной ответственности на практике, мы обратимся к данным судебной статистики (табл. 1).

Таблица 1

Год	Всего лиц, в отношении которых судами вынесены постановления	Всего прекращено дел	Освобождены от административной ответственности
2020	298 861	37 052	8 595 ¹
2021	214 272	41 390	4 423
2022	219 512	41 424	15 582

¹ Стоит отметить тот факт, что при анализе судебной статистики за 2020 г. мы можем увидеть, что вынесение предупреждения считалось видом административного взыскания, а не мерой профилактического воздействия.

Таблица оформлена с учетом данных, взятых с официального сайта Верховного Суда Республики Беларусь [7].

По приведенным выше данным мы можем увидеть, что количество лиц, освобожденных от административной ответственности, составляет лишь малую часть от всего массива лиц, в отношении которых вынесены постановления по делам об административных правонарушениях. Но мы также должны учитывать тот факт, что к компетенции судов относится рассмотрение дел о наиболее серьезных правонарушениях, многие из которых относятся к категории грубых либо значительных. И объем возможностей для освобождения от административной ответственности несколько уже, чем за правонарушения с небольшой степенью общественной вредности.

Исходя из изложенного выше, можем сформулировать следующие выводы:

1. Освобождение от административной ответственности как правовой институт – совокупность правовых норм, регулирующих правоотношения, возникающие в сфере освобождения виновных лиц от административной ответственности при наличии на то соответствующих оснований.

2. Институт освобождения от административной ответственности в своем первоначальном виде присутствовал в КоАП 1984 г. и в КоАП 2007 г., и мы можем сказать, что на тот момент он соответствовал требованиям того времени и выполнял свои функции. Однако с течением времени стало очевидно, что законодательство об административных правонарушениях нуждается в существенной модернизации.

3. Вступление в силу с 1 марта 2021 г. нового КоАП повлекло ряд демократических изменений. Такими изменениями можно считать введение категоризации административных правонарушений и расширение института освобождения от административной ответственности, что позволило сделать законодательство об административных правонарушениях более либеральным. Это обусловило переход от репрессивных мер в сторону профилактических мер воздействия.

По нашему мнению, данные новеллы законодательства необходимы, ведь все больше граждан сталкивалось с последствиями административных правонарушений в виде состояния «наказанности», из-за которого даже незначительное правонарушение могло серьезно повлиять на дальнейшее будущее гражданина, осознавшего противоправность своего проступка и ставшего на путь исправления.

Но даже с введением и расширением института освобождения от административной ответственности остается открытым вопрос правильности его применения. Ведь перед правоприменителем стоит задача

оценить обстоятельства объективно и не допустить предвзятого отношения к правонарушителю.

Список использованных источников

1. Агапов, А.Б. Административное право : учеб. для вузов / А.Б. Агапов. – М. : Статут, 2019. – 251 с.
2. Круглов, В.А. Административно-деликтное право / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2008. – 388 с.
3. Постникова, А.А. Административное право Республики Беларусь : учеб. пособие / А.А. Постникова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 284 с.
4. Мах, И.И. Административное право Республики Беларусь / И.И. Мах. – Минск : Амалфея, 2008. – 703 с.
5. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. С.В. Добрияна ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – Ч. 1: Административно-деликтное право / В.Н. Крюков [и др.]. – 427 с.
6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 16.05.2023.

УДК 336.58

И.Д. Климов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ КАК ОБЪЕКТ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Финансовая безопасность на сегодня не имеет однозначного определения, но мы будем исходить из дефиниции, предложенной М.С. Подкуйко: «финансовая безопасность – это состояние защищенности и обеспечения стабильности, устойчивости развития финансовых отношений, складывающихся на различных уровнях и в различных сферах финансовой системы, которое достигается посредством реализации мер по нейтрализации внутренних и внешних угроз» [1, л. 5].

Из указанного определения становится понятным, что основной задачей финансовой безопасности, как механизма, является противодействие рискам финансово-кредитной системы, данная обязанность возлагается

на государство и его основные органы, включая центральный банк, министерства и ведомства, а также правовую систему государства.

Проанализируем риски финансово-кредитной системы в бюджетной сфере, а конкретнее речь пойдет о рисках структуры расходов бюджета, которые могут возникать на каждом этапе бюджетного процесса: несвоевременность утверждения паспортов бюджетных программ и порядка использования бюджетных средств; несоблюдение порядка использования бюджетных средств; недостатки в организации бухгалтерского учета; несвоевременное распределение открытых ассигнований; накопление остатков неиспользованных открытых ассигнований; увеличение кредиторской задолженности; невыполнение плановых результативных показателей бюджетных программ; нецелевое использование бюджетных средств; завышение стоимости выполнения определенных работ; а также ненадлежащая организация проведения процедур государственных закупок и др.

Для управления финансовыми рисками в структуре расходов бюджета проведем анализ системы осуществления государственных закупок и ее рисков, поскольку от успешности реализации казенных денежных средств зависит благосостояние всего государства.

Национальный законодатель под государственными закупками понимает приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств, а также отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки [2]. Предметом являются товары, работы и услуги. В качестве субъектов выступают государственный орган, заказчик (организатор), участники, представившие предложение, а также иные участники, присутствие которых зависит от формы проведения государственной закупки: открытый конкурс (в том числе в виде двухэтапного конкурса и конкурса с ограниченным участием); закрытый конкурс; электронный аукцион; процедура запроса ценовых предложений; процедура закупки из одного источника; биржевые торги [2].

Государственные закупки осуществляются в определенном порядке, регламентированном нормами права, на каждом из этапов которых возможны следующие риски и угрозы:

1. Размещение на официальном сайте в сети Интернет информации о государственных закупках, к которой относятся сведения о годовых планах государственных закупок [3]. Размещаются также приглашения, в которых дается описание предмета закупки, его ориентировочная стоимость, а также дата окончания приема предложений.

Рассмотрим возможные причины возникновения рисков и нарушений: включение в состав документов, представляемых участникам

для подготовки и подачи предложений, требований, ограничивающих конкуренцию; неразмещение, несвоевременность размещения уполномоченным лицом на официальном сайте, на электронной торговой площадке информации по процедурам государственных закупок, а также неполнота размещенной информации; определение потребности в товарах (работах, услугах) с точки зрения установления сроков поставки (выполнения, оказания), гарантийных и иных обязательств, поскольку такие обязательства могут оказать влияние на характеристики и на цену товаров (работ, услуг).

2. Подготовка и подача предложений участниками государственных закупок. Разъясняются конкурсные документы, вносятся в них изменения и дополнения. Срок для подготовки и подачи определяется законом в зависимости от вида процедуры государственной закупки.

В этой связи возможными причинами возникновения риска и нарушений будут являться неразмещение в составе документов, представляемых участникам для подготовки и подачи предложений, необходимых документов и сведений, а также несвоевременные ответы на запросы участников о разъяснении содержания документов, представляемых участникам для подготовки и подачи предложений, отсутствие ответа на такие запросы.

3. Оценка участников, их предложений и принятие решения по результатам процедуры государственных закупок. Эту оценку и сравнение предложений осуществляет комиссия, которая формируется заказчиком. Она же определяет задачи и полномочия комиссии. Созданная комиссия подотчетна заказчику [2].

Рассмотрим возможные причины возникновения рисков и нарушений на данном этапе: включение в состав комиссии лиц, которые не могут выступать в качестве членов комиссии, а также заинтересованных лиц; непроведение членами комиссии проверки сведений и документов на основании информации, содержащейся в государственных информационных ресурсах; включение завышенных требований к участникам процедур государственных закупок (установление ограничений состава участников, не предусмотренных законодательством; установление завышенных (излишних) требований к квалификационным данным участников); применение и способ оценки предложений, которые не предусмотрены в документах, предоставляемых участникам для подготовки и подачи предложений.

4. Заключение договора на государственную закупку, включая соблюдение сроков заключения договора, в соответствии с условиями, содержащимися в проекте договора.

Проанализируем возможности возникновения рисков на данной стадии: уклонение заказчика от заключения договора; необоснованное из-

менение условий договора на государственную закупку при его исполнении, односторонний отказ от исполнения договора; нарушение сроков заключения договора (до истечения срока для обжалования решения о выборе участника-победителя, нарушение предельного срока для заключения договора); согласование условий, которые не были предметом рассмотрения в ходе процедуры.

5. Возможность обжалования принятых решений. Жалобы подаются в Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь в письменном виде. На данной стадии также существуют возможности совершения правонарушений, такие как нарушение формы подачи жалобы; несоблюдение сроков принятия к рассмотрению и рассмотрения жалобы.

Таким образом, на основании вышеизложенного анализа можно сделать вывод о наличии рисков, создающих условия для коррупции. Важно в процессе закупки контролировать появление подобных рисков и устранять их. В частности, коррупционные проявления возможны в следующих нарушениях: участие в закупке субъекта хозяйствования, включенного в реестр коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с повышенным риском совершения правонарушений в экономической сфере; участие субъекта хозяйствования, включенного в список поставщиков, временно не допускаемых к участию в процедурах госзакупок; участие субъекта хозяйствования, который находится в процедуре ликвидации, банкротства; определение производителей товаров и (или) их официальных торговых представителей; формирование техзаданий на предмет закупки участником закупки (работником участника); чрезмерная конкретизация предмета закупки, а также предъявление требований к участнику закупки, которым соответствует определенный поставщик; дробление предмета закупки, чтобы избежать конкурентных процедур; участие в закупке аффилированных юридических лиц (в том числе иностранных); проведение не конкурентной процедуры, а процедуры закупки из одного источника.

В приложении к ранее упомянутому закону приведен перечень случаев осуществления государственных закупок с применением процедуры закупки из одного источника, что в определенной мере является фактором предотвращения появления коррупции в сфере государственных закупок, однако без контролирующей составляющей указанная процедура остается одной из самых незащищенных от коррупции.

Считаем необходимым обратить внимание на особенность нормы законодательства, позволяющей проведение процедуры закупки из одного источника согласно п. 7 перечня случаев осуществления таких закупок, утвержденного приложением к закону [2].

В случае признания процедуры государственной закупки несостоявшейся заказчик вправе провести процедуру закупки из одного источника по согласованию с государственным органом, которому подчинен, либо на основании самостоятельно принятого решения после проведения повторной процедуры государственной закупки, которая также была признана несостоявшейся. Данное право препятствует контролю расходования бюджетных средств, потому как позволяет заказчику переводить закупки в закрытую процедуру. В этих ситуациях уполномоченный государственный орган (Министерство антимонопольного регулирования и торговли) не принимает участия в согласовании процедуры закупки из одного источника [4].

Что касается упрощения механизма согласования закупки из одного источника при признании процедуры государственной закупки несостоявшейся, то анализ статистических данных показал, что за 2022 г. проведено 925,9 тыс. государственных закупок [5]. Из них 572,3 тыс. составляют процедуры закупок из одного источника. Соответственно торги по данным процедурам прошли без конкурса.

Количественные показатели проведенных процедур государственных закупок за 2022 г. в сравнении с 2021 г. представлены на рис. 1.

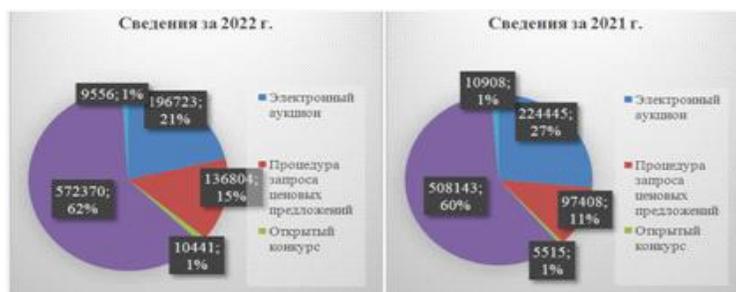

Рис. 1. Диаграмма о количестве проведенных процедур государственных закупок за 2021–2022 гг.

Рассмотрев данные, характеризующие результаты осуществления государственных закупок из одного источника, было отмечено существенное увеличение показателей практически на 11 процентных пунктов от общего количества за 2020 г. в сравнении с 2019 г., а в цифровых показателях разница между рассматриваемыми периодами составила 392 438 процедур. Данное обстоятельство объясняется тем, что с 1 января по 1 июля 2019 г. закупки товаров (работ, услуг) при строительстве проводились в соответствии с законодательством о государственных закупках. Представляется также, что в 2020 г. на увеличение доли закупок из одно-

го источника повлияла пандемия и вызванная ею срочная потребность в приобретении отдельных товаров (работ, услуг). В частности, увеличилось количество товаров, закупаемых в соответствии с п. 5 приложения к закону. Значительную часть товаров, закупленных по данному основанию, составили маски, перчатки, дезинфицирующие средства.

Согласно указанной норме допускается приобретение определенных товаров посредством процедуры закупки из одного источника, если потребность в таких товарах вызвана возникновением обстоятельств непреодолимой силы, в том числе чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера, аварии, необходимости срочного медицинского вмешательства, в связи с чем применение иных видов процедур государственных закупок, требующих затрат времени, нецелесообразно [2].

Количественные показатели проведенных процедур государственных закупок за 2020 г. в сравнении с 2019 г. представлены на рис. 2 [6].

Рис. 2. Диаграмма о количестве проведенных процедур государственных закупок в сравнении с 2019–2020 гг.

Можно сделать вывод об увеличении вероятности возникновения рисков, связанных с коррупционными явлениями в рассматриваемой сфере, поскольку подавляющее большинство проводимых процедур подвержено такому риску.

Коррупционные проявления могут выражаться в нарушении установленных правил закупки для достижения результатов, о которых створились представители заказчика и конкретного участника закупок. В подобных случаях по итогам процедуры закупки из одного источника заключаются договоры, невыгодные заказчику по различным причинам (цена товара, срок и условия поставки (выполнения работ, оказания услуг), качественные показатели товара).

Исследование правовой структуры системы размещения заказа позволяет сделать вывод о недостаточно полном использовании инструментов, предложенных нормативной правовой базой, для существенного повыше-

ния эффективности системы государственных закупок. Недостаточным с точки зрения повышения экономической выгоды от проведения закупок является применение конкурентных способов размещения заказа. Высока доля размещения заказов у единственного поставщика, не предполагающая конкуренции между поставщиками, что является предпосылкой для коррупционных рисков в системе государственных закупок.

Второй особенностью является то, что в настоящее время в области государственных закупок наблюдаются две противоречивые тенденции. С одной стороны, интеграция мировой экономики раскрывает национальные рынки закупок государственных структур для поставщиков из других стран, что ведет к становлению международного законодательства, в том числе в области государственных закупок. Наряду с этим протекция национальному производителю при осуществлении государственных закупок – практика, получившая широкое распространение во всем мире. Часто это искусственное сужение конкурентного поля, что автоматически ведет к снижению качества продукции с одновременным увеличением ее стоимости. Тем не менее в ряде случаев протекция национальному производителю оправдана, например, при решении социальных задач, из которых важнейшей является обеспечение экономической безопасности государства.

Список использованных источников

1. Подкуйко, М.С. Влияние финансовой глобализации на финансовую безопасность России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / М.С. Подкуйко. – Ростов н/Д, 2009. – 166 л.

2. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 419-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gias.by/gias/#/plans>. – Дата доступа: 14.01.2023.

4. О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2013 г., № 590 : в ред. от 3 июня 2016 г. № 188 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/Статистика/2022/Стат%20показатели.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2023.

6. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/Статистика/Статистика_2020_госзакупки.pdf. – Дата доступа: 20.05.2023.

УДК343.985

А.В. Климович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Т.Л. Щерба*

НАЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Расследуя убийство матерью новорожденного ребенка, невозможно оценить значимость использования экспертиз и взаимодействия следователя с Государственным комитетом судебных экспертиз. Успех расследования такого преступления во многом зависит от заключений эксперта по тем или иным экспертизам, постановления на которые выносит следователь. Получая заключение эксперта, орган уголовного преследования имеет «железное» доказательство, которое в последующем может доказать вину либо причастность в совершенном преступлении.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 281-3 «О судебно-экспертной деятельности» судебная экспертиза – экспертиза, назначенная и проведенная в порядке, установленном процессуальным законодательством. Назначение и проведение экспертиз регламентируется по большей части Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), в большей же степени такая тенденция прослеживается в работе органа уголовного преследования.

Так, обращаясь к УПК, нам представляется возможным выделить ст. 88, 95, 96, 103, 226–239, руководствуясь которыми орган уголовного преследования назначает ту или иную экспертизу. Таким образом, следователь, вынося постановление о назначении какой-либо экспертизы, обращается к специальным познаниям в области науки, имея которые судебный эксперт выносит заключение, что и может являться одним из доказательств по уголовному делу.

Производство судебной экспертизы представляет собой проявление использования и применения специальных знаний в процессе расследования преступления. Рассматривая судебного эксперта среди участников уголовного процесса, мы видим, что законодатель отнес его к иным участникам уголовного судопроизводства и наделил необходимыми правами и обязанностями, предусмотренными ст. 61 УПК.

Расследование любого преступления юридически начинается со стадии возбуждения уголовного дела, однако в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК назначение судебной экспертизы возможно до возбуждения уголовного дела. Так, при расследовании убийства матерью новорожден-

ного ребенка в соответствии с ч. 2 ст. 226 УПК допускается назначение экспертизы с целью выявления причин смерти и других экспертиз, которые имеют существенное значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Представляется возможным выделить основные экспертизы, назначаемые следователем при расследовании убийства матерью новорожденного ребенка:

- 1) биологическая;
- 2) генетическая;
- 3) судебно-медицинская экспертиза трупа;
- 4) психиатрическая;
- 5) дактилоскопическая;
- 6) экспертиза волокнистых материалов и изделий из них;
- 7) почерковедческая;
- 8) трасологическая.

Если рассматривать первые четыре вышеназванные экспертизы, то подразумевается, что они должны быть проведены по умолчанию, в беспорядочном порядке, учитывая характер рассматриваемого преступления. Остальные экспертизы назначаются в том случае, если на месте происшествия имеются соответствующие следы.

Назначая экспертизу, следователь обязан учитывать предмет и объект конкретной экспертизы, а также иметь в виду возможность частичного или полного повреждения или уничтожения материала [1].

Тактика определения очередности назначения экспертиз и исследований в первую очередь зависит от случаев, где вещественное доказательство является объектом-носителем различных следов, и исследуется специалистами разных классов судебных экспертиз, в зависимости от поставленного следователем вопроса на ту или иную экспертизу. Отметим, что очередность назначения экспертиз является неотъемлемой частью следственной тактики наряду с целесообразностью и своевременностью назначения. Так, тактика назначения экспертиз невозможна без научного предвидения. Поскольку верное выдвижение следственных версий происшедшего и, как следствие, грамотная работа по сбору доказательств на месте происшествия обуславливает элементарный фундамент успешного расследования преступления. По мнению А.В. Зиновьевой: «предварительное исследование следов – это непроцессуальное применение специальных познаний для определения относимости обнаружения следов к расследуемому событию, получения данных о механизме их образования, установления признаков слеодообразующего объекта и сбора сведений о возможных приметах, привычках и других характеризующих преступника данных» [2, с. 278].

Отметим, что часто во время осмотра места происшествия представляется возможным обнаружить объекты, хранящие на себе микрочастицы от взаимодействия подозреваемого и потерпевшего. Так, мать новорожденного может оставить микрочастицы своей одежды на теле новорожденного, не говоря уже о биологических следах, оставляемых в процессе родов, которые в последующем могут стать объектом генетической экспертизы. Однако при отсутствии иных объектов, несущих какую-либо информацию, нельзя недооценивать возможность использования в процессе доказывания факта контактного взаимодействия предметов одежды подозреваемого, микрочастиц. На первоначальном этапе расследования, при отсутствии сравнительных материалов и образцов, следов подозреваемого, например, следов пальцев рук, ног, конечностей подозреваемого, следов транспортного средства и т. п., обнаружение микрообъектов на поверхности тех или иных объектов и определение их природы и происхождения остаются задачей экспертиз, расследования в целом. Успех расследования зависит от скоординированных действий следователя, эксперта на этапах обнаружения микрообъектов, детального осмотра места происшествия, правильного определения границ осматриваемого участка местности либо помещения, принятия мер для исключения уничтожения либо утраты микрообъектов, изменения локализации микрообъектов, скорого доставления от момента обнаружения до поступления объекта со следоносителем в экспертно-криминалистическое подразделение.

Отметим также, что для сохранности объекта необходимо учитывать условия хранения и упаковку. Условия хранения и упаковка должны соответствовать методическим рекомендациям к объектам соответствующего рода. Только в случае правильного изъятия, упаковки, хранения объекта возможно объективное, достоверное и качественное заключение эксперта, что является доказательственной базой по конкретному уголовному делу либо материалам проверки.

Следственно-оперативная группа, выбывая на осмотр места происшествия, где обнаружен труп новорожденного, привлекает судебного медицинского эксперта с целью осмотра трупа и места его обнаружения. Поэтому, по нашему мнению, считаем правильным и целесообразным проведение судебно-медицинской экспертизы именно тем экспертом, который осматривал труп, поскольку он уже владеет первичной информацией с места обнаружения трупа. Однако даже если экспертизу проводит иной эксперт, то данный эксперт может и, по нашему мнению, должен ознакомиться со всеми имеющимися материалами уголовного дела, касающимися обнаруженного трупа, а также должен быть проинформирован по всем тем обстоятельствам осмотра трупа, которые имеет следователь.

Вопросы, выносимые следователем для проведения экспертизы экспертом, а также их характер напрямую зависят от обстоятельств уголовного дела. Вместе с тем по преступлениям об убийстве матерью новорожденного ребенка существует ряд общих вопросов, требующих разрешения судебно-медицинской экспертизой. Так, все вопросы, которые ставятся на разрешение эксперта, делятся на следующие группы:

1) относительно новорожденности и живорожденности. В эту группу входят такие вопросы:

является ли труп, представленный на исследование, новорожденным?

был новорожденный доношенным, на каком месяце беременности он родился?

родился ребенок мертвым либо живым?

если младенец родился живым, то какова причина его смерти?

родился ли младенец жизнеспособным, если нет, то по каким причинам?

сколько времени ребенок жил после рождения?

2) относительно причин насильственной смерти выясняются следующие вопросы:

присутствуют ли на трупе новорожденного признаки, по которым возможно определение характера внешнего воздействия (родовая травма, удушение, закрытие дыхательных путей посторонними предметами и др.)?

каковы механические повреждения, обнаруженные на трупе новорожденного; каков механизм их образования; могли ли они образоваться в процессе через родовые пути или при оказании матерью себе помощи во время родов?

имеется ли на шее трупа странгуляционная борозда; могла ли она возникнуть вследствие обвития шеи ребенка пуповиной?

является ли причиной смерти новорожденного утопление в воде либо иной жидкости?

имеются ли на трупе признаки, которые указывают на возможность «стремительных» родов?

3) относительно причин ненасильственной смерти (патологии) выясняются такие вопросы:

не наступила ли смерть вследствие внутриутробной асфиксии?

каковы механические повреждения, обнаруженные на трупе новорожденного; каков механизм их образования; могли ли они образоваться в процессе через родовые пути или при оказании матерью себе помощи во время родов?

4) иные вопросы.

К такой группе относят следующие:

каково время наступления смерти младенца?

есть ли признаки, указывающие на роды в больничных условиях либо на то, что после родов ребенку был оказан соответствующий уход?

какова группа крови ребенка (заключение по данному вопросу необходимо в целях решения вопроса о том, не исключается ли происхождение ребенка от определенной матери)? [3, с. 65–66].

Отметим, что вышеуказанный перечень вопросов не является исчерпывающим и может быть расширен и детализирован исходя из тех или иных обстоятельств расследуемого дела.

На современном этапе общественного развития все большее распространение приобретают методы исследования дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) – так называемая судебно-генетическая экспертиза. По нашему мнению, такая экспертиза является неотъемлемой частью доказывания принадлежности матери и новорожденного. Данная экспертиза является относительно новым видом судебно-биологического исследования, проводимого с целью установления доказательной базы, основанной на отождествлении личности и биологического родства на основе специальных знаний в области криминалистики, генетики человека и молекулярной биологии. ДНК является объектом, носителем наследственной информации конкретного индивидуума и является источником всех генетически обусловленных признаков, которые исследуются при проведении экспертизы биологических объектов. Молекула ДНК есть полимер, состоящий из структурных единиц – нуклеотидов, расположенных в четко определенной последовательности, которая уникальна для каждого человека, что делает ДНК последнего неповторимой. Носителями генетического материала могут быть выделения человеческого организма либо частицы его тканей и органов: 1. Биологические жидкости (слюна, кровь, пот, сперма и т. п.), отмечается, что исследование таких жидкостей возможно как в жидком состоянии, так и в виде пятен; 2. Отдельные волосы либо пучки волос с корневыми луковицами; 3. Фрагменты тканей тела (обломки ногтей, кусочки кожи, частицы мышечной ткани, выбитые зубы и т. д.); 4. Повседневные потожировые человеческие выделения. Задача генетической экспертизы – исследование генетического материала с целью установления точного тождества человека и биологических следов, а равно и биологического родства [4].

В целях производства генетической экспертизы эксперту следует представить: 1. Объекты, имеющие следы биологического происхождения; фрагменты тела человека и т. д.; 2. Образцы биологических жидкостей проверяемых лиц в жидком либо высушенном виде; 3. Материалы уголовного дела представляются по согласованию с экспертом. Экспер-

ту необходимо ознакомиться с материалами обнаружения трупа, изъятия вещественных доказательств и т. д.

На разрешение генетической экспертизы могут быть поставлены такие вопросы:

1. Имеется ли в представленной биологической жидкости генетический материал, который пригоден для проведения идентификационного исследования?

2. Происходят ли пятна биологической жидкости, имеющиеся на одежде потерпевшего, от подозреваемого?

3. Какова половая принадлежность биологических следов на представленном вещественном доказательстве?

4. Подтверждается либо исключается биологическое отцовство лица в отношении ребенка, родившегося у гражданки?

Материалы, истребуемые для проведения генетической экспертизы, подготавливаются по тем же правилам, что и для подготовки материалов для проведения судебно-биологической экспертизы.

Учитывая, что диспозиция ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь относится к привилегированному составу, то необходимо выяснить, имела ли место психотравмирующая ситуация у роженицы. В связи с чем целесообразным представляется назначение и проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы в целях установления вышеизложенного аспекта. Отмечается, что проведение такой экспертизы важно на самом раннем этапе расследования. При расследовании убийства матерью новорожденного ребенка проводятся и иные экспертизы, которые не обладают той или иной специфичностью.

Таким образом, в рамках данной экспертизы нам представилось возможным выделить проводимые при расследовании убийства матерью новорожденного ребенка, установить вопросы, ставящиеся следователем, по наиболее распространенным экспертизам, определить правовую регламентацию назначения экспертиз, а также аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении той либо иной экспертизы.

Список использованных источников

1. Экспертизы и исследования [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь : офиц. сайт. – 2023. – Режим доступа: <https://sudexpert.gov.by/ru/expertise.html>. – Дата доступа: 01.04.2023.

2. Зиновьева, А.В. Тактические особенности назначения судебной экспертизы на первоначальном этапе расследования / А.В. Зиновьева // E-Scio. – 2021. – № 12 (63). – С. 275–281.

3. Соловьева, Н.А. Методика расследования детоубийств : учеб. пособие / Н.А. Соловьева ; под общ. ред. заслуж. деят. науки России, д-ра юрид. наук,

проф. А.А. Закатова ; ВолГУ. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004. – 142 с.

4. Генетическая экспертиза [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь : офиц. сайт. – 2023. – Режим доступа: <https://sudexpert.gov.by/ru/gen.html>. – Дата доступа: 04.04.2023.

УДК 347.23

М.В. Ковальчук, выпускник магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.А. Серада*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

На сегодня мировая экономика переживает этап глубоких структурных преобразований, связанных с развитием цифровой экономики, направленной на цифровую трансформацию гражданского оборота, бизнес-сферы, государственного управления, образования, повседневной жизни. Этап цифровых преобразований производственных, распределительных отношений и отношений потребления товаров, работ, услуг напрямую влияет на глобальные мирохозяйственные связи, региональную экономическую интеграцию, перестройку каналов сбыта и потребления, выстраивания новых форм взаимодействия между субъектами хозяйствования и распространением гражданского оборота на виртуальную среду. Осознание данных процессов требуется и на нормотворческом уровне в целях создания адекватного правового регулирования, обеспечивающего максимальную эффективность процессов цифровизации по направлениям, где создается высокая добавленная стоимость.

В связи с этим возникает необходимость в научной и практической оценке существующей в Республике Беларусь системы и видов нормативных правовых актов (источников правового регулирования и их уровней) по обозначенной теме.

На уровне Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) вопросы правового регулирования цифровой экономики непосредственно не решаются. Но в Основном Законе белорусского государства достаточно много правовых норм, регулирующих отношения, связанные с экономикой и правом.

В частности, уместно напомнить, что в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права. Государство, все его органы и

должностные лица должны действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (ст. 7 Конституции).

Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях (ст. 13 Конституции) [2]. В связи с этим можно смело утверждать, что правовое регулирование цифровой экономики находится в конституционном поле.

На уровне кодексов, которые являются системообразующими нормативными правовыми актами, закрепляющими принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений и обеспечивающими наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений, можно выявить только правовые нормы об электронной цифровой подписи в Налоговом, Хозяйственно-процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах Республики Беларусь.

При этом вопрос о легитимации цифровых прав в экономической сфере для Республики Беларусь представляется актуальным с учетом более раннего правового закрепления соответствующих понятий. В частности, в 2017 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 8 (далее – Декрет № 8) [6], в котором сформулировано определение токена и регламентирована практика их обращения на созданных в Беларуси криптовалютных биржах.

Следует отметить, что российский законодатель уже определил правовую природу цифровых прав как разновидности имущественных прав. При этом в российской доктрине высказываются неоднозначные точки зрения применительно к цифровым правам.

Например, С. Сарбаш отмечает, что «у цифрового права нет и не может быть никакой самостоятельности. Это ложная сущность в ряду субъективных гражданских прав. Цифровое право на самом деле есть лишь форма, т. е. оформление любого известного права: вещного, обязательственного, корпоративного, исключительного, личного» [5].

Л.А. Новоселова указывает, что «введение в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) новой ст. 141.1 «Цифровые права» свидетельствует о том, что российский законодатель признал существование цифровых прав как самостоятельных объектов гражданского права... Следует признать, что выбранная законодателем формулировка «цифровое право» является не самой удачной и породила немало резонных критических замечаний. В традиционном понимании использование понятия «право» требует пояснения, каково содержание этого права. В данном же случае «цифровое право» используется как замени-

тель технического термина «токен, к которому привязана информация об имущественном праве» [5].

Одновременно российский законодатель решил проблему применительно к цифровым правам на отдельные виды имущества. В частности, утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

Вместе с тем редакция ст. 141.1 ГК РФ позволяет отнести к цифровым правам по сути любые имущественные права, носящие не только обязательственный, но и иной характер, например, вещно-правовой, авторские права и т. д., что, на наш взгляд, требует дополнительной проработки относительно законодательного закрепления варианта «открытого» перечня цифровых прав на уровне ГК. Однако придание цифровому праву признака легитимации уравнивает принцип «открытого» перечня цифровых прав, поскольку отсутствие четкого поименования в законе определенного цифрового права в качестве такового при наличии иных признаков лишает данное право «цифровых» свойств и ставит его в один ряд с иными имущественными правами.

При этом мы можем однозначно согласиться с мнением Л.А. Новоселовой и О.А. Полежаева, что «токенизация объектов гражданских прав влечет повышение степени абстрактности юридических отношений и в первую очередь отношений присвоения, которые видоизменились от непосредственного господства над вещью (отношения собственности) до контроля над цифровым средством отображения объекта» [4].

Следовательно, объективной необходимостью является научная разработка основ механизма правового регулирования отношений с использованием технологии блокчейн, а также понятия и определения правовой природы цифрового актива (цифрового знака, токена, криптовалюты), цифрового права путем создания абсолютно нового правового регулирования либо адаптации действующих гражданско-правовых конструкций с учетом опыта российского законодательства [1, с. 527–530].

Кроме того, как отмечает Р.А. Шарапова, на сегодня в период развития цифровых технологий мы сталкиваемся с возникновением новых объектов права, таких как виртуальная собственность. Возникновение данного объекта вызвало немало вопросов среди ученых-теоретиков по поводу применения к ним норм белорусского законодательства. При этом на высшем уровне конституционного регулирования вопросы закрепления виртуальной цифровой собственности также не находят отражения.

Одной из проблем является отсутствие единого официального законодательного закрепления понятия и понимания, что признается вир-

туальной собственностью или иначе объектом цифровых прав. Одни ученые считают, что это информационные объекты, которые созданы с помощью технических средств. Такое общее определение невозможно использовать в правоприменительной практике. Возможно, правильное представляется понимать создаваемое посредством применения компьютерных средств имущество в цифровой форме, которое может быть использовано неопределенным кругом лиц [8].

По мнению И.В. Новикова, виртуальная собственность – это информационный объект, право на владение которым имеет один или несколько человек. Это онлайн-имущество, которое включает в себя веб-сайты, доменные имена, онлайн-сервисы и т. д. Пользователь интернета стал субъектом права виртуальной собственности. Объекты виртуальной собственности в какой-то мере стали размывать традиционное понятие об объектах собственности, которое сложилось в цивилистике. Эти объекты могут иметь довольно высокую экономическую стоимость, именно поэтому требуют правового регулирования и защиты.

Очень часто цифровое имущество рассматривают как ирреальное, в действительности оно уже давно имеет реальную стоимость. Виртуальная собственность уже продается, принося колоссальный доход. Однако вопрос о виртуальной собственности остается не урегулированным. В виртуальном мире совершаются миллионные сделки, результатом которых являются отнюдь не виртуальные деньги, а вопросы компенсации ущерба, причиненного в виртуальном пространстве, остаются открытыми. Все это происходит потому, что до сих пор не утихают дискуссии и споры о том, можно ли отнести виртуальные объекты к имуществу.

Как мы видим, в связи с развитием цифровых технологий невозможно определить исчерпывающий перечень объектов, которые подходят под понятие виртуальной собственности. Одной из особенностей данных объектов является то, что они существуют в цифровом пространстве и материализовать их невозможно. Исходя из этого, возникает проблема с установлением права собственности на данные объекты [3].

Следующей проблемой виртуальной собственности являются субъекты сделки. В основном все, что мы знаем о данных лицах, это сведения, которые они разместили в сети Интернет. Отсутствует возможность узнать данные о местонахождении лица, контактные данные, сведения о платежеспособности. Следовательно, возникает вопрос, что делать, если сделка была совершена путем обмана с несовершеннолетним лицом, недееспособным? Таким образом, в наше время сложно определить и проверить субъекта, с которым была совершена сделка.

В данной связи согласимся с мнениями Р.А. Шарাপовой, А.В. Лошарева, которые полагают, что «виртуальная собственность во многом

схожа с традиционной, поэтому для каждого типа виртуальной собственности необходимо ввести определенные критерии, которые в будущем позволят обоснованно подходить к разрешению соответствующих конфликтов, в том числе и в судебном порядке. Также необходимо отметить, что виртуальная собственность должна регулироваться законодательством в полном объеме. Только в этом случае конституционное право собственности будет защищено должным образом. В связи с тем что цифровые технологии развиваются очень стремительно, изменения в законодательстве необходимы, поскольку неопределенность по поводу объектов, субъектов, правовой природе виртуальной собственности имеет негативные последствия для граждан и государства» [8].

Однако, как отмечает С.О. Саушкин, «разрешение вопроса о правовом регулировании отношений, связанных с виртуальными объектами осложняется самой спецификой данных отношений, в рамках которых возможно существование таких ситуаций, которые не дают однозначного ответа о возможности применения к ним правовых норм» [7].

Анализируя вышеизложенное, очевидно, что с развитием цифровизации белорусского общества и постепенным переходом информации и деятельности в цифровой (виртуальный) вид возникают правоотношения, в результате которых образуются новые объекты, именуемые «цифровой (виртуальной) собственностью». Данные объекты являются новыми для белорусского законодательства и обладают рядом специфических черт, например: они нематериальны, однако имеют стоимость, эквивалентную реальным деньгам, в связи с чем обращение такого вида собственности требует отдельного правового регулирования как на уровне Конституции, так и на уровне иных законодательных актов.

В частности, полагаем обоснованным перенять опыт российского законодательства и имплементировать их в ГК Республики Беларусь, в ходе чего рассмотреть вопрос об отнесении объектов цифровой собственности к категории «иное имущество, в том числе имущественные права».

На наш взгляд, целесообразно также внести в законодательство Республики Беларусь определение понятия «цифровая (виртуальная собственность)» в следующей формулировке: «цифровая (виртуальная) собственность – объект, полученный в процессе деятельности, осуществляемой с использованием информационно-коммуникационных технологий». В данном понятии отсутствует указание на принадлежность объекта цифровой собственности, поскольку, в нашем понимании, с непрерывным внедрением во все сферы жизнедеятельности информационных технологий государство также будет создавать свои цифровые объекты. В частности, Глава государства в своих выступлениях неодно-

кратно указывал на перспективу создания майнинг-ферм в Республике Беларусь. Таким образом, полагаем, что объекты цифровой собственности в перспективе могут быть как государственными, так и частными.

С учетом тенденций развития цифровой собственности в Республике Беларусь, полагаем, что основы внутреннего обращения объектов цифровой собственности должны иметь более детальное законодательное закрепление, в том числе с учетом вышеуказанных выводов. При этом закрепление фундаментальных положений о регулировании отношений в сфере цифровой (виртуальной) собственности, по нашему мнению, должно найти свое отражение в Конституции Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Бакиновская, О.А. К вопросу о цифровых правах в контексте перспектив развития гражданского законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] / О.А. Бакиновская. – Режим доступа: http://elib.mitso.by/bitstream/edo/1391/1/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%28%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%29-527-530.pdf. – Дата доступа: 11.05.2023.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
3. Новиков, И.В. Виртуальная собственность – перспективы регулирования [Электронный ресурс] / И.В. Новиков. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-sobstvennost-perspektivy-regulirovaniya/viewer>. – Дата доступа: 18.05.2023.
4. Новоселова, Л.А. Цифровые знаки как объекты гражданских прав [Электронный ресурс] / Л.А. Новоселова, О.А. Полежаев // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
5. Новоселова, Л.А. Цифровые права как новый объект гражданского права [Электронный ресурс] / Л.А. Новоселова, А.В. Габов, А.С. Савельев // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Саушкин, С.О. К вопросу о необходимости законодательного определения статуса виртуальных объектов [Электронный ресурс] / С.О. Саушкин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-sobstvennost-perspektivy-regulirovaniya/viewerhttps://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-zakonodatelnogo-opredeleniya-statusa-virtualnyh-obektov>. – Дата доступа: 10.05.2023.
8. Шарапова, Р.А. Проблемы правового регулирования виртуальной собственности [Электронный ресурс] / Р.А. Шарапова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-pravovogo-regulirovaniya-virtualnoy-sobstvennosti>. – Дата доступа: 21.05.2023.

УДК 343.8

В.М. Куницкий, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Яловик*

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЙ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Понятие, содержание и общие положения назначения исправительных работ закреплены в ст. 52 «Исправительные работы» Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). Применение исправительных работ к несовершеннолетним, достигшим шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, регламентированы специальной нормой, предусмотренной ст. 113 «Исправительные работы» разд. V «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет» УК [1].

Сущность этого наказания заключается в удержании денежных средств из заработка осужденного в доход государства по основному месту его работы.

Исправительные работы, применяемые к несовершеннолетним, имеют определенные отличия от этого наказания в отношении взрослых лиц. Так, исправительные работы несовершеннолетним могут быть назначены на срок от двух месяцев до одного года, в то время как для совершеннолетних – на срок от шести месяцев до двух лет. В отличие от совершеннолетних, у которых удержание из заработка устанавливается в пределах от 10 до 25 %, но не менее одной базовой величины, ч. 2 ст. 113 УК устанавливает удержание из заработка несовершеннолетнего в пределах от 5 до 15 %.

До недавнего времени исправительные работы являлись одним из самых распространенных наказаний, применяемых в Республике Беларусь. Их удельный вес в числе всех назначаемых судами наказаний вплоть до 2006 г. составлял ежегодно в среднем 25 %. Начиная с 2007 г. наблюдается тенденция к постоянному сокращению удельного веса этого наказания. Так, в 2007 г. их удельный вес составил 19 %, в 2010 г. – 10,9 %; в 2015 г. – 5,3 %; в 2016 г. – 4,6 %; в 2017 г. – 4,6 %; в 2018 г. – 4,8 %; в 2019 г. – 4,8 %; в 2020 г. – 4,5 %; в 2021 г. – 3,5 % [2, с. 154]. С положительной стороны необходимо отметить, что сохранение данного вида наказания основывается на государственной политике по расширению использования наказаний, не связанных с лишением свободы, и оказывающих существенное воспитательно-исправительное воздей-

стве в условиях осуществления осужденными трудовой деятельности. При этом, как свидетельствует практика, применение такого вида наказания в большинстве случаев достигает своей цели, а именно – исправление осужденного.

За период действия нормы, предусмотренной ст. 52 УК, законодатель неоднократно обращался к ее совершенствованию, вносил изменения и дополнения. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 416 УК, которая предусматривала уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ, исключена. В связи с декриминализацией ст. 416 УК законодатель одновременно дополнил ст. 52 УК ч. 7, согласно которой в случаях злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде исправительных работ суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить исправительные работы арестом из расчета один день ареста за три дня исправительных работ, но на срок не свыше трех месяцев (лицу, совершившему преступление в возрасте до 18 лет, – на срок не свыше двух месяцев) или ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за полтора дня исправительных работ. Тем самым был введен институт замены назначенного наказания при уклонении от его отбывания более строгим наказанием без привлечения осужденного к уголовной ответственности за уклонение. Кроме того, законодатель расширил перечень лиц, которым не могут назначаться исправительные работы. Следует отметить, что ст. 113 УК изменениям и дополнениям не подвергалась.

Исправительные работы назначаются лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от двух месяцев до одного года по месту работы (ч. 1 ст. 113 УК).

Вместе с тем, как показывает анализ, в практике назначения и исполнения исправительных работ продолжают иметь место нерешенные вопросы, которые указывают на возможность дальнейшего совершенствования законодательного регулирования данного наказания, улучшая тем самым действие норм, обеспечивающих эффективность исправительных работ.

В ст. 37 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) регламентирован порядок исполнения наказания в виде исправительных работ [3]. В уголовно-исполнительном законе предусмотрен механизм исполнения данного наказания и в тех случаях, когда осужденный к моменту вступления приговора в законную силу не работает. Установленный в ч. 4 ст. 37 УИК порядок трудоустройства осужденных к исправительным работам является общим и не учитывает такую кате-

горию несовершеннолетних, достигших шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, которые обучаются в учреждениях образования.

Наказание в виде исправительных работ осужденные отбывают по месту работы, они привлекаются к отбыванию наказания не позднее пятнадцатидневного срока со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию (УИИ) соответствующего распоряжения суда с копией приговора. УИИ ведут учет осужденных, разъясняют порядок и условия отбывания наказания, контролируют соблюдение условий отбывания наказания осужденными и выполнение предписаний приговора администрацией организаций, в которых работают осужденные, контролируют правильность и своевременность удержаний из заработной платы осужденных и перечисление удержанных сумм в соответствующий бюджет, организуют и проводят с осужденными воспитательную работу, контролируют поведение осужденных.

Если осужденный к исправительным работам к моменту вступления приговора в законную силу не работает, ему предлагается устроиться на работу в течение пятнадцати дней по собственному желанию. Если осужденный не устроился на работу по истечении указанного срока, он направляется в комитет по труду, занятости и социальной защите и трудоустроивается с его помощью в приоритетном порядке. В этом случае осужденный к исправительным работам не вправе отказываться от предложенной ему работы по месту жительства.

Осужденные несовершеннолетние к исправительным работам состоят на учете в УИИ и в инспекции по делам несовершеннолетних и обязаны соблюдать установленный порядок и условия отбывания данного наказания. Из заработка осужденных производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда.

Назначение исправительных работ тем несовершеннолетним, которые обучаются в образовательных учреждениях, на наш взгляд, не имеет смысла. Более того, назначение данного вида наказания тем несовершеннолетним, которые не работают, а учатся, будет направлено в ущерб их образованию, что нарушает гарантированное им законодательством (ст. 49 Конституции Республики Беларусь) право на образование [4]. О нецелесообразности применения исправительных работ к несовершеннолетним, которые учатся, высказывался И.И. Горелик [5, с. 93].

Таким образом, в целях обеспечения несовершеннолетним конституционного права на образование в ст. 52 УК следовало бы ограничить применение исправительных работ к несовершеннолетним, которые обучаются в учреждении образования. В связи с этим нами предлагается п. 1 ч. 3 ст. 52 УК после слова «возраста» дополнить словами «, а равно обучающимся в учреждении образования».

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по состоянию 23 янв. 2023 г. – Минск : Акад. МВД, 2023. – 232 с.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь за 2022 год / И.В. Медведева, Е.И. Кухаревич [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 374 с.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 янв. 2000 г., № 365-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023. – 80 с.
5. Горелик, И.И. Наказание и его назначение / И.И. Горелик. – Минск : Госюриздат, 1978. – 140 с.

УДК 342.9

А.Н. Мосийчук, выпускник магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Наряду с необходимостью правового регулирования информационно-коммуникативной деятельности управления немаловажное значение имеет институциональное закрепление организационно-функциональных структур и форм, посредством которых данная деятельность находит свое внешнее выражение и практически реализуется.

В методологическом плане определенный интерес представляет зависимость организационной структуры системы управления как от нормативно возложенных на нее функций, так и объективно существующих, но требующих организационно-структурного обеспечения.

В аспекте изложенного необходимо отметить, что еще в начале XX в. В.И. Ленин отмечал, что «характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения» [1, с. 109].

В дальнейшем вопрос о влиянии функции органов на его структуру был осознан и выдвинут советскими учеными-правоведами – специали-

стами в области государственного управления в середине 1960-х гг. Ими подчеркивалось, что «движущей пружиной науки управления» служит проблема зависимости структуры управленческого аппарата и его отдельных звеньев от функций этого аппарата [2, с. 15].

Более глубокое научное осмысление определения понятия, содержания, организационных структур управления, их юридического оформления, выработке методологических подходов к их проектированию и совершенствованию, а также приоритетный характер влияния функций на формирование основных элементов структуры управления получило в 1970-х гг. в трудах И.Л. Бачило [3, л. 130–149]. В 1980-х гг. правовые проблемы организации структур и их функций в системе советского государственного управления в своей докторской диссертации исследовал В.Б. Аверьянов [4].

Таким образом, организационная структура и функции являются важнейшими характеристиками органа управления, в них находят непосредственное выражение, соответственно, его организация и деятельность. Организационная структура составляет внутреннюю форму организации (внутреннее устройство органа управления), а функции – материальное содержание его деятельности по выполнению стоящих перед ним задач [5, с. 15].

Рассматривая структурно-функциональное построение системы управления органов внутренних дел (ОВД) в современных условиях, Ф.В. Лидер отмечает: «Функциональные и структурные элементы в системе управления органами внутренних дел составляют противоречивое единство содержания и формы данной системы. Целостность такого единства зависит от того, насколько точно сформулированы цели всей системы и отдельно взятых элементов, уточнены соответствующие каждому уровню системы управления функции, обоснованы необходимые для их реализации структуры, а также ресурсные источники (кадровые, информационные, материально-технические)» [6, с. 8].

На основе богатого социологического материала данный автор приходит к выводу, что в системе управления ОВД имеют место тенденции к возникновению структурно-функциональных проблемных ситуаций, указывающих:

на рассогласование во взаимодействии объективной (потребности, функции) и субъективной (цели, задачи) сторон управления;

превалирование структурных изменений над функциональными, что неизбежно ведет к снижению социальной эффективности деятельности ОВД, престижа службы, к различным организационным деформациям (в системе кадрового обеспечения, принятия управленческих решений и т. д.).

С учетом рассмотренных методологических позиций, выражающих зависимость основных элементов структуры управления, содержание управленческой и организационной правоохранительной деятельности от объективно существующих и закрепленных функций, следует перейти к раскрытию организационно-структурного обеспечения информационно-коммуникативной функции в системе управления ОВД.

Основным структурным звеном ОВД, целенаправленно занимающимся информационным сопровождением деятельности ОВД, реализацией информационной правоохранительной политики Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД) и обеспечением связей с общественностью, в том числе со средствами массовой информации (СМИ), являются подразделения информации и общественных связей.

Данная структура берет начало с 1980-х гг., когда 10 июня 1983 г. был подписан приказ МВД СССР, согласно которому в структуре центрального аппарата МВД страны было создано Пресс-бюро, отвечающее за пропаганду деятельности ОВД, за взаимодействие с редакциями СМИ, издательствами, а также творческими организациями. Именно тогда стали создавать и использовать профессиональные инструменты PR-деятельности ОВД [7, л. 63–64].

Эту позицию подтверждают преобразования и видоизменения функций структурных подразделений МВД СССР, отвечающих за информационно-аналитическую и коммуникационную деятельность. Менялись и их названия: Пресс-центр, Отдел по взаимодействию со СМИ, Центр общественных связей, Управление информации и общественных связей. В состав управления входили пресс-центр, отдел информационного обеспечения и координации работы подразделений информации центрального аппарата МВД, отдел организационно-плановой работы и координации деятельности подразделений информации ОВД, секретариат.

Таким образом, наблюдалось структурное оформление субъекта связей с общественностью ОВД и его трансформация в современное состояние, что означало начало проявления тенденции институционализации данного направления служебной деятельности ОВД, а также тенденции расширения их информационно-коммуникационного ресурса и становления информационно-аналитического обеспечения.

В Республике Беларусь унифицированный подход к созданию и организационному оформлению подразделений по связям с общественностью республиканских и местных органов государственного управления получил закрепление в связи с изданием Указа Президента Республики Беларусь от 6 февраля 2009 г. № 65 «О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации» (далее – Указ № 65) [8].

Указом № 65 устанавливалось, что государственные органы и иные государственные организации осуществляют информационное обеспечение и сопровождение государственной политики в соответствующей сфере (отрасли) путем взаимодействия со СМИ, продвижения информации в глобальной компьютерной сети Интернет, а руководители государственных органов несут персональную ответственность за состояние данной работы.

Организация этой работы в государственных органах и иных государственных организациях, в том числе МВД, возлагается на пресс-секретаря или ответственного за работу со СМИ руководителя структурного подразделения, определяемого руководителем государственного органа.

Современная организационная структура и наименование «Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь» (УИОС) получила свое нормативное закрепление в 2020 г. [9]. В соответствии с Положением об УИОС в его структуру входят: отдел по взаимодействию со СМИ; отдел по работе в интернет-пространстве.

Основными задачами УИОС являются:

освещение в СМИ и глобальной компьютерной сети Интернет вопросов, относящихся к компетенции МВД;

участие в информационных кампаниях в рамках проводимой в стране государственной информационной политики;

обеспечение взаимодействия МВД со СМИ, государственными органами и иными организациями, общественными объединениями и гражданами по вопросам, относящимся к компетенции управления;

подготовка и проведение информационных мероприятий по формированию положительного имиджа ОВД и повышению правовой грамотности граждан;

контроль деятельности подразделений ИОС ОВД по вопросам информационно-коммуникативной деятельности;

информирование руководства МВД о материалах в СМИ и сети Интернет, касающихся деятельности ОВД;

оперативное реагирование на события в мировом и (или) национальном информационных пространствах, относящиеся к деятельности ОВД;

осуществляет развитие и информационное сопровождение информационной системы «Сайт органов внутренних дел Республики Беларусь».

Управление возглавляет начальник – пресс-секретарь МВД, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Министром внутренних дел Республики Беларусь. Систему подразделений ИОС обра-

зуют отделы ИОС, отделения ИОС, группы ИОС, образуемые в ОВД различного управленческого уровня, учреждениях образования, учреждениях здравоохранения, иных организациях, подчиненных ОВД, а также пресс-офицеры, представляющие наиболее крупные ОВД.

Пресс-службу МВД как республиканского органа государственного управления образуют наряду с УИОС также ведомственные издания, подчиненные МВД: газета «На страже» и журнал «Милиция Беларуси», а также телепрограммы, представленные в медийном пространстве.

Кроме того, стоит выделить подсистему подразделений агитации и пропаганды, созданную в Государственной автомобильной инспекции (ГАИ).

Отдельными организационно оформленными структурами, реализующими информационно-коммуникативную функцию, являются *внештатные корреспондентские пункты (ВКП) и информационно-пропагандистские группы*.

Основное назначение ВКП – взаимодействие со СМИ. ВКП создается в управлениях, отделах внутренних дел городских, районных исполнительных комитетов и обеспечивает:

организацию и проведение брифингов, пресс-конференций, встреч руководства ОВД с представителями СМИ, привлечение руководителей подразделений ОВД для участия в заседаниях круглых столов по актуальным вопросам борьбы с преступностью;

мониторинг СМИ, а также глобальной компьютерной сети Интернет на предмет выявления материалов дискредитирующего характера, своевременное информирование начальника ОВД с последующей выработкой необходимых мер информационного реагирования;

оказание представителям СМИ консультативной и организационной помощи в подготовке мероприятий и материалов о деятельности ОВД.

Задачами ВКП являются:

своевременное предоставление достоверных сведений в СМИ о деятельности ОВД;

формирование положительного имиджа сотрудника ОВД, уважительного отношения к деятельности ОВД;

регулярное предоставление сведений для размещения на официальных интернет-сайтах ОВД о деятельности ОВД;

распространение объективной информации о наиболее значимых преступлениях и происшествиях;

привлечение внимания государственных органов и иных организаций, органов местного управления, СМИ, населения к проблемам борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и общественной безопасности;

повышение уровня правовой культуры населения.

ВКП создается приказом начальника ОВД, персональный состав которого утверждается ежегодно.

В состав ВКП входят заместитель начальника ОВД по идеологической работе и кадровому обеспечению (руководитель), наиболее подготовленные к данной деятельности сотрудники других подразделений и аккредитованные при ОВД журналисты (при необходимости и их желании). В ОВД, где создание ВКП не предусмотрено, приказом начальника определяется лицо, ответственное за взаимодействие со СМИ.

Общий порядок эффективного реагирования на информационные поводы, возникающие в сфере деятельности ОВД, а также формирования положительного имиджа и укрепления авторитета сотрудников милиции определен в п. 174 Инструкции о порядке организации идеологической работы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 333.

Основное назначение *информационно-пропагандистских групп* ОВД – текущее информирование в ходе единых дней информирования. Данные группы создаются и действуют в порядке, устанавливаемым приказом МВД Республики Беларусь от 16 марта 2022 г. № 62 «О деятельности информационно-пропагандистских групп».

Одновременно, независимо от специально созданных организационных структур, информационно-коммуникативная деятельность находит свое выражение в конкретных действиях руководящего и исполнительского состава ОВД в процессе выполнения ежедневных оперативно-служебных задач путем использования СМИ, личных встреч и выступлений перед населением, работы с руководителями общественных объединений и религиозных организаций.

В частности, информационно-коммуникативная функция во внешнем информационном контуре обеспечивается посредством проведения руководящим и исполнительским составом ОВД воспитательно-профилактической работы с гражданами, основными задачами которой являются формирование у граждан правовой культуры и правопослушного поведения, активной позиции в предупреждении правонарушений, оказании помощи правоохранительным органам в поддержании правопорядка в государстве, предусмотрев участие в проводимых воспитательно-профилактических мероприятиях в организациях, на предприятиях, в учреждениях образования или по месту жительства граждан. Общий порядок и периодичность проведения такой работы определены в приказе МВД Республики Беларусь от 28 апреля 2017 г. № 104 [10].

Создание, развитие и должное ресурсное обеспечение подразделений ИОС, ВКП, агитации и пропаганды ГАИ, других подразделений, руководящего и исполнительского состава ОВД в информационно-

коммуникативной сфере выступает залогом востребованности и результативности применяемых форм и методов информационно-коммуникативной деятельности.

Немаловажное значение имеет знание сотрудников ОВД о видах и возможностях различных коммуникационных каналов, посредством которых распространяется нужная информация для конкретных целевых групп, а также по которым осуществляется обратная связь. Наряду с давно зарекомендовавшими себя каналами межличностной (индивидуальной и групповой) и массовой коммуникации (печать, радио, телевидение), с учетом развития информационно-коммуникационных технологий, значительное развитие получили коммуникации, реализуемые посредством социальных сетей и мессенджеров, других медиаканалов, а также наружная реклама, PR-акции, используемые ОВД в современных условиях для проектирования информационного пространства и содержательного наполнения информационных материалов, установления обратной связи.

Таким образом, проведенный анализ организационно-структурного обеспечения реализации информационно-коммуникативной функции в системе управления и деятельности ОВД, с учетом уровней управления, содержания и направленности информационного воздействия, использования коммуникационных каналов распространения, охвата целевой аудитории позволяет сделать ряд теоретико-методологических выводов.

1. Под организационной структурой ОВД следует понимать целостную совокупность его подразделений, выстроенных в соответствии с предназначением, возложенными функциями и делегированными полномочиями в гармоничном сочетании с профессионально отлаженной системой взаимоотношений всех субъектов правоохранительной деятельности.

При этом важно, чтобы структурные подразделения и их должностные лица имели требуемое нормативное закрепление, взаимосвязаны между собой, организационно обеспечены, получали определенную последовательность реализации возложенных на них полномочий, а также были восприимчивы к изменениям, обусловленным динамикой общественных отношений.

2. Для обеспечения эффективной реализации информационно-коммуникативной функции ОВД их организационная структура должна быть гибкой, подвижной, адаптивной к динамичным социально-экономическим условиям.

Опираясь на структуры, реализующие информационно-коммуникативную функцию, ОВД в более полной мере используют свои информационные и коммуникативные возможности, что обеспечивает

не дискретные (прерывные) сигналы обратной связи, а устойчивую, планомерную и репрезентативную информационно-коммуникативную деятельность, определяющую эффективность всего управленческого процесса.

3. Современными тенденциями организационного обеспечения информационно-коммуникативной деятельности (в том числе и связей с общественностью) как функции управления ОВД являются:

институционализация их организационных структур, включающая нормативное правовое и организационно-структурное оформление с представленностью в мессенджерах и сети Интернет;

расширение информационно-коммуникационных каналов на основе использования современных технических средств и социальных технологий;

укрепление информационно-аналитического обеспечения PR-деятельности, в том числе с помощью социологического мониторинга общественного мнения о состоянии криминогенной обстановки и эффективности работы ОВД.

Список использованных источников

1. Ленин (Ульянов), В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения (1902 г.) / В.И. Ленин. – Ленинград : Прибой, 1925. – 254 с.
2. Ямпольская, Ц.А. Вступительная статья в книге Старосьцяк Е. Элементы науки управления / Ц.А. Ямпольская. – М. : Прогресс, 1965. – С. 15–20.
3. Бачило, И.Л. Правовые проблемы организации структур и их функций в системе советского государственного управления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / И.Л. Бачило. – М. : АН СССР. Ин-т государства и права, 1979. – 398 л.
4. Аверьянов, В.Б. Проблемы соотношения содержания деятельности и организационных структур аппарата советского государственного управления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / В.Б. Аверьянов. – Киев : АН УССР. Ин-т государства и права, 1987. – 380 л.
5. Белов, В.А. Взаимодействие организационной структуры и функций управления / В.А. Белов // Вестн. РУДН. Сер. «Юрид. науки». – 2000. – № 2. – С. 15–20.
6. Лидер, Ф.В. Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.08 / Ф.В. Лидер ; Акад. упр. МВД России. – М., 2012. – 24 с.
7. Каспарова, Э.А. Связи с общественностью в деятельности ОВД России (на примере Краснодарского края) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Э.А. Каспарова. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2008. – 183 л.
8. О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации [Электронный

ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 февр. 2009 г., № 65 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 19.03.2020 г. № 106 / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. Об утверждении Положения об управлении информации и общественных связей Министерства внутренних дел Республики Беларусь : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 25 марта 2020 г. № 60.

10. Об организации воспитательно-профилактической работы с гражданами, проводимой личным составом органов внутренних дел Респ. Беларусь : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 28 апр. 2017 г. № 104.

УДК 342.9

Н.Е. Мурзич, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЗМЕЗДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕКСУАЛЬНЫМИ УСЛУГАМИ

В практической деятельности органов внутренних дел (ОВД) часто возникают сложности при квалификации деяния лица, занимающегося проституцией. Что принято считать под занятием проституцией? Как отличить проституцию от легкого поведения? Какие существуют признаки и несут ли ответственность клиенты сексуальных услуг? В данной научной статье будут даны ответы на стоящие вопросы, а также будет обоснована необходимость установления административной ответственности за возмездное использование сексуальных услуг.

Одной из самых актуальных проблем современности является такое негативное явление, как проституция. Под ней принято понимать добровольное, систематичное оказание сексуальных услуг (половое сношение, мужеложство, лесбиянство) за вознаграждение, которое служит основным либо существенным дополнительным источником избранного (ведомого) образа жизни. Разбирая данное определение, можно выделить его следующие основные элементы: добровольность, систематичность, платность, оказание услуг неопределенному кругу лиц.

Под добровольностью принято понимать оказание сексуальных услуг по собственному желанию, без какого-либо принуждения к их оказанию. В случае принуждения лица к оказанию сексуальных услуг,

оно не будет подлежать административной ответственности, а лицо, принуждающее к занятию данным видом услуг, будет подвергнуто уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством. Так, по всей стране за 2022 г. сотрудниками Следственного комитета Республики Беларусь было возбуждено 64 уголовных дела за принуждение к занятию проституцией [1].

Под признаком систематичности понимается оказание сексуальных услуг на протяжении определенного времени и, как правило, с периодическим повторением. Ряд различных исследователей выделяет признак систематичности, под которым понимают вступление в сексуальные отношения не менее трех раз.

Платность заключается в предварительном соглашении между лицом, оказывающим сексуальные услуги, и клиентом об оплате. Оплата может быть выражена не только в денежном виде, но также и в виде каких-либо материальных ценностей. На практике имеется сложность разграничения между занятием проституцией и легким поведением. Именно благодаря предварительному соглашению об оплате, можно разграничить два этих сходных между собой понятия.

Сексуальные услуги оказываются неопределенному кругу лиц. Это могут быть различные категории граждан, как граждане Республики Беларусь, так и иностранные граждане, как мужчины, так и женщины. Притом лицо оказывает услуги разным клиентам, с которыми оно может быть даже незнакомо, но также могут быть и постоянные клиенты. В современных условиях существуют различные специализированные интернет-сайты, телеграмм-каналы, где лица, занимающиеся проституцией, предлагают за фиксированную плату оказание данного вида услуг.

Все признаки данного явления тесно взаимосвязаны между собой и являются обязательными при квалификации преступления за принуждение к занятию проституцией либо административного правонарушения за занятие проституцией.

Анализируя отечественное и зарубежное законодательство, следует отметить, что некоторые европейские страны пришли к легализации данного явления. К таковым относятся Венгрия, Германия, Нидерланды, Турция, Бельгия и др. Интересным является и тот факт, что среди всех этих стран первой легализовала проституцию Венгрия, и там эта профессия приравнена к индивидуальной трудовой деятельности и регулируется законом малого бизнеса.

В странах СНГ, в том числе и в Республике Беларусь, данное деяние запрещено, и лица, занимающиеся данным видом деятельности, несут ответственность, установленную законодательством своей страны. Как правило, за проституцию ответственность предусмотрена административно-правовыми нормами.

Анализируя исторический период установления ответственности за проституцию на территории Беларуси, впервые занятие проституцией было запрещено Указом Верховного Совета СССР от 23 июня 1987 г. Лица, занимающиеся данным видом деятельности сегодня, совершают административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 19.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) и подлежат административной ответственности, которая влечет за собой наложение штрафа в размере от 6 до 20 базовых величин, или общественные работы, или административный арест [2].

В белорусском государстве также предусмотрена и уголовная ответственность по ст. 171¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь за вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией, которая влечет за собой уголовную ответственность и наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет со штрафом [3]. Так, в 2022 г. был задержан и привлечен к уголовной ответственности иностранный гражданин, который обучался на территории Республики Беларусь. Иностранец знакомился с девушками через сеть Интернет и после непродолжительного знакомства предлагал подзаработать денежные средства, оказывая сексуальные услуги. Клиентов подбирал иностранный студент из иностранных граждан своего государства, которые посещали Республику Беларусь в туристических целях [4]. Вместе с тем следует отметить, что в настоящей статье объектом исследования являются административно-правовые нормы, в связи с чем приведенная для сведения уголовная ответственность не будет являться определяющим фактором для конструирования выводов проводимого исследования и сделанных предложений.

Особой проблемой во всех государствах выступает детская проституция. В связи с чем 28 сентября 2017 г. в штаб-квартире ООН была организована встреча, где со своей речью выступил заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь, на тот момент времени Андрей Дапкюнас. В своем выступлении заместитель Министра подчеркнул, что международные усилия по борьбе с детской проституцией остаются далеко от адекватных и призвал всех партнеров к поиску идей по борьбе с детской проституцией и порнографией. Как отметил Андрей Дапкюнас, дети в силу своей доверчивости и наивности становятся легкими жертвами в сети Интернет, что и способствует резкому росту детской проституции [5].

В последнее время, исходя из статистических данных, видна тенденция роста мужской проституции. В 2019 г. на телеканале ОНТ выступил

заместитель Министра внутренних дел Республики Беларусь Геннадий Аркадьевич Казакевич, где им было подчеркнуто: «Феномен мужской проституции постепенно набирает обороты. Мы это констатируем исходя из своей профессиональной деятельности. За прошлый год мы привлекли к административной ответственности около 100 мужчин, которые занимались проституцией» [6].

Государству следует принять необходимую меру по борьбе с проституцией, которая будет запрещать использование сексуальных услуг, всех существующих видов проституции. По нашему мнению, необходимо ввести административную ответственность в КоАП лиц, пользующихся услугами проститутки (клиентов данных лиц). Тем самым в белорусском государстве уменьшится спрос на такой вид услуг, чем уменьшится и предложение. Именно уменьшение спроса и предложения будет свидетельствовать об интересе государства и борьбе с решением проблемы, связанной с проституцией.

Изучая данную проблему, следует отметить, что лица, пользующиеся сексуальными услугами, понимают, что данный вид услуг запрещен белорусским законодательством, но ввиду отсутствия нормы, регулирующей данные отношения, и существующей безнаказанности за возмездное использование сексуальных услуг, активно пользуются имеющейся возможностью. Причем категория граждан, использующих сексуальные услуги, является на данный момент довольно обширной. Такими лицами могут быть как граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица, не имеющие принадлежности к какому-либо государству. Следует отметить, что иностранные граждане часто приезжают в Беларусь из-за низкой цены на данный вид услуг, что вызвано экономическими особенностями между государствами.

В связи с этим белорусскому государству целесообразно внести в КоАП статью, предусматривающую административную ответственность для клиентов сексуальных услуг. Таким образом, предлагаем внести в гл. 19 КоАП статью следующего содержания:

«Статья 19.14. Возмездное использование услуг сексуального характера

1. Возмездное использование сексуальных услуг (лесбиянство, мужеложство и иные действия сексуального характера лица, занимающегося проституцией, влечет наложение штрафа в размере от шести до двадцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест, для иностранных граждан – депортацию.

2. Те же действия, совершенные повторно, влекут наложение штрафа от двадцати до тридцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест.»

Следует отметить, что в данной статье будет применяться такой вид административного взыскания, как депортация, применяемая только к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Согласно ст. 70 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» последствиями депортации иностранного гражданина будет являться внесение его в список лиц, въезд которым запрещен или нежелателен, что повлечет недопущение заезда иностранного гражданина на территорию Республики Беларусь с последующей целью использования данных видов услуг [7].

Программа развития ООН постоянно выступает с рекомендациями по борьбе со спросом на сексуальные услуги. Многие из этих рекомендаций нашли свое отражение в нормах основных современных международных договоров. Кроме того, Советом Европы 13 октября 2017 г. во исполнение Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми рекомендовано Беларуси «рассмотреть вопрос о признании в качестве уголовного преступления использование услуг лиц, которые являются объектом эксплуатации, ... когда заведомо известно, что данное лицо является жертвой торговли людьми» [8].

Таким образом, путем установления административной ответственности за возмездное использование сексуальных услуг государству удастся снизить количество лиц, занимающихся проституцией, но искоренить занятие проституцией вряд ли получится. Применение данной нормы к иностранным гражданам повлечет изменения их административно-правового статуса и привлечение их к ответственности за данную статью может являться основанием отказа данным лицам в получении временного разрешения на проживание, а также и на получение разрешения на постоянное проживание. Следует отметить, что именно с помощью данной меры государство сможет минимизировать масштабы проблемы, максимально эффективно действуя как в отношении проституток, так и в отношении их клиентов, независимо от их гражданства.

Список использованных источников

1. 64 уголовных дела за занятие проституцией возбудили следователи за 2022 год [Электронный ресурс] / SB.BY Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/171-ugolovnoe-delo-za-zanyatie-prostitutitsiey-vozbudili-sledovатели-za-2022-god.html>. – Дата доступа: 23.05.2023.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 1 марта 2021 г., № 93-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек.

2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. № 226-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Иностранец предлагал белорускам заработать на интим-услугах [Электронный ресурс] / РУП «Белорусское телеграфное агентство». – Режим доступа: <https://www.belta.by/incident/view/inostranets-predlagal-beloruskam-zarabotat-na-intim-uslugah-488242-2022/>. – Дата доступа: 23.05.2023.

5. Об участии заместителя Министра иностранных дел Беларуси А. Дапкюнаса в мероприятиях на полях Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/a327d71ea310090b.html. – Дата доступа: 23.05.2023.

6. Общенациональное телевидение. Мужская проституция в Беларуси: около 100 мужчин привлечены к ответственности в 2019 году [Электронный ресурс] / Общенациональное телевидение. – Режим доступа: <https://ont.by/news/muzhskaya-prostituticiya-v-belarusi-okolo-100-chelovek-privlecheny-k-otvetstvennosti-v-2019-godu>. – Дата доступа: 23.05.2023.

7. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3 : в ред. от 09.01.2019 г. № 168-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. О присоединении Республики Беларусь к Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2013 г., № 40-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 349.23

Т.В. Новик, выпускник магистратуры факультета
повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.В. Боровая*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕНИ ОТДЫХА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

По мере развития производственных отношений, широкого распространения наемного труда возрастает интерес к вопросу правового регулирования рабочего времени, а затем и времени отдыха. На протяжении

XIX в. в большинстве западных стран были приняты законодательные акты, которые предусматривали предоставление выходного дня по воскресеньям, а также освобождение женщин от работы в связи с родами. Предоставление оплачиваемых отпусков в указанный период времени регламентировалось в коллективно-договорном или индивидуально-договорном порядке. Обязательные отпуска предусматривались для некоторых категорий государственных служащих и офицеров. Такая практика получила развитие в европейских странах, а также в Австралии, Канаде и др. [1].

После Первой мировой войны произошли значительные изменения в правовом регулировании вопросов предоставления времени отдыха. Большое значение в развитии правового регулирования времени отдыха сыграла созданная в 1919 г. Международная организация труда (МОТ), основными задачами которой являются улучшение условий труда, повышение жизненного уровня работников [2].

Для осуществления указанных задач МОТ устанавливает международные трудовые нормы в виде конвенций и различных рекомендаций по социально-трудовым вопросам. Так, Конвенция МОТ № 14 о еженедельном отдыхе на промышленных предприятиях 1921 г. предусматривала для работающих на промышленных предприятиях право на еженедельный отдых, включающий не менее 24 последовательных часов; Конвенция МОТ № 52 о ежегодных оплачиваемых отпусках 1936 г. – право на ежегодный оплачиваемый отпуск, равный шести рабочим дням за год непрерывной работы.

В 1948 г. Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что «каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и оплачиваемый периодический отпуск» (ст. 24).

Конвенция МОТ № 106 о еженедельном отдыхе в торговле и учреждениях 1957 г. конкретизировала и уточнила Конвенцию МОТ № 14.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. право на отдых рассматривается в неразрывной взаимосвязи с «разумным ограничением рабочего времени».

Конвенцией МОТ № 132 об оплачиваемых отпусках 1970 г. установлена минимальная продолжительность оплачиваемого отпуска для всех работающих по найму – 21 день в год.

К концу XX в. во многих странах Запада продолжительность отпуска была увеличена до 5–6 недель, были установлены оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска, связанные с обстоятельствами семейной жизни, учебные отпуска, отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1–8 лет и др. [3, с. 496–502].

В Европейской социальной хартии 1996 г. упоминаются следующие виды времени отдыха: еженедельный отдых, который по возможности должен совпадать с днем недели, признаваемым по традициям или обычаям страны днем отдыха; оплачиваемые праздничные дни; «как минимум четырехнедельный ежегодный оплачиваемый отпуск» [4, с. 130].

На значительной части территории Беларуси (в составе Российской империи) вопрос правового регулирования времени отдыха возник в 1861 г. после отмены крепостного права.

Основы правового регулирования рабочего времени и времени отдыха на белорусских землях в составе Российской империи были заложены Законом от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности». Он устанавливал выходные дни по воскресеньям и общегосударственные праздничные (нерабочие) дни. В дальнейшем согласно Уставу о промышленном труде 1913 г. время отдыха в виде перерывов для отдыха и питания и расписание праздников должны были предусматриваться правилами внутреннего распорядка.

В 1918 г. был принят Кодекс законов о труде РСФСР (далее – КЗоТ 1918 г.). Он стал первым в мире кодифицированным нормативным правовым актом о труде. Данным кодексом провозглашалось право трудящихся на труд, устанавливались продолжительность рабочего дня, перерыв для отдыха и принятия пищи (ст. 89 «Перерыв должен иметь место на позднее как через 4 часа после начала работы и продолжительность его не может быть менее ½ часа и больше 2-х часов. Для работниц, кормящих ребенка грудью, должны быть установлены дополнительные перерывы через каждые три часа не менее ½ часа.»), еженедельный непрерывный отдых (ст. 103 – не менее 42 часов), месячный отпуск (в данный период было запрещено производство платной работы), ограничивались сверхурочные работы и др.

Большинство правовых норм, установленных в КЗоТ 1918 г., нашли отражение в последующих кодексах о труде (КЗоТ 1929 г., КЗоТ 1972 г.).

В советский период законодательство о труде более подробно регламентировало время отдыха. Так, в Кодексе законов о труде БССР 1972 г. (далее – КЗоТ 1972 г.) времени отдыха посвящена гл. V «Время отдыха». Интересно, что данный кодекс предусматривал минимальный ежегодный отпуск продолжительностью не менее 15 рабочих дней (для сравнения КЗоТ 1918 г. – месячный).

Современный этап развития законодательства о времени отдыха в Беларуси связан с принятием действующего Трудового кодекса Республики Беларусь 1999 г. (ТК).

По сравнению с КЗоТом 1972 г. действующий ТК значительно подробнее регламентирует вопросы, связанные с предоставлением времени отдыха. В ТК правовому регулированию времени отдыха посвящены гл. 11 «Перерывы в течение рабочего дня. Государственные праздники, праздничные и выходные дни», гл. 12 «Трудовые и социальные отпуска». Кроме того, положения о времени отдыха содержатся и в других главах ТК.

Право на отдых закреплено в Основном Законе нашей страны – Конституции Республики Беларусь. Так, ст. 43 гласит, что каждый работник имеет «право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск». Правовое регулирование времени отдыха кроме того осуществляется «актами международного права, многочисленными актами законодательства, регламентирующими отдельные виды времени отдыха (отпуска и пр.), локальными нормативными правовыми актами. Законодательство Республики Беларусь о времени отдыха активно развивается» [5, с. 128].

По мере закрепления правовых норм, регулирующих трудовые отношения, начали появляться первые специальные исследования по данным вопросам. Первые очерки, лекции, статьи на тему времени отдыха относятся к концу XIX – началу XX в. Разработкой проблем фабричного законодательства занимались фабричные инспекторы, которые внесли большой вклад в формирование и развитие науки трудового права. Например, А.Н. Быков (1860–1919 гг.) исследовал проблемы социального страхования рабочих, правовой регламентации рабочего времени и времени отдыха и др. [6–8]. Изучению указанных вопросов были посвящены труды Б.В. Чредина (1885–1928 гг.), преподававшего трудовое право в Белорусском государственном университете в 1920-х гг., и др. [9].

В советский период научные работы по вопросам правовой регламентации рабочего времени и времени отдыха (в основном эти два понятия рассматривались вместе) имели разъяснительный характер и были представлены в виде комментариев действующего законодательства [10, 11]. Исследователей интересовали также вопросы предоставления отпусков [12, 13].

В БССР, а затем в Республике Беларусь изучению вопросов правового регулирования времени отдыха посвящены работы Н.С. Березуцкой, А.А. Греченкова, В.И. Дуюна, Д.А. Колбасина, В.И. Кривого, Л.Я. Островского и др. [14–16].

По мере того как формировалось трудовое законодательство, получило развитие и специальное законодательство в области прохождения службы в органах внутренних дел. В 1917 г. была создана рабоче-крестьянская милиция. Соответственно возникла необходимость право-

вого регулирования прохождения службы данной категории работников (прием на службу, присвоение званий, продолжительность рабочего времени и отпусков, назначение и увольнение со службы и др.). На протяжении существования милиции порядок прохождения службы регламентировался положениями о службе [17].

Например, Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 28 сентября 1925 г. «О введении в действие Положения о службе в рабоче-крестьянской милиции» устанавливал, что продолжительность отпусков регламентируется действующим в то время трудовым законодательством, т. е. данным нормативным документом предусматривались отсылочные нормы. Все работники милиции независимо от занимаемой должности на данном этапе пользовались одинаковыми правами на отпуск на основании Кодекса законов о труде (ст. 44 постановления Центрального Исполнительного Комитета и СНК БССР от 7 августа 1926 г.).

Постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. № 390 «Положение о рабоче-крестьянской милиции» (ст. 27) было закреплено, что на работников милиции не распространяется общее законодательство о труде. Устанавливался ненормированный рабочий день для начальствующего состава милиции, 8-часовой – для занятых физическим трудом, для лиц рядового состава, занятых конторским трудом, – 6½ часов; продолжительность ежегодного отпуска – не менее 12 рабочих дней. Интересно, что данный правовой акт содержит нормы-гарантии для женщин-милиционеронок: дородовый и послеродовый отпуск (в сумме 84 дня), а также возможность матерям, кормящим ребенка грудью, пользоваться во время работы перерывами для кормления ребенка.

Последующие положения о прохождении службы, начиная с 1936 г. и до 1992 г., ограничивались лишь правовой регламентацией одного вида времени отдыха – отпуска. В основном они закрепляли право работника на ежегодный отпуск до 30 суток, а прослужившим более 25 лет – продолжительностью до 45 суток.

В 1992 г. утверждено Положение о прохождении службы личным составом органов внутренних дел Республики Беларусь (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 1992 г. № 1460-ХП «Об утверждении Положения о прохождении службы личным составом органов внутренних дел Республики Беларусь»). Этим документом было закреплено, что на сотрудников распространяется установленная законодательством продолжительность рабочего времени (п. 36). Так же, как и в предыдущих положениях, регулирующих прохождение службы, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел ежегодно имели право на отпуск: основной (30 суток), дополнительные (за выслу-

гу лет до 15 суток, за исполнение обязанностей во вредных условиях), социальные (в связи с материнством и уходом за детьми, творческие, в связи с обучением, участникам ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС), без сохранения заработной платы, каникулярные (зимний и летний), отпуск в связи с окончанием учебного заведения.

В последующем Положении о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 671, законодатель предусмотрел более четкую классификацию отпусков, т. е. деление отпусков на основной, каникулярный, дополнительный за особый характер службы и социальные. При этом все виды отпусков, кроме социального отпуска по уходу за детьми, предоставлялись с сохранением денежного довольствия.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы прохождения службы, является Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 «О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь».

В процессе реализации правовых положений специального законодательства о времени отдыха в органах внутренних дел стали возникать вопросы их применения для регулирования некоторых практических ситуаций.

Неконкретизированность правовых норм, регламентирующих порядок предоставления различных видов времени отдыха, коллизии правовых предписаний приводит к тому, что сотрудники кадровых подразделений управлений, департаментов, Министерства внутренних дел по-разному применяют одни и те же правовые нормы. В связи с этим необходима выработка единого подхода к регулированию различных видов времени отдыха, основанная как на современных доктринальных исследованиях в данной сфере, так и с учетом анализа опыта практического применения правовых предписаний, определяющих прохождение службы в органах внутренних дел.

Научных работ по данной теме немного. Следует отметить исследования таких авторов, как А.А. Греченков, Е.В. Боровая, А.П. Никифоронок, С.Ю. Дегонский и др.

В дальнейшем осмыслению нуждаются вопросы о понятии времени отдыха, его нормировании, видах, особенностях правового регулирования в деятельности органов внутренних дел. Наиболее значимые научные разработки могут стать основой для дальнейшего совершенствования специального законодательства, регулирующего время отдыха как в органах внутренних дел, так и в правоохранительных органах в целом.

Таким образом, рассмотрев особенности становления и развития законодательства о правовой регламентации времени отдыха, понятие и виды времени отдыха, можно сделать следующие выводы:

1. В истории формирования и развития законодательства о предоставлении времени отдыха можно выделить четыре этапа: I этап – до Первой мировой войны (с конца XIX в. до 1918 г.), касающийся правового регулирования времени отдыха в основном на уровне коллективной и индивидуальной правовой регламентации; II этап – с 1918 г. до 1972 г. – период, связанный с возникновением и деятельностью МОТ, а также кодификацией законов о труде; III этап – с 1972 г. до 1999 г., касающийся принятия в БССР Кодекса законов о труде 1972 г., который послужил в дальнейшем основой для развития белорусского законодательства о труде; IV этап – современный этап (с 1999 г. по настоящее время) – период, связанный с принятием Трудового кодекса Республики Беларусь и его совершенствованием.

2. По мере развития общего трудового законодательства развивалось и специальное законодательство о прохождении службы в ОВД. Так, на протяжении последнего столетия нормы, регламентирующие право на отдых в органах внутренних дел, из одного упоминания (одной статьи) в соответствующих историческому периоду нормативных актов трансформировались в главу в действующем Положении. На современном этапе данными нормами права регулируется только один вид времени отдыха – отпуск.

Список использованных источников

1. Курс трудового права. Особенная часть : в 3 т. / общ. и науч. ред.: О.С. Курьева, К.Л. Томашевский. – Минск : Амалфея, 2014. – Т. 2, кн. 1 : Индивидуальное трудовое право / А.А. Войтик [и др.]. – 370 с.
2. Устав Международной Организации Труда [Электронный ресурс] : [принят в 1919 г. : с изм. и доп. 1972 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Лушников, А.М. Курс трудового права : учебник : в 2 т. / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2009. – Т. 2 : Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – 1149 с.
4. Европейская социальная хартия : Справочник : [Пер. с фр.] / Fond. Des droits de l'home au travail [etc.]. – М. : Междунар. отношения [и др.], 2000. – 263 с.
5. Греченков, А.А. Трудовое право: современные тенденции развития теории и практики его применения в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь : учеб. пособие / А.А. Греченков, А.Г. Свергун. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 199 с.

6. Быков, А.Н. Как обеспечить воскресный отдых фабричным рабочим? / А.Н. Быков. – [СПб. : б. и., 1896]. – 18 с.

7. Быков, А.Н. (Павлов Ф.) За десять лет практики: отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни / А.Н. Быков (Ф. Павлов). – М. : С. Дороватовский и А. Чарушников, 1901. – 175 с.

8. Быков, А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России : [в 2 ч.] / А.Н. Быков. – СПб. : Правда, 1909. – 2 ч.

9. Чредин, Б.В. Народное трудовое государство и основные экономические права / Б.В. Чредин. – М. : Моск. просвет. комис., 1918. – 79 с.

10. Кузнецов, А.М. Рабочее время и время отдыха : учеб. пособие / А.М. Кузнецов. – Л. : [б. и.], 1962. – 40 с.

11. Москаленко, Г.К. Рабочее время и время отдыха / Г.К. Москаленко. – М. : [б. и.], 1971. – 35 с.

12. Гинцбург, Л.Я. Отпуска рабочих и служащих в СССР / Л.Я. Гинцбург. – М. : Знание, 1973. – 64 с.

13. Орловский, Ю.П. Отпуск рабочих и служащих / Ю.П. Орловский. – М. : Госюриздат, 1963. – 58 с.

14. Греченков, А.А. Рабочее время и время отдыха / А.А. Греченков. – Минск : Регистр, 2008. – 105 с.

15. Кривой, В.И. Отпуска: касается всех: полный комментарий новейшего законодательства / В.И. Кривой. – Гомель, 2008. – 511 с.

16. Островский, Л.Я. Нормирование труда рабочих и служащих: правовые основы / Л.Я. Островский. – Минск : Беларусь, 1976. – 121 с.

17. Новик, Т.В. Становление и развитие правовой регламентации времени отдыха в деятельности органов внутренних дел / Т.В. Новик // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2023 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 382.

УДК 343.985

М.В. Рудько, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ТОРГОВОЙ ОТРАСЛИ

В легальном понимании торговля – это предпринимательская деятельность торговых организаций и индивидуальных предпринимателей, в основе которой лежат отношения по продаже произведенных,

переработанных или приобретенных товаров, а также по выполнению работ, оказанию услуг, связанных с продажей товаров [1]. Осуществив анализ данного определения, формируется понимание о торговле как о виде деятельности, но, исходя из видения В.В. Машко, с которым мы солидарны, торговля представляет собой отрасль экономической деятельности субъекта хозяйствования, в том числе государства или международного государственного объединения, сочетающая в себе ряд процессов, способствующих ведению торговых отношений и направленных на перераспределение товарно-материальных ценностей (оказание услуг) в области функционирования [2].

Так, в рассмотренных дефинициях торговля представляется как отрасль экономической деятельности и как вид экономической деятельности, существующие на текущий момент. Вместе с тем, изучив веки истории, стоит отметить, торговля изначально возникла как процесс и явилась корневым началом появления государственности как таковой. К данному выводу мы пришли в связи с тем, что торговые отношения появились еще в эпоху децентрализации народностей, а именно в том временном промежутке, когда в силу эволюционного процесса представители рода человеческого пришли к изобретению и последующему использованию улучшенных орудий труда, что позволило населению той эпохи получать излишки производства. Так, на наш взгляд, параллельно с последними и возникли торговые отношения в виде натурального обмена – бартерной сделки, посредством которой разнородные товарные ценности переходили в право распоряжения иного субъекта хозяйствования, а вместе с тем все большее количество материальных ценностей начало оседать в руках различных лиц, которые в силу своего имущественного положения присоединяли к своей социальной общности новых членов и тем самым развивали ее вплоть до претворения данного общественного объединения в первичное государственное образование – племя. Исходя из этого, мы можем наблюдать наличие, вероятно, весьма существенного временного промежутка между возникновением торговли и образованием племенных объединений, что указывает нам на прямую взаимосвязь данных обстоятельств. Стоит отметить также, что при возникновении вышеуказанного симбиоза развитие торговли как процесса и как отрасли начало разворачиваться в более динамичном ключе, что позволило создать современные торговые отношения, которые имеют различные характеристики и формы.

Вместе с тем, учитывая многообразие форм торговых отношений функционирующих в современности и их роль на взаимодействия субъектов социума, видится рациональным исследовать роль торговых отношений в рамках экономических отношений.

Экономические отношения – наиболее важная сфера функционирования общества и государства в качестве субъектов хозяйствования, позволяющая осуществлять разнородные торговые операции, а также распределение денежных активов в соответствии со сметами, которая подлежит пристальному государственному регулированию, посредством упорядочивания различными нормативными правовыми актами, в число которых входит Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З «О бухгалтерском учете и отчетности» (далее – Закон о бухгалтерском учете), который устанавливает, что «факт совершения хозяйственной операции подтверждается имеющим юридическую силу первичным учетным документом, составленным ответственным исполнителем совместно с другими участниками хозяйственной операции по форме, содержащейся в альбомах унифицированных форм первичной учетной документации, либо по форме, хотя и не предусмотренной в таких альбомах, но содержащей обязательные реквизиты [3].

В бухгалтерской документации свое отражение находят документы первичной отчетности, которые являются письменным свидетельством, подтверждающим факт совершения хозяйственных операций, предоставляющим право на их совершение или устанавливающим материальную ответственность за доверенные им ценности. Вместе с тем наряду с понятием первичного документа применяется термин «не соответствующие действительности документы», под которыми понимаются поддельные документы; документы, содержащие недостоверные, не соответствующие фактическим обстоятельствам сведения (например: о наименовании (позволяющем идентифицировать товар), о количестве товара); а также документы, не содержащие сведения о товаре, который сопровождается этими документами, что в конечном итоге обуславливает факт наличия материальной или идеальной подделки. Наряду с поддельными документами в число не соответствующих действительности документов входят первичные учетные документы (бланки строгой отчетности), приобретенные в нарушение установленного законодательством порядка у лиц, не имеющих права их реализовывать, приобретенные одним лицом, но фактически использованные другим лицом (не являющимся стороной по сделке, при совершении которой использован этот первичный учетный документ). При этом документ, в котором отражена операция с товарно-материальными ценностями, реальное осуществление которой умыслом контрагентов не предусматривается, называют бестоварным, а с денежными средствами – безденежным документом (например, товарный отчет).

Цели оформления таких документов различны, но в основной своей массе направлены на хищение денежных средств либо товарно-материальных ценностей.

Прежде всего следует различать хищения имущества, оприходованного по документам, и неоприходованного. Каждое из этих хищений совершается своими особыми способами.

Хищения оприходованного имущества чаще всего совершаются путем:

1) изъятия денежных средств или товарно-материальных ценностей и их присвоения без последующего сокрытия недостачи;

2) изъятия денежных средств или товарно-материальных ценностей и их присвоения с последующим сокрытием недостачи, для чего преступники представляют подложные оправдательные расходные документы (преступники составляют фиктивные фискальные чеки или трудовые соглашения, присваивая необоснованно начисленные по ним суммы; умышленно завышают в платежных ведомостях итоги и присваивают деньги и т. д.). Для сокрытия хищения совершаются подложные учетные записи в бухгалтерском или оперативном учете, создаются неучтенные излишки имущества за счет различных преступных махинаций. Как представляется, к такого рода махинациям относятся создание ситуации, при которой возникают неучтенные излишки на торговых предприятиях, что обуславливается обманом поставщиков или получателей товаров, наличием сговора с поставщиками или получателями товаров, использованием устаревших нормативов или нарушением порядка списания естественной убыли, занижением качества поступающих товарно-материальных ценностей или неполным их оприходованием, а также составлением фиктивных коммерческих актов и фиктивных расходных документов [4].

Так, при осуществлении вышеуказанных действий формируются излишки, которые в последующем похищаются путем использования служебных полномочий, что криминализировано ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В рамках данного способа хищения осуществляется совершение бестоварных операций по получению и отпуску товарно-материальных ценностей. В свой черед, действия по перемещению товарно-материальных ценностей между субъектами хозяйствования являются хозяйственными операциями, факт совершения которых подтверждается первичным учетным документом, имеющим юридическую силу. Такой документ составляется ответственным исполнителем совместно с другими участниками операции.

Как правило, подобные преступления совершаются по сговору между работниками двух предприятий. Один участник, являясь должностным лицом, выписывает бестоварную накладную на отпуск товарно-материальных ценностей, а другой, также будучи должностным лицом, – на их оприходование. Недостача, создаваемая в результа-

те оприходования ценностей, фактически не поступивших, скрывается за счет неучтенных излишков, имеющихся на предприятии, или путем внесения подлогов в учетные записи. Для сокрытия подобного рода действий ими могут: во-первых, занижаться в приходных документах количественные и качественные показатели товарно-материальных ценностей при приеме их от поставщика, о чем составляются подложные приемные акты о поступлении товаров в меньшем количестве и низшего качества по сравнению с указанными в сопроводительных документах; во-вторых, составляться подложные документы о недостатке, порче груза, поступающего железнодорожным, автомобильным транспортом или иным путем; в-третьих, списывать часть поступающего от поставщика имущества на сверхнормативные потери, когда фактически их не было; в-четвертых, не выдавать документы или уничтожать те из них, которые подтверждают поступление товарно-материальных ценностей на предприятие, и т. д.

Для установления указанных действий существует возможность проведения проверки финансово-хозяйственной деятельности, а также экономической экспертизы, предусмотренных УПК. Для их производства с целью обеспечения объективного и всестороннего исследования бестоварных операций имеет место быть необходимость представления проверяющему (специалисту) всех документов, которые непосредственно связаны с отпуском, перемещением, оприходованием, оплатой и учетом товарно-материальных ценностей. Относительно данного аспекта особую актуальность несет в себе предварительное проведение оперативного осмотра, в рамках которого будет сформирована возможность установить и копировать наиболее полный объем документации, так как при проведении осмотра в рамках уголовно-процессуального законодательства существует возможность, что определенный объем информации (документов) будет сокрыт или уничтожен. Это, в свою очередь, усложнит дальнейшее назначение экономической экспертизы или проверки финансово-хозяйственной деятельности. Между тем при использовании сведений, полученных в рамках оперативного осмотра, возникает объективная возможность провести осмотр предметов и документов, компьютерной информации, к осуществлению допустимо привлечение специалиста.

В процессе исследования бестоварных операций проверяющими наиболее часто используются следующие методы:

1) документальной проверки. Метод документальной проверки включает в себя следующие способы проверки документов:

- а) проверка документов и записей по форме;
- б) арифметическая (счетная) проверка документов;

- в) нормативная проверка документов;
- 2) сопоставления документов (в рамках которого может осуществляться встречная проверка)

Бестоварные (безденежные) документы – документация, по которой оформлено поступление или расход товарно-материальных ценностей (денежных средств) без их фактического движения между контрагентами с возможной целью дальнейшего их хищения, исходя из корыстного мотива или иной личной заинтересованности.

Признаками бестоварности являются: отсутствие оформления расхода и поступления товарно-материальных ценностей у субъектов хозяйствования; отсутствие сопроводительных документов; неуказание в накладных необходимых реквизитов; отсутствие предусмотренных формой документов подписей; указание недостоверных данных и т. п.

Для установления наличия либо отсутствия данных признаков сотруднику оперативного подразделения органов внутренних дел при проведении различных оперативно-розыскных мероприятий необходимо акцентировать внимание на ряде ключевых особенностей и по результатам их исследования с последующим документированием сделать вывод о необходимости проведения экономической экспертизы [5]. В свой черед, при наличии такой необходимости эксперту при проведении экономических экспертиз по бестоварным операциям следует учитывать ряд ключевых моментов, на которых сотрудник оперативного подразделения ранее обратил внимание и зафиксировал соответствующим образом: во-первых, выявить наличие либо отсутствие договорных отношений между заказчиком и поставщиком, указанными в товарно-транспортной накладной; во-вторых, провести документальную проверку первичных документов, отражающих отпуск, перемещение, оприходование, оплату и учет товарно-материальных ценностей; в-третьих, при проверке документов, отражающих факт совершения операции по существу и по форме необходимо обращать внимание на наличие подчисток, помарок, неоговоренных исправлений, которые часто возникают вследствие изменения текста документа после того, как совершена операция, и указывают внимательному эксперту на завышение (занижение) количества товарно-материальных ценностей; в-четвертых, при проверке документов необходимо осуществлять также проверку арифметических расчетов (пересчет, таксировка); в-пятых, провести проверку данных складского учета, отражающих отпуск товарно-материальных ценностей у поставщика, и оприходование их у заказчика [6].

Признаками, а также соответствующими доказательствами бестоварности операции на базе и складе могут быть вместе с ранее указанными отнесение расхода якобы отпущенного товара на ненадлежащий счет

аналитического учета, неоднократное осуществление вывоза товара по одной товарно-транспортной накладной или, относительно фактов бестоварности, оформление ряда товарно-транспортных накладных на один факт осуществления, что создает видимость фактического осуществления торговой операции по передаче товарно-материальных ценностей без их фактической поставки подставному контрагенту. При выявлении таких несоответствий при дальнейшей проверке хозяйственной деятельности склада часто применяется метод восстановления аналитического (количественного) учета товаров.

В совокупности анализ всех вышеуказанных аспектов позволит сотруднику сформулировать вывод о наличии либо отсутствии признаков бестоварности в совершенной операции и с уверенностью направить материалы на исследование эксперту.

Так, в результате рассмотрения торговых отношений и детального исследования преступлений в данной сфере на примере бестоварной операции мы пришли к выводу, что с динамичным развитием общепользовательских отношений параллельно эволюционируют и негативно направленные отношения, которые приносят колоссальный ущерб экономике как таковой. Исходя из этого, мы установили необходимость в дальнейшем развитии методов борьбы с экономической преступностью, относимой особое внимание на получение информации и исследование различных фактов путем осуществления оперативно-розыскных мероприятий, а также экспертной проверки, которая позволит в наиболее сжатые сроки детально изучить последние и прийти к однозначному выводу о характере его направленности.

Список использованных источников

1. О государственном регулировании торговли и общественного питания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2014 г., № 128-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. № 81-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Машко, В.В. Динамика развития российско-белорусских торговых отношений / В.В. Машко // Экон. журн. – 2011. – № 22.
3. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.10.2022 г. № 210-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Есипов, Г.А. Проблемы изучения оптовой торговли / Г.А. Есипов // Вестн. Хабаров. гос. ун-та экономики и права. – 2010. – № 4-5.
5. Резниченко, С.М. Способы фальсификации учетных записей на бухгалтерских счетах, в балансе и приемы их выявления в процессе бухгалтерской экспертизы / С.М. Резниченко, И.С. Сафонов // Науч. журн. КубГАУ. – 2014. – № 104.

6. Гаджиев, Н.Г. Методические подходы и способы выявления бестоварных операций экспертом-бухгалтером / Н.Г. Гаджиев, О.В. Киселева, С.А. Коноваленко, О.В. Скрипкина, Х.Г. Ахмедова // Экономика. Информатика. – 2020. – 47 (1).

УДК 347.1

Г.Б. Сакович, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.М. Ефременко*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

В Республике Беларусь сформированы и успешно реализуются правовые механизмы, направленные на выявление, пресечение и профилактику коррупции, причин и условий, ей способствующих. Принимаемые государством меры по борьбе с коррупцией позволили значительно усилить антикоррупционную направленность законодательства, определить основные направления и формы предупреждения коррупции. Реализуются программы по борьбе с преступностью и коррупцией (в настоящее время принята программа на 2023–2025 годы) и ряд координационных, практических и иных мер по совершенствованию антикоррупционной правоприменительной практики, форм и методов работы субъектов профилактики правонарушений, активизации деятельности общественности по противодействию коррупции.

Вместе с тем гражданско-правовые аспекты противодействия коррупции в отечественной правовой доктрине не исследованы и не освещены в научной литературе. В отечественной юридической науке отсутствуют диссертационные исследования и монографические работы, посвященные данной проблеме.

Однако, несмотря на все принимаемые меры, коррупция остается реальной угрозой социально-экономическому развитию страны и обеспечению основополагающих принципов законодательства Республики Беларусь, таких как принцип социальной справедливости, законности, верховенства права, неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение и т. д.

В рамках поиска путей совершенствования антикоррупционного законодательства основное внимание исследователей уделено отраслям публичного права, прежде всего уголовного. Результатом нормотвор-

ческой деятельности стало нормативное закрепление составов коррупционных преступлений, в частности, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)); легализация материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2, 3 ст. 235 УК); злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 424 УК); бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 425 УК); превышение власти или служебных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 426 УК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК); получение взятки (ст. 430 УК); дача взятки (ст. 431 УК); посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК); злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК) [1].

За менее опасные коррупционные правонарушения предусмотрена административная ответственность. В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) установлены меры административной ответственности за отдельные виды коррупционных правонарушений. В частности, к ним относятся нарушение порядка использования средств бюджета, государственных внебюджетных фондов либо организации государственных закупок товаров (работ, услуг) (ст. 11.16 КоАП); нарушение порядка проведения конкурсов и аукционов (ст. 23.83 КоАП); отказ в предоставлении информации (ст. 9.6 КоАП) [2] и др.

Междисциплинарность правового регулирования антикоррупционной деятельности в Республике Беларусь определяется также возможностью привлечения лица к дисциплинарной ответственности. Данный порядок определен гл. 14 Трудового кодекса Республики Беларусь. Например, для государственных должностных лиц к таким обстоятельствам отнесены: неподписание письменного обязательства по соблюдению ограничений, предусмотренных законодательством о борьбе с коррупцией; равно как и нарушение письменного обязательства по соблюдению ограничений, предусмотренных законодательством о борьбе с коррупцией, совершения правонарушения, создающего условия для коррупции, или коррупционного правонарушения. В Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» также предусмотрена дисциплинарная ответственность субъектов за коррупционные проявления. В качестве наиболее жесткой санкции ст. 43 названного закона предусмотрено освобождение от занимаемой должности (увольнение) [3].

Следует отметить, что международное сообщество также уделяет большое внимание проблеме борьбы с коррупцией и принимает соответствующие акты по противодействию этому негативному явлению (27 января 1999 г. в г. Страсбурге принята Европейская конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 мая 2003 г.); 4 ноября 1999 г. в Страсбурге принята Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 декабря 2005 г.); 5 ноября 2000 г. в Палермо была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г.), которая также имеет антикоррупционную направленность; 31 октября 2003 г. принята Конвенция ООН против коррупции (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г.). Кроме того, Республика Беларусь не ограничивается ратификацией международных соглашений в сфере международного сотрудничества по борьбе с коррупцией. Во взаимодействии с Советом Европы она участвует в реализации проекта «Надлежащее управление и борьба с коррупцией» по линии инициативы Евросоюза «Восточное партнерство». Белорусское государство также входит в состав Межгосударственного совета по противодействию коррупции Содружества Независимых Государств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках публично-правового регулирования общественных отношений национальное и международное законодательство в сфере борьбы с коррупцией отвечает запросам современности. Вместе с тем гражданско-правовое регулирование антикоррупционной деятельности требует как совершенствования теоретической доктрины, так и разработки актов национального законодательства, поскольку в настоящее время только ст. 36 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» установлены меры гражданско-правового принуждения за достоверность сведений, указываемых в ежегодных декларациях о доходах и имуществе: так, в случаях установления явного превышения стоимости задекларированного имущества и иных расходов (не менее 25 %) над доходами, полученными из законных источников, имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, безвозмездно изымаются (взыскиваются) или взыскивается стоимость такого имущества в доход государства [3].

Представляется, что эффективность гражданско-правового принуждения, под которым следует понимать предусмотренные гражданским законодательством и (или) непротиворечащим ему соглашением сторон неблагоприятные меры имущественного или организационного харак-

тера, наступающие или применяемые субъектами, не обладающими властными полномочиями, либо правоприменительными органами в интересах и с целью защиты субъектов гражданских прав и (или) публичного интереса [4, с. 3], будет достаточно высокой в области борьбы с коррупцией, поскольку будет устранена правовая неопределенность в вопросе о недействительности коррупционных сделок и их правовых последствиях, а также будут установлены основания и условия пресечения длящихся коррупционных гражданских правоотношений, поскольку, как справедливо отмечает С.И. Вершинина, государственное принуждение в современном правовом регулировании общественных отношений рассматривается как гарантия и средство обеспечения законности и правопорядка, при этом справедливо отмечается, что по своему расположению в системе права оно составляет особый массив правовых норм, обеспечивающих надлежащую реализацию регулятивных норм [5, с. 710].

Отметим, что юридическая конструкция гражданско-правового принуждения, несмотря на ее востребованность в современном правовом регулировании общественных отношений, является недостаточно разработанной в гражданско-правовых доктринах Республики Беларусь и других государств Евразийского экономического союза. Используемая цивилистами классификация мер гражданско-правового принуждения (предупредительные (превентивные) меры, меры пресечения, меры защиты и меры гражданско-правовой ответственности) преимущественно разработана представителями теоретической юридической науки и в большей степени ориентирована на отрасли публичного права.

При использовании данной конструкции в гражданском праве возникают терминологические конфликты, в частности, незакрепленным нормативно и дискуссионным доктринально является соотношение понятий «способы защиты гражданских прав» (ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК)), «меры защиты гражданских прав». Более того, указанные в ст. 11 ГК способы защиты гражданских прав можно отнести и к формам гражданско-правовой ответственности (например, возмещение убытков, уплата неустойки), и к мерам защиты (например, признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, установление факта ничтожности сделки и применение последствий ее недействительности) [6].

Таким образом, очевидно, что предлагаемая теоретической юриспруденцией конструкция гражданско-правового принуждения требует дальнейшей разработки в ракурсе антикоррупционной доктрины, что приобретает особую актуальность в контексте осуществления современной социально-экономической политики Республики Беларусь, достижения целей устойчивого развития, цифровизации экономики и государства.

Для обеспечения эффективного противодействия коррупции с использованием гражданско-правовых механизмов необходимо установить и нормативно закрепить в актах законодательства Республики Беларусь меры гражданско-правового принуждения (меры пресечения, гражданско-правовую ответственность, меры постфактного характера, не связанные с гражданско-правовой ответственностью), что позволит более эффективно осуществлять борьбу с коррупцией на междисциплинарном уровне.

В Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, ратифицированной в Республике Беларусь 26 июня 2006 г., закреплено, что каждая сторона Конвенции предусматривает в своем национальном законодательстве эффективные средства правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков [7].

Такое возмещение может охватывать причиненный реальный ущерб, упущенную финансовую выгоду и компенсацию морального вреда. В случае если несколько ответчиков ответственны за ущерб, причиненный одним и тем же актом коррупции, то они будут нести солидарную либо долевую ответственность. Данное положение в полной мере согласуется с белорусским гражданским законодательством (ст. 949 ГК) [6].

Таким образом, одним из средств борьбы с коррупционными правонарушениями является именно гражданско-правовая ответственность, представляющая собой одну из мер правомерного гражданско-правового принуждения, заключающуюся в возложении на правонарушителя предусмотренных нормами права и (или) соглашением сторон неблагоприятных последствий имущественного характера, направленных на восстановление и защиту нарушенных гражданских прав и (или) законных интересов потерпевшей стороны и взыскиваемых по ее требованию.

Согласно ст. 3 Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [7] возмещение ущерба включает в себя возможность полного возмещения причиненного реального ущерба, упущенной финансовой выгоды и компенсацию морального вреда. Однако же компенсация морального вреда не предусмотрена при проявлении коррупционных преступлений специальным национальным законодательством. Но в силу положений названной конвенции пострадавшее в результате акта коррупции лицо должно иметь право и возможность его компенсации. Для возмещения вреда согласно положениям данной конвенции должны быть соблюдены следующие условия:

ответчик совершил или санкционировал акт коррупции или не предпринял разумные шаги для предотвращения акта коррупции;
истец понес ущерб;

существует причинно-следственная связь между актом коррупции и понесенным ущербом [7].

Как указывалось выше, Республика Беларусь приняла на себя международно-правовые обязательства Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, Конвенции ООН против коррупции, а также Рекомендаций по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции, предусматривающие также меры гражданско-правовой защиты от коррупции.

Среди способов, отмеченных в названных международных правовых актах, указаны полное возмещение вреда, включая упущенную выгоду, компенсация морального вреда, признание недействительными нормативных правовых актов, решений и иных действий, принятых (совершенных) в результате коррупционных правонарушений, признание ничтожности сделки, заключенной вследствие коррупционного правонарушения, конфискация незаконно полученных денег, ценностей и иного имущества, взыскание денежных санкций, иные меры гражданско-правового характера.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ доктринальных подходов к пониманию коррупции как социального явления, а также нормы-дефиниции ее определения, закрепленные в актах отечественного и зарубежного законодательства, показывает, что все они имеют гражданско-правовое содержание (имущественные и личные неимущественные отношения, приобретение и отчуждение имущества, возможные сделки, заключаемые с третьими лицами, которые могут являться добросовестными приобретателями, и т. д.). В современной правовой антикоррупционной доктрине широко представлены гражданско-правовые категории, которые не получили нормативного закрепления в актах отечественного законодательства. Следовательно меры гражданско-правового принуждения, которые включают в себя меры гражданско-правовой ответственности, меры предупреждения, меры пресечения и меры постфактного характера, не связанные с гражданско-правовой ответственностью, имеют значительный потенциал в области противодействия коррупции.

Название ратифицированной Республикой Беларусь Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию не в полном объеме соответствует ее содержанию, поскольку включает в себя не только гражданско-правовую ответственность, но и иные меры гражданско-правового принуждения, что должно быть учтено в нормотворческой деятельности Республики Беларусь в рамках совершенствования антикоррупционного законодательства.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. № 232-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Березнев, Р.Ю. Принуждение в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.Ю. Березнев ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – 22 с.

5. Вершинина, С.И. О теории государственного принуждения / С.И. Вершинина // Право и политика. – 2010. – № 4 (124). – С. 708–717.

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. № 240-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. О ратификации Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 дек. 2005 г., № 75-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 343.4

А.Д. Саяркина, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Бачила*

ИНСТИТУТ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

История апелляционного производства корнями уходит в римское право. На территории Беларуси тенденция развития апелляционного производства прослеживается с 1529 г. с появлением гродских (замковых) судов. В специальной литературе можно найти упоминание, что

городские суды функционировали в качестве апелляционного суда в отношении копных судов.

В свою очередь, Статут Великого княжества Литовского 1529 г. впервые ввел возможность апелляционного обжалования судебных решений и порядок подачи апелляционной жалобы. На начальном этапе она выглядела следующим образом: сторона, считающая приговор несправедливым, должна была потребовать у суда пояснительный лист, который представлял из себя пояснительную записку о причине принятия судьями такого приговора. Если же судья не хотел выдавать данный лист, жалобщик вправе был взять трех шляхтичей в качестве свидетелей, после чего судья не имел права отказать ему. Однако если ситуация отказа повторялась, судья должен был заплатить штраф в размере двенадцати рублей (грошей), а тому возместить ущерб. При получении пояснительного листа, заверенного печатью, жалобщик должен был представить его на ближайшем сейме панам рады или великому князю.

После проверки существа дела на соответствие нормам писаного права, решение в случае его правильности оставалось в силе, а в случае неверности – выносилось новое решение. Если в результате неверного разрешения дела сторона понесла ущерб, то судья, вынесший приговор, должен был возместить ущерб и издержки, а приговор этого суда аннулировался [1, с. 192].

В рассматриваемый период в судах Великого княжества Литовского господствовал обвинительно-состязательный процесс без существенно разграничения порядка рассмотрения уголовных и гражданских дел.

С принятием последующих статутов институт апелляции стремительно развивался до 1772 г. С 1772 по 1917 г. на белорусских землях шел процесс русификации белорусского законодательства и переход на правовое регулирование, в том числе и института апелляции, законодательными актами Российской империи, до самой отмены данного вида производства актами советской власти.

В Беларуси система апелляционных жалоб была установлена с момента образования Белорусской Советской Социалистической Республики в 1919 г. В то время апелляционная жалоба была названа «обращением» и подавалась в вышестоящий орган юстиции.

В Уголовно-процессуальных кодексах БССР непосредственно самого института апелляционного пересмотра судебных решений не предусматривалось.

На современном этапе первое упоминание апелляционного производства отражается в первоначальном проекте Конституции Республики Беларусь 1994 г., в тексте ст. 116: «Стороны имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений» [2].

Однако закрепление апелляционного производства нашло свое отражение только в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь.

Только с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 «О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь», в качестве основного направления совершенствования гражданского процессуального, хозяйственного процессуального и уголовно-процессуального законодательства было запланировано введение апелляционного порядка обжалования судебных постановлений и в уголовном процессе.

Большую роль в этом процессе сыграл Второй съезд судей, который поддержал выработку нового более действенного механизма пересмотра судебных решений, так как в действующем законодательстве не было четких формулировок, касающихся предмета и пределов кассационного рассмотрения дел.

На основе данных решений Верховным Судом совместно с Министерством юстиции был подготовлен проект нормативного правового акта по замене в судах второй инстанции кассационного производства на апелляционное.

Переход был предусмотрен довольно осторожный, путем последующего расширения элементов апелляции до тех пор, чтобы стать полностью самостоятельной. Но, к сожалению, проект не увенчался успехом, в связи с возникшими организационными вопросами.

Следующий этап в развитии апелляционного производства был связан с усовершенствованием правосудия на основе Указа Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь», утвердившего «Послание о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь». В нем предусматривалось введение элементов апелляции в уголовный процесс, а далее и в гражданский процесс.

Введение нового института потребовало изменения подходов к назначению и подготовке заседания суда апелляционной инстанции, выделения его в самостоятельную стадию уголовного процесса. При этом суд, постановивший приговор, обязан: правильно разрешить вопросы о принятии жалоб (протестов) и возражений на них; ознакомление участников судебного процесса с протоколом и рассмотрении поданных на него замечаний; направление уголовного дела в суд апелляционной инстанции, но не назначая при этом даты его рассмотрения, как это делается в кассационном производстве.

Организационные вопросы деятельности должны были разрешаться судьями суда второй инстанции по результатам апелляционной жалобы, протеста или изучения уголовного дела.

Одной из главных целей введения апелляции по уголовным делам была минимизация количества дел, направляемых на новое судебное рассмотрение, и, как следствие, повышение оперативности и экономичности судебной деятельности.

Введение апелляционного производства было вызвано тем, что, по мнению Р.Г. Зорина и В.В. Кривель, кассационное производство того периода времени в Республике Беларусь имело признаки «чистой кассации», а также носило ревизионный порядок. Признаки полной апелляции, по их мнению, в уголовном процессе Республики Беларусь на тот момент отсутствовали [3].

Процесс развития института апелляции и дальше претерпевал изменения. Так, Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» были внесены изменения в разд. X Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК).

Согласно положениям данного нормативного правового акта вводится апелляционный порядок пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений, принципиально отличающийся от кассационного производства направленностью на окончательное разрешение каждого дела, по которому обжалован или опротестован приговор, непосредственно в суде второй инстанции. С этой целью законом существенно расширены полномочия суда второй инстанции по непосредственному исследованию доказательств, корректировке судебных решений в части, касающейся обвиняемого.

Согласно изменениям апелляционная жалоба представляет собой четкую позицию лица, не согласного с решением суда. В особенности это касается решений суда, которые отягчают положение обвиняемого. В случае когда апелляционная жалоба подана или апелляционный протест принесен по основанию мягкости назначенного наказания, в них, кроме того, должно содержаться указание о назначении какого вида, срока, размера основного и (или) дополнительного наказания либо о применении какой более строгой иной меры уголовной ответственности просит лицо, подавшее жалобу или принесшее протест (ст. 372 УПК).

Помимо этого полномочия суда второй инстанции были существенно расширены. Апелляционный суд обрел право на исследование доказательств, которые не были рассмотрены судом первой инстанции и дачу им правовой оценки. Так как судебная система развивается не только в правовой сфере, но и в технологической, суды второй инстанции

получили возможность исследования доказательств, зафиксированных с помощью систем видеofиксации, что значительно облегчает работу.

Суды апелляционной инстанции должны рассмотреть поступившее по апелляционным жалобе или протесту судебные материалы в день, назначенный судом первой инстанции, но не позднее двух месяцев со дня его поступления (в исключительных случаях возможно продление не более чем на 1 месяц).

Перед введением данной реформы законодатель проводил анализ работы этого института в странах СНГ и Западной Европе, однако полученный опыт был рассмотрен и перенесен через призму белорусской действительности для того, чтобы максимально учесть актуальные проблемы и потребности государства.

Несомненным преимуществом апелляционного обжалования судебных решений является то, что оно позволяет вынести окончательный приговор в суде второй инстанции. Это позволяет облегчить работу судов первой инстанции.

Первый заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В.Л. Калинкович на пресс-конференции об итогах работы судов общей юрисдикции в 2016 г. и задачах по дальнейшему совершенствованию их деятельности сообщил, что случаи отмены приговора с направлением дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции сократились практически на 40 % после введения апелляционного производства в уголовный процесс [4].

Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» было введено апелляционное обжалование судебных решений и в отношении гражданских дел. Помимо непосредственного введения апелляции, суд второй инстанции получал широкий круг возможностей по пересмотру судебных постановлений по гражданским делам и окончательному разрешению споров по существу, назначать экспертные исследования и заслушивать специалистов в случаях, когда для правильного разрешения дела требуются специальные познания.

Законом Республики Беларусь от 20 июля 2022 г. № 199-З «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» внесены изменения, касающиеся возможности обжаловать и опротестовать приговоры, вынесенные Верховным Судом Республики Беларусь в апелляционную инстанцию Верховного Суда. Для улучшения работы судебного производства вводится кассационный пересмотр судебных постановлений. Измененная форма кассационного производства будет подразумевать под собой пересмотр судебных постановлений, вступивших в законную силу. Однако судебные постановления областных

и Минского городского судов, если они обжаловались в апелляционном порядке в Верховном Суде, а также судебные постановления Верховного Суда, вынесенные по первой инстанции – не будут подлежать пересмотру в кассационном порядке.

В заключение можно отметить, что основная идеология института апелляционного производства заключается в том, чтобы при обжаловании приговора суда первой инстанции обеспечить окончательное разрешение дела, тем самым завершив правосудие в суде второй инстанции.

Данные судебной статистики свидетельствуют об определенной эффективности обновленного института пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений в апелляционном порядке и его положительном влиянии на повышение гарантированного Конституцией Республики Беларусь уровня судебной защиты участников судопроизводства.

Список использованных источников

1. Дубовик, Е.В. История возникновения и развития института апелляции в Беларуси / Е.В. Дубовик // Право.by. – 2011. – № 4 (14). – С. 190–195.
2. Колядко, И.Н. Апелляционный пересмотр судебных решений в Республике Беларусь: перспективы развития / И.Н. Колядко // Право Беларуси. – 2004. – № 19. – С. 65.
3. Зорин, Р.Г. Перспективы развития и совершенствования апелляционного обжалования и опротестования судебных решений в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации / Р.Г. Зорин, В.В. Кривель // EURASIAN ADVOCACY. – 2014. – № 6 (13). – С. 32–38.
4. Козлова, А.А. К вопросу о введении апелляционного производства в уголовном процессе Республики Беларусь / А.А. Козлова // Курсант. исслед. – 2018. – С. 34–36.

УДК 343.237

Д.С. Сергейчик, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Машталер*

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ

Соучастие относится к одному из наиболее сложных институтов уголовного права. При его изучении и практическом применении возникает множество вопросов, которые не находят единого подхода при дифференциации ответственности соучастников, что в конечном счете приводит к неоднозначному применению уголовно-правовых норм дан-

ного института в различных регионах Беларуси. Правильное понимание признаков соучастия в преступлении имеет фундаментальное значение для решения ряда важных проблем, возникающих при дифференциации ответственности соучастников преступления. Без установления в содеянном характеристик, присущих совместной преступной деятельности, привлечение к уголовной ответственности лиц в качестве соучастников невозможно. Четкое понимание признаков совместной преступной деятельности способствует правильному применению норм, регулирующих институт соучастия.

Рассмотрением объективных признаков соучастия в преступлении занимались такие исследователи, как Ю.Ф. Машталер, Н.А. Бабий, В.М. Хомич, М.П. Ермолович, Р.Н. Гордеев, П.И. Гришак, Ф.Г. Бурчак, А.Я. Вышинский, Т.В. Кухтина и А.В. Шеслер.

Эти ученые-юристы выдвигают свои, отличные от других, мнения о правильном понятии объективных признаков соучастия в преступлении.

По мнению Ю.Ф. Машталера, к объективным признакам соучастия относятся: наличие двух или более лиц, которые участвовали в совершении преступления, совместность участия в совершении преступления, наличие общего для всех участников результата, наличие причинной связи между общественно опасным деянием и преступным результатом. Н.А. Бабий закрепляет наличие причинной связи в таком объективном признаке, как совместность деяний. П.И. Гришаев и Г.А. Кригер считают под объективными признаками соучастия наличие двух или более лиц, а также совместность деяний, в понятие которой они закладывают такие признаки, как единый преступный результат и наличие причинной связи. По мнению российского исследователя Р.Н. Гордеева, объективным признаком соучастия является только совместность действия, которая базируется на следующих подпризнаках: объединение усилий соучастников, общий для всех соучастников преступный результат, объективная связь между деянием каждого соучастника и общим преступным результатом.

Признак наличия двух или более лиц, которые участвовали в совершении преступления, является количественным (остальные объективные признаки соучастия являются качественными) и заключается в том, что в совершении преступления участвует как минимум два лица. Следует также отметить, что каждый из соучастников должен обладать всеми признаками субъекта преступления, т. е. быть физическим лицом, вменяемым, достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность [1, с.175].

Совместность участия в совершении преступления заключается в том, что преступление совершается сообща двумя или более лицами, т. е. каждый из соучастников совершает действие или бездействие, необходимое для совершения преступления, либо тем самым содействует в совершении необходимых действий другим соучастникам преступления [1, с. 175].

Под преступным результатом для всех участников совершенного преступления с материальным составом понимаются общественно опасные последствия, которые предусмотрены в качестве обязательного признака объективной стороны конкретного состава преступления (завладение имуществом, причинен вред здоровью и т. д.). В формальных составах преступлений под общим результатом при соучастии понимается факт совершения деяния (совершение оконченного преступления) [1, с. 176].

Одним из обязательных условий уголовной ответственности лица является наличие причинной связи между совершенным им общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями. При установлении такой связи в отношении преступлений, совершенных в соучастии, учитывается характер действий каждого из соучастников [1, с. 176].

Н.А. Бабий не относит наличие причинной связи к отдельным объективным признакам соучастия, как это делает Ю.Ф. Машталер. Наличие причинной связи он закрепляет в таком объективном признаке, как совместность действий участников [2, с. 271].

По мнению российского исследователя Р.Н. Гордеева, объективным признаком соучастия является только совместность действия, которая базируется на следующих подпризнаках: объединение усилий соучастников, общий для всех соучастников преступный результат, объективная связь между деянием каждого соучастника и общим преступным результатом. На основании вышеизложенного можно констатировать, что Р.Н. Гордеев объединил все объективные признаки (количественные и качественные) соучастия в один самостоятельный признак, как совместность действий соучастников [3, с. 10].

П.И. Гришаев и Г.А. Кригер утверждают, что для соучастия с объективной стороны необходимо, чтобы в преступлении участвовали двое или более лиц и чтобы действия каждого из соучастников, в том числе и исполнителя, по своему характеру были значительными, способными повлиять на достижение общего преступного результата. Для соучастия с объективной стороны необходимо также, чтобы лица, участвующие в совершении одного и того же преступления, действовали совместно (сообща). В совместность данные исследователи относят также наличие единого результата, чем отличаются от вышеперечисленных исследова-

телей. В объективный признак совместности действий данные авторы также относят тот факт, что преступный результат или факт совершения преступления находится в причинной связи с действиями каждого из соучастников. П.И. Гришаев и Г.А. Кригер более детально, по сравнению с другими исследователями, рассмотрели такой объективный признак соучастия, как наличие причинной связи. Таким образом, для соучастия с объективной стороны необходимо установить наличие причинной связи между действиями каждого из соучастников и наступившим преступным результатом. Однако подобная постановка вопроса может иметь место только в отношении так называемых материальных преступлений [4].

Ф.Г. Бурчак в своей работе, как и большинство советских ученых-юристов, выступил против мнения А.Я. Вышинского, который считает сомнительным правильность трактовки понятия соучастия как деятельности, находящейся в причинной связи с учиненным исполнителем преступным результатом. По мнению А.Я. Вышинского, достаточно было установить связь данного лица с совершенным преступлением для положительного решения вопроса об уголовной ответственности [5, с. 104].

По нашему мнению, признаки совместности действий и причинной связи между совершенными действиями и преступным результатом тесно связаны между собой. Однако не стоит объединять данные признаки в понятие совместности. Причинная связь должна выступать в качестве самостоятельного признака. Это обусловливается тем, что совместность подразумевает совместное совершение преступления, действие соучастников сообща, когда каждый выполняет определенную часть объективной стороны преступления. Однако при рассмотрении данного признака нет указаний на преступный результат, речь идет только о совместности действий для совершения совместного преступления. Право на самостоятельность причинной связи заключается в том, что благодаря существованию данного признака определяется значительность действий, оценивается вклад каждого из соучастников для достижения единого преступного результата. Определение степени вклада каждого соучастника для достижения преступного результата основывается на характере действий каждого из соучастников. На основании этого можно сделать вывод о том, что наличие причинной связи между действиями каждого из соучастников и наступлением единого преступного результата, с помощью которой имеется возможность оценить вклад каждого соучастника, является базовым элементом для установления дифференциации и индивидуализации ответственности за совершение преступления в соучастии. Однако данный подход будет применителен лишь к преступлениям с материальным составом. Этот факт свидетель-

ствуется о том, что в преступлениях с материальным составом легче проводить работу по дифференциации и индивидуализации ответственности, так как наступление общественно опасных последствий и оценка вклада каждого участника преступления в данные последствия является основным источником для дифференциации ответственности соучастников преступления. Такой признак также может свидетельствовать о субъективном волевом моменте соучастников, их мотивации, желании совершения преступления. Волевой момент в рамках данного признака будет основываться на установлении степени и характера выполняемых действий каждого из соучастников.

А.В. Шеслер считает, что признак совместности совершаемого двумя и более лицами одного и того же преступления имеет объективную и субъективную стороны. Совместность преступления соучастников с объективной стороны означает причинение единого преступного результата общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и причинную связь между ними. Автор также утверждает, что единство преступного результата при соучастии вытекает из взаимной обусловленности деяний соучастников, направленных на достижение единой цели. Причем общее деяние соучастников должно содержать в себе реальную возможность наступления преступного результата на всем протяжении выполнения объективной стороны преступления. Это не исключает необходимость установления вклада каждого из соучастников в совместную преступную деятельность. Установление этого вклада лежит в основе дифференциации и индивидуализации их ответственности. Единство преступного результата при соучастии определяет особенности причинной связи, которая существует между общим деянием соучастников и единым для них преступным результатом. А.В. Шеслер выступает против теории многих авторов о том, что причинная связь должна быть между действиями каждого соучастника и общим преступным результатом. Он считает, что абсурдность критикуемой позиции состоит в том, что преступление совершается одно, а причинных связей выявляется несколько. При таком подходе теряется смысл в самой конструкции соучастия. Наличие причинных связей между действиями нескольких лиц и одним результатом характеризует лишь их причастность к одному преступному результату, а не совместность их действий. В данном случае самостоятельно развивающиеся причинные связи пересекаются в одном последствии [6].

На наш взгляд, при подходе, в котором выделяется причинная связь каждого соучастника, и общем преступном результате конструкция соучастия нарушаться не будет. Это заключается в том, что в данной си-

туации присутствуют все объективные признаки соучастия, но наличие причинной связи индивидуализируется для каждого соучастника. Индивидуализация заключается в определении вклада, который внес каждый соучастник преступления для достижения единого преступного результата. Данный вклад проявляется в характере действий каждого участника преступления, на основе которого определяется, в какой степени его действия сыграли роль в достижении преступного результата. Степень вклада в преступный результат каждого из соучастников должна учитываться для назначения рационального и индивидуализированного наказания. В итоге рассматриваемый подход направлен не на разрушение конструкции соучастия, а на установление индивидуализации наказания посредством определения степени вклада в преступный результат в рамках причинной связи между совместными деяниями соучастников и единым преступным результатом. Данную индивидуализацию А.В. Шеслер относит к признаку совместности, указывая, что общее деяние соучастников должно содержать в себе реальную возможность наступления преступного результата на всем протяжении выполнения объективной стороны преступления.

Проанализировав труды вышеуказанных исследователей, можно сделать вывод о том, что объективные признаки играют очень важную роль в квалификации преступления в соучастии, а также в рациональном назначении наказания каждому из соучастников. Правильное понимание объективных признаков имеет фундаментальное значение для решения ряда проблем данного института, в том числе и проблемы дифференциации ответственности соучастников преступления. Другими словами, данные признаки являются неотъемлемой частью института соучастия, без которой такой институт не сможет существовать. Вышеперечисленные ученые-юристы смогли в своих трудах сформировать хорошо проработанное понятие объективных признаков соучастия, однако не пришли к общему мнению в полной мере, так как некоторые авторы выдвигают свои, отличные от других, взгляды по поводу объективных признаков соучастия в преступлении. Спорные мнения выдвигают исследователи по поводу правильного понимания и применения признака совместности деяний и наличия причинной связи.

На наш взгляд, стоит выделять четыре объективных признака соучастия, такие как:

- наличие двух или более лиц, которые участвовали в совершении преступления;
- совместность участия в совершении преступления;
- наличие общего для всех участников результата;
- наличие причинной связи между общественно опасным деянием и преступным результатом;

Не стоит также объединять эти признаки в один признак совместности деяний. По нашему мнению, хоть все перечисленные признаки взаимосвязаны между собой и в определенной мере дополняют друг друга, но каждый объективный признак института соучастия имеет право на самостоятельность. Это обосновывается тем, что каждый названный признак имеет свое индивидуальное значение и смысл при квалификации преступлений, совершенных в соучастии, назначении рационального, индивидуализированного и справедливого наказания участникам преступления и решении других проблем данного института.

Список использованных источников

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С.В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А.Л. Савенка, В.С. Яловика ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 387 с.
2. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
3. Гордеев, Р.Н. Групповое преступление в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Н. Гордеев ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Сиб. юрид. ин-т. – Красноярск, 2003. – С. 10.
4. Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М. : Госюриздат, 1959. – 256 с.
5. Бурчак, Ф.Г. Соучастие. Социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. – Киев : Вища шк., 1986. – 208 с.
6. Шеслер, А.В. Соучастие в преступлении : монография / А.В. Шеслер ; Федер. казен. образов. учреждение высш. проф. образования «Кузбас. ин-т Федер. службы исполнения наказаний». – Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2014. – 83 с.

УДК 343.4

Д.С. Сергейчик, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.В. Мытник*

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Несовершеннолетние являются социальной группой, которая наиболее значима для будущего любого государства и вместе с тем наиболее социально уязвима. Незавершенный процесс формирования личности подростков, их подверженность влиянию взрослых, отсутствие четко сформированной жизненной позиции, проявления юношеского макси-

мализма и другие факторы обуславливают определенную поведенческую нестабильность данной категории субъектов, следствием которой нередко становится совершение преступлений.

Указанные обстоятельства предопределяют наличие дифференцированного уголовно-процессуального подхода к несовершеннолетним, получившему нормативное закрепление в гл. 45 и некоторых статьях других глав Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) [1].

При дифференциации уголовно-процессуального подхода к несовершеннолетним немаловажным остается вопрос о применении мер пресечения в отношении рассматриваемой социальной группы.

В соответствии со ст. 116 УПК меры пресечения – это принудительные меры, применяемые к подозреваемому или обвиняемому для предотвращения совершения ими общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, или действий, препятствующих производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора. По своей сути, меры пресечения – это средства временного ограничения прав и свобод лиц, к которым они применяются. Вид применяемой меры пресечения зависит от множества факторов, которые исследуются перед назначением определенной меры. К данным факторам можно отнести тяжесть совершенного преступления, анализ поведения несовершеннолетнего, а также совокупность сведений, характеризующих его личность.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены такие меры пресечения, как:

- подписка о невыезде и надлежащем поведении;
- личное поручительство;
- передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части;
- отдача несовершеннолетнего под присмотр;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу.

Немаловажным является вопрос об индивидуальном и рациональном избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего.

Законодательное регулирование применения мер пресечения в отношении несовершеннолетнего лица определено ст. 432 УПК. В соответствии с положениями данной статьи при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача несовершеннолетнего под присмотр.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (далее – постановление Пленума № 3) при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр родителей, усыновителей, опекунов, попечителей и других заслуживающих доверия лиц, а также администрации специального детского учреждения, в котором он находится. Несовершеннолетний обвиняемый может быть отдан под присмотр только до достижения им совершеннолетия по письменному ходатайству лица, которому он отдается [2].

Исходя из вышеперечисленных положений УПК и постановления Пленума № 3, можно констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство признает такую меру пресечения, как отдача несовершеннолетнего под присмотр, предпочтительной при назначении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего.

Однако при назначении данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего имеется ряд недостатков, которые заключаются в недостаточно проработанном механизме контроля за исполнением этой меры пресечения со стороны родителей и компетентных органов.

Немаловажным остается вопрос о целесообразности передачи несовершеннолетнего под присмотр родителям или законным представителям. Данная проблема заключается в оценке и анализе сведений, характеризующих личность лиц, под присмотр которых отдаются несовершеннолетнего. Лицо, которому отдается под присмотр несовершеннолетний, должно обладать исключительно положительными качествами и вызывать уверенность в том, что данная мера пресечения будет обеспечена в полном объеме.

Не закреплен законодательно также перечень ограничений, которые присущи для данной меры пресечения.

На наш взгляд, для повышения эффективности исполнения такой меры пресечения, как отдача несовершеннолетнего под присмотр, следует определить исчерпывающий перечень ограничений в ходе исполнения данной меры, а также установить ответственность к лицам, в распоряжение которых отдаются несовершеннолетние, за неисполнение своих обязанностей по исполнению меры пресечения.

Особое внимание уделяется применению такой меры пресечения, как заключение под стражу. Это обусловлено тем, что данная мера пресечения подразумевает ограничение ряда конституционных прав гражданина, в первую очередь лишение личной свободы (ст. 25 Конституции Республики Беларусь [3]).

В международно-правовых актах закреплён исключительный характер заключения под стражу несовершеннолетних. Так, в частности, в ст. 13.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), говорится о том, что содержание несовершеннолетнего под стражей до суда «применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени». В Пекинских правилах предлагается заменять по возможности содержание под стражей до суда «другими альтернативными мерами, такими, как постоянный надзор, активная воспитательная работа или помещение в семью или воспитательное заведение, или дом» (ст. 13.2) [4].

В соответствии с ч. 2 ст. 432 УПК заключение под стражу, домашний арест в качестве меры пресечения могут применяться к несовершеннолетнему при наличии оснований, указанных в ст. 108, 111, 112 и 117 УПК, лишь в случаях совершения менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления. О заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей немедленно ставятся в известность родители или другие законные представители несовершеннолетнего.

В данной статье акцентировано внимание на исключительные случаи применения этой меры пресечения, заключающейся в тяжести совершенного преступления, а также наличия оснований, предусмотренных ст. 117 УПК.

При назначении такой меры пресечения должны соблюдаться основания и учитываться различные факторы, законодательно закреплённые в ст. 117 УПК.

В соответствии со ст. 117 УПК мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего может применяться лишь в случаях, когда собранные по уголовному делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора. При решении вопроса о необходимости применения меры пресечения к подозреваемому или обвиняемому должны учитываться характер подозрения или обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, их возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства и другие обстоятельства.

Из данных положений можно констатировать, что мера пресечения в виде заключения под стражу имеет ряд особенностей при ее применении в отношении несовершеннолетнего. Данные особенности заключаются в определенной тяжести совершенных несовершеннолетними преступлений, а также тщательном изучении их личностных характеристик.

Стоит отметить, что в УПК отсутствуют указания на возраст несовершеннолетнего. Проведя сравнительно-правовой анализ с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, установлены различия в решении такого вопроса, как применение меры пресечения в виде заключения под стражу.

Российское законодательство при применении рассматриваемой меры пресечения учитывает возраст несовершеннолетнего. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» обращено внимание на то, что «избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые» [5].

Исходя из данного положения, можно сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации при применении меры пресечения в виде заключения под стражу учитывается возраст несовершеннолетнего, а также тяжесть совершенного им преступления. Данный факт свидетельствует о более тщательном изучении личности несовершеннолетнего. Принятие во внимание возраста несовершеннолетнего способствует более рациональному и индивидуализированному подходу при назначении меры пресечения в виде заключения под стражу.

В завершение можно констатировать, что уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь установлены особенности при применении мер пресечения к несовершеннолетним. Данные особенности заключаются в наличии предпочтительной для применения меры пресечения в виде отдачи под присмотр несовершеннолетнего. Однако эта мера пресечения имеет ряд недостатков, которые подлежат устранению. Особое внимание уделяется мере пресечения в виде заключения под стражу. При применении такой меры пресечения должны соблюдаться установленные законодательством основания, а также учитываться степень тяжести совершенного преступления и совокупность сведений, характеризующих личность несовершеннолетнего.

В целом же белорусское уголовно-процессуальное законодательство обеспечивает рациональное, всестороннее и полное изучение обстоя-

тельств дела, а также индивидуализированный подход при применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. № 199-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/non18/?cbiecbimophdbaаа. – Дата доступа: 24.05.2023.

3. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : принято резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи, 29 нояб. 1985 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 1 февр. 2011 г., № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

УДК 342.9

Н.А. Синькевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.Н. Крюков*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ Ч. 5 СТ. 12.9 КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Государственные закупки являются одним из важнейших инструментов государственной экономической политики. Они направлены на обеспечение нужд государства и организаций, а также на поддержку развития отечественного производства. Однако в силу своей значимости процеду-

ры государственных закупок могут быть подвержены различным видам нарушений, которые могут повлечь за собой неправомерное решение о выборе участника-победителя, отклонение предложения участника или признание процедуры государственной закупки несостоявшейся. Одним из основных исполнителей процедур государственных закупок являются члены комиссии по государственным закупкам. Именно они отвечают за проведение всех этапов процедуры закупки, включая открытие, рассмотрение, оценку, сравнение и отклонение предложений участников. Однако если члены комиссии допускают нарушения при выполнении своих обязанностей, то они могут нести административную ответственность. Порядок проведения государственных закупок, в том числе порядок открытия, рассмотрения, оценки, сравнения, отклонения предложений участника, регулируется Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-3 «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»). Юридическая основа дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением требований бюджетного законодательства (законодательства, предусматривающего использование бюджетных средств) и законодательства в сфере государственных закупок, строится на том, что согласно подп. 2.2 п. 2 ст. 82 Бюджетного кодекса Республики Беларусь (БК) получатели бюджетных средств обязаны использовать бюджетные средства в соответствии с требованиями БК и иными актами законодательства, а также эффективно использовать бюджетные средства в соответствии с их целевым назначением [1].

Административная ответственность за нарушение заказчиком (организатором), членом комиссии по государственным закупкам порядка открытия, рассмотрения, оценки, сравнения, отклонения предложений, повлекшее неправомерное решение о выборе участника-победителя, отклонение предложения участника или признание процедуры государственной закупки несостоявшейся предусмотрена ч. 5 ст. 12.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) [2].

Для административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 12.9 КоАП, объектом являются общественные отношения, возникающие при открытии, рассмотрении, оценке, сравнении, отклонении предложений, повлекшие неправомерное решение о выборе участника-победителя, отклонение предложения участника или признание процедуры государственной закупки несостоявшейся.

Объективная сторона (ч. 5 ст. 12.9 КоАП) представляет собой деяния в форме активного действия, выраженное в виде нарушения специальными субъектами порядка открытия, рассмотрения, оценки, сравне-

ния, отклонения предложений. Открытие процедуры государственной закупки происходит путем открытия соответствующей позиции на электронной торговой площадке РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры рынка». Оператор электронной торговой площадки не позднее одного рабочего дня, следующего за днем истечения срока для подготовки и подачи предложений, обеспечивает доступ к предложениям участников для их рассмотрения заказчиком (организатором). Комиссия осуществляет рассмотрение предложений на их соответствие требованиям конкурсных документов не более десяти рабочих дней со дня истечения срока для подготовки и подачи предложений. С учетом особенностей и (или) сложности предмета государственной закупки заказчиком (организатором) может быть установлен более длительный срок рассмотрения предложений, но не более сорока пяти календарных дней со дня истечения срока для подготовки и подачи предложений. Комиссия может посредством электронной торговой площадки обратиться к участнику с запросом о разъяснении предложения. Участник посредством электронной торговой площадки размещает ответ на запрос не позднее двух рабочих дней, следующих за днем размещения запроса. При этом ответ на запрос не должен вносить изменения и (или) дополнения в предложение, за исключением исправления ошибок, включая арифметические, и (или) устранения неточностей по предложению заказчика (организатора). Комиссия вправе отклонить все предложения до выбора участника-победителя в случае отсутствия необходимого объема финансирования у заказчика и нецелесообразности уменьшения объема (количества) предмета государственной закупки. Комиссия отклоняет предложение, если: предложение не отвечает требованиям конкурсных документов; участник, представивший его, отказался исправить выявленные в нем ошибки, включая арифметические, и (или) устранить неточности по предложению заказчика (организатора); участник, представивший его, не соответствует требованиям к участникам, установленным в соответствии с п. 2 ст. 16 Закона «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»; участник, представивший его, направил недостоверные документы и (или) сведения. По результатам открытия, рассмотрения предложений и допуска участников к сравнению и оценке предложений составляется протокол. Операторы электронной торговой площадки и государственной информационно-аналитической системы обеспечивают размещение протокола открытия, рассмотрения предложений и допуска участников к оценке и сравнению предложений в государственной информационно-аналитической системе. В случае если до истечения срока для подготовки и подачи предложений не представлено ни одного предложения либо подано только одно предложение,

открытый конкурс признается несостоявшимся. Оценка и сравнение предложений осуществляются комиссией при наличии не менее двух участников, допущенных к оценке и сравнению предложений (в том числе в отношении частей (лотов) предмета государственной закупки), в течение пяти рабочих дней со дня размещения протокола открытия, рассмотрения предложений и допуска участников к оценке и сравнению предложений, указанного в п. 5 ст. 35 Закона «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», с использованием критериев, способа оценки и сравнения предложений, содержащихся в конкурсных документах. В результате оценки и сравнения предложений каждому из них присваивается порядковый номер (место) по степени их выгодности. Участник, представивший предложение, которому присвоен порядковый номер 1 (первое место), признается победителем. В случае если в результате оценки и сравнения предложениям нескольких участников присвоен порядковый номер 1 (первое место), победителем признается участник, предложению которого по критерию с наибольшим удельным весом присвоен порядковый номер 1 (первое место). Если по критерию с наибольшим удельным весом порядковый номер 1 (первое место) присвоен предложениям нескольких участников, победителем признается участник, предложению которого по критерию со вторым после наибольшего удельным весом присвоен порядковый номер 1 (первое место). Если по критерию со вторым после наибольшего удельным весом порядковый номер 1 (первое место) присвоен предложениям нескольких участников, победителем признается участник, предложению которого подано ранее других таких предложений [3].

Диспозиция правовой нормы носит бланкетный характер. В случае проведения государственной закупки путем применения открытого и закрытого конкурса для оценки и сравнения используется балльный способ, который регламентирован постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. № 449 «Об установлении критериев, способа оценки и сравнения предложений участников открытого и закрытого конкурсов» [4]. По конструкции объективной стороны состав является материальным. Это обусловлено тем, что для того чтобы признать правонарушение оконченным, требуется наличие общественно опасных последствий, которые, применительно к ч. 5 ст. 12.9 КоАП, повлекли неправомерное решение о выборе участника-победителя или отклонение предложения участника, или признание процедуры государственной закупки несостоявшейся.

Несоблюдение условий объективной стороны может быть выражено в фактах допущения нарушений порядка рассмотрения разделов предложений к участию в конкурсе (аукционе), а именно, допуск

участника, предложение которого не соответствовало требованиям раздела конкурсных (аукционных) документов «Описание предмета закупки». В результате возможных нарушений неправомерно может быть принято решение о выборе участника-победителя, хотя он не мог быть определен ввиду несоответствия требованиям конкурсных (аукционных) документов. Нарушения при оценке и сравнении предложений участников (например, расчет баллов в части количества соответствующих отзывов и общей цены договоров) по нестоимостным критериям оценки «Наличие подтвержденного положительного опыта работы, связанного с предметом государственной закупки» и «Общая цена договоров, соответствующих предмету государственной закупки, или аналогичных, исполненных участником за последние три года». Одно из нарушений может быть выражено в непроведении комиссией организатора по установленной в конкурсных документах формуле $НЦБ1 = У_{нск} \times (K_i / K_{max})$, т. е. комиссия организатора не осуществляет оценку и сравнение предложений участников с использованием критериев, способа оценки и сравнения предложений, содержащихся в конкурсных документах, что может повлечь неправомерное решение о выборе участника-победителя.

Специальным субъектом правонарушения, помимо заказчика (организатора) государственной закупки, выступает член комиссии по государственным закупкам. Заказчиком (организатором) процедуры государственной закупки может выступать любое должностное лицо хозяйствующего субъекта, который в соответствии с должностной инструкцией, имеет полномочия на осуществление государственной закупки от лица организации. Комиссия создается в случае организации и проведения открытого конкурса, закрытого конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений, которую формирует заказчик, а также определяет ее задачи и предоставляет ей полномочия для выполнения этих задач. В случае проведения закупки из одного источника, заказчик вправе сам определять необходимость формирования комиссии. Заказчик (организатор) включает в состав комиссии преимущественно лиц, освоивших содержание согласованных с уполномоченным государственным органом по государственным закупкам образовательных программ дополнительного образования взрослых в сфере государственных закупок, а также при необходимости лиц, обладающих специальными знаниями в сферах деятельности, связанных с предметом государственной закупки. Членами комиссии не могут быть физические лица, лично заинтересованные в результате процедуры государственной закупки, в том числе физические лица, представившие предложения, ра-

ботники участников либо физические лица, на которых способны оказывать влияние участники, в том числе физические лица, являющиеся учредителями (участниками), собственниками имущества, членами органов управления или кредиторами участников, а также должностные лица государственных органов, уполномоченных Законом и иными законодательными актами на осуществление контроля (надзора) в сфере государственных закупок, непосредственно осуществляющие контроль (надзор) в этой сфере [3]. Деятельность, а также порядок формирования комиссии по государственным закупкам при проведении открытого (закрытого) конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений, регламентируется постановлением Министерства антимонопольного регулирования и торговли от 21 января 2019 г. № 7 «Об утверждении Положения о комиссии по государственным закупкам». Комиссия должна состоять минимум из 5 человек. Персональный состав комиссии в случаях организации и проведения процедур государственных закупок:

заказчиком – формируется заказчиком и утверждается его руководителем (уполномоченным им должностным лицом);

организатором – формируется организатором и утверждается его руководителем (уполномоченным им должностным лицом);

двумя и более заказчиками – формируется исходя из соглашения сторон одним из таких заказчиков либо совместно всеми заказчиками и утверждается соответственно руководителем (уполномоченным им должностным лицом) одного из заказчиков либо руководителями (уполномоченными ими должностными лицами) заказчиков. Указанный состав комиссии утверждается локальным правовым актом, в котором также определяются задачи комиссии и предоставляются полномочия для выполнения этих задач [5].

Правонарушение, предусмотренное ч. 5 ст. 12.9 КоАП, относится к категории значительных административных правонарушений. В качестве санкции предусмотрен штраф на сумму до пятнадцати базовых величин.

С 1 января 2022 г. по 25 мая 2023 г. ч. 5 ст. 12.9 КоАП была применена судами 97 раз [6], что свидетельствует о ее актуальности. На наш взгляд, при наложении административного взыскания следует обратить внимание на субъективную сторону данного правонарушения в целях соблюдения принципов законности, справедливости, гуманизма, равенства перед законом, а также виновной ответственности лиц. Под этим подразумевается разумное наложение административного взыскания как на лиц, совершивших правонарушение по неосторожности, так и лиц, совершивших деяние умышленно. Принцип виновной ответствен-

ности должен проявляться при назначении наказания в отношении членов комиссии, которые допустили совершение правонарушения.

Таким образом, административная ответственность за нарушения при проведении процедур государственных закупок является одним из механизмов обеспечения их законности и прозрачности. Заказчики (организаторы) закупок и члены комиссии по государственным закупкам должны тщательно следить за соблюдением всех требований законодательства, чтобы избежать неприятных последствий в виде административной ответственности.

Список использованных источников

1. Денисевич, А.В. Особенности ведения административного процесса по делам об административных правонарушениях в сфере бюджетных отношений (часть 1) [Электронный ресурс] / А.В. Денисевич // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. № 144-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2019 г., № 419-3 : с изм. и доп. Закона Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 353-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Об установлении критериев, способа оценки и сравнения предложений участников открытого и закрытого конкурсов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 июля 2019 г., № 449 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Об утверждении Положения о комиссии по государственным закупкам [Электронный ресурс] : постановление М-ва антимоноп. регулирования и торговли Респ. Беларусь, 21 янв. 2019 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. Банк судебных решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/poisk/?kind-dec%5B%5D=491-107&case_number=&requestText=&date_single=&date_from=&date_to=&date_single_create=&date_from_create=&date_to_create=&article%5B%5D=573-3129&b_search_decision=Найти. – Дата доступа: 01.06.2023.

О.А. Слащинин, выпускник магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ
ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ (ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ)
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ
С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА**

Несмотря на то что использование систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) не получило широкого распространения в практике органов уголовного преследования, усматривается целесообразным рассмотреть теоретическую возможность их применения в рамках внешних сношений компетентных учреждений юстиции иностранных государств с органами, ведущими уголовный процесс, в Республике Беларусь.

Как отмечает К.В. Турко, в ст. 224¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) не закреплен процесс применения систем видеоконференцсвязи в отношении лиц, находящихся за пределами Республики Беларусь, хотя такое закрепление было бы целесообразным [1, с. 331]. Однако, признавая приоритет норм международного права в системе права Республики Беларусь, следует отметить, что правовые основы проведения вышеуказанных действий содержатся в положениях международных договоров. Так, Республика Беларусь является государством-участником следующих международных договоров, регулирующих порядок использования указанных информационно-правовых технологий, а именно: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией № 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН), Конвенция ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией № 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.).

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности предусматривает для ее государств-участников возможность использования «видеосвязи» для проведения заслушивания лица в качестве свидетеля или эксперта согласно п. 18 ст. 18 указанной конвенции,

а также возможность использования «видеосвязи» для дачи свидетельских показаний, признаваемых доказательством, в целях обеспечения защиты свидетеля согласно п. 2 ст. 24 указанной конвенции [2].

Конвенция ООН против коррупции, в свою очередь, предусматривает аналогичные вышеуказанные возможности использования видеотехнических средств: при проведении заслушивания лица в качестве свидетеля или эксперта и дачи свидетельских показаний, признаваемых доказательством, а также в целях обеспечения защиты свидетеля на основании п. 18 ст. 46 и п. 2 ст. 32 указанной конвенции, соответственно [3].

Согласно ст. 6 и 105 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам отдельные государства – участники Содружества Независимых Государств имеют возможность оказания правовой помощи путем выполнения процессуальных и иных действий, в том числе с использованием видеосвязи [4]. Так, компетентные учреждения юстиции договаривающихся сторон при оказании правовой помощи вправе по взаимному согласию и в соответствии со своим внутренним законодательством использовать средства видеосвязи. В частности, договаривающиеся стороны оказывают взаимную правовую помощь путем допроса сторон, третьих лиц, подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, гражданских истцов, гражданских ответчиков, их представителей, законных представителей обвиняемых, экспертов, предъявления для опознания, в том числе с использованием видеосвязи, видеозаписи и иных научно-технических средств.

Это означает, что с присоединением Республики Беларусь к данным международным договорам правовое регулирование использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) с участием лиц, находящихся на территории иностранного государства, должно получить свое отражение и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Например, это может выражаться в дополнении положений ст. 224¹ и 343¹ УПК возможностью проведения процессуальных действий на территории иностранных государств в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 184 УПК [5].

Исходя из вышеуказанного, следует отметить отставание национального законодательства, которое закрепило проведение отдельных процессуальных действий с использованием видеосвязи лишь в 2016 г., а принятые международные договоры предусматривали такую возможность уже в начале 2000-х гг.

Возможными основаниями для использования указанных систем могут являться обстоятельства исполнения полученных поручений компетентных учреждений юстиции иностранных государств об оказании

правовой помощи на территории Республики Беларусь, а также исполнение аналогичных поручений белорусских органов, ведущих уголовный процесс, на территории иностранных государств. Основанием для использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в рассматриваемой ситуации будет также оказание правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности согласно положениям разд. XV УПК [5]. Инициированием проведения процессуальных действий в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в данном случае будет направление соответствующего поручения (просьбы) об оказании правовой помощи по уголовным делам.

В настоящее время использование указанных систем белорусскими органами, ведущими уголовный процесс, в рассматриваемых случаях возможно только при исполнении поручения (просьбы) иностранных государств об оказании правовой помощи по уголовным делам [6, с. 19]. Необходимо учитывать, что поручение (просьба) об оказании правовой помощи в производстве процессуальных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) подлежит исполнению запрашиваемой стороной в случае, если это не противоречит основополагающим принципам законодательства запрашиваемого государства и для этого имеются соответствующие технические возможности для обеспечения защищенного канала связи, надлежащего качества изображения и звука.

Для дальнейшего исследования будет рассматриваться возможная ситуация направления вышеуказанных поручений (просьб) в иностранные государства со стороны белорусских органов, ведущих уголовный процесс. Так, в случае положительного рассмотрения вопроса об исполнении соответствующего поручения (просьбы), использование рассматриваемой информационно-правовой технологии будет осуществляться при соблюдении условий, указанных в ст. 224¹ и 343¹ УПК, за исключением следующих положений:

1. Перечень должностных лиц, в том числе компетентных учреждений юстиции иностранных государств, которые будут исполнять поручение (просьбу) об оказании правовой помощи по месту нахождения участников уголовного процесса;

2. Перечень участников уголовного процесса, в том числе находящихся на территории иностранных государств, с кем могут быть проведены процессуальные действия в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции);

3. Перечень процессуальных действий, которые могут быть проведены дистанционным способом.

Вышеуказанные условия в том числе будут зависеть от включения в национальное уголовно-процессуальное законодательство государств

участников сеанса систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) положений об ответственности свидетелей и потерпевших за уклонение от явки по вызовам для дачи показаний, за отказ или уклонение от дачи показаний без уважительной причины, за дачу заведомо ложных показаний, а также о признании материалов, полученных в ходе использования указанных систем, источником доказательств.

Обязанность по организации проводимого следственного действия возлагается на каждую сторону сеанса систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) по месту своего нахождения. Так, каждая сторона осуществляет приискание необходимого комплекса научно-технических средств и канала связи, обеспечивающих защиту передаваемой информации, надлежащее качество изображения и звука, а также организует прибытие необходимого участника уголовного процесса. При этом должна обеспечиваться возможность реализации участниками процессуального действия их прав и исполнения обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством сторон. По месту нахождения участника (-ов) уголовного процесса сторона указанного сеанса составляет протокол процессуального действия и осуществляет видеозапись его хода и результатов. Производство процессуального действия в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) должно быть организовано способом, позволяющим фиксировать в режиме реального времени ход его производства и окружающую обстановку, а также идентифицировать всех лиц, участвующих и присутствующих при этом, с целью наблюдения за их реакцией на конкретные показания и вопросы.

С участником уголовного процесса, находящегося на территории иностранного государства, на протяжении всего процессуального действия должно находиться должностное лицо по аналогии положений, предусмотренных ст. 224¹ и 343¹ УПК [5]. Однако в большинстве случаев это будет должностное лицо компетентного учреждения юстиции иностранного государства, которое также будет участвовать в проведении необходимого процессуального действия.

В целях расширения возможности проведения процессуальных действий в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) на территории иностранного государства предлагается предоставить возможность исполнения поручений об оказании содействия в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 224¹ и ч. 4 ст. 343¹ УПК, сотрудникам дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь. В данном случае необходима корректировка п. 10 ч. 1 ст. 37 УПК в части добавления возможности главам и сотрудникам дипломатиче-

ских представительств и консульских учреждений Республики Беларусь осуществлять дознание не только по делам о преступлениях, совершенных в пределах территории указанных представительств и учреждений, но и права производить процессуальные действия исходя из возможностей ч. 4 ст. 184 УПК [5]. В свою очередь, условия использования указанных систем при исполнении соответствующего поручения (просьбы) иностранного государства об оказании правовой помощи по уголовным делам будут аналогичными.

Процессуальный порядок использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в ходе исполнения поручения (просьбы) об оказании правовой помощи. Процессуальный порядок проведения процессуального действия в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в рассматриваемом случае не будет отличаться от требований, предъявляемых ст. 224¹ и 343¹ УПК [5]. Так, компетентное учреждение юстиции иностранного государства будет выполнять лишь вспомогательные функции при проведении процессуального действия.

Это значит, что процессуальный порядок проведения указанных процессуальных действий, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством иностранного государства, применяться не будет. Однако при исполнении белорусским органом, ведущим уголовный процесс, соответствующего поручения (просьбы) компетентного учреждения юстиции иностранного государства будет использоваться именно процессуальный порядок проведения процессуального действия, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством государства-инициатора. Так, белорусский орган, ведущий уголовный процесс, будет выполнять такие вспомогательные функции, как:

1. Установление личности лица, с участием которого проводится процессуальное действие;
2. В предусмотренных законом случаях предупреждать его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, уклонение от дачи показаний, отказ от дачи показаний;
3. Принятие мер, направленных на недопустимость уклонения от дачи показаний;
4. Обеспечение при необходимости участия защитника (адвоката), законного представителя, представителя или переводчика.

В данном случае стоит сделать оговорку, что порядок проведения процессуального действия в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) не должен противоречить уголовно-процессуальному законодательству каждой договаривающейся стороны, в том числе Рес-

публики Беларусь. Возможные противоречия должны быть оговорены либо в соответствующих международных договорах, либо в направленной или полученной просьбе в соответствии с принципом взаимности.

Проведенное исследование вопросов позволило выявить и обосновать теоретическую возможность нормативного закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве положений о проведении отдельных процессуальных действий на территории иностранного государства посредством систем видеоконференцсвязи (веб-конференции). В этой связи предлагается установить возможность органами, ведущими уголовный процесс, направления поручений (просьб) об оказании правовой помощи на территории иностранного государства для проведения отдельных процессуальных действий в режиме систем видеоконференцсвязи (веб-конференции).

Список использованных источников

1. Турко, К.В. Проблемные вопросы использования видеоконференцсвязи при производстве предварительного расследования / К.В. Турко // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / редкол.: С.Я. Аземша [и др.] ; Следств. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Ред. журн. «Пром.-торговое право», 2018. – С. 329–334.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [заключена 15.11.2000 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [заключена 31.10.2003 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена 06.10.2002 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. № 199-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Методические рекомендации по применению систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при производстве следственных действий : метод. рекомендации / Следств. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2019 (актуализированы в 2021 г.).

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННЫМ ПОСТАВКАМ
НАРКОТИКОВ В КОНТЕКСТЕ
ЕЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Развитие такой оперативно-розыскной категории, как оперативно-розыскная характеристика (ОРХ), в контексте незаконных поставок наркотиков является приоритетным направлением для исследований данной проблемы. Сама ОРХ представляет собой информационную модель, наличие которой указывает оперативному сотруднику направления поиска источников информации о конкретном виде преступления для последующего выдвижения версий, использования эффективных способов раскрытия (выявления) преступлений.

Наиболее часто к элементам ОРХ относят: предмет преступного посягательства; место и обстановку совершения преступления; способ совершения преступления; механизм следообразования; способ сокрытия следов преступной деятельности; личность преступника и личность потерпевшего [1, с. 249]. Каждый элемент ОРХ является взаимодополняющим, при этом обладает ярко выраженной спецификой.

Ведь речь идет об ОРХ поставок наркотиков, следует отметить, что исследователями выделяется такой элемент, как способы сокрытия преступления, что в условиях высокой латентности рассматриваемого нами преступления является весьма актуальным и должно исключать состояние информационной неопределенности [2, с. 22–23].

Основными способами осуществления незаконных поставок наркотиков являются их незаконные: перевозка, пересылка и перемещение через Государственную границу Республики Беларусь и (или) таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Незаконная перевозка наркотиков представляет собой перемещение наркотиков с помощью любого вида транспортного средства из одного пункта в другой, в свою очередь пересылка отличается от перевозки тем, что в процессе отправления нелегальной посылки ее фактическое перемещение осуществляется без отправителя с использованием услуг юридического и (или) физического лица [3]. Перемещение через таможенную и (или) Государственную границу Республики Беларусь (а также транзит) представляет собой ввоз, вывоз или транзит наркотиков через таможенную или Государственную границу Республики Беларусь. Данные действия

являются основными способами осуществления незаконных поставок наркотиков.

В целях эффективного осуществления одного из вышеперечисленных способов злоумышленниками предпринимается значительное число способов сокрытия факта совершения преступления. На сегодня наиболее актуальными способами являются: 1) использование автомобилей, перевозимых на лафетах автобусов; 2) модернизация конструкции автомобиля (использование двойного дна, «кустарная выштамповка» тайников в кузове); 3) помещение наркотиков во внутренние полости человека или животного; 4) использование париков, объемных причесок, одежды со внутренней набивкой, в том числе для животных; 5) использование физиологических особенностей тела человека, например со стороны цыганских диаспор чаще всего осуществляется помещение наркотиков в подмышечные впадины, под женскую грудь, в протезы для инвалидов; 6) изготовление и использование специальной тары, не позволяющей оценить содержимое путем осмотра через рентгеновские лучи; 7) создание упаковки из настоящих овощей и фруктов, как правило с характерным запахом, в которые помещается наркотик.

Следует также указать, что злоумышленники используют такой фактор, как невнимательность или брезгливость сотрудников, которые досматривают и обыскивают автотранспорт. При этом наркотики могут помещаться в неприметные общеиспользуемые предметы, личные вещи, средства гигиены, в мусор. К отдельной категории относятся факты применения к наркотикам различных агрегатных состояний, не привлекающих внимание. Под видом напитка Coca-Cola в фирменных бутылках могут перевозить экстракт опия, кокаин могут перевозить в виде фигурок религиозного характера, а героин – в виде жидкости темного цвета, представляющей концентрированный раствор наркотика [2, с. 22–23].

Способом сокрытия при осуществлении пересылки наркотиков может быть комбинация, при которой преступники умышленно указывают на посылке адрес не причастного к противоправному деянию лица, с целью проверки контроля со стороны правоохранителей. В последующем, при миновании опасности к данному лицу приходит истинный получатель и забирает посылку [4, с. 40].

На наш взгляд, указанные способы сокрытия преступления не являются окончательными. Так, массовое использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в современных вооруженных конфликтах позволяет сделать вывод об их будущем массовом нелегальном использовании, ввиду методичного развития технологий, а также массовой подготовки кадров среди солдат срочной службы в различных армиях

мира. В 2023 г. доставка различных грузов БПЛА уже активно используется. Помимо этого исследователями отмечаются возможности БПЛА по самостоятельному прокладыванию маршрута к месту доставки и обратно, с возможностью преодоления различных препятствий, чему способствует наличие постоянно развивающегося искусственного интеллекта в мире [5, с. 227–228]. Стоит также отметить, что при должной подготовке обеспечивается как безопасность груза, так и самих организаторов.

Эффективному осуществлению рассмотренных действий предшествует тщательная подготовка, направленная на поиск контактов с коренными жителями, с лицами, желающими заработать определенную сумму денежных средств за выполнение отдельных поручений либо вообще не имеющими никакого отношения к осуществлению преступной деятельности.

Одним из эффективных направлений по выявлению лиц, осуществляющих незаконные поставки наркотиков, является использование так называемых профилей риска. В данные профили включаются отдельные специфические черты поведения, внешнего вида и иные характерные наркопреступникам данной категории качества, позволяющие вычленивать их из общей массы пассажиропотока. Так, выявив подходящего по характеристикам профиля лицо, сотрудник правоохранительных органов может применить досмотровые мероприятия и опрос по особой методике. Первоначальное поведение сотрудника должно быть направлено на оценку внешнего вида, поиск подозрительных предметов и веществ. Далее предполагаемому злоумышленнику задается ряд вопросов, первоначальные – относительно спокойные, выходящие за рамки мероприятий по выявлению канала поставки (на бытовую, удаленную тематику), и последующие – направленные на непосредственное определение преступных намерений, выявление чувства страха или неуверенности. При этом следует отметить, что сотрудник должен проводить проверочные мероприятия решительно и без промедлений. На наш взгляд, следует также обозначить необходимость введения единого профильного учета, который будет внедрен в уже действующие базы данных (БД) в качестве подраздела либо как отдельная уникальная БД. В данный раздел следует поместить информацию о криминальной активности в области наркопреступлений, в том числе совершенных на территории других государств, финансовом положении, отношении к потреблению наркотиков.

Развитие и совершенствование ОРХ незаконных поставок наркотиков также включает в себя рассмотрение такого элемента, как место совершения преступления. Поставки наркотиков связаны с непосредствен-

ным пересечением государственной и (или) таможенной границы ЕАЭС. В условиях открытости границ между государствами-участниками – Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Республикой Киргизия и Российской Федерацией – осуществление нелегальных поставок наркотиков достаточно сильно упрощается ввиду отсутствия на границе таможенного контроля и сведенного к минимуму досмотровому процессу. Указанное обстоятельство подтверждается тем, что, согласно статистике, в 2022 г. сотрудниками подразделений наркоконтроля и противодействия торговле людьми было выявлено и пресечено 30 каналов поставок, при этом 29 из них имели российский вектор. В свою очередь, за аналогичный период 2021 г. – 27 каналов. По информации представителей Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2022 г. в Российской Федерации было изъято из оборота 28,8 кг наркотиков, которые предназначались для поставок в Республику Беларусь [6]. На наш взгляд, ввиду растущего количества поставок наркотиков на территорию белорусского государства следует рассмотреть вопрос о введении нормативного правового акта, регламентирующего контроль грузового сообщения между государствами, а также разработке мер, направленных на недопущение распространения контрабандных наркотиков с территории Афганистана. Добиться этого можно путем создания специализированных подразделений по отслеживанию нелегальных потоков наркотиков.

Таким образом, рассмотренные нами вопросы позволяют сделать следующие выводы: 1) ОРХ поставок наркотиков является информационной моделью, позволяющей выдвигать обоснованные версии, предпринимать эффективные способы пресечения преступной деятельности, совершенствовать практическую составляющую деятельности правоохранительных органов; 2) способы сокрытия преступления как элемент ОРХ имеет обширный перечень вариантов осуществления преступной деятельности. При этом развитие технологий, в контексте актуальных на сегодня БПЛА, их внедрение различные сферы жизни позволяют сделать вывод о возможном активном применении в будущем БПЛА в качестве способа доставки наркотиков в различные пункты; 3) наличие между Республикой Беларусь и государствами – членами ЕАЭС открытости границ имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В контексте незаконных поставок наркотиков данное обстоятельство дает возможность злоумышленникам практически беспрепятственно преодолевать пограничный и таможенный контроль, ввиду чего предлагаем рассмотреть вопрос о создании специализированных подразделений по отслеживанию нелегальных поставок на проблемных участках границы ЕАЭС, а также разработать нормативный правовой

акт, регламентирующий контроль государственной и таможенной границы в контексте осуществления нелегальных поставок.

Список использованных источников

1. Кондратьев, М.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств / М.В. Кондратьев, В.К. Зникин // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Юриспруденция. – 2015. – № 1 (61). – С. 248–255.
2. Харевич, Д.Л. Способы сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности при перевозке (пересылке) наркотиков / Д.Л. Харевич // Актуал. проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2019. – № 19 (1). – С. 22–24.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 : с изм. и доп. от 30 сент. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Игнатенко, Е.А. Криминалистическая характеристика способов сокрытия незаконной пересылки наркотиков / Е.А. Игнатенко // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. «Гуманитар. науки». – 2014. – № 66. – С. 39–40.
5. Абрамов, М.М. Новые и перспективные направления применения беспилотных летательных аппаратов / М.М. Абрамов // Изв. Тул. гос. ун-та. Техн. науки. – 2022. – № 3. – С. 227–232.
6. Обзор наркоситуации в республике за 2022 г. [Электронный ресурс] : М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/guniptl/narkokontrol>. – Дата доступа: 15.05.2023.

УДК 339.186

К.В. Турко, выпускник магистратуры факультета
повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.В. Ермоленко*

ОБ ИНСТИТУТЕ ЗАКУПОК ЗА СЧЕТ СОБСТВЕННЫХ СРЕДСТВ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СУБЪЕКТЫ

На современном этапе в Республике Беларусь в зависимости от источника финансирования различают два вида закупок: государственные закупки (далее – госзакупки) и закупки за счет собственных средств (далее – закупки). Закупки в настоящее время регулируются Гражданским кодексом Республики Беларусь, постановлением Совета Министров

Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» (далее – постановление № 229) [1], решениями местных Советов депутатов, локальными правовыми актами организаций. Однако в указанных актах нет законодательного определения, что представляет собой «закупка за счет собственных средств».

В экономическом словаре В.Г. Гавриленко термин «закупка» определяется как «приобретение путем заключения договоров (контрактов закупки) купли-продажи (поставки), аренды (включая финансовую) товаров, подряда, выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, возмездного оказания услуг, перевозки, транспортной экспедиции, полностью или частично финансируемое за счет источников финансирования, предусмотренных законодательством» [2].

Таким образом, В.Г. Гавриленко рассматривает «закупку» непосредственно как процесс приобретения чего-либо, посредством заключения гражданско-правовых договоров. По нашему мнению, данный подход не совсем верен, так как «закупка» в своем общем понимании включает в себя не только сам процесс приобретения чего-либо, но и порядок выбора контрагента, а также правоотношения, возникающие между участниками закупки.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе [3] «закупки» рассматриваются не только как процесс приобретения чего-либо, но и как отношения, связанные с исполнением договоров (контрактов) о закупках, однако данное определение не относит к «закупке» правоотношения, складывающиеся в процессе выбора контрагента и не рассматривает его как процесс отбора поставщика.

В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» закупка товаров определяется как «приобретение товаров на конкурентной основе, в котором принимают или могут принять участие два и более участника...» [4]. В данном определении зафиксировано четкое указание на конкурентную основу при закупках, при этом субъектный состав конкретно не определен, но появляется оговорка о том, что он включает всегда от двух участников и более.

В подп. 1.1 п. 1 постановления № 229 отсутствует четкое определение понятия «собственные средства», в нем только говорится, что «... организации осуществляют закупки, за исключением госзакупок, в соответствии с настоящим постановлением, если иное не установлено законодательными актами». Из смысла данной нормы следует, что постановлением № 229 к закупкам отнесены все закупки, не являющиеся

госзакупками. При этом не приводится перечень источников финансирования данного вида закупок, какие из источников финансирования закупки будут считаться «собственными средствами» [1].

В экономико-математическом словаре Л.И. Лопатникова под собственными средствами понимается совокупность уставного капитала, прибыли и целевых поступлений. Собственные средства отождествляются с собственным капиталом, который определяется как сумма номинальных стоимостей акций плюс капитал, внесенный сверх номинальной (или объявленной) величины, нераспределенная прибыль, резервы и добавочный капитал от переоценки активов [5].

В соответствии со словарем-справочником экономических и юридических терминов В.А. Чевычелова, собственные средства предприятия также приравниваются к собственному капиталу, денежным средствам, которые предоставляются фирме в обмен на право совладения ее имуществом и доходами, а потому, как правило, не подлежащим возврату и приносящим доход, зависящий от итогов работы фирмы; и определяется как капитал, вложенный владельцами фирмы [6, с. 291].

Различные трактовки рассматриваемого термина в приведенных выше словарях, а также отсутствие его законодательного определения ведет к неоднозначности понимания указанного правового института и трактовки его норм субъектами правоотношений.

В законодательстве Республики Беларусь определение «собственные средства» встречается в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях», в котором законодатель к «собственным средствам» относит любые вещи, принадлежащие организации на праве собственности или ином вещном праве, а также имущественные права и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров (работ, услуг) [7].

По нашему мнению, данное определение не полное, так как в названных определениях к категории «собственные средства» не отнесены такие важнейшие источники финансирования закупки, как средства организаций, полученные от предпринимательской деятельности, а также кредиты банков и займы, с оговоркой о том, что они не являются средствами республиканского или местного бюджетов.

На основании изложенного видится целесообразным «закупку товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» определить как «процесс отбора заказчиком поставщика (подрядчика, исполнителя), приобретения любым способом, в том числе путем купли, аренды, лизинга или покупки в рассрочку товаров, работ и услуг, полностью или частично финансируемое за счет средств, полученных от предпринимательской

и иной хозяйственной деятельности, непосредственно принадлежащих организации, так и кредитов банков и займов, привлеченных от резидентов и нерезидентов Республики Беларусь на основе договоров займа, не относимые согласно законодательству к средствам республиканского или местного бюджета, в том числе государственных целевых бюджетных фондов, государственных внебюджетных фондов, внешних государственных займов и внешних займов, привлеченных под гарантии Правительства, кредитов банков Республики Беларусь, привлеченных под гарантии Правительства, и исполнения указанных договоров в целях удовлетворения потребностей заказчика».

В соответствии с постановлением № 229 виды процедур закупок можно разделить на две группы: конкурентные процедуры закупок и закупка из одного источника. Однако законодательство о закупках не содержит определения термина «конкурентная процедура закупки». В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под «конкуренцией» понимается «соперничество; борьба за достижение больших выгод, преимуществ» [8]. «Конкуренция» также определяется как «соперничество, борьба индивидов или социальных групп за обладание ограниченными благами, а также нормативно регулируемый социальный процесс, в ходе которого индивиды или группы стремятся к одной и той же цели, достижение которой одними исключает других, в отличие от кооперации и сотрудничества и борьба за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, характерная для товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства» [9].

Исходя из приведенных определений, полагаем, что под конкурентными процедурами закупок можно понимать процедуры закупок, в которых участвуют два и более участника, соперничающие между собой за заключение контракта, предоставляя наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров (работ, услуг).

Перечень конкурентных процедур, которые должен использовать заказчик при проведении закупок за счет собственных средств, не определен. По-нашему мнению, к конкурентным процедурам следует отнести: открытый конкурс, биржевой (электронный) аукцион, запрос ценовых предложений.

Рассматривая субъектный состав указанных общественных отношений, необходимо начать с заказчика. Постановление № 229 не дает конкретного определения, кто является заказчиком. Однако из логики норм данного постановления следует, что законодатель отождествил его с организацией, осуществляющей закупки, к которым отнесены республиканские унитарные предприятия, государственные органы, государственные объединения, иные юридические лица, имущество кото-

рых находится в республиканской собственности, либо хозяйственные общества, в уставных фондах которых более 25 процентов акций (долей) принадлежит Республике Беларусь или организациям, имущество которых находится в республиканской собственности, за исключением операторов сотовой подвижной электросвязи [1].

Необходимо отметить, что заказчик вправе привлечь организатора для осуществления части своих функций по организации и проведению процедуры закупки. Привлечение организатора не снимает обязанности с заказчика в порядке определения потребительских, функциональных, технических, качественных и эксплуатационных показателей (характеристик) предмета закупки, требований к участникам, существенных условий договора и его заключение.

Таким образом, говоря про организатора, законодатель понимает его как лицо (организацию), выполняющее от имени заказчика часть его функций по организации и проведению процедур закупок.

В ходе организации и проведения процедур закупок могут привлекаться, в том числе на договорной основе, эксперты для консультаций и (или) получения заключения по рассмотрению, оценке и сравнению предложений. В случае привлечения нескольких экспертов из их числа может быть сформирована экспертная комиссия. Экспертом является незаинтересованное в результате процедуры закупки лицо, обладающее специальными знаниями в сферах деятельности, связанных с предметом закупок.

Одной из особенностей данного участника правоотношений является тот факт, что эксперт не несет ответственности за те заключения, которые им предоставляются заказчику. Данные им заключения имеют рекомендательный характер для заказчика. Принятые решения на основании заключения эксперта порождают ответственность исключительно у заказчика.

Постановление № 229 не дает определения участника процедуры закупки. Вместе с тем полагаем, что участником может считаться юридическое или физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, участвующее в процедуре закупки за счет собственных средств в качестве потенциального поставщика (подрядчика, исполнителя).

По общему правилу, участником конкурентной процедуры может быть любое юридическое или физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, которое соответствует требованиям, установленным в документации о закупке в соответствии с порядком таких закупок. При этом не имеет значения организационно-правовая форма такого лица, форма собственности, место его нахождения и место происхождения капитала [1]. Следует отметить, что участниками конкурентных процедур закупок не могут быть лица, включенные в реестр

поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к закупкам. Порядок ведения данного реестра определен Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь и включает в него поставщика (подрядчика, исполнителя) на основании заявления организатора закупок:

при уклонении лица от заключения договора в случае выбора его участником-победителем, если это не связано с изменением заказчиком условий процедуры закупки;

расторжении заказчиком (организатором) с лицом договора в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением ими этого договора, за исключением договора, расторгнутого в связи с обстоятельствами, вызванными непреодолимой силой, невозможностью исполнения либо на основании акта государственного органа;

совершении работниками юридического лица и индивидуального предпринимателя, а также физическими лицами и индивидуальными предпринимателями установленных вступившим в законную силу приговором суда преступлений, связанных с участием в процедуре закупки, в том числе дачей взятки.

Таким образом, к субъектам, участвующим в закупках, можно отнести заказчика, организатора, эксперта и участника.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что институт закупок за счет собственных средств является относительно новым, в связи с чем в нормативных правовых актах, регулирующих указанные правоотношения, отсутствует закрепление определений основополагающих категорий данного института: понятия закупки за счет собственных средств, видов процедур закупок за счет собственных средств, субъектов закупок за счет собственных средств. Законодательное закрепление рассмотренных в статье категорий позволит достигнуть единообразного понимания норм института закупок, а также обеспечит единую практику правоприменения.

Список использованных источников

1. О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 229 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 11.01.2023 г. № 26 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Гавриленко, В.Г. Капитал. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / В.Г. Гавриленко // Право и экономика. – 2009. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/new/private/view-document/BELAW/86497/#M100001>. – Дата доступа: 28.05.2023.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] : в ред. от 05.08.2021 г. : с изм. от 09.12.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 275-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Лопатников, Л.И. Экономико-математический словарь [Электронный ресурс] / Л.И. Лопатников. – Режим доступа: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economic-mathematical/index.htm>. – Дата доступа: 28.05.2023.

6. Чевычелов, В.А. Словарь-справочник экономических и юридических терминов / В.А. Чевычелов. – М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. – С. 386.

7. О концессиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 63-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>. – Дата доступа: 28.05.2023.

9. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/big-sociological/fc/slovar-202-2.htm#zag-815>. – Дата доступа: 28.05.2023.

УДК 341.1

Е.В. Шевчук, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ США И СМЕЖНЫХ С УГОЛОВНЫМ ПРОЦЕССОМ ОТРАСЛЯХ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время почти все сферы жизнедеятельности человека так или иначе связаны с информационными технологиями, с каждым годом процесс информатизации увеличивается, вместе с тем увеличивается и количество преступлений в сфере информационных технологий. Так как в белорусском уголовно-процессуальном законе не регулируется вопрос получения, оценки и использования «электронных доказательств», мы предлагаем рассмотреть уголовно-процессуальное законодательство Соединенных Штатов Америки (США) с целью анализа эффективности законодательного закрепления понятия «электронные доказательства».

Так, в США отсутствует единая, общенациональная уголовно-правовая система, обусловлено это особенностями федерализма. Про-

блему разграничения компетенции разрешает десятая поправка к Конституции США, принятая в 1791 г. Кроме того, стоит учесть систему судебных прецедентов, которая также служит источником уголовного права. Производство по уголовным делам в военных судах осуществляется по правилам Единого кодекса военной юстиции США.

Немалое значение в развитии нормотворчества в сфере уголовно-процессуального права оказал принятый 24 октября 2001 г. Акт патриота Америки (USAPATRIOT ACT). Закон имел ограниченный срок действия – было прекращено 1 июня 2015 г. Уже 3 июня 2015 г. Президент США Б. Обама подписал Акт свободы США (USAFreedomAct), который направлен на введение ограничений при сборе органами, ведущими уголовный процесс, личных данных пользователей. Принятый акт наделяет спецслужбы США широким кругом полномочий по сбору информации, однако для получения таких данных, как сведений о телефонных переговорах, необходимо получение судебного ордера. Отличительной особенностью доказательственного права стран англосаксонской правовой системы является то, что помимо относимости, допустимости, достоверности и достаточности выделяют такое свойство доказательств, как вес. Вес доказательства имеет взаимосвязи практического и теоретического характера с допустимостью и относимостью доказательств.

Электронные доказательства могут быть получены в ходе наблюдения или обыска. Здесь необходимо уточнить, что понятие обыска в американской доктрине уголовного процесса до сих пор остается неопределенным из-за его различных форм, а именно процессуальная, оперативная и электронная. Согласно современной концепции любое вторжение сотрудников государственных органов в частную жизнь признается обыском. На основе этой позиции разработана концепция «у всех на виду» (plain view doctrine), согласно которой не является обыском и не требует санкции суда случайное нахождение предмета у всех на виду. По общим требованиям, закрепленным в Правиле 41 Федеральных правил уголовного процесса США (Federal Rules of Criminal Procedure), обыск в жилище производится на основании решения суда, только в дневное время, с 6:00 до 22:00.

Справедливо, что электронное прослушивание и наблюдение «приравнено по своим юридическим последствиям к обыску, а поэтому должно осуществляться на основании ордера, т. е. под контролем судебной власти» [5]. Судебный контроль позволяет обеспечить законность при юридически значимых обстоятельствах: сборе фактического материала, применении мер уголовно-процессуального принуждения, обеспечении установленной законом формы процесса. Четвертая поправка к Конституции США запрещает произвольные аресты и обыски, регла-

ментирует необходимость санкции суда на проведение таких следственных действий. Это означает, что сотрудник полиции либо же следователь, находясь на месте следственного действия, получает решение суда путем использования телефонной связи или иных электронных средств связи (Правило 41(3) Федеральных правил уголовного процесса США (Federal Rules of Criminal Procedure)).

Законодательство США не содержит исчерпывающего перечня видов доказательств, каждое доказательство подлежит оценке его относимости, допустимости, достоверности, достаточности и веса. В рамках данного исследования с целью анализа правоприменительной практики нами были выделены следующие электронные доказательства в системе доказательств США, основанной на прецедентной судебной практике: фотография, видеозапись, аудиозапись, электронный документ, мобильное устройство связи, электронная корреспонденция, текстовые сообщения, электронный носитель информации, персональный компьютер, данные интернет-трафика и др. [1].

Бесспорно, что аудиозапись, как и любое другое доказательство, должна пройти проверку подлинности – аутентификацию. Требования, предъявляемые к таким доказательствам, были указаны апелляционным судом штата Джорджия в решении по делу Стива Соломона младшего против Эдгара (Steve M. Solomon, Jr., Inc. v. Edgar): техническое устройство записи должно обладать возможностью закрепления доказательств; пользователь устройства должен обладать необходимыми навыками для использования устройства; запись должна быть проведена корректно и правильно; должны быть исключены правки записи; должен быть представлен способ хранения записи; записанный голос должен быть идентифицирован; должно быть доказано, что записанные показания были даны на добровольной основе, без принуждения. Кроме того, аудиозапись должна отвечать требованиям «слышимости» (audibility) и разборчивости (intelligibility). Слышимость – свойство записи, позволяющее любому слушателю услышать информацию, зафиксированную на аудиозаписи. Разборчивость – свойство записи, позволяющее слушателю понять записанную информацию на аудиозаписи. Как правило, разборчивость записи оценивается судом.

Электронные сообщения признаются допустимыми доказательствами при условии подтверждения их авторства, содержания. В качестве подтверждения могут выступать свидетельские показания; косвенные доказательства (стиль оформления сообщения, его содержание и т. п.), письменное заявление получателя о том, что сообщение изъято из его компьютера и представленная распечатка является его верной копией. Апелляционным судом Северной Каролины было рассмотрено дело Северная Каро-

лина против Вилкерсона (North Carolina v. Wilkerson) о краже. У задержанного Вилкерсона был изъят мобильный телефон, в памяти которого было обнаружено отправленное сообщение, со следующим содержанием: «Я получил 64-дюймовый телевизор Samsung». Защита ходатайствовала об исключении доказательства, опираясь на то, что не установлен отправитель сообщения. Однако суд учитывал следующие факты: изъятый телефон находился при задержанном; с телефона производились звонки в день совершения преступления; обсуждался украденный предмет; автомобиль задержанного стоял около дома потерпевшего, и водитель пользовался мобильным телефоном; согласно данным вышек сотовой связи установлено передвижение Вилкерсона. Таким образом, текстовое сообщение было признано допустимым доказательством по делу.

При рассмотрении описанных уголовных дел судьями были выработаны «строго регламентированные правила» (bright-line rules), которые наделяют все виды доказательств одинаковым статусом и устанавливают единый подход в определении процедуры их изъятия, хранения, использования. Однако в зарубежной литературе существует мнение, что ввиду развития современных технологий в XXI в. применение данной доктрины представляется затруднительным. Это связано с тем, что американская современная практика складывается последовательно и равномерно, учитывая неоднозначное отношение законодателя к электронным технологиям.

Мобильное устройство может быть рассмотрено в качестве «традиционного вещественного доказательства», например, в случае его нетрадиционного использования, а именно, хранения наркотических средств в корпусе мобильного телефона. Здесь объектом исследования является не электронная информация, а изъятие из технического устройства вещества, запрещенного в гражданском обороте. Другой вариант – решение суда округа Нью Гэмпшир по делу США против Олавасей на Адекой и (United States of America v. Olawaseun Adekoya). Данное решение констатировало факт возможности применения мобильного телефона в качестве «традиционного вещественного доказательства», имеющего определенные технологические характеристики. В том числе IMEI, указанный на корпусе телефона (международный идентификатор мобильного оборудования).

В дальнейшем, благодаря установленному IMEI, было выявлено, что с телефона подозреваемого осуществлялась связь с другими фигурантами уголовного дела, именно это послужило основанием для предъявления обвинения в совершении организованной кражи денежных средств с банковских платежных карточек. Данный факт не оставили без внимания защитники обвиняемого, которые заявили о нарушении процедуры

изъятия мобильного устройства (без решения суда), что грубо нарушило права на неприкосновенность частной жизни подзащитного. Но решением суда действия сотрудников полиции были признаны законными, так как IMEI был указан на корпусе мобильного телефона, а информация, которая содержалась на самом устройстве, не была исследована и использована в качестве доказательств по делу. Соответственно, телефон в данном эпизоде рассмотрен в качестве вещественного доказательства, для изъятия которого разрешения суда не требуется. Таким образом, законодательная модель применения электронных доказательств включает в себя не только правовые нормы, но и судебную-прецедентную практику [6].

Справедливым видится рассмотрение практики применения электронных доказательств в отрасли гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права, для того чтобы разобраться в том, как данный вид доказательств распространен и используется в смежных с уголовным процессом отраслях права.

Развитие техники и технологий, неюридических наук предопределяет развитие процессуального института судебного доказывания, поскольку позволяет расширить круг возможных носителей следов искомых фактов, создать дополнительный инструментарий для выявления доказательственной информации, ее хранения и оценки. В то же время правовое регулирование судебного доказывания остается достаточно консервативным, основанным на классических теоретических концепциях.

Содержание правовых норм о доказательствах в УПК не успевает оперативно изменяться вслед за развитием техники и технологий, поэтому данным нормам свойственна определенная «пробельность», эти пробелы не всегда позволяют эффективно использовать в судопроизводстве в качестве средств доказывания сравнительно новые носители информации. Процессуальный закон наряду с классическими средствами доказывания закрепил в качестве допустимых и другие носители информации (информацию на иных носителях). При этом если нормы гл. 22 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК) [2] частично раскрывают круг данных «иных» носителей, то в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (ХПК) [3] конкретика отсутствует. Однако данная неопределенность не является недостатком правового регулирования, так как она позволяет судам рассматривать в качестве доказательств сведения, полученные из тех носителей информации, которые на момент принятия закона еще не существовали или не были широко распространены в гражданском обороте.

Электронные документы закон и большинство специалистов приравнивают к письменным доказательствам. Так, в силу ч. 1 ст. 84 ХПК к

письменным доказательствам относятся, в частности, документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа. Пункт 2 ст. 161 Гражданского кодекса Республики Беларусь рассматривает использование при заключении сделок электронной цифровой подписи как составление документа в письменной форме. Однако сфера применения в гражданском обороте электронных документов, учитывая положения Закона Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [4], является достаточно узкой и охватывает биржевую торговлю, расчеты, иные банковские операции, иные сферы. Лишенное электронной цифровой подписи сообщение, например, сообщение электронной почты, не является электронным документом, однако оно вполне может быть расценено как упомянутые в ГПК и ХПК иные носители информации и может быть использовано в суде в качестве доказательства. Суд может исследовать его либо путем непосредственного восприятия с монитора компьютера с одновременным распечатыванием на бумажном носителе и приобщением его к делу или же путем оглашения текста сообщения, распечатанного на бумажном носителе.

Подводя общий итог изучения статуса «электронных доказательств» в уголовно-процессуальном законодательстве США, а также в смежных с уголовным процессом национальных отраслях права, считаем необходимым сформулировать следующие выводы:

1) в законодательстве США дано четкое определение понятия «электронные доказательства», которое урегулировано на законодательном уровне и активно применяется в процессе уголовно-процессуального доказывания;

2) неурегулированным остается статус «электронных доказательств» не только в уголовном процессе Республики Беларусь, но и в смежных с ним национальных отраслях права.

Проведенное исследование может свидетельствовать о срочной необходимости обращения внимания белорусского законодателя на наличие и решение существующей проблемы путем скорейшего закрепления понятия «электронные доказательства» в уголовном процессе и других отраслях права.

Список использованных источников

1. Бори́ко, С.В. Уголовный процесс : учеб. пособие / С.В. Бори́ко. – Минск : Амалфея, 2000. – 384 с.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Щербаков, С.В. Доказательства в уголовном судопроизводстве США / С.В. Щербаков // Рос. судья. – 2010. – № 4. – С. 27–30.

6. Сергеев, М.С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве. Опыт США / М.С. Сергеев // Вестн. экономики, права и социологии. – 2016. – № 2. – С. 206–210.

УДК 343.985

А.А. Шемет, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.С. Жидович*

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В настоящее время интернет-пространство стало неотъемлемой частью всех сфер социального общества, многие используют его для осуществления покупок, проведения финансовых операций и общения с другими людьми. Однако сеть Интернет является также благоприятной средой для совершения мошеннических действий в отношении граждан в киберпространстве.

Следует отметить, что наряду с общими признаками преступности рассматриваемому уголовно наказуемому деянию присущи и признаки, которые отличают его от «традиционных» видов преступности. К таковым относятся:

повышенная скрытность совершения преступления, которая обеспечена спецификой сетевого информационного пространства (развитые механизмы анонимности, сложность инфраструктуры и т. п.);

трансграничный характер сетевых преступлений, при котором преступник, объект преступного посягательства, потерпевший могут находиться на территориях разных государств;

особая подготовленность преступников, интеллектуальный характер преступной деятельности;

нестандартность, сложность, многообразие и частное обновление способов совершения преступлений и применяемых специальных средств;

возможность совершения преступления в автоматизированном режиме в нескольких местах одновременно;

многоэпизодный характер преступных действий при множественности потерпевших;

неосведомленность потерпевших о том, что они подверглись преступному воздействию;

дистанционный характер преступных действий в условиях отсутствия физического контакта преступника и потерпевшего;

невозможность предотвращения и пресечения преступлений данного вида традиционными средствами [1, с. 38].

Учитывая специфику рассматриваемого преступления, способы совершения указанного уголовно наказуемого деяния заслуживают пристального изучения, так как являются одним из важных элементов оперативно-розыскной характеристики.

Следует отметить, что сложились различные подходы к пониманию способов совершения преступления в содержательном и терминологическом плане. Так, по мнению А.Н. Колесниченко, в узком смысле способ преступления представляет собой действия по непосредственному совершению преступления. В.Ф. Ермолович под способом преступления в широком смысле понимает способы подготовки, совершения и сокрытия преступного посягательства [2, с. 54–55].

По мнению Р.С. Белкина, под способом преступления понимается «система действий по подготовке, совершению, сокрытию преступления, объединенных общим преступным замыслом, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, связанных с избирательным использованием орудий или средств и условий места и времени» [3].

Н.П. Яблоков при определении способа преступления акцентирует внимание на практическом значении данной категории и понимает под ним «объективно и условно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент, и после совершения им преступления, оставляющую различного рода следы во вне, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, отдельных личностных данных правонарушителя и определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления» [4, с. 76].

По нашему мнению, наиболее оптимальным является использование понятия «способ преступления» в широком смысле, так как указанный

подход позволяет проследить все этапы преступной деятельности злоумышленника (от подготовки до сокрытия следов преступления) и получить большой объем ориентирующей и доказательственной информации.

В научном сообществе выделяют различные виды мошенничеств в киберпространстве. Так, например, А.М. Майтесян выделяет интернет-попрошайничество, мошенничество, связанное с интернет-магазинами, фишинг, мошенничество в сфере цифровизации и др. [5]. Д.Н. Фатахова рассматривает такие виды, как вишинг, фарминг, кардинг и др. [6].

В научной литературе также выделяют такие виды рассматриваемого преступления, как мошенничество с электронными кошельками, блокировка операционной системы, взлом аккаунта, брачные мошенничества, финансовые пирамиды и др.

В настоящее время наиболее актуальными способами обмана в сети Интернет являются фишинг, вишинг, кража личных данных, кража криптовалюты, спам и мошеннические сообщения, продажа фиктивных товаров и услуг.

Следует отметить, что интернет-мошенничество причиняет серьезный ущерб как физическим лицам, так и субъектам хозяйствования. В связи с этим важно знать и понимать, какие способы используют мошенники, чтобы защитить свои личные данные и финансовые средства в онлайн-пространстве.

Рассмотрим наиболее актуальные способы мошенничества в сети Интернет.

Фишинг (англ. phishing от fishing – рыбная ловля, выуживание) – вид интернет-мошенничества, при котором злоумышленник пытается получить конфиденциальную информацию, такую как логины, пароли, реквизиты банковских платежных карточек и другие персональные данные, путем обмана пользователей.

«Фишингеры» используют различные способы обмана, например, отправляют ложные электронные письма от имени реально существующей компании или организации, с просьбой предоставить личную информацию или произвести финансовые операции. Мошенники часто создают поддельные веб-сайты, которые выглядят как официальные интернет-ресурсы субъекта хозяйствования (интернет-магазин, банковское учреждение и др.), чтобы заставить пользователей вводить свои данные. Цель фишинга сходна с целью мошенничества, однако ввиду специфики места совершения отличается: цель фишинга – получение доступа к чужим аккаунтам, кража личных данных, взлом компьютеров или мобильных устройств, установка вредоносных программ и др.

Кроме электронных писем и поддельных веб-сайтов «фишингеры» часто используют социальные сети, мессенджеры и иные онлайн-

ресурсы для своих атак. Например, мошенники оправляют ложные ссылки через чаты и социальные сети, переходя по которым пользователь загружает вредоносные программы на компьютер или мобильное устройство.

Вишинг (от англ. voice phishing – голосовой фишинг) – это вид мошенничества, при котором злоумышленники используют голосовые сообщения или звонки, чтобы выманить у граждан их личные данные и финансовую информацию.

Мошенники, используя голосовую связь, могут представиться сотрудниками банков, компаний, поставщиками услуг, государственных органов и учреждений. Злоумышленники используют различные приемы, чтобы убедить жертву предоставить им конфиденциальные данные, например, социальная инженерия, убеждение, запугивание и др. [7].

Кроме того, в настоящее время зафиксирован новый тренд мошеннических атак. Злоумышленники звонят потенциальным «жертвам» по видеосвязи, представляясь работниками банковского учреждения, при этом имитируя работу в офисе. Все подобные звонки совершаются через мессенджеры. Как правило, первый звонок мошенники совершают через мессенджер или по обычной телефонной связи. Если у собеседника возникают сомнения, что с ним общается работник банка, то мошенники перезванивают по видеосвязи. При этом на экране воспроизводятся некоторые аспекты работы реального call-центра или офиса банка. Затем преступники используют уже стандартные схемы, чтобы получить доступ к финансовым средствам клиента банка: убеждение оформить заявку на кредит, перевести деньги на «безопасный счет», обновить банковское приложение или скачать средства удаленного доступа, чтобы проверить его работу, или просто начинают запрашивать СМС-коды под различными предлогами для получения доступа к личному кабинету клиента банка. Отмечается, что видеозвонки более эффективны для мошенников, так как способность жертвы сопротивляться давлению при их применении значительно ниже, чем при общении по телефону, а уровень доверия к собеседнику, она видит на экране выше. Кроме того, злоумышленники ставят на аватарах логотип того или иного банка, а также предоставляют в мессенджере фото поддельных удостоверений.

Кибермошенники также используют в своей преступной деятельности IT-технологии. Например, систему имитации чужого голоса наподобие инструмента *Microsoft VALL-E* на основе нейросети, который способен воссоздать голос человека (сохраняя эмоциональную окраску) на основе образца речи продолжительностью всего три секунды или *ChatGPT* (от англ. Generative Pre-trained Transformer «генеративный предварительно обученный трансформер») – чат-бот с искусственным

интеллектом, способный изменять изображения и голоса в режиме реального времени (deep fake).

Кража личных данных – мошенническая схема, при которой злоумышленник получает доступ к компьютерной информации, такой как имена, адреса, номера телефонов, адреса электронной почты, пароли, реквизиты банковских платежных карточек, данных паспорта и другие персональные данные.

Кража личных данных совершается посредством фишинга, скимминга, использования вредоносных программ или утечку данных от компаний или организаций.

После получения злоумышленниками доступа к личным данным пользователя преступники используют эти сведения для совершения мошеннических операций. Кроме того, злоумышленники часто продают указанные данные на соответствующих тематических торговых площадках, где эти сведения в последующем используются в преступной деятельности.

Кража криптовалюты. Кража криптовалюты – этот вид мошенничества предполагает получение злоумышленником доступа к электронному кошельку с криптовалютой жертвы и кражу ее средств.

Кража криптовалюты может происходить различными способами, например, посредством фишинга, использования вредоносных программ, атаки на биржи криптовалют и обменные площадки, а также использования компьютерных вирусов для взлома электронных кошельков. Злоумышленники часто отправляют от имени криптобирж электронные письма, которые выглядят как официальные сообщения, с просьбой предоставить данные для доступа к электронному кошельку (пароли, секретные ключи).

Спам и мошеннические сообщения. Этот способ предполагает отправку нежелательных сообщений, которые могут содержать как рекламу, так и мошеннические предложения. «Спамеры» могут использовать различные способы, чтобы доставить свои сообщения до потенциальных жертв, например, использование специальных программ, которые автоматически отправляют сообщения по тысячам электронных адресов. Сообщения содержат ссылки на поддельные сайты или с мошенническими предложениями.

Мошеннические сообщения – это сообщения, которые оформлены как официальные письма от банковских учреждений, государственных органов, субъектов хозяйствования. В указанных письмах запрашивается личная информация, такая как реквизиты банковских платежных карточек, пароли и другие данные. Цель мошенников – получить доступ к финансовым или личным данным граждан [7].

Продажа фиктивных товаров и услуг – еще один весьма распространенный вид мошенничества в интернет-пространстве. Этот вид рассматриваемого преступления заключается в предложении продажи товаров известных брендов, а также услуг. В действительности злоумышленники не намереваются и не имеют реальной возможности выполнить обязательства по их реализации.

Кибермошенники, занимающиеся фиктивной продажей товаров и услуг, используют различные приемы и ухищрения, чтобы обмануть своих жертв. Например, создают поддельные веб-сайты, которые являются точной копией официальных сайтов брендов, организаций по дизайну, логотипам, цветовой гамме и другим характеристикам.

Кроме того, преступники размещают фиктивные рекламные объявления на торговых интернет-площадках или в социальных сетях. Указанные объявления часто привлекают внимание потенциальных жертв низкой ценой или хорошей скидкой на популярные товары и услуги. Затем интернет-мошенники выманивают личные данные или убеждают оплатить фиктивный товар или услугу [8].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, полагаем, что знание и понимание оперативными сотрудниками рассмотренных способов совершения мошенничества в сети Интернет позволит повысить эффективность противодействия рассматриваемому уголовно наказуемому деянию.

Список использованных источников

1. Чекунов, И.Г. Киберпреступность: понятие и классификация / И.Г. Чекунов // Рос. следователь. – 2012. – № 2. – С. 37–44.
2. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений : монография / В.Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.
3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. : Т. 3 / Р.С. Белкин. – М. : Юрист, 1997. – 480 с.
4. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.П. Яблоков. – М. : Норма, 2008. – 781 с.
5. Майтесян, А.М. Мошенничество в сети Интернет и способы защиты от него / А.М. Майтесян // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – Vol. 5–4 (44). – S. 69–71.
6. Фатахова, Д.Н. Мошенничество в сети Интернет / Д.Н. Фатахова // Молодой учен. – 2020. – № 49. – С. 341–344.
7. Шуляк, В.В. Мошеннические схемы. Как аферисты выманивают деньги у белорусов [Электронный ресурс] / В.В. Шуляк. – Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/moshennicheskie-shemy-kak-afelisty-vymanivajut-dengi-ubelorusov-8327/>. – Дата доступа: 24.05.2023.
8. Интернет-мошенничество – памятка для граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-k/profilaktika/internet-moshennichestvo-pamyatka-dlya-grazhdan>. – Дата доступа: 24.05.2023.

Г.В. Шкарбун, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Шабаль*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ

Заключение под стражу всегда являлось одной из наиболее строгих мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. Такая мера пресечения предусмотрена с целью недопущения нарушений общественного порядка, защиты нравственности и здоровья населения, прав и свобод человека, а также в интересах национальной безопасности. Однако, несмотря на указанные нами цели, мы также должны руководствоваться принципами, которые заключаются в необходимости изолирования лица, совершившего преступление, соразмерности деяния и наказания, ограничение прав и свобод человека строго в соответствии с законом.

В данной статье попытаемся рассмотреть перспективные направления для развития организации деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь (СИЗО), так как именно на эти подразделения возлагается наибольший поток исполнения мер пресечения в виде заключения под стражу. На сегодня в Республике Беларусь функционируют шесть СИЗО и три тюрьмы.

Рассматриваемые нами проблемы в своих работах отмечали такие белорусские ученые, как В.Н. Бибило, Л.Л. Зайцева, Н.В. Кийко, Г.А. Василевич и многие другие.

Важно также отметить исследования М.Ю. Кашинского, который обозначает, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу является одной из самых специфических и приводит в большинстве своем к аутодеструктивному поведению со стороны лица, к которому была применена данная мера уголовно-процессуального принуждения, ввиду чего органам уголовного преследования следует применять альтернативные меры пресечения с целью снижения аутодеструктивной активности и экономии государственных средств на их содержание [1].

Одним из перспективных направлений, связанным с совершенствованием деятельности СИЗО, на наш взгляд, являются правовые основания для приема лиц в СИЗО. На сегодня в соответствии с Законом Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З «О порядке и условиях заключения лиц под стражу» [2] существуют следующие основания:

- 1) постановление (определение) о задержании;
- 2) постановление (определение) о применении в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 3) приговор суда.

Пункт 9 гл. 2 Правил внутреннего распорядка СИЗО, утвержденных постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 июня 2021 г. № 176 [3], более конкретизирует правовые основания для приема лиц в СИЗО, которые состоят в следующих документах:

- 1) постановление органа дознания, лица, производящего дознание, следователя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, санкционированное прокурором;
- 2) постановление Председателя Следственного комитета, Председателя Комитета государственной безопасности или лиц, исполняющих их обязанности, прокурора, судьи, определение суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 3) приговор суда, вступивший в законную силу, постановление начальника территориального органа внутренних дел или администрации исправительного учреждения открытого типа, санкционированное прокурором.

На наш взгляд, с целью наибольшей оптимизации деятельности СИЗО следует передать полномочия о применении меры пресечения в виде заключения под стражу от органов следствия и дознания в суд. С данными изменениями мы сможем добиться достижения такого принципа уголовного процесса, как независимость расследования. Примечательно, что с принятием таких изменений мы сможем в полной мере реализовать ст. 60 Конституции Республики Беларусь [4], которая касается гарантий защиты прав и свобод граждан компетентным, независимым и беспристрастным судом. Как отмечает П.В. Мытник [5], мы также сможем добиться снижения численности лиц, в отношении которых вынесено постановление о заключении под стражу, ввиду чего мы сможем оптимизировать численность лиц, находящихся в СИЗО.

Отметим также, что в Российской Федерации в ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [6] закреплены положения, касающиеся применения описываемой нами меры пресечения. Ввиду этого важным моментом будет то, что с принятием данной поправки в законодательство Республики Беларусь мы достигнем целей, установленных ст. 2 Договора о создании Союзного государства [7], связанных с формированием единой правовой системы Беларуси и России. Это необходимо для унификации законодательства в национальных правовых системах для оптимизации правоотношений между государствами.

На основании всего вышеизложенного мы можем согласиться с мнением Г.А. Василевича, который с целью решения данного вопроса предлагает закрепить в ст. 25 Конституции Республики Беларусь следующую формулировку: «Заключение под стражу не допускается иначе, как на основании мотивированного акта судебной власти. В исключительных, вызываемых необходимостью и срочностью случаях, точно указанных в законе, заключение под стражу может быть применено в качестве временной меры, о которой должно быть в течение 48 часов доведено до сведения судебной власти. Если суд не утвердит эту меру в течение следующих 24 часов, то она считается отмененной и утратившей силу» [8]. Это позволит обеспечить в том числе исполнение принципа законности на всех этапах реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление.

Вторым перспективным направлением, связанным с организацией деятельности СИЗО, будет отмена обязательного письменного заявления, осужденного об оставлении в отряде хозяйственного обслуживания учреждения, предусмотренного ст. 67 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [9]. Именно с отменой данного ограничения мы сможем обеспечить администрацию учреждения более обширным выбором лиц для осуществления хозяйственной деятельности. У некоторых ученых могут возникнуть вопросы, связанные с тем, что если отменить данное письменное заявление, мы нарушаем права осужденного, так как в колонии условия лучше, чем в СИЗО, однако такое положение не является на сегодня актуальным, так как жилые корпуса для осужденных из числа отряда хозяйственного обслуживания оборудованы современными условиями для проживания и не уступают, а даже в некотором роде опережают по материальному содержанию жилые секции в исправительных колониях.

Отметим, что данное положение о письменном заявлении осужденного для оставления в отряде по хозяйственному обслуживанию в учреждении были впервые нормативно закреплены в Исправительно-трудовом кодексе 1971 г., во времена, когда на территориях пенитенциарной системы повсеместно развивались неформальные отношения среди осужденных, и такая работа, связанная с хозяйственным обслуживанием, могла принести осужденному определенные проблемы (притеснение, определение низким неформальным статусом). На сегодня данные неформальные отношения в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь почти сведены к нулю и существуют лишь в группах рецидивистов, которые с периодичностью отбывают наказания со времен распада Советского Союза. В целом в настоящее время

нет никаких угроз для жизни и здоровья осужденных, оставленных для хозяйственного обслуживания, в том числе и в СИЗО.

На наш взгляд, также важно отметить мнение А.М. Штырева [10], который полагает, что исполнение наказания в отряде хозяйственного обслуживания намного благоприятнее для осужденного, чем в исправительной колонии, ссылаясь на следующие факторы:

1) отсутствие отрицательно настроенных осужденных к новоприбывшим, ввиду того, что в отряде хозяйственного обслуживания таковые отсутствуют;

2) исходя из этого отсутствие нарушений правил внутреннего распорядка;

3) ввиду отсутствия нарушений правил внутреннего распорядка осужденные меньше получают взысканий;

4) территориальный фактор, так как СИЗО находятся в крупных городах, а это непосредственно помогает сохранить социально полезные связи осужденного;

5) большинство осужденных отряда хозяйственного обслуживания в последующем выходят по условно-досрочному освобождению.

Однако, несмотря на это, все же осужденным из числа хозяйственного отряда приходится выполнять свои трудовые обязанности в режимных корпусах, камерах, а это создает условия более строгой изоляции осужденных в СИЗО, чем в исправительной колонии. Ввиду этого, по нашему мнению, было бы более-менее справедливо считать наказание в виде лишения свободы лицам, оставленным в СИЗО или тюрьме в отряде хозяйственного обслуживания, 1 день за 1,25 дня, такое изменение обусловило бы желание со стороны осужденных остаться в отряде хозяйственного обслуживания, а не этапироваться в исправительную колонию, а также предотвратило бы возможный рецидив преступности со стороны данной категории осужденных.

Третьим перспективным направлением для совершенствования организации и функционирования СИЗО следует указать выработку единых требований, касающихся подбора лиц в учреждение для хозяйственного обслуживания. Это является важным ввиду того, что в каждом учреждении существуют свои требования по подбору лиц, что, в свою очередь, не является правильным ввиду неструктурированности и может повлечь за собой не очень положительные результаты при проведении мероприятий, связанных с организацией работы с осужденными.

В заключение всему вышеизложенному следует сделать вывод, что с принятием данных изменений в законодательство Республики Беларусь мы сможем оптимизировать деятельность СИЗО, которые впоследствии могут привести к следующим результатам:

1) сокращение численности лиц, в отношении которых вынесено постановление о заключении под стражу;

2) более детальное и всеобъемлющее рассмотрение материалов, касающихся применения меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) возможность большего подбора лиц в отряды хозяйственного обслуживания в СИЗО без ограничений, связанных с обязательным наличием письменного заявления на согласие остаться отбывать наказание в виде лишения свободы на определенный срок в данном учреждении;

4) более детальный подбор кандидатов для оставления лиц в отряде по хозяйственному обслуживанию учреждения;

5) повышение стимула и перспективы для осужденных для оставления в отряде хозяйственного обслуживания в СИЗО.

Список использованных источников

1. Кашинский, М.Ю. Сокращение практики тотального применения меры пресечения в виде заключения под стражу в следственный изолятор – перспективное направление в комплексе уголовно-процессуальных мер предупреждения аутодеструктивного поведения в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М.Ю. Кашинский // Проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 мая 2014 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – С. 93–95.

2. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел [Электронный ресурс] : постановление, 13 янв. 2004 г., № 3 : в ред. постановления М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 30.06.2021 г. № 176 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023. – 64.

5. Мытник, П.В. Субъекты применения заключения под стражу в уголовном процессе Республики Беларусь / П.В. Мытник, Р.Р. Алекперов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2020. – № 1. – С. 94–99.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Кодекс Рос. Федерации, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 17 февр. 2023 г. № 30-ФЗ / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] / soyuz.by. – Режим доступа: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva>. – Дата доступа: 18.05.2023.

8. Василевич, Г.А. Расширение правового статуса человека – важнейшая часть модернизации Конституции Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – Минск : Юстиция Беларуси, 2021. – С. 21–24.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. № 183-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

10. Штырев, А.М. Условия и порядок оставления осужденных в СИЗО для отбывания наказания в виде лишения свободы / А.М. Штырев. – Рязань : Акад. ФСИН, 2021. – С. 171–176.

УДК 343.982.9

Г.В. Шкарбун, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.С. Сенькевич*

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Актуальность темы обусловлена прежде всего защитой половой неприкосновенности, половой свободы и прав несовершеннолетних. Это является одним из аспектов их становления как личности, формирования духовно-нравственных и моральных ценностей, а также влияет на их будущее развитие и благополучие. Статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь свидетельствуют о том, что происходит увеличение числа совершаемых преступлений, так за 2013–2022 г. было совершено порядка 5,8 тыс. преступлений [1].

Мы должны отметить, что в настоящее время межличностное общение переходит из реального в виртуальное, естественно преступная деятельность также перемещается в виртуальную плоскость. Подобные возможности позволяют преступникам совершать развратные действия в отношении несовершеннолетних, не покидая своего жилища и используя безграничные возможности сети Интернет, в том числе социальные сети. Некоторые ученые уже называют это новым видом преступлений и дали ему название «груминг», от английского слова grooming, которое

буквально переводится как «ухаживание». Этот вид преступности стал широко распространяться в последние годы. Половина жертв этого насилия – подростки в возрасте от 12 до 15 лет, среди которых 84 % – девочки [2].

По нашему мнению, особого внимания заслуживают работы Е.В. Михайловой, которая выделяет три этапа «груминга» [3]:

первый этап (подготовительный): на данном этапе злоумышленник создает свою страницу в социальных сетях и выбирает жертву, также изучает персональную страницу ребенка с целью получения информации о его интересах, характере, увлечениях и прочих личных данных. Затем преступник направляет жертве сообщение на интересующую ребенка тему с целью завязать дружеский контакт и общение;

второй этап (соблазнение и преследование): включает в себя различные способы манипуляции жертвой, злоумышленник устанавливает доверительные отношения с потенциальной жертвой, дарит ей подарки, деньги, билеты на транспорт, предлагает развлечения и т. д. Таким образом, ребенок увлекается в пространство, искусственно созданное преступником, в котором последний совершает действия, связанные с сексуальным насилием, развратом и иной противоправной деятельностью, связанной с половой неприкосновенностью и свободой несовершеннолетнего.

третий этап (завершающий): включает действия, непосредственно направленные на достижение преступной цели, поставленной преступником на первом и втором этапах интернет-груминга. На данном этапе преступник может достичь своей цели двумя способами: реальной встречей или склонением несовершеннолетнего к совершению подобных действий со сверстниками или созданием порнографического контента.

Для более эффективного расследования преступлений, связанных с «грумингом», а также для предотвращения возможных новых преступных проявлений, необходимо постоянно совершенствовать методику расследования указанной группы преступлений. Особую сложность представляет установление лица, совершившего данное преступление, так как оно часто совершается с использованием телекоммуникационных технологий и непосредственного контакта преступник-жертва не происходит.

В связи с этим следует использовать все возможные инструменты для установления личности преступника, включая сотрудничество со специалистами в области информационной безопасности, проведение технических исследований, анализ доступных данных и свидетельских показаний. Кроме того, важен элемент оперативной работы и сбора информации о подозреваемых лицах, их связях и местах пребывания.

Решение поставленной задачи может помочь не только установить личность преступника и принять меры к его задержанию, но также предотвратить возможное повторение подобного преступления в будущем и защитить потенциальных жертв.

В современных условиях можно выделить два способа установления личности преступника: традиционные и современные методы.

К традиционным методам следует относить обычные следственные и процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь. К таким действиям могут относиться назначение и проведение различных видов судебных экспертиз, производство выемок информации с серверов социальных сетей и мессенджеров, а также осмотр компьютерной информации.

Современные методы основываются на использовании технологий и возможностей интернета. Это могут быть различные программы распознавания голоса и изображений, анализ данных в социальных сетях и мессенджерах, использование алгоритмов машинного обучения для выявления характеристик и мотивов преступника. В целом использование традиционных и современных методов в комплексе для раскрытия и расследования преступлений позволяет повысить их эффективность.

Следует отметить, что традиционные способы установления информации о личности преступника имеют свои преимущества, такие как их понятность и доступность для следователей при производстве уголовных дел. Однако недостатком таких методов является их продолжительность, которая часто превышает двухмесячный срок предварительного расследования. Например, запрос в интернет-провайдер может рассматриваться очень долго ввиду его сложности и технических аспектов.

Кроме того, стоит обратить внимание на мнение В.В. Ерахмилевича, который утверждает, что если интернет-провайдер не зарегистрирован на территории государства, в котором совершено преступление, то он может не отреагировать на официальный запрос ввиду конфиденциальности своих клиентов. И это может затруднить процесс установления информации о личности преступника, несмотря на то, что злоумышленник может проживать на территории государства, где совершено преступление [5].

В данной статье мы рассмотрим современные методы, связанные с процессом установления личности преступника. Каждое электронное устройство, работающее в сети Интернет, имеет два вида сетевых адреса – MAC-адрес и IP-адрес. Зная IP-адрес, можно установить владельца устройства, обратившись к провайдеру, у которого зарегистрирован данный IP-адрес. Однако зарубежные провайдеры могут отказать в предоставлении информации, ссылаясь на политику конфиденциальности

своих пользователей. В связи с этим для получения информации следует использовать специальную программу – онлайн-сниффер.

Онлайн-сниффер – это программное обеспечение, которое анализирует входящий и исходящий трафик с компьютера, подключенного к интернету, и следит за тем, какие сайты посещает лицо, а также какие файлы загружает и выгружает. Для расследования преступлений данный программный инструмент помогает следователям и оперативным работникам получить информацию для идентификации личности преступника, такую как IP-адрес преступника и время посещения страницы-сниффера, а также адрес страницы, с которой осуществлен на нее вход.

Для использования онлайн-сниффера следователь или оперативный работник должны передать ссылку на страницу «сниффер» и замотивировать возможного злоумышленника на ее переход. Сразу после перехода на страницу сниффера органам уголовного преследования отобразится IP-адрес преступника, а у злоумышленника отобразится после перехода на страницу картинка или сайт. Наиболее удобной платформой сниффера, по заявлениям пользователей, является <https://iplogger.org/>. Однако, по нашему мнению, органы уголовного преследования для раскрытия преступлений должны разработать свою собственную сниффер-программу.

Итак, использование онлайн-сниффера является эффективным методом для получения информации, необходимой органам уголовного преследования для расследования преступлений. Алгоритм работы с данным программным инструментом можно организовать следующим образом: передача ссылки на страницу «сниффер», мотивация злоумышленника на ее посещение, получение IP-адреса преступника и дальнейшее использование полученных данных в качестве доказательства в деле.

В качестве дополнительного способа раскрытия этой группы преступлений органы уголовного преследования могут использовать также инструменты Open Source Intelligence (OSINT), которые представляют собой разведку по открытым источникам. Этот сервис позволяет искать любую информацию о лице или организации в различных общедоступных базах данных. В настоящее время OSINT-сервисы широко доступны в виде Telegram-ботов [7], таких как «Глаз Бога», A VinfoBot, Kolibri Osint, GNEyeBot, MeetBoot.

Мы отметили Telegram-боты, которые позволяют найти любые данные о введенном лице. Так, если в ходе переписки между преступником и потерпевшим преступник направил жертве свою фотографию, то указанные нами Telegram-сервисы могут найти данное изображение, где

предполагаемый злоумышленник мог быть зарегистрирован. Большое достоинство состоит и в том, что нужную информацию можно получить в максимально короткий срок с момента поступления сообщения о преступлении, после чего начать планирование следственных и иных процессуальных действий для установления причастности лица к совершению преступления.

По мнению П.Л. Боровика, информацию, которую мы получим при использовании данных программ, нужно фиксировать посредством создания скриншотов (графических отображений экрана), содержащих по возможности не только сами сведения, но и электронный адрес ресурса их размещения, дату публикации, прочую сопутствующую информацию. Полученные в ходе поиска данные могут быть записаны на компакт-диск или выведены на печать (в зависимости от объемов и качества полученной информации) и приобщены к протоколу проведенного мероприятия или следственного действия в виде несекретного приложения [8].

В заключение всему вышеизложенному, полагаем, следует отметить, что информатизация общества приводит к появлению новых способов совершения преступлений, таких как «груминг». В ходе исследования мы обозначили этапы интернет-груминга, которые могут заканчиваться реальной встречей преступника и жертвы или склонением жертвы к созданию порноконента со сверстниками. Для предотвращения этих преступлений и быстрого установления личности преступника предлагаем использовать современные методы идентификации личности через интернет-приложения. Считаем, что разработка сниффер-программ для предотвращения или расследования преступлений в рамках рассматриваемой темы актуальна в настоящее время, учитывая противоправную деятельность преступников.

Список использованных источников

1. Педофилы в Беларуси совершили более 5,8 тыс. преступлений за 10 лет [Электронный ресурс] // Sputnik.ru. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20230306/pedofily-v-belarusi-sovershili-bolee-56-tys-prestupleniy-za-10-let---mvd-1072946728.html>. – Дата доступа: 27.05.2023.

2. Что такое груминг и как защитить от него ребенка [Электронный ресурс] // takiedela.ru. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/notes/gruming/>. – Дата доступа: 27.05.2023.

3. Михайлова, Е.В. Криминологическая характеристика преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Е.В. Михайлова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2022. – № 12. – С. 182–189.

4. Ховако, С.М. Формы отождествления личности в оперативно-розыскной деятельности / С.М. Ховако // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2021. – № 3. – С. 85–91.

5. Ерахмилевич, В.В. Некоторые вопросы методики расследования развратных действий, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-ресурсов / В.В. Ерахмилевич // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2018. – № 6. – С. 222–226.

6. Что такое сниффер и как не лишиться данных после покупок в интернете [Электронный ресурс] // rbc.ru. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60f6c2af9a7947fc32ae0a91/>. – Дата доступа: 28.05.2023.

7. Иванов, В.Ю. Использование osint в раскрытии и расследовании преступлений / В.Ю. Иванов // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. – 2023. – № 1. – С. 62–66.

8. Боровик, П.Л. Интернет-разведка на основе открытых источников (OSINT): сущность, методология, обзор инструментария / П.Л. Боровик // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией : респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ. Беларусь И.И. Басецкого (Минск, 4 июня 2021 г.) : тез. докл. / учреждения образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 23–26.

УДК 343.1(476)

Е.А. Юшкевич, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Бачила*

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Существует две основных модели конституционной юрисдикции – американская и европейская. Обе они имеют свои особенности и отличия, но в то же время есть и ряд сходных аспектов.

Рассуждая о судебной власти, А. Гамильтон писал: «Собственная задача суда заключается в толковании права. По сути своей конституция – это фундаментальное право (fundamentallaw), и судьи должны рассматривать ее именно как таковое. Следовательно, они обязаны устанавливать ее смысл точно так же, как они устанавливают смысл любых правовых актов, изданных законодательной властью. Если же между законодательными актами существует непреодолимое противоречие, то предпочтение должен получать тот закон, который обладает высшей юридической силой и значимостью более высокого уровня». Эти воз-

зрения А. Гамильтона были отнюдь не новы для своего времени и опирались на практику американских судов колониального периода [3].

Через 15 лет после выступления А. Гамильтона Верховный суд Соединенных Штатов Америки (США) использовал такие рассуждения для аргументации знаменитого решения по делу *Marbury v. Madison*. В частности, судья Джон Маршалл заявил: «Это положение слишком очевидно, чтобы можно было его оспаривать: либо конституция подавляет любой законодательный акт, который ей противоречит, либо простой акт законодательства может изменить конституцию. Третьего не дано. Либо конституция – это право наивысшего ранга (Superior paramount law), которое нельзя изменить обычным законодательством, либо она стоит на одном уровне с обычными законами и наравне с другими актами может быть изменена в случае принятия соответствующего закона. Если верно первое из этих взаимоисключающих суждений, то законодательный акт, противоречащий конституции, – это не закон. Если истинно второе суждение, то писанные конституции – это бессмысленные попытки народа ограничить власть, которая по своей природе является неограниченной». Подобная аргументация лежит в основе конституционной юрисдикции, судебного контроля за конституционностью законов, который с 1803 г. осуществляется Верховным судом США [3].

Во время этого периода многие европейские страны переживали период политической и социальной нестабильности, что могло затруднить создание конституционных судов и их эффективную работу.

Опираясь на анализ формирования конституционной юрисдикции в разных странах и ее правовое поле функционирования, можно выделить следующие моменты:

- исторический аспект;
- роль Конституционного суда;
- компетенция Конституционного суда;
- гарантии.

1. Исторический аспект. В основу американской модели конституционной юрисдикции положена судебная деятельность, основанная на Конституции США, принятой в 1787 г. С 1803 г. Верховный суд США наделен определенными полномочиями осуществления конституционной юрисдикции и первоначально строился на принципах федерализма и разделения властей. Однако стоит обратить внимание на то, что Конституция США не предусматривает существования самостоятельного института конституционного контроля, поэтому в США существует традиционная (американская) система конституционного контроля.

Следует отметить, что в США в тот период институт конституционного контроля еще не был разработан. Судебная власть, указанная

в Конституции, строилась на основе федерального суда, который был предназначен для разрешения споров между штатами и рассмотрения дел, связанных с Конституцией и законами, принятыми Конгрессом.

Обращаясь к разработчикам конституции, таким как А. Гамильтону и Д. Мэдисону, можно констатировать, что они формировали власть США с учетом «спектра политической власти», в котором исполнительная, законодательная и судебная власти функционируют дополняя друг друга и стремятся обеспечить баланс между ними. Следовательно, в то время не было необходимости создавать отдельный институт конституционного контроля, так как судебная власть уже играла решающую роль в разрешении конституционных споров.

В настоящее время функции по осуществлению конституционного контроля предоставлены Верховному суду страны и верховным судам штатов.

Конституция США 1787 г. является основным законом уже на протяжении 236 лет, и за указанный срок этот документ подвергся внесению ряда существенных поправок. Принцип разделения властей продекларирован в ст. 1, разд. 1 [2].

Судебная власть раскрывается в ст. 3. В ней говорится, что судебная власть США осуществляется Верховным судом. Таким образом, Верховный суд является единственным федеральным судом, учреждение которого прямо предписано Конституцией.

В свою очередь, в Европе многие страны имеют свои собственные конституционные суды, которые регулируют судопроизводство в соответствии с конституционными стандартами. Конституционный суд отделен от остальных ветвей власти и защищает независимость судей. Рассматриваемая модель конституционного контроля была создана благодаря выдающемуся юристу Гансу Кельзену. Именно Кельзен является основоположником концепции Конституционного суда и конституционного контроля, основателем и судьей первого Конституционного суда (Австрия).

Одним из первых в мире отдельным от остальной системы правосудия является Конституционный суд Австрии, образованный в 1920 г. Практически в это же время образуется Конституционный суд Чехословакии.

Суды европейской модели конституционного контроля получили свое развитие, в основном только после Второй мировой войны, когда укоренилась концепция специальной конституционной юстиции.

В 1947 г. создается Конституционный суд Италии. За ним в 1951 г. образовывается Конституционный суд Федеративной Республики Германия. В 1958 г., сразу после принятия Конституции Пятой Республики,

учреждается Конституционный Совет Франции. Конституционный Суд Бельгии был создан в 1980 г. в процессе федерализации страны и окончательно сформировался в 1984 г. С 1945 по 1990 г. конституционные суды Европы стали играть важную роль в защите свобод и прав граждан и ограничении власти государственных органов.

В связи с происшедшими геополитическими изменениями на постсоветском пространстве были образованы: Конституционный Суд Российской Федерации (1991 г.), Конституционный Суд Украины (1992 г.), Конституционный Суд Республики Казахстан (1992 г.), Конституционный суд Кыргызской Республики (1993 г.), Конституционный Суд Республики Беларусь (1994 г.), Конституционный Суд Республики Армения (1995 г.), Конституционный Суд Азербайджанской Республики (1998 г.) и др.

Ключевым элементом европейской модели конституционного судопроизводства является судебный контроль законов и актов власти на соответствие конституции и международным стандартам прав человека. Конституционные суды в европейских странах в разной степени могут отменять и изменять законы и решения властей, нарушающие права и свободы граждан, обеспечивать право граждан на справедливое судебное разбирательство.

2. Роль Конституционного суда. Верховный суд является высшей судебной инстанцией в США по всем делам и спорам, возникающим в соответствии с Конституцией или законами США. Как конечный арбитр закона, Суд обязан гарантировать американскому народу обещание равного правосудия в соответствии с законом и, таким образом, также выполняет функции хранителя и толкователя Конституции [1].

В европейской модели Конституционный суд опирается на взаимосвязь принципов верховенства Конституции и верховенства парламента. Конституционные споры рассматриваются специальными конституционными судами с участием судей, имеющих специальную квалификацию. Это централизованный и, как правило, абстрактный конституционный контроль. Судебные решения имеют обязательную силу.

3. Компетенция Конституционного суда. В Америке Верховный суд рассматривает конституционные вопросы, когда они возникают в рамках рассмотрения других дел. Полномочия Верховного суда заключаются в толковании норм Конституции, проверке на конституционность законодательных актов США и штатов и соответствие Конституции нормативных актов исполнительной власти, издании судебных прецедентов. В то время как в Европе Конституционный суд отдельно рассматривает конституционные вопросы.

Конституционный суд играет важную роль в судебной системе. Он рассматривает конституционные жалобы и оспаривает законы, которые противоречат Конституции.

4. Гарантии. В американской модели Верховный суд ограничивает власть законодателей и исполнительной власти, в то время как в Европе все государственные органы являются обязанными следовать решениям конституционных судов.

В общем и целом европейская модель конституционного судопроизводства основана на принципах гарантий прав и свобод граждан, и ограничения власти. В рамках этой модели Конституционный суд играет ключевую роль в защите этих принципов и страны, принимая ее в свою систему правосудия, обеспечивают справедливость, условие для развития гражданского общества и соблюдение прав человека.

Следует также отметить, что европейские конституционные суды тесно связаны с Европейским судом по правам человека, который имеет важную роль в защите прав человека и основных свобод в Европе. В США нет такого аналога, и защита прав человека осуществляется главным образом через конституционное судопроизводство Верховного суда.

В Европе конституционные суды называются по-разному: (например, Федеральный Конституционный суд ФРГ, Конституционный совет во Франции, Конституционный трибунал в Польше и др.). В каждой из этих стран Конституционный суд состоит из группы судей, которых назначает правительство или выбирает парламент.

Требования к судьям конституционных судов также могут различаться в зависимости от страны. В целом судьи должны быть высококвалифицированными юристами с опытом работы в судебной системе. Они должны быть независимыми от политических влияний и не подвержены давлению со стороны правительства или других государственных органов.

Количество судей в конституционных судах Европы также может различаться. Некоторые из них имеют небольшое количество судей, например, 9–12. Самыми многочисленными конституционными судами являются конституционные суды Украины и Российской Федерации, в составе 18 и 19 судей соответственно. Малочисленным является Конституционный суд Молдовы, где работают шесть судей.

Конституционные суды Европы играют важную роль в защите прав и свобод граждан, обеспечивая независимое и беспристрастное толкование конституционных норм и принципов. Они являются ключевым элементом европейской модели конституционного суда и продолжают развиваться и совершенствоваться в соответствии с изменяющимися потребностями и вызовами времени.

В США Верховный суд состоит из девяти судей, которых назначает президент и утверждает Сенат. Судьи в США служат на пожизненной основе. Конституция США не предусматривает каких-либо требований для назначения судей, поэтому это является предметом политических дебатов. Тем не менее в целом судей назначают на основе их опыта, профессиональных квалификаций и лояльности определенной политической партии. В соответствии со ст. III разд. 1 судьи как верховного, так и нижестоящих судов занимают свои должности, пока ведут себя безупречно, и в установленные сроки получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено во время пребывания на должности [2].

Судьи играют важную роль в определении, как правильно применять Конституцию в конкретных случаях.

В обоих регионах судьи выполняют роль защитников конституционных прав и свобод граждан. Они рассматривают конституционные вопросы и принимают решения, которые влияют на законодательство и правоприменительную практику. Однако европейские конституционные суды играют более активную роль в изменении Конституции, в то время как американские склонны к более консервативным взглядам на изменение Конституции.

Конституционные суды Европы занимаются рассмотрением жалоб на нарушения конституционных прав и свобод, а также проверяют соответствие законов и действий властей Конституции. В отличие от Верховного суда США, конституционные суды не имеют права отменять законы, однако они могут давать толкование Конституции и указывать на несоответствия законов ей. В европейской модели конституционного контроля также существуют другие инструменты защиты конституционных прав, например, петиции к судам общей юрисдикции или механизмы контроля со стороны международных организаций.

Верховный суд США рассматривает жалобы на нарушения конституционных прав. Судьи Верховного суда проводят тщательный анализ Конституции и других законов, чтобы определить, соответствуют ли они конституционным принципам. Если Суд приходит к выводу, что закон нарушает Конституцию, он может объявить его недействительным. Это означает, что закон не может быть применен в будущем и должен быть изменен или отменен. Верховный суд также имеет право объявлять недействительными действия исполнительной и законодательной власти, если они нарушают Конституцию.

Подводя итоги, можно отметить, что общая роль конституционных судов в Европе состоит в том, чтобы защищать права и свободы граждан, обеспечивать законность и контролировать действия государствен-

ных органов. Они являются важной частью демократического правового государства и способствуют его развитию и укреплению.

Верховный суд США также играет важную роль в защите прав и свобод граждан. Он является высшим судебным органом США, ответственным за толкование Конституции и рассмотрение жалоб на нарушения конституционных прав. Судьи Конституционного суда назначаются президентом США и подтверждаются Сенатом. Он продолжает развиваться и совершенствоваться.

Американская и европейская модели конституционного суда имеют свои уникальные характеристики и подходы к решению правовых вопросов. Отличительной чертой американской модели является система разделения властей и представления различных интересов в судебных процессах. В европейской модели большее внимание уделяется поддержанию социальной справедливости и защите общественных интересов.

Несмотря на эти различия, обе модели активно функционируют и продолжают взаимодействовать и сближаться в различных аспектах. Однако выбор конкретной модели зависит от целей, задач и ситуации в конкретной стране.

Таким образом, важно знать основные отличия между этими моделями и понимать, как они работают, чтобы выбрать ту, которая наиболее подходит для конкретных условий и целей. В конечном итоге обе модели направлены на создание стабильной и справедливой системы правосудия, которая защищает права и свободы граждан и обеспечивает общественный порядок.

Список использованных источников

1. Верховный Суд Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/>. – Дата доступа: 22.05.2023.
2. Конституция Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 25.05.2023.
3. Конституция – основной закон государства [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <https://rubyskynews.com/index.php/2021/06/10/konstituciya-osnovnoj-zakon-gosudarstva/>. – Дата доступа: 25.05.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Аббасова А.С.</i> Происхождение и становление денег: экономико-правовые аспекты	3
<i>Аббасова А.С.</i> Цифровая валюта как объект гражданских правоотношений: проблемы теории и практики	10
<i>Бернацкий И.Ю.</i> Оптимизация законодательства в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации	16
<i>Бернацкий И.Ю.</i> Тактические особенности производства допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в современных условиях	21
<i>Вергей Н.Д.</i> Развитие правового регулирования национального сегмента сети Интернет	26
<i>Ерофеев К.А.</i> Генезис развития законодательства в сфере особо охраняемых природных территорий и их охраны	32
<i>Зык Д.Д.</i> О некоторых вопросах криминалистического исследования зашифрованной информации	38
<i>Климов И.Д.</i> Стабильность и устойчивость экономической системы как гарантия национальной безопасности	44
<i>Климович А.В.</i> Ретроспективный анализ уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка	52
<i>Куницкий В.М.</i> О законодательной регламентации наказания в виде общественных работ, применяемых к несовершеннолетним	60
<i>Молодых В.А.</i> Утрата гражданства как способ реализации принципа неотвратимости наказания	64
<i>Мосийчук А.Н.</i> Правовое обеспечение информационно-коммуникативной деятельности в системе управления органов внутренних дел	68
<i>Новик Т.В.</i> Совершенствование правового регулирования времени отдыха в Республике Беларусь	78
<i>Печенко И.А.</i> Интернет-аккаунт как объект наследственных прав	83
<i>Проскуров К.В.</i> Основные направления предупреждения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних	88
<i>Протацук П.И.</i> Противодействие коррупции в условиях цифровизации	94
<i>Сакович Г.Б.</i> Коррупционная сделка в системе недействительных сделок: проблемы нормативного закрепления в законодательстве Республики Беларусь	100
<i>Самойло В.А.</i> Об установлении предмета преступного посягательства по делам о легализации преступных доходов, осуществляемой с использованием криптовалют	106
<i>Свитич Ю.Ю.</i> Специальные основания освобождения от уголовной ответственности за преступления террористической направленности	112

<i>Сергейчик Д.С.</i> Генезис института соучастия в преступлении	117
<i>Соболевский П.С.</i> Правовое регулирование деятельности по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в Республике Беларусь	125
<i>Шевчук Е.В.</i> О понятии «электронные доказательства» в уголовном процессе Республики Беларусь	134
<i>Шемет А.А.</i> О некоторых вопросах характеристики личности преступника, совершающего мошенничество в сети Интернет	140
<i>Яцкевич Е.И.</i> Отдельные направления совершенствования ресоциализации осужденных к лишению свободы на определенный срок	146

КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ АКАДЕМИИ МВД В 2023 г.

Статьи победителей и призеров

<i>Аббасова А.С.</i> Исторический аспект и перспективы развития тюрем на территории Республики Беларусь	153
<i>Аббасова А.С.</i> Конституционный контроль в Республике Беларусь – сравнительно-правовой анализ и пути совершенствования	159
<i>Белоглазов А.И.</i> Прокурор в уголовном процессе: понятие и статус	165
<i>Бут-Гусаим Н.С.</i> Правовые и организационно-тактические особенности проведения допроса	170
<i>Варванович А.С.</i> Понятие и сущность цифровых следов	177
<i>Вергей Н.Д.</i> Оперативно-розыскная характеристика преступлений в финансово-кредитной сфере	183
<i>Вергей Н.Д.</i> Сущность и содержание информационно-аналитической работы органов внутренних дел в сети Интернет	188
<i>Войницкий А.А.</i> Применение видеоконференцсвязи при проведении допроса	195
<i>Вульвич И.А.</i> Организационно-тактические аспекты раскрытия грабежей и разбоев	200
<i>Гаркуша Ю.Н.</i> Использование специальных знаний в ходе противодействия хищениям горюче-смазочных материалов	207
<i>Ерфеев К.А.</i> Международный опыт в сфере охраны и использования особо охраняемых природных территорий	214
<i>Земко Н.Д.</i> О важности социального обследования лица, совершившего преступление, для выбора наиболее оптимальной меры уголовно-правовой репрессии	218
<i>Зык Д.Д.</i> О некоторых вопросах использования криптографических методов защиты информации	223
<i>Киренко А.В.</i> Институт освобождения от административной ответственности: история и современность	230

<i>Климов И.Д.</i> Государственные закупки как объект финансовой безопасности государства	234
<i>Климович А.В.</i> Назначение экспертиз при расследовании убийства матерью новорожденного ребенка	241
<i>Ковальчук М.В.</i> Конституционно-правовое регулирование права собственности в условиях цифровизации экономики	247
<i>Куницкий В.М.</i> Исправительные работы как вид наказания, применяемый к несовершеннолетним	253
<i>Мосийчук А.Н.</i> Организационно-структурное обеспечение информационно-коммуникативной деятельности в системе управления органами внутренних дел	256
<i>Мурзич Н.Е.</i> О необходимости установления административной ответственности за возмездное использование сексуальными услугами	264
<i>Новик Т.В.</i> Становление и развитие правового регулирования времени отдыха в Республике Беларусь	269
<i>Рудько М.В.</i> Признаки преступлений в отношении товарно-материальных ценностей, совершаемых в торговой отрасли	276
<i>Сакович Г.Б.</i> Гражданско-правовые аспекты в обеспечении комплексного подхода противодействию коррупции	283
<i>Саяркина А.Д.</i> Институт апелляции жалобы в Республике Беларусь	289
<i>Сергейчик Д.С.</i> Объективные признаки института соучастия	294
<i>Сергейчик Д.С.</i> Особый порядок применения меры пресечения к несовершеннолетним	300
<i>Синькевич Н.А.</i> Административная ответственность за административное правонарушение, предусмотренное ч. 5 ст. 12.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях	305
<i>Слащинин О.А.</i> Использование систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при проведении отдельных процессуальных действий с участием лиц, находящихся на территории иностранного государства	312
<i>Соболевский П.С.</i> Пути совершенствования деятельности по противодействию незаконным поставкам наркотиков в контексте ее оперативно-розыскной характеристики	318
<i>Турко К.В.</i> Об институте закупок за счет собственных средств: понятие, виды, субъекты	322
<i>Шевчук Е.В.</i> Об электронных доказательствах в уголовном процессе США и смежных с уголовным процессом отраслях права Республики Беларусь	328
<i>Шемет А.А.</i> Актуальные способы мошенничества в сети Интернет	334
<i>Шкарбун Г.В.</i> Перспективы совершенствования деятельности следственных изоляторов	340
<i>Шкарбун Г.В.</i> Современные способы установления личности преступника, совершившего развратные действия в отношении несовершеннолетнего с использованием сети Интернет	345
<i>Юшкевич Е.А.</i> Модели конституционной юрисдикции	350

Научное издание

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Выпуск 8

Подписано в печать 22.09.2023. Формат 60×84^{1/16}.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.